РУССКІЕ ПРОПИЛЕИ

ТОМЪ I

МАТЕРІАЛЫ
ПО ИСТОРІИ
РУССКОЙ МЫСЛИ
И
ЛИТЕРАТУРЫ

СОБРАЛЪ И ПРИГОТОВИЛЪ КЪ ПЕЧАТИ
М. ГЕРШЕНЗОНЪ

МОСКВА
ИЗДАНІЕ М. и С. САБАШНИКОВЫХЪ
1915

Б. Мигрохинъ.

Дорогому Сер. Ник. Булгакову
от М. Гершензона

РУССКІЕ ПРОПИЛЕИ

ТОМЪ I

МАТЕРІАЛЫ
ПО ИСТОРІИ
РУССКОЙ МЫСЛИ
И
ЛИТЕРАТУРЫ

СОБРАЛЪ И ПРИГОТОВИЛЪ КЪ ПЕЧАТИ
М. ГЕРШЕНЗОНЪ

МОСКВА
ИЗДАНІЕ М. и С. САБАШНИКОВЫХЪ
1915

ПРОФ

БИБЛИОТЕКА
ГОСУДАРСТВЕННОГО
41376

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
Москва—1915.

Согласно плану настоящаго изданія, оно должно содержать въ себѣ исключительно неизданные ранѣе матеріалы; отступленіе составляютъ въ этомъ первомъ томѣ письма Н. А. Герценъ, въ отрывкахъ извѣстныя уже и раньше, но впервые сообщаемыя здѣсь полностью, и забытыя стихотворенія Я. П. Полонскаго, отнесенныя, какъ перепечатка, въ Приложеніе. Во всѣхъ печатаемыхъ текстахъ строго сохранена орѳографія подлинниковъ.

Мы обязаны глубокой благодарностью лицамъ, оказавшимъ намъ содѣйствіе какъ сообщеніемъ печатаемыхъ здѣсь матеріаловъ, такъ и цѣнными указаніями или личной помощью, въ особенности Е. Н. Орловой, Н. Н. Сатиной, Л. И. Стасюлевичъ, С. И. Кирѣевскому, М. К. Лемке, С. Ѳ. Ольденбургу, В. И. Срезневскому и М. А. Цявловскому.

15 февраля 1915 г.

I.

Письма кн. М. Н. Волконской изъ Сибири

1827—1831 гг.

Печатаемыя здѣсь отчасти съ подлинниковъ, отчасти съ копій письма кн. Маріи Николаевны Волконской адресованы въ большинствѣ ея свекрови, статсъ-дамѣ и оберъ-гофмейстеринѣ кн. Александрѣ Николаевнѣ Волконской, частью же — сестрѣ мужа, кн. Софьѣ Григорьевнѣ Волконской, бывшей замужемъ за министромъ двора, кн. П. М. Волконскимъ. Письма эти обнимаютъ время съ февраля 1827 г. по октябрь 1831-го, но съ большими пробѣлами: пропали всѣ письма за 1828-й и 1830-й годы и часть писемъ за годы 1827-й и 1829-й, какъ это видно по нумераціи уцѣлѣвшихъ. Одно изъ печатаемыхъ здѣсь писемъ (отъ 8 декабря 1829 г.) было въ переводѣ на русскій языкъ напечатано съ пропусками въ „Рус. Стар.“ 1878 г., іюнь, стр. 339. Тамъ-же, на стр. 341-й, напечатано въ русскомъ переводѣ письмо М. Н. Волконской отъ 5 іюля 1829 г. къ свекрови, подлинникъ котораго не сохранился; это письмо мы для полноты перепечатываемъ ниже. Въ той статьѣ г-жи Новосильцевой, гдѣ приведены эти два письма („Рус. Стар.“, тамъ-же, стр. 340), сообщается нѣсколько краткихъ выдержекъ изъ печатаемыхъ нами писемъ, въ общемъ строкъ 15.

Выѣхавъ изъ Москвы 27 декабря 1826 года, задержанная въ пути еще на десять дней въ Иркутскѣ, Марія Николаевна 8 февраля 1827 г. уже была въ Большомъ Нерчинскомъ заводѣ: быстрота, неслыханная для того времени. На Благодатскій рудникъ она прибыла, повидимому, 11 февраля, и отсюда, черезъ нѣсколько часовъ послѣ перваго свиданья съ мужемъ[1], написала 12-го первое изъ печатаемыхъ здѣсь писемъ,

[1] См. ниже, письмо 26 іюня 1827 г. къ золовкѣ, кн. С. Г. Волконской.

за № 2 (№ 1 вѣроятно писанъ былъ съ дороги, скорѣе всего—изъ Иркутска). Ея мужъ, С. Г. Волконскій, былъ привезенъ на Благодатскій рудникъ за $3^1/_2$ мѣсяца до этого, въ концѣ октября 1826 г. Она пріѣхала одновременно съ кн. Е. И. Трубецкой и поселилась вмѣстѣ съ нею.

Маріи Николаевнѣ было въ это время всего 20—21 годъ; съ мужемъ она прожила до его ареста только три мѣсяца, мало знала его и едва-ли страстно любила. Рѣшивъ ѣхать за нимъ, она выдержала въ своей родной семьѣ, какъ извѣстно, трудную борьбу и получила согласіе своего отца, Н. Н. Раевскаго, только подъ условіемъ, что она черезъ годъ вернется. Сына своего, Николая, которому былъ только годъ, она должна была оставить въ Россіи, у свекрови. Отношенія ея съ родными мужа тоже, повидимому, были трудныя; въ то время, какъ отецъ обвинялъ ее въ томъ, что она въ своемъ рѣшеніи подчинялась вліянію „скверныхъ Волконскихъ“, которыя-де „похвалами ея геройству увѣрили ее, что она героиня“ [1],—въ семьѣ Волконскихъ ей „говорили колкости“, даже не позаботились снабдить ее въ достаточномъ количествѣ деньгами на дорогу; свекровь при прощаніи вручила ей какъ-разъ столько денегъ, сколько нужно было заплатить за лошадей до Иркутска, такъ что она должна была заложить свои брилліанты [2]—и еще изъ Сибири ей приходилось оправдываться передъ сестрою мужа въ обвиненіи, что она ѣхала къ нему медленно, что, значитъ, мало его любитъ [3], и еще долго между Волконскими и Раевскими шли какія-то тяжкія для нея пререканія по вопросу объ имущественныхъ дѣлахъ С. Г. Волконскаго и его сына-младенца [4]. Все это угнетало ее, — а ей съ перваго дня сибирской жизни предстала страшная для нея дѣйствительность, которую надо было принять.

Въ своихъ письмахъ она мало сообщаетъ о своей сибирской жизни. По рѣдкимъ ея обмолвкамъ легко понять, какъ ужасала ее эта обстановка; если бы она стала ее описывать такою, какою чувствовала, ея письма не доходили бы по назначенію [5]. Притомъ несомнѣнно гордость не позволяла ей жаловаться, особенно передъ властями; вѣдь ея письма, какъ и письма къ ней, читались въ пути, и даже

---

[1] См. мою „Исторію Молодой Россіи“, М., 1908, стр. 65.

[2] „Записки“ М. Н. Волконской, изд. 2, стр. 16, 20.

[3] См. ниже, письмо къ золовкѣ 26 іюня 1827 г.

[4] См. ниже, письма 2 октября и 6 ноября 1827 г., и переписку старика Раевскаго съ министромъ юстиціи въ 1-мъ томѣ „Архива Раевскихъ“.

[5] См. ниже, письмо 2 октября 1827 г.

неоднократно: она посылала ихъ открытыми коменданту, тотъ пересылалъ гражданскому губернатору, послѣдній отсылалъ ихъ въ Петербургъ, въ III Отдѣленіе, и только отсюда они доставлялись адресату.

А ея жизнь на первыхъ порахъ была дѣйствительно пыткою. Мужа она застала въ кандалахъ, сильно исхудавшимъ и полубольнымъ; осужденные ежедневно съ 5 ч. утра до 11 работали въ подземныхъ шахтахъ, тюрьма, гдѣ они жили, была невѣроятно тѣсна и грязна; свиданія съ женами давались только два раза въ недѣлю. Поселилась М. Н. вмѣстѣ съ Трубецкою въ жалкой лачугѣ противъ тюрьмы, съ дымящейся печью, со слюдой вмѣсто стеколъ; первый годъ она, какъ видно, нуждалась въ средствахъ; горничная, которою ее снабдили Волконскіе, оказалась негодной, и Маріи Николаевнѣ вмѣстѣ съ Трубецкой приходилось самимъ стряпать и на себя, и на мужей, убирать избу, шить и пр.

На Благодатскомъ рудникѣ М. Н. прожила семь мѣсяцевъ: съ 11 февраля до 11 сентября 1827 г. Переселеніе въ Читу значительно улучшило положеніе М. Н.; здѣсь и тюрьма была лучше, и при тюрьмѣ—большой дворъ, гдѣ заключеннымъ позволили развести огородъ, и работа легче (молоть муку на ручной мельницѣ, два раза въ день по 2—3 часа). М. Н. поселилась здѣсь вмѣстѣ съ Трубецкой и Ентальцевой въ одной съ перегородкою комнатѣ въ домѣ дьякона. Первое время свиданія по-прежнему давались два раза въ недѣлю, но потомъ заключеннымъ разрѣшили проводить все свободное время въ квартирахъ ихъ женъ. Всѣми этими льготами заключенные были обязаны, какъ извѣстно, своему гуманному начальнику, генералу С. Р. Лепарскому, часто поминаемому въ письмахъ М. Н. „коменданту“ Нерчинскихъ заводовъ. Въ Читинскомъ острогѣ декабристовъ было около 80, женъ, кажется, восемь. За три года читинской жизни М. Н. понесла три тяжкія утраты: въ январѣ 1828 г. умеръ въ Россіи ея первенецъ, Николай; въ сентябрѣ 1829—ея отецъ, Н. Н. Раевскій; наконецъ, здѣсь же она схоронила дочь Софью, не прожившую и дня. Въ сентябрѣ 1830 г. осужденные были переведены въ Петровскій заводъ, откуда писано послѣднее изъ печатаемыхъ здѣсь писемъ М. Н. [1]—Только здѣсь, повидимому, М. Н. наконецъ получила дозволеніе жить въ тюрьмѣ съ мужемъ, о чемъ она такъ давно хлопотала чрезъ свою свекровь.

[1] Обо всемъ этомъ см. „Записки“ самой М. Н. Волконской, изд. 2, и „Послѣсловіе издателя“ къ „Запискамъ“ С. Г. Волконскаго, изд. 2.

1 [1].

№ 2.

Благодатской рудникъ.
Нерчинскъ.
Ce 12 fevrier 1827.

Chère et bonne Maman, je suis enfin établie dans le même village que mon adoré Serge, c'est beaucoup, mais cependant mon coeur n'est point satisfait. D'abord je ne saurai vous donner une idée de la maigreur et de l'air malade de mon pauvre Mari. Sa santé m'inquiète il a besoin de tous mes soins et je ne puis les lui donner. Non je ne le quitterai point tant que son sort n'ait éprouvé un grand soulagement, je ne donnerai point un regret à mon fils, je ne reviendrai à lui qu'avec l'âme parfaitement tranquille, dusais-je attendre les quatorze ans. — Quelque pénibles que soient les conditions que l'on impose à mon coeur pour prix de mon séjour ici je m'y soumets avec une fidélité religieuse, je ne ferai aucune tentative pour voir mon Mari hors les jours désignés, je dois être reconnaissante pour ce que l'on m'accorde déja pour atteindre le but de mon existence. Oui chère Maman plus mon Mari est malheureux et plus il doit compter sur mon attachement et ma persévérance. Je n'en veux pas à mes parens de ce qu'ils m'aient privé jusqu'ici de la seule consolation que je puis avoir celle de partager le sort de Serge; je sais qu'il est bien plus difficile de souffrir pour son enfant que pour soi-même, et c'est pourquoi je ne me permets pas un murmure; bien au contraire je suis heureuse de leur avoir prouvé que je sais remplir mes devoirs envers eux, j'ai patienté et aussi chacune de mes actions a été accompagnée des bénédictions de mon vénérable Père.—Il me reste maintenant à leur donner les consolations qu'il est dans mon pouvoir de leur procurer encore et c'est pourquoi je désire que mon fils retourne dans ma famille; d'ailleurs le climat de Petersbourg lui est fort nuisible, je n'oublierai jamais tout ce que j'y ai souffert lorsque mon pauvre enfant y a gagné le croupe.

Adieu ma chère Maman, ne communiquez point ma lettre à ma bonne soeur Sophie l'ange consolateur de Serge, elle pourait l'attrister et nuire à sa faible santé. Je compte lui écrire, sous peu, et la tranquilliserai de mon mieux. Chargez-vous chère Maman de mes respects pour

---

[1] Письма за №№ 2, 4, 6, 14, 15 (и 32) по *нашему* счету печатаются съ копій, остальныя — съ подлинниковъ.

mon frère Répnine dites lui que je ne cesserai jamais de voir mon second Père en lui, mille et mille tendresses de ma part à sa respectable femme ainsi qu'à mes chères Neveux et Nièces surtout Varette Répnine.

Votre obéissante fille
Marie Wolkonsky.

(Переводъ.)

Благодатскій рудникъ.
Нерчинскъ.
12 февраля 1827.

Милая и добрая матушка. Я наконецъ водворена въ той самой деревнѣ, гдѣ мой обожаемый Сергѣй; это важно, и тѣмъ не менѣе мое сердце не удовлетворено. Прежде всего, не могу передать вамъ, какъ худъ и какъ болѣзненно выглядитъ мой бѣдный мужъ. Его здоровье меня безпокоитъ, ему нужны всѣ мои заботы, а я не могу отдать ихъ ему. Нѣтъ, я не оставлю его, пока его участь не будетъ значительно облегчена, я не дамъ моему сыну повода раскаиваться, не вернусь къ нему иначе, какъ съ душою совершенно спокойной, хотя бы мнѣ пришлось прождать всѣ четырнадцать лѣтъ [1]. Какъ ни тяжелы для моего сердца условія, которыми обставили мое пребываніе здѣсь [2],—я подчиняюсь имъ съ щепетильной аккуратностью. Я не буду дѣлать никакихъ попытокъ видѣть моего мужа внѣ положенныхъ дней. Я должна быть благодарна и за то немногое, что мнѣ позволяютъ дѣлать для исполненія моей жизненной задачи. Да, милая матушка, чѣмъ несчастнѣе мой мужъ, тѣмъ болѣе онъ можетъ разсчитывать на мою привязанность и стойкость. Я не сержусь на моихъ родителей за то, что они до сихъ поръ лишали меня единственнаго утѣшенія, какое для меня возможно, именно—дѣлить участь Сергѣя; я знаю, что гораздо труднѣе страдать за своего ребенка, нежели за самого себя, и потому я не позволяю себѣ роптать; наоборотъ, я счастлива, что могла показать имъ, какъ я умѣю исполнять свой долгъ по отношенію къ нимъ. Я ждала терпѣливо, и оттого каждое

[1] По смягченію 22 авг. 1826 г. С. Г. Волконскій былъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ на 15 лѣтъ.

[2] Намекъ на подписку, дня за два до этого взятую съ Маріи Николаевны начальникомъ Нерчинскихъ заводовъ, Бурнашевымъ; это обязательство полностью напечатано въ „Послѣсловіи издателя“ къ „Записками“ С. Г. Волконскаго, изд. 2-е, 1902, стр. 461—463.

мое дѣйствіе сопровождалось благословеніями моего досточтимаго отца. Мнѣ остается теперь доставлять имъ тѣ утѣшенія, какія еще въ моей власти,—вотъ почему я хочу, чтобы мой сынъ вернулся въ мою семью. Къ тому-же, петербургскій климатъ ему очень вреденъ; никогда не забуду, что̀ я вынесла тамъ, когда мой бѣдный ребенокъ заболѣлъ крупомъ.

Прощайте, милая матушка, не показывайте моего письма моей доброй сестрѣ Софьѣ [1], ангелу-утѣшителю Сергѣя; оно могло-бы огорчить ее и повредить ея слабому здоровью. Надѣюсь въ скоромъ времени написать ей и, сколько возможно, успокоить ее. Передайте пожалуйста, милая матушка, мой привѣтъ брату Репнину [2]; скажите ему, что я всегда буду чтить въ немъ моего второго отца. Шлю тысячу нѣжныхъ привѣтовъ его почтенной женѣ, такъ же какъ и моимъ милымъ племянникамъ и племянницамъ, особенно Варенькѣ Репниной.

Ваша покорная дочь
Марія Волконская.

2.

№ 5.

Ce 12 mars 1827.
Nertchinsk.

Je viens de recevoir votre lettre du 17 Janvier, chère et bonne Maman et ne saurais vous dire combien ce changement de nourrice m'a effrayé pour mon cher enfant. Je ne me doutais pas qu'il fut aussi malade — votre lettre est cependant bien rassurante chère Maman et surtout les soins admirables que vous donnez à mon pauvre enfant; ma tante m'en parle en grand détail; toutes les lettres sont remplies de votre tendre sollicitude pour Nicolina, de votre active persévérance à veiller à tout ce qui le concerne. Ces preuves constantes de votre tendresse pour Serge m'ont fait verser bien des larmes de reconnaissance; mon coeur sent vivement tout ce qu'il vous doit chère Maman et ne saurait assez vous le dire. Prier que Dieu vous en récompense c'est demander notre bonheur à tous, c'est espérer surtout le bien être de Serge.

---

[1] Кн. С. Григ. Волконская, сестра Сергѣя Григ.

[2] Братъ Сергѣя Григ. Волконскаго, кн. Николай Григ., принявшій въ 1801 г. по Высочайшему указу, за прекращеніемъ рода своей матери, фамилію Репнина.—Его жена, упоминаемая далѣе,—Варвара Алексѣевна, рожд. графиня Разумовская.—Варенька Репнина — ихъ дочь, кн. Варв. Ник. Р., извѣстная своей позднѣйшей дружбою съ Гоголемъ и Шевченкой.

Je vous en supplie chère Maman de mettre plus d'exactitude à lui écrire, la vue seule de votre écriture est une consolation pour lui; il en jouit rarement vu que la lettre que je lui ai fait tenir est la seule qu'il ait reçue depuis bien longtems. Il la relit sans cesse en l'arrosant de ses larmes. Sa santé est assez bonne pour le moment, qu'il me tarde de lui vouer tous mes soins, car je ne puis me dissimuler qu'ils lui sont indispensables. Mon coeur se brise à l'idée que ce moment sera plus reculé que je ne pense, si je pouvais le voir tous les jours mon courage ne me manquerait jamais, la vue de sa parfaite résignation, de son retour sur lui-même me donne tant de force—je vous quitte chère Maman que Dieu vous soutienne.

Votre obéissante fille
Marie Wolkonsky.

(Переводъ.)

12 марта 1827.
Нерчинскъ.

Я только-что получила ваше письмо отъ 17 января, милая и добрая матушка, и не могу вамъ сказать, какъ эта перемѣна кормилицы испугала меня за мое дорогое дитя. Я не подозрѣвала, что онъ былъ кромѣ того и боленъ. Однако ваше письмо довольно успокоительно, милая матушка, и въ особенности—неоцѣненная заботливость, съ какою вы относитесь къ моему бѣдному ребенку. Моя тетя пишетъ мнѣ объ этомъ очень подробно; всѣ ея письма полны разсказовъ о вашемъ нѣжномъ уходѣ за Николинькой, о вашемъ бдительномъ надзорѣ за всѣмъ, что его касается. Эти непрерывныя доказательства вашей любви къ Сергѣю не разъ заставляли меня плакать слезами благодарности; мое сердце живо чувствуетъ, сколь многимъ оно обязано вамъ, милая матушка, и не въ силахъ выразить вамъ всего. Молить Бога, чтобы Онъ вознаградилъ васъ, это значитъ просить счастья для насъ всѣхъ, и прежде всего—уповать на то, что Сергѣй будетъ благополученъ.

Умоляю васъ, милая матушка, пишите ему исправнѣе; уже одинъ видъ вашего почерка—утѣшеніе для него, а какъ рѣдко оно выпадаетъ на его долю, вы можете судить по тому, что на протяженіи довольно долгаго времени онъ получилъ только то одно письмо, которое я передала ему. Онъ перечитываетъ его безпрестанно, орошая слезами. Его здоровье сейчасъ довольно хорошо. Съ нетерпѣніемъ жду возможности посвятить ему всѣ мои заботы, потому что

не могу скрыть отъ себя, что онѣ ему необходимы. Мысль о томъ, что эта минута, можетъ быть, дальше, чѣмъ я думаю, разрываетъ мнѣ сердце; если бы я могла видѣться съ нимъ каждый день, мужество никогда не покидало бы меня; видъ его полной покорности, его сосредоточенности въ самомъ себѣ такъ укрѣпляетъ меня!—Я должна кончить, милая матушка. Да поддержитъ васъ Богъ.

Ваша покорная дочь
Марія Волконская.

3.

№ 7.

Ce 26 Mars 1827.
Nertchinsk.

Chère et bonne Maman, voici près de quinze jours que je n'ai plus de vos nouvelles ni de celles de notre chère Sophie et de mon enfant; ce retard ne m'inquiète point, je l'attribue à des circonstances locales, mais il m'afflige vivement; combien une lettre de vous, de Repnine, aurait fait de bien à notre pauvre Serge. Il a besoin des témoignages de votre tendresse plus que jamais, ses nerfs depuis quelque tems sont dans un dérangement complet et le mieux dont je me réjouissais tant dans mes dernières lettres, n'était que momentané car ses maux de poitrine lui sont revenus avec plus de force encore. Chère Maman il a beau vouloir me cacher tout ce qu'il souffre il m'a suffi de le voir deux fois la semaine dernière pour m'en faire une juste idée. Jugez de ce que je dois éprouver de ne pouvoir lui donner des soins moi-même.

Dieu veuille que vous soyez plus tranquille à l'égard de Sophie.

Dites-lui, chère Maman, que la date de sa lettre m'a fait un grandissime plaisir. Je ne suppose point que les miennes lui arrivent aussi franchement; cela me désole véritablement, sa santé demande tant de ménagements, il lui faut surtout de bonnes nouvelles de Serge. J'ai fait mon possible de lui en donner jusqu'ici; dites-moi, chère Maman, si mes lettres la tranquillisent? Je tâche de mon mieux d'atténuer tout ce qui regarde la santé de Serge.—Vous ne me dites rien de Répnine que n'arrive-t-il pour soutenir votre courage. Je suis impatiente de le savoir près de vous. Adieu ma bien chère Maman Serge se met à vos pieds, vous baise les mains et bénit son fils comme il le fait à tous les instans de son existence. Chargez vous de ses plus tendres amitiés pour Sophie et pour ma belle soeur Nicolas.

Votre obéissante fille
Marie Wolkonsky.

(Переводъ.)

26 марта 1827.
Нерчинскъ.

Милая и добрая матушка, скоро двѣ недѣли, что я не имѣю ни какихъ свѣдѣній ни о васъ, ни о милой Софьѣ и моемъ ребенкѣ. Это промедленіе не безпокоитъ меня, я приписываю его мѣстнымъ причинамъ, но оно очень огорчаетъ меня. Письмо отъ васъ, отъ Репнина было-бы такъ благотворно для нашего бѣднаго Сергѣя. Болѣе, чѣмъ когда-нибудь, онъ нуждается теперь въ доказательствахъ вашей любви къ нему. Его нервы послѣднее время совершенно разстроены, и улучшеніе, которому я такъ радовалась въ моихъ послѣднихъ письмахъ, было лишь кратковременнымъ, потому что его грудныя боли возобновились еще съ большей силой [1]. Милая матушка, хотя онъ и старается скрыть отъ меня свои страданія, мнѣ было достаточно увидѣть его дважды на прошлой недѣлѣ, чтобы составить себѣ ясное представленіе о нихъ. Судите-же, что я должна чувствовать, не имѣя возможности сама ухаживать за нимъ.—Дай Богъ, чтобы вы были болѣе спокойны насчетъ Софьи.

Скажите ей, милая матушка, что дата ея письма доставила мнѣ величайшее удовольствіе. Не думаю, чтобы мои доходили до нея такъ же свободно; это меня очень огорчаетъ; ея здоровье требуетъ такого вниманія, и прежде всего ей нужны хорошія извѣстія о Сергѣѣ. До сихъ поръ я по возможности старалась доставлять ихъ ей; скажите мнѣ, милая матушка, успокоиваютъ ли ее мои письма. Я всячески стараюсь смягчить все то, что относится до здоровья Сергѣя. — Вы ничего не пишете о Репнинѣ. Почему онъ не ѣдетъ, чтобы поддержать ваше мужество? Съ нетерпѣніемъ жду извѣстія, что онъ съ вами. Прощайте, дорогая матушка. Сергѣй шлетъ вамъ привѣтъ, цѣлуетъ ваши руки и благословляетъ своего сына, какъ во всякую минуту своего существованія. Передайте пожалуйста выраженія его нѣжнѣйшей дружбы Софьѣ и моей невѣсткѣ, женѣ Николая [2].

Ваша покорная дочь
Марія Волконская.

---

[1] 1 апрѣля 1827 г. тюремный надзиратель доносилъ Бурнашеву: „Съ 22-го марта Сергѣй Волконскій былъ нездоровъ простудной горячкой“,—„Записки“ М. Н. Волконской, изд. 2, 1906, стр. 144.

Въ этотъ самый день, 26 марта, Волконскіе имѣли свиданье, ibid., стр. 146.

[2] Варвара Алексѣевна, жена кн. Н. Г. Репнина, см. выше.

№ 9. 4. Ce 9 Avril 1827.
Nertchinsk.

Nous venons de passer de bien tristes fêtes de Pâques chère et bonne Maman, sans nouvelles de vous ni d'aucun des membres de la famille; pour comble de peines je n'ai point vu Serge le premier jour des fêtes, mon entrevue avec lui n'ayant eu lieu que le lendemain.

La santé de mon pauvre ami est bien languissante; il est nerveux et faible à l'excès. Espérons, chère Maman, du retour du printemps, ses forces lui reviendront avec la belle saison; espérons, car la confiance en Dieu est le dernier sentiment qui abandonne l'homme. Votre long silence commence à m'inquiéter, ne vous lassez pas de nous écrire, chère Maman, sur dix lettres il m'en parviendra toujours trois; et c'est une si grande consolation pour nous que d'avoir de vos nouvelles. Je voudrais surtout avoir des détails sur Sophie, comment va sa santé, celle de mon cher frère Répnine. Dès que mon mari me voit une mine un peu triste il s'imagine que j'ai reçu des nouvelles affligeantes; qu'il me tarde de lui en donner de bonnes de son excellente soeur. Ecrivez-moi bien régulièrement, chère Maman, songez à tout le bien que la vue seule de votre écriture nous cause. Chargez-vous de mes tendres hommages pour mon frère Nicolas ainsi que pour sa femme; je la remercie un million de fois des livres qu'elle me promet. Je les attends avec impatience; il parait que le Gouverneur Général n'est pas de retour à Irkoutsk.— Adieu ma bien chère Maman. Serge vous baise les mains, il embrasse bien tendrement son frère Répnine qu'il ne cesse de remercier et de bénir des preuves réelles qu'il lui a données de son amitié pour lui.

Votre obéissante fille
Marie Wolkonsky.

Aimez Nicolina comme vous aimez Serge, c'est tout ce que je vous demande.

(Переводъ.)

9 апрѣля 1827.
Нерчинскъ.

Мы грустно провели праздникъ Пасхи, милая и добрая матушка, безъ извѣстій отъ васъ и отъ кого-либо изъ членовъ семьи; въ довершеніе горя я не видѣла Сергѣя въ первый день праздниковъ,— мое свиданье съ нимъ состоялось только на другой день.

Здоровье моего бѣднаго друга очень слабо; онъ нервенъ и безси-

ленъ до крайности. Будемъ надѣяться, милая матушка, на предстоящую весну,—съ наступленіемъ теплаго времени силы, можетъ быть, вернутся къ нему; будемъ надѣяться, потому что упованіе на Бога есть то чувство, которое послѣднимъ покидаетъ человѣка. Ваше долгое молчаніе начинаетъ меня безпокоить; не лѣнитесь писать намъ, милая матушка; изъ десяти писемъ хоть три все-таки дойдутъ до меня, а для насъ такое большое утѣшеніе получать отъ васъ извѣстія. Я хотѣла бы въ особенности подробно знать о Софьѣ; какъ ея здоровье и здоровье милаго брата Репнина? Какъ только мой мужъ видитъ на моемъ лицѣ сколько-нибудь грустное выраженіе, ему тотчасъ мерещится, что я получила печальныя извѣстія; поэтому мнѣ хотѣлось бы поскорѣе сообщить ему добрыя вѣсти о его славной сестрѣ. Пишите мнѣ исправно, милая матушка, помните, что уже одинъ видъ вашего почерка дѣйствуетъ на насъ благотворно. Передайте мой сердечный привѣтъ брату Николаю и его женѣ; милліонъ разъ благодарю ее за обѣщаніе прислать мнѣ книгъ. Жду ихъ съ нетерпѣніемъ. Генералъ-губернаторъ повидимому еще не вернулся въ Иркутскъ. Прощайте, милая матушка. Сергѣй цѣлуетъ ваши руки и нѣжно обнимаетъ брата Репнина, котораго неустанно благодаритъ и благословляетъ за вещественныя доказательства, которыми онъ засвидѣтельствовалъ свою дружбу къ нему.

Ваша покорная дочь
Марія Волконская.

Любите Николиньку, какъ вы любите Сергѣя,—вотъ все, чего я прошу у васъ.

№ 11.

5.

Ce 24 Avril 1827.
Nertchinsk.

Vous donner des nouvelles de Serge, est ce qui peut vous apporter quelque faible consolation d'être séparée de lui, chère et bien aimée Soeur; je tacherai de vous donner des détails sur lui, afin de vous tranquilliser au moins sur la situation de son âme. Chère Soeur vous n'avez jamais douté de la force de l'attachement que je lui porte, mais la vue de sa malheureuse position, les sentimens de répentir religieux aux quels son coeur s'est livré avec tant de bonne foi et de ferveur, l'attachement reel et si plein d'abnégation de soi-même qu'il porte à tous les

siens—sans vouloir admettre qu'il en est, qui ont des torts envers lui—le sacrifice entier de lui-même qu'il m'a prouvé en voulant renoncer à la dernière consolation qu'il ait sur cette terre celle de m'avoir près de lui, en un mot tant de sentimens généreux et respectables augmentent mon adoration pour lui. Je ne saurai être heureuse et tranquille que près de mon pauvre ami—et malgré ce qu'il s'efforce de me persuader, ma présence en ce moment près de lui est mon premier devoir—non pour soigner son moral, dont la force doit me servir d'exemple, mais son physique qui est tellement afaibli par tant de cruelles épreuves, et qui certes doit se détruire de plus en plus par l'existence journalière à la quelle son malheureux et coupable égarement l'a condamné.

Avoir par moi de vos nouvelles, chère Soeur, est une necessité pour lui, et nous voila privés de vos lettres depuis un mois; les inquietudes de Serge à votre égard n'ont plus de bornes, et malgré que je m'efforce de le calmer j'avoue que je les partage.—Plus que jamais, et je vous le répete avec jalousie, son existence tient à la vôtre. Ecrivez-nous donc, avec la plus grande exactitude, parlez-nous de votre santé de celle de notre pauvre enfant; je ne dois point me livrer à mes inquietudes pour lui, car si je n'en reçois pas de nouvelles Catherine Troubetskoy n'a plus de lettres non plus; ce retard me désole mais je ne désespère point encore, je l'attribue à la fonte des neiges. Adieu ma bonne et excellentissime Soeur, que Dieu vous rende la santé et le repos.

Votre soeur tendrement attachée
Marie Wolkonsky.

Dites à Maman que je lui baise les mains avec une tendresse que je tenterai en vain d'exprimer. Je bénis mon pauvre Nicolina du fond de mon coeur, je ne me permets jamais un soupir un regret pour lui, s'i m'en échappe c'est bien involontairement.

[Чужимъ почеркомъ:]

Писма все идутъ исправно толко весенная распутица остановила скорость почтъ.[1]

---

[1] Эта и дальнѣйшія приписки сдѣланы вѣроятно Лепарскимъ, чрезъ руки котораго шли эти письма.

(Переводъ.)

24 апрѣля 1827.
Нерчинскъ.

Сообщать вамъ извѣстія о Сергѣѣ—это одно можетъ сколько-нибудь утѣшать васъ въ разлукѣ съ нимъ, милая и дорогая сестра. Постараюсь написать вамъ о немъ подробно, чтобы успокоить васъ по крайней мѣрѣ относительно его душевнаго состоянія. Милая сестра [1], вы никогда не сомнѣвались въ моей глубокой привязанности къ нему, но его несчастное положеніе, чувство религіознаго раскаянія, которому отдалось его сердце такъ искренно и горячо, его неподдѣльная и полная глубокаго самоотреченія привязанность ко всѣмъ своимъ, устраняющая всякую мысль о томъ, чтобы кто-нибудь изъ нихъ могъ быть виновенъ предъ нимъ, полное самопожертвованіе, которое онъ обнаружилъ тѣмъ, что хотѣлъ отказаться отъ послѣдняго утѣшенія, какое остается у него на землѣ,—имѣть меня подлѣ себя, словомъ, всѣ эти благородныя и достойныя уваженія чувства заставляютъ меня еще болѣе обожать его. Я могу быть счастлива и покойна только возлѣ моего бѣднаго друга, и вопреки всему, въ чемъ онъ старается меня увѣрить, мой первый долгъ въ настоящее время—быть при немъ, не для того, чтобы укрѣплять его духъ, сила котораго должна служить мнѣ примѣромъ, но для заботъ о его здоровьѣ, которое такъ ослаблено всѣми этими жестокими испытаніями и которое несомнѣнно должно съ каждымъ днемъ все болѣе разрушаться при томъ образѣ жизни, на который онъ обреченъ изъ-за своего несчастнаго и преступнаго заблужденія.

Имѣть чрезъ меня извѣстія о васъ, милая сестра,—для него насущная потребность, а мы, вотъ уже мѣсяцъ, лишены писемъ отъ васъ. Безпокойство Сергѣя о васъ дошло до крайней степени, и хотя я стараюсь успокоивать его, но, признаюсь, и я раздѣляю его тревоги.—Повторяю вамъ съ ревностью, болѣе чѣмъ когда-нибудь его существованіе теперь связано съ вашимъ. Поэтому пишите намъ какъ можно исправнѣе, извѣщайте насъ о вашемъ здоровьѣ и о здоровьѣ нашего бѣднаго ребенка; я не должна предаваться моимъ страхамъ за него, потому что и Екатерина Трубецкая не получаетъ писемъ, какъ и я; эта задержка мучаетъ меня, но я еще не отчаиваюсь, припи-

[1] Письмо адресовано кн. Софьѣ Григ. Волконской.

сывая ее таянію снѣговъ. Прощайте, милая, чудная сестра, дай Богъ вамъ снова здоровья и спокойствія.

Ваша любящая сестра
Марія Волконская.

Скажите матушкѣ, что я цѣлую ея руки съ нѣжностью, которой я не могла бы выразить. Всѣмъ сердцемъ благословляю моего бѣднаго Николиньку. Я никогда не позволяю себѣ ни вздоха, ни сожалѣнія о немъ, и если порою они вырываются у меня, то по-истинѣ—невольно.

[Дальше чужимъ почеркомъ:]

Писма все идутъ исправно толко весенная распутица остановила скорость почтъ.

№ 12.

6.

Ce 30 Avril 1827.
Nertchinsk.

Privée de lettres de Petersbourg depuis six semaines, vous vous imaginez bien, chère et bonne Maman, que mon inquiétude sur vous, sur mon fils sur tous les vôtres est à son comble; Serge partage mon agonie. Nous mettons notre confiance en Dieu, chère Maman en nous soumettant avec résignation aux nouvelles épreuves qu'il nous impose, pour nous rendre dignes, un jour, de sa clémence infinie. Je ne puis m'expliquer un si long silence et j'adresse des voeux à l'Eternel pour qu'il me tranquillise sur des objets si chers à mon coeur. Dans mes précédentes lettres, tant à vous qu'à ma soeur Sophie, je vous ai donné des nouvelles détaillées de la santé de mon pauvre Serge; elle continue toujours de même, tantôt bien, tantôt mal. J'ai été chez lui ce matin, c'est un de ses bons jours: il avait meilleure mine, ne se plaignant point et sa voix est beaucoup plus forte. Adoucir ses peines morales est un devoir bien cher à mon coeur, et soyez bien persuadée que c'est le but de mon existence.

Adieu bien chère et bonne Maman, donnez-moi de grâce, des nouvelles de Sophie, de Nicolina, Serge vous en supplie conjointement avec moi et vous baise les mains un million de fois.

Votre obéissante fille
Marie Wolkonsky.

Chargez-vous, je vous en prie, de mille tendresses de notre part à Sophie, de nos tendres hommages à mon frère Nicolas ainsi qu'à sa respectable femme.

[Дальше чужимъ почеркомъ:]

Марія Николаевна все писма получила которіе по дурной весенной дорогѣ задерживались въ пути.

(Переводъ.)

30 апрѣля 1827.
Нерчинскъ.

Шесть недѣль не имѣю писемъ изъ Петербурга; вы понимаете, милая и добрая матушка, что мое безпокойство о васъ, о моемъ сынѣ и обо всѣхъ вашихъ дошло до крайняго предѣла, и Сергѣй дѣлитъ мою пытку. Мы возлагаемъ наши надежды на Бога, милая матушка, готовясь покорно принять новыя испытанія, какія онъ намъ посылаетъ, чтобы сдѣлать насъ достойными въ будущемъ своего безпредѣльнаго милосердія. Ничѣмъ не могу объяснить себѣ столь долгаго молчанія и возсылаю мольбы къ Предвѣчному, чтобы онъ успокоилъ меня относительно дорогихъ моему сердцу. Въ своихъ предыдущихъ письмахъ къ вамъ и къ сестрѣ Софьѣ я подробно сообщала вамъ о здоровьѣ моего бѣднаго Сергѣя; оно все въ такомъ же положеніи, то лучше, то хуже. Я была у него сегодня утромъ; нынче — одинъ изъ его хорошихъ дней; онъ выглядѣлъ получше, не жаловался, и голосъ его значительно окрѣпъ. Облегчать его душевныя страданія—долгъ сладкій моему сердцу, и будьте увѣрены—это цѣль моей жизни.

Прощайте, дорогая и добрая матушка, ради Бога пишите мнѣ о Софьѣ и Николинькѣ. Сергѣй умоляетъ васъ объ этомъ вмѣстѣ со мной и милліонъ разъ цѣлуетъ ваши руки.

Ваша покорная дочь
Марія Волконская.

Передайте пожалуйста отъ насъ тысячу поцѣлуевъ Софьѣ и сердечный привѣтъ брату Николаю и его уважаемой женѣ.

[Дальше чужимъ почеркомъ:]

Марія Николаевна все писма получила которіе по дурной весенной дорогѣ задерживались въ пути.

7.

№ 15.

Ce 21 Mai 1827.
Nertchinsko-Благод.

Chère et bonne Maman, je suis toujours à vous répéter une seule et même chose: nous n'avons plus de vos nouvelles et l'idée de n'en plus recevoir m'afflige vivement. L'état dans le quel j'ai laissé ma soeur et mon pauvre enfant, me peine et me tourmente d'une manière que je tenterais en vain d'exprimer. J'ai beau faire, cette inquietude me poursuit partout, et m'empeche même de pouvoir me recueillir assez pour vous écrire, et ne pas revenir sans cesse sur les angoisses que me cause le silence de tous les miens.

Je n'ai reçu qu'une seule lettre de ma soeur Répnine, datée des premiers jours de Janvier la même qui m'a été chercher en vain à Tobolsk elle m'y annonce un envoi de livres par M-r le Gouverneur Général dont apparamment il aura refusé de se charger vu notre position— ce qui me semble assez naturel. Je le suppose arrivé depuis longtems, ainsi plus d'espoir de ce côté là.

La santé de Serge se soutient assez bien, chère Maman. Dieu veuille que cela puisse continuer de même, vous êtes l'object unique de ses pensées celui de ses conversations; les chagrins qu'il vous cause font le plus cruel de ses tourments. Dieu ne nous accordera-t-il pas la grâce de les voir un jour adoucis? Je ne vous demande plus des nouvelles de mon frère Répnine, votre réponse ne me parviendrait point, et vraisemblablement vous m'écrivez en pure perte; ai-je besoin de vous dire, chère Maman, combien il nous est douloureux de ne point savoir tout ce qui le concerne.

Adieu chère et bonne Maman, tâchez au nom de tout ce qui vous est cher d'obtenir pour nous la permission de recevoir vos lettres songez au déchirement de coeur que votre silence nous fait éprouver.

Votre obéissante fille
Marie Wolkonsky.

Je vous prie d'embrasser et de bénir mon pauvre Nicolina pour Serge et pour moi.

(Переводъ.)

21 мая 1827.
Нерчинско-Благодатскъ.

Милая и добрая матушка, опять и опять повторяю вамъ то-же: извѣстій отъ васъ все нѣтъ, и мысль, что я, можетъ быть, больше не буду ихъ получать, сильно огорчаетъ меня. Положеніе, въ которомъ я оставила мою сестру и моего бѣднаго ребенка, безпокоитъ и мучитъ меня до такой степени, что я не въ силахъ выразить это. Несмотря на всѣ мои усилія, эта тревога преслѣдуетъ меня всюду и даже мѣшаетъ мнѣ собраться съ мыслями настолько, чтобы въ письмахъ къ вамъ не говорить безпрестанно о тоскѣ, которую вызываетъ во мнѣ молчаніе всѣхъ родныхъ.

Я получила только одно письмо отъ сестры Репниной [1], помѣченное первыми числами января, то самое, которое тщетно искало меня въ Тобольскѣ; она пишетъ мнѣ тамъ, что отправляетъ посылку книгъ съ г. Генералъ-Губернаторомъ, но онъ повидимому отказался взять ее въ виду нашего положенія, что я нахожу вполнѣ естественнымъ. Онъ вернулся, кажется, уже давно, значитъ съ этой стороны больше нечего надѣяться.

Здоровье Сергѣя по-прежнему довольно хорошо, милая матушка; дай Богъ, чтобы и впредь было такъ же. Вы—единственный предметъ его мыслей и разговоровъ; огорченія, которыя онъ вамъ причиняетъ, мучаютъ его больше всего. Можетъ быть Богъ когда-нибудь смилуется надъ нами и облегчитъ его страданія. Я уже не прошу у васъ извѣстій о братѣ Репнинѣ,—ваше письмо не дошло бы до меня, вы вѣроятно напрасно пишете ко мнѣ; надо ли говорить вамъ, милая матушка, какъ намъ тяжело не знать всего, что̀ его касается.

Прощайте, милая и добрая матушка. Во имя всего, что вамъ дорого, постарайтесь добыть для насъ позволеніе получать отъ васъ письма. Подумайте о томъ, какъ ваше молчаніе разрываетъ намъ сердце.

Ваша покорная дочь
Марія Волконская.

Прошу васъ обнять и благословить за Сергѣя и за меня моего бѣднаго Николиньку.

---

[1] Жена кн. Н. Г. Репнина, Варвара Алексѣевна.

8.

№ 16.

Ce 28 Mai 1827.
Nertchinsko-Blagodatsk.

Je viens de recevoir, chère et bonne Maman, votre lettre du 26 Janvier: la date en est assez ancienne, comme vous le voyez, mais ce qui est mieux encore, c'est que j'ai eu de vos nouvelles du mois de Fevrier il y a sept semaines; je m'attends donc, dans quelque tems d'ici, à en avoir du mois de Decembre, tant les postes d'ici sont bien reglées.

Vous paraissez avoir des inquietudes sur les obstacles que j'ai dû rencontrer à mon départ d'Irkoutsk: soyez persuadée, chère Maman, qu'il n'y a pas de sacrifices que je ne fasse pour obtenir la seule consolation que je puisse avoir ici bas, celle de partager le sort de mon Mari; et certes la privation des titres et biens, n'en est point une pour moi. Qu'aurais-je fait de tout cela sans Serge, qu'aurais-je fait de la vie loin de lui? Monsieur le Gouverneur d'Irkoutsk m'a trouvé toute préparée à ce que l'on voulait de moi, pour prix de la grâce que je demandais; ses longues et vives remontrances sont restées sans effet et je suis enfin réunie à Serge après avoir passé dix jours bien pénibles à Irkoutsk, combattant d'inutiles obstacles.

Vous n'avez pas besoin, chère Maman, de me rappeller la reconnaissance que je dois à S. M. l'Empereur, de l'interet qu'il a daigné me temoigner lors de mon séjour près de vous. Que Dieu lui rende au centuple tout le bien qu'il m'a fait en me permettant de venir porter des consolations à mon Mari—c'est ma prière de tous les jours.

J'ai cru comprendre, depuis que je suis ici, que celles d'entre nous qui ont passé Irkoutsk, ne peuvent plus revenir, s'il en est ainsi je suis toute heureuse de ne l'avoir point appris plutôt. Je puis en toute conscience me dévouer entierement à mon Mari c'est l'unique voeu de mon coeur. Mon devoir était de partager mon existence entre Serge et mon fils mais je vous avoue qu'il faut avoir plus de force d'âme que je n'en ai, pour quitter son mari après avoir vu la position dans la quelle son égarement l'a plongé.—Je m'explique maintenant ce que S. M. l'Empereur voulait me faire entendre par ces mots: *Songez donc à ce qui vous attend une fois passée Irkoutsk,* et rends mille fois grâces à Dieu de ne l'avoir pas compris plutôt: cela n'aurait fait qu'augmenter les tourments qui déchiraient mon âme. Me voila quitte maintenant envers mon pauvre enfant, si je l'abandonne c'est involontairement. Je me figure quelques

fois la situation de mes Parens, à la réception de cette nouvelle, ce n'est qu'alors que mon coeur se brise. Leur devant toutes les consolations qu'il est en mon pouvoir de leur donner, je désire vivement que mon fils retourne vers eux pour l'hiver prochain, afin que sa présence leur rende l'enfant qu'ils ont perdu en moi.—C'est un voeu que j'ai souvent essayé de vous exprimer à Petersbourg même en faisant mes adieux à ma soeur Répnine. Je lui ai déclaré que je ne comptais pas revenir de sitot et desirais que Nicolina retournât dans ma famille pour consoler les miens de mon absence.

Je vous quitte ma chère et bien bonne Maman en vous priant de vous charger de mes tendres respects pour mon frère Répnine que je suppose arrivé depuis longtems. Serge remercie un million de fois Варвара Алексѣевна de la bonne lettre qu'elle lui a écrite par M-r le Gouverneur Général, elle a fait un bien infini à son âme souffrante. Sa santé va assez bien de nouveau, Dieu nous soutient jusqu'ici; je voudrais bien qu'il en fut de même de notre chère Sophie.

Votre obéissante fille
Marie Wolkonsky.

P. S. Veuillez dire à Madame Kankrina, si vous la voyez, que son frère se porte bien, à ce que l'on me dit, et qu'il a reçu de ses nouvelles.

(Переводъ.)

28 мая 1827.
Нерчинско-Благодатскъ.

Только-что, милая и добрая матушка, я получила ваше письмо отъ 26 января. Оно, какъ видите, довольно старо по времени, но еще забавнѣе то, что уже семь недѣль назадъ я получила ваше письмо отъ февраля. Того и жду, что въ скоромъ времени получу письмо отъ декабря,—такъ исправны здѣшнія почты.

Вы повидимому безпокоитесь насчетъ препятствій, которыя я встрѣтила при отъѣздѣ изъ Иркутска; будьте увѣрены, милая матушка, что нѣтъ такой жертвы, которой я не принесла бы, чтобы стяжать то единственное утѣшеніе, какое осталось мнѣ на землѣ,—раздѣлять участь моего мужа, и потеря титуловъ и богатства—для меня, конечно, вовсе не потеря. На что бы все это было мнѣ нужно безъ Сергѣя, на что была бы мнѣ жизнь вдали отъ него? Г. иркутскій

губернаторъ [1] встрѣтилъ съ моей стороны полную готовность на всѣ условія, которыя были мнѣ поставлены, какъ выкупъ за просимую мною милость. Его долгія и горячія увѣщанія остались безуспѣшными, и я наконецъ соединилась съ Сергѣемъ, проведя въ Иркутскѣ десять тяжелыхъ дней въ борьбѣ съ ненужными препятствіями.

Вамъ нѣтъ надобности, милая матушка, напоминать мнѣ, какъ я должна быть благодарна Е. В. императору за милостивое участіе, которое онъ обнаружилъ ко мнѣ во время моего пребыванія у васъ. Да вознаградитъ его Богъ сторицей за все добро, которое онъ мнѣ сдѣлалъ, позволивъ мнѣ поѣхать къ моему мужу, чтобы утѣшать его. Я молюсь объ этомъ ежедневно.

Съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь, я кажется уразумѣла, что тѣ изъ насъ, которыя проѣхали Иркутскъ, уже не могутъ вернуться. Если такъ,—я очень счастлива, что не поняла этого раньше. Теперь я могу съ чистой совѣстью посвятить себя всецѣло моему мужу; это—единственное желаніе моего сердца. Мой долгъ былъ—подѣлить мою жизнь между Сергѣемъ и моимъ сыномъ, но признаюсь вамъ—надо обладать бо́льшею силою духа, нежели какой я обладаю, чтобы покинуть своего мужа, увидавъ то положеніе, въ которое онъ ввергнутъ своимъ заблужденіемъ.—Теперь я понимаю смыслъ предостереженія, заключавшагося въ словахъ Е. В. императора: *Подумайте же о томъ, что́ васъ ждетъ за Иркутскомъ* [2], и тысячу разъ благодарю Бога, что не поняла ихъ раньше: это только увеличило бы страданія, разрывавшія мнѣ сердце. Теперь на мнѣ нѣтъ вины передъ моимъ бѣднымъ ребенкомъ; если я не съ нимъ, то не по моей волѣ. Иногда я представляю себѣ, что́ почувствуютъ мои родители при этомъ извѣстіи; только въ эти минуты мнѣ бываетъ больно. Мой долгъ—доставить имъ всѣ утѣшенія, какія въ моей власти, и потому я страстно хочу, чтобы мой сынъ вернулся къ нимъ на будущую зиму, для того чтобы его присутствіе замѣнило имъ дочь, которой они во мнѣ лишились. Это желаніе я не разъ пыталась высказать вамъ еще въ Петербургѣ, во время прощанья съ сестрой Репниной [3]. Я заявила

---

[1] Цейдлеръ. Этотъ эпизодъ подробно разсказанъ въ запискахъ М. Н.; тамъ же приведенъ текстъ подписки, которую ей пришлось дать въ Иркутскѣ (стр. 38).

[2] Это — фраза изъ письма, которымъ Николай 21 дек. 1826 г., въ отвѣтъ на просьбу М. Н., разрѣшалъ ей слѣдовать за мужемъ; это письмо приведено ею въ ея „Запискахъ“, изд. 2, стр. 15—16.

[3] Варвара Алексѣевна.

ей, что не разсчитываю вернуться скоро, и что желаю, чтобы Николинька вернулся въ мою семью для утѣшенія моихъ родныхъ въ разлукѣ со мною.

Кончаю просьбою, милая и добрая матушка, передать мой душевный привѣтъ брату Репнину, который, я полагаю, уже давно пріѣхалъ. Сергѣй милліонъ разъ благодаритъ Варвару Алексѣевну за доброе письмо, которое она прислала ему съ Генералъ-Губернаторомъ; оно было невыразимо-благотворно для его страждущей души. Его здоровье опять довольно хорошо. Пока Богъ насъ поддерживаетъ; дай Богъ того же нашей дорогой Софьѣ.

Ваша покорная дочь
Марія Волконская.

P S. Скажите пожалуйста г-жѣ Канкриной, если увидите ее, что ея братъ, какъ я слышала, здоровъ и что онъ получилъ ея письма.

9.

№ 17.

Ce 4 Juin 1827.
Nertchinsko-Blagodatsk.

Chère et bonne Maman, je ne vous écris que pour ne pas manquer à l'habitude, à la routine que j'ai prise, de ne pas laisser passer une seule poste sans vous écrire; cela me fait oublier que, selon toute apparence, mes lettres ne vous parviennent point, et me procure quelques instants d'une occupation bien douce.

Que vous dirais-je de mon séjour ici, je vous ai donné des descriptions locales du pays tant et plus, et je crains de vous fatiguer par d'ennuyeuses répetitions; le tems m'a habituée au climat, au genre de vie et même aux figures qui m'entourent. L'idée que Serge habite ce triste lieu depuis près d'une année, m'y rattache avec une force vraiment magique; quand je reviens sur le passé, il me semble que je n'ai existé qu'à Благодатскъ, car ce n'est qu'ici que j'ai senti tout le prix de la vie.

La santé de notre pauvre Serge résiste encore à ce rude climat que l'on a tort de nous peindre comme supportable; j'y vois clairement la protection du Ciel; et tous les jours je sens plus profondément que Dieu seul peut nous donner les forces nécessaires pour supporter les épreuves que l'on rencontre dans cette triste vie.

Je vous quitte chère Maman en vous suppliant de me donner des nouvelles de mon fils, n'ayant plus d'avenir tous mes voeux sont pour lui.

Votre obéissante fille
Marie Wolkonsky.

(Переводъ.

4 іюня 1827.
Нерчинско-Благодатскъ.

Милая и добрая матушка, пишу вамъ только для того, чтобы не нарушить привычки или правила, которое я себѣ поставила,—писать вамъ съ каждой почтой; за этимъ дѣломъ я невольно забываю, что мои письма по всѣмъ признакамъ не доходятъ до васъ, и провожу нѣсколько отрадныхъ минутъ.

Что сказать вамъ о моей здѣшней жизни? Я подробно описала вамъ здѣшнюю мѣстность [1] и боюсь надоѣсть вамъ скучными повтореніями; съ теченіемъ времени я привыкла къ климату, къ образу жизни и даже къ людямъ, окружающимъ меня. Мысль, что Сергѣй уже почти годъ живетъ въ этомъ печальномъ мѣстѣ, привязываетъ меня къ послѣднему съ волшебной силою; когда я припоминаю прошлое, мнѣ кажется, что до Благодатска я вовсе не жила, потому что только здѣсь я научилась понимать всю цѣнность жизни.

Здоровье нашего бѣднаго Сергѣя пока не поддается дѣйствію этого суроваго климата, который, вопреки распространенному мнѣнію, отнюдь нельзя назвать сноснымъ. Я въ этомъ ясно вижу покровительство свыше и съ каждымъ днемъ сильнѣе чувствую, что одинъ Богъ можетъ дать намъ нужныя силы, чтобы перенести испытанія, какими полна эта печальная жизнь.

Кончая, милая матушка, снова умоляю васъ писать мнѣ о моемъ сынѣ. Для меня будущаго больше нѣтъ, и всѣ мои пожеланія—только о немъ.

Ваша покорная дочь
Марія Волконская.

10.

№ 18.

Ce 11 Juin 1827.
Nertchinsk.

Je ne saurais vous exprimer, chère Maman, la joie que j'ai éprouvée à la réception de votre lettre du 28 Mars, mon fils se porte bien, Sophie

[1] Очевидно, въ одномъ изъ утраченныхъ писемъ.

va mieux, Répnine est arrivé; combien mon âme est plus tranquille; je n'aurai donc plus l'affreuse perspéctive d'être privée de vos lettres, et je saurai m'expliquer le long intervale que l'on met entre-elles, celles des deux derniers mois m'ont été envoyées à la fois.

Je vous suis bien reconnaissante, chère Maman, de ce que la bonne de Nicolina ne dévie en rien aux instructions du Docteur Lan; je vois bien que vous y avez mis bon ordre et suis vivement touchée de la délicatesse que vous avez mise à ne pas nommer la personne qui s'est attirée votre mécontentement dans cette occasion; j'ai bien compris de qui il s'agissait et j'admire beaucoup votre moderation à cet égard, bien adorée Maman; vous n'avez pas voulu mettre son nom dans une lettre qui n'est qu'une simple circulaire, malgré les torts qu'elle peut avoir envers vous.— Aimez-la, bonne, chère Maman, c'est un véritable trésor que cette femme, c'est une bénédiction du ciel pour mon enfant. Je désire qu'il la garde toujours auprès de lui et supplie qu'on lui fasse doubler ses appointemens.

Les soupçons que vous paraissez avoir sur ce que la personne en question m'aura écrit, ne sont pas justes chère Maman, elle peut manquer de tact, avoir des singularités, quelques légers ridicules mais elle n'exposera jamais ceux qu'elle voit ou croit voir dans les autres aussi publiquement; surtout s'ils tiennent de quelque manière que cela soit à votre maison. Bien au contraire elle n'a cessé de me faire l'éloge de la manière dont mon fils est soigné et des peines que se donne M-lle Joséphine pour lui. Quant à moi j'ai appris la chose par des lettres que Serge m'a communiquées—il devait et pouvait le faire; mais je suis bien désolée, chère Maman, que vous n'ayez pas pris lecture de ces épitres, et de singulières reflexions sur la tutelle ne seraient pas venues troubler notre existence.

Chère Maman combien je vous aime, vous adore; je reconnais la délicatesse qui vous caractérise dans chacune de vos actions, de vos paroles. Les lettres que je reçois de vous sont une véritable source de consolations pour moi. Ecrivez-moi souvent, vos lettres me font tant de bien; faites en sorte que l'on ne nous parle plus d'interets de fortune, nous sommes morts pour le monde; vous devez sentir, bien adorée Maman, mieux que personne le peu d'àpropos de la chose, n'avons nous pas assez de peines reelles?

Je vous quitte chère Maman en vous priant de vous charger de mes tendres hommages pour mon frere Repnine et sa femme. Serge se joint

à moi pour vous demander votre bénédiction ainsi que celle de son respectable frere; sa santé va assez bien, Dieu nous soutient.

Votre obéissante fille
Marie Wolkonsky.

P. S. Je n'écris pas à Sophie la supposant déjà en route, que Dieu nous la ramene en bonne santé! Serge a été desespéré d'apprendre qu'elle partait sans Aline; pour moi, j'ai été temoin des soins du bon et cher Dmitry pour elle et je suis tranquille s'il l'accompagne.

(Переводъ.)

11 іюня 1827.
Нерчинскъ.

Не могу передать вамъ, милая матушка, какую радость доставило мнѣ полученіе вашего письма отъ 28 марта: мой сынъ здоровъ, Софьѣ лучше, Репнинъ пріѣхалъ! Насколько спокойнѣе теперь моя душа! Мнѣ больше не грозитъ ужасная перспектива не получать писемъ отъ васъ и отнынѣ мнѣ понятно, почему между ними такіе долгіе промежутки: всѣ письма за послѣдніе два мѣсяца были доставлены мнѣ сразу.

Я вамъ очень благодарна, милая матушка, за то, что няня Николиньки строго слѣдуетъ указаніямъ доктора Лана; я понимаю, что это дѣло упорядочили вы, и очень тронута деликатностью, съ какою вы умалчиваете имя той особы, которая возбудила ваше неудовольствіе въ этомъ случаѣ. Я тотчасъ поняла, о комъ идетъ рѣчь, и удивляюсь сдержанности, которую вы проявили въ этомъ дѣлѣ, обожаемая матушка; несмотря на ея вину предъ вами, вы не желали упомянуть ея имя въ письмѣ, носящемъ чисто-освѣдомительный характеръ. Любите няню, милая матушка; эта женщина—настоящій кладъ, Божье благословеніе для моего ребенка. Я хочу, чтобы она всегда оставалась при немъ, и настоятельно прошу удвоить ея жалованье.

Вы, повидимому, подозрѣваете, что упомянутая особа писала ко мнѣ, милая матушка; это подозрѣніе неосновательно; она, можетъ быть, лишена такта, имѣетъ странности или смѣшныя слабости, но она никогда не станетъ такъ публично выносить на судъ недостатки, которые она—справедливо или нѣтъ—видитъ въ другихъ, особенно въ людяхъ, такъ или иначе принадлежащихъ къ вашему дому.

Напротивъ, въ письмахъ ко мнѣ она постоянно отзывалась съ похвалою объ уходѣ за моимъ сыномъ и о заботливости, которую проявляетъ къ нему m-lle Жозефина. Я же узнала эту исторію изъ писемъ, сообщенныхъ мнѣ Сергѣемъ,—а онъ долженъ былъ и могъ сообщить ихъ мнѣ. Но меня очень огорчаетъ, милая матушка, что вы не читали этихъ писемъ; тогда наше существованіе не было бы омрачено странными разсужденіями объ опекѣ.

Милая матушка, какъ я васъ люблю и обожаю! Я умѣю цѣнить деликатность, которую вы обнаруживаете въ каждомъ вашемъ поступкѣ, каждомъ словѣ. Письма, которыя я получаю отъ васъ,—для меня настоящій источникъ утѣшенія. Пишите мнѣ часто, ваши письма такъ благотворны для меня; устройте такъ, чтобы намъ больше не говорили объ имущественныхъ дѣлахъ; мы мертвы для міра. Больше чѣмъ кто-нибудь, обожаемая матушка, вы должны чувствовать, какъ эти разговоры неумѣстны: развѣ у насъ мало насущнаго горя?

Въ заключеніе, милая матушка, прошу васъ передать мой сердечный привѣтъ брату Репнину и его женѣ. Сергѣй заодно со мною проситъ вашего благословенія, какъ и благословенія своего почтеннаго брата. Его здоровье сносно, Богъ насъ поддерживаетъ.

Ваша покорная дочь
Марія Волконская.

P. S. Софьѣ не пишу, такъ какъ думаю, что она уже въ пути; дай Богъ ей вернуться въ добромъ здоровьи. Сергѣй былъ очень огорченъ, узнавъ, что она уѣхала безъ Алины; я же, помня заботы добраго и дорогого Дмитрія о ней, которыхъ я была свидѣтельницей, спокойна, разъ онъ ее сопровождаетъ.

11.

№ 19.

Ce 18 Juin 1827.
Nertchinsk.

La poste est arrivée, sans nouvelles de vous chère et bonne Maman; ce qui m'inquiète cette fois ci, car j'ai recommencé à recevoir des nouvelles de tous les nôtres; ma Tante me mande cependant que notre chère Sophie va bien, qu'elle a bonne mine et paraissait plus calme; cette bonne soeur doit être déjà en chemin pour l'Italie que Dieu nou

là ramène promptement et surtout en bonne santé, l'existence de Segre tient à la sienne.—Je vous avoue chère Maman, que toutes mes craintes et mes angoisses pour mon pauvre Mari se renouvellent, sa santé m'inquiette vivement; jamais il ne poura la recouvrer; son état est si peu soutenu, après l'avoir quitté assez bien portant il m'arrive bien souvent de le retrouver au bout de trois jours changé affaibli comme s'il avait fait une maladie; ses maux de poitrine le minent entièrement. Mais à mon arrivée ici il était bien autrement souffrant et comparativement parlant il va infiniment mieux nous devons en rendre grâce à Dieu; songez qu'il relevait à peine d'une inflammation de poitrine à son départ de Petersbourg, esperons que ce Dieu de bonté qui me l'a si miraculeusement conservé jusqu'à présent lui rendra les forces et la santé.

Maintenant que Sophie sera absente chère Maman, de grâce tranquillisez nous en nous promettant de nous donner régulièrement de ses nouvelles; elles nous manqueront beaucoup, c'était la plus exacte à nous écrire. Serge ne peut songer à elle sans un serrement de coeur inexprimable, quelle effrayante distance des frontières de la Chine à la belle Italie; si du moins les suites de ce voyage étaient aussi heureuses que nos coeurs le desirent!

Combien je suis heureuse chère Maman de savoir mon frere Répnine près de vous, l'absence de votre fille chérie ne vous sera plus si sensible. Je ne reçois pas du tout de nouvelles de Варвара Алексѣевна ni de celles de mes chères nièces, je ne doute pas qu'elles ne m'écrivent mais leurs lettres n'arrivent pas jusqu'à moi. Chargez-vous, chère Maman d'un million de tendresses pour elles de ma part. Serge vous baise les mains et vous demande votre benediction.

Votre obéissante fille
Marie Wolkonsky.

P. S. Veuillez chère Maman, m'envoyer des ventouses et des sangsues *artificeilles,* je ne connais pas le nom technique de la chose; l'on manque de l'un et de l'autre ici et les inflammations de poitrine sont fréquentes; envoyez-moi encore chère Maman quelques vins fins, pour que je puisse en meler avec mon eau, celle d'ici est très nuisible.

(Переводъ.)

18 іюня 1827.
Нерчинскъ.

Почта пришла безъ писемъ отъ васъ, милая и добрая матушка, что̀ въ этотъ разъ меня безпокоитъ, потому что я снова начала получать письма отъ всѣхъ своихъ. Но моя тетя мнѣ сообщаетъ, что наша дорогая Софья здорова, хорошо выглядитъ и, повидимому, спокойнѣе. Милая сестра [1] теперь вѣроятно уже ѣдетъ въ Италію; дай Богъ ей вернуться скоро и, главное, въ добромъ здоровьи; жизнь Сергѣя зависитъ отъ ея жизни. Признаюсь вамъ, милая матушка, всѣ мои страхи и тревоги за моего бѣднаго мужа возобновляются; его здоровье сильно безпокоитъ меня,—оно никогда не возстановится; его состояніе такъ неустойчиво: часто, оставивъ его довольно здоровымъ, я чрезъ три дня нахожу его измѣнившимся, слабымъ какъ послѣ болѣзни; боль въ груди истощаетъ его въ конецъ. Но когда я пріѣхала сюда, онъ былъ гораздо больнѣе, теперь его здоровье несравненно лучше, за что мы должны благодарить Бога. Подумайте, вѣдь онъ выѣхалъ изъ Петербурга, едва оправившись отъ воспаленія въ легкихъ. Будемъ надѣяться, что̀ милосердный Богъ, который такъ чудесно спасалъ мнѣ его донынѣ, вернетъ ему силы и здоровье.

Теперь, въ отсутствіе Софьи, ради Бога, милая матушка, успокойте насъ — обѣщайте исправно писать намъ о ней; намъ будетъ очень недоставать ея писемъ, она писала намъ исправнѣе всѣхъ. Сергѣй не можетъ думать о ней безъ невыразимаго страха; какое ужасное разстояніе—отъ границъ Китая до прекрасной Италіи! если бы только результаты этой поѣздки были такъ благотворны, какъ мы сердечно желаемъ!

Какъ я счастлива знать, милая матушка, что братъ Репнинъ съ вами! при немъ вы не будете такъ сильно чувствовать отсутствіе любимой дочери. Я совсѣмъ не получаю писемъ отъ Варвары Алексѣевны, ни отъ моихъ милыхъ племянницъ; не сомнѣваюсь въ томъ, что онѣ мнѣ пишутъ, но ихъ письма не доходятъ до меня. Передайте имъ пожалуйста, милая матушка, мой нѣжный привѣтъ. Сергѣй цѣлуетъ ваши руки и проситъ вашего благословенія.

Ваша покорная дочь
Марія Волконская.

---

[1] Софья Григорьевна.

P. S. Будьте добры, милая матушка, пришлите мнѣ банокъ и *искусственныхъ* пьявокъ,—не знаю ихъ техническаго названія. Здѣсь нѣтъ ни того, ни другого, а воспаленія легкихъ часты. Еще пришлите мнѣ, милая матушка, какихъ-нибудь хорошихъ винъ, чтобы я могла подмѣшивать ихъ къ водѣ, потому что здѣшняя вода очень вредна.

12.

№ 20.

Ce 26 Juin 1827.
Nertchinsk.

Chère et bonne Soeur, je commence à recevoir régulièrement de vos nouvelles, les dernières étaient du 22 Avril; vous m'y annoncez la reception de ma première lettre d'ici; je vois avec peine que Maman n'a point encore reçu celle que je lui écrivis le 12 février, quelques heures après ma première entrevue avec Serge, elle m'y aurait sûrement répondu — il y a bien longtems que nous sommes privés du bonheur de voir de son écriture,—Serge m'a communiqué la semaine dernière, un petit mot de vous, de fort ancienne date; vous paraissiez très inquiète sur de faux rapports qui vous sont parvenus de ce qu'Alexandrine m'avait dévancée en route, et vous m'accusez de peu d'empressement—maintenant que vous savez que j'ai fait mon voyage de Moscou à Irkoutsk en trois semaines, n'ayant couché que deux fois et bien malgré moi, que je suis arrivée huit jours avant Alexandrine, et à Nertchinsk quelques heures après Catache, vous devez être tranquille.— Chère et bien adorée Soeur, quand croirez-vous à la force de mon attachement pour Serge; vous en doutez parceque je vous ai toujours soutenu que j'avais des obligations de mère à remplir et que je devais tout concilier si j'en ai la force; ma position était la plus affreuse de toutes, vous n'avez pas compris tout ce qu'elle avait de déchirant; maintenant que mon sort est décidé je ne puis vous dire le calme que j'éprouve, mes Parens ne peuvent plus me rappeler sans cesse mes devoirs envers mon fils, je suis quitte envers le pauvre enfant et me dévoue entièrement à Serge. Votre dernière lettre m'a causé de vives inquiétudes, votre abattement, vos souffrances me percent l'âme—chère Soeur, songez donc que ce n'est pas votre première rechute, soignez-vous pour l'amour de Serge et au nom du ciel ne lui communiquez point tout ce que vous éprouvez, cela prend trop sur sa santé. Il était

dans un état déchirant à voir, à la reception de votre lettre; il vous appelle sans cesse, ne parle que de vous, de la constante amitié qui vous unit depuis votre plus tendre enfance, de tout ce qu'il vous doit— chère Sophie donnez nous des espérances, l'existence de Serge tient à la votre. Je vous quitte en vous assurant que bon gré, mal gré vous me direz un jour que j'aime Serge plus que tout au monde que j'ai bien fait de ne pas me montrer en scène, mais de prouver par mes actions toute mon idolatrie pour lui.

(Переводъ.)

26 іюня 1827.
Нерчинскъ.

Милая и добрая сестра [1], я начинаю правильно получать ваши письма, послѣднее было отъ 22 апрѣля. Вы сообщаете мнѣ въ немъ о полученіи моего перваго письма отсюда. Съ грустью вижу, что матушка еще не получила письма, которое я написала ей 12 февраля чрезъ нѣсколько часовъ послѣ моего перваго свиданья съ Сергѣемъ; иначе она навѣрное отвѣтила бы мнѣ. Мы уже давно лишены радости видѣть ея почеркъ. На прошлой недѣлѣ Сергѣй передалъ мнѣ небольшое письмо отъ васъ, очень давнишнее; вы повидимому были очень встревожены ложными свѣдѣніями, дошедшими до васъ, будто Александрина [2] опередила меня въ пути, и вы обвиняете меня въ томъ, что я не спѣшила. Теперь, зная, что весь путь отъ Москвы до Иркутска я сдѣлала въ три недѣли, только съ двумя ночевками, и то невольными, и что пріѣхала я за восемь дней до Александрины, а въ Нерчинскъ—чрезъ нѣсколько часовъ послѣ Кати [3], вы должны быть спокойны. Милая, дорогая сестра, когда же вы вполнѣ повѣрите въ мою привязанность къ Сергѣю? Вы сомнѣваетесь въ ней, потому что я всегда заявляла вамъ, что на мнѣ лежитъ долгъ матери и что я обязана, если у меня окажется достаточно силъ, согласовать все. Мое положеніе было ужасно, вы не все понимали, что было въ немъ раздирающаго сердце. Теперь, когда моя участь рѣшена, не могу

[1] Письмо адресовано кн. Софьѣ Григ. Волконской.

[2] Александра Григорьевна Муравьева, жена Никиты Мих. Муравьева, рожд. графиня Чернышева, сестра декабриста Захара Чернышева.

[3] Кн. Екатерина Ивановна Трубецкая. М. Н. догнала Трубецкую въ Большомъ Нерчинскомъ заводѣ, хотя изъ Иркутска Трубецкая выѣхала за восемь дней до нея, см. „Записки“ М. Н., 2 изд., стр. 42 и (о Муравьевой) 40.

вамъ сказать, какое спокойствіе я испытываю; теперь мои родители уже не могутъ безпрестанно напоминать мнѣ о моемъ долгѣ предъ моимъ сыномъ; я свободна по отношенію къ бѣдному ребенку и всецѣло посвящаю себя Сергѣю. Ваше послѣднее письмо возбудило во мнѣ сильное безпокойство; ваша слабость, ваши страданія мучаютъ меня. Милая сестра, вспомните, что это не первый рецидивъ вашей болѣзни, берегите себя изъ любви къ Сергѣю, и ради Бога не пишите ему обо всемъ, что вы чувствуете,—это слишкомъ сильно отражается на его здоровьѣ. Ваше послѣднее письмо повергло его въ ужасное состояніе; онъ поминутно призываетъ васъ, говоритъ только о васъ, о неизмѣнной любви, связывающей васъ съ ранняго дѣтства, о томъ, какъ много онъ вамъ обязанъ. Милая Софья, поддерживайте въ насъ надежду, жизнь Сергѣя зависитъ отъ вашей. Въ заключеніе повторяю: когда-нибудь вы волею-неволею признаете, что я люблю Сергѣя больше всего на свѣтѣ, что я хорошо сдѣлала, держась въ тѣни и только своими поступками доказавъ, какъ я обожаю его.

13.

№ 20.

Ce 26 Juin 1827.
Nertchinsk.

Combien les lettres que nous venons de recevoir de Sophie nous ont affligés, chère et bonne Maman; elles ont jeté mon pauvre Serge dans des angoisses inexprimables—quelle situation que la vôtre, c'est avec déchirement que nous nous représentons ce que doit souffrir votre coeur maternel, si connu pas vos enfants—mais au nom du ciel, chère Maman, ne vous laissez pas abattre, songez que cela ne peut être qu'une crise salutaire, songez que vos jours sont précieux pour nous tous. Dieu veuille que la poste prochaine nous apporte des nouvelles rassurantes sur la santé de notre chère Sophie, celle de Serge a beaucoup souffert de la chose; ses maux de poitrine en ont redoublé. Ce qui m'inquiète surtout c'est l'extrême faiblesse de ses jambes, il en souffre surtout en marchant. Ah! chère Maman si la santé de Serge pouvait se remettre, que de grâces ne devrais-je pas rendre à Dieu, ce Dieu de miséricorde m'est témoin que je me permets jamais un murmure contre ses décrets mais quand je vois la santé de Serge faiblir, le désespoir me gagne. J'attends avec impatience le moment de pouvoir m'enfermer avec

lui, rien ne m'arrete maintenant que tout a été décidé, que Dieu en soit béni.—Vous ne me dites jamais rien de mon frere Répnine, que fait-il? Il ne nous a point écrit encore, ses filles ne me tiennent pas parole et paraissent m'avoir oublié. Je suis persuadée que Варвара Алексѣевна m'aura écrit malgré ses nombreuses occupations, mais ses lettres se seront perdues comme tant d'autres. Je ne puis vous dire, chère Maman, combien je voudrais avoir de vos nouvelles, connaître la situation de votre âme, tranquillisez-nous au nom du ciel. Je suppose mon fils à Rével maintenant et prie ma soeur de m'en donner des nouvelles le plus souvent possible; je voudrais que la Bonne m'écrivit aussi bien qu'elle me répète toujours la même chose *Николина здоровъ* si je ne crois pas au bulletin de santé, je vois toujours les progrès de son intelligence. Adieu ma chère et bonne Maman que Dieu vous soutienne, Serge vous baise les mains un million de fois et vous demande votre bénédiction.

Votre obéissante fille
Marie Wolkonsky.

Ci-joint une lettre pour Sophie.

(Переводъ.)

26 іюня 1827.
Нерчинскъ.

Какъ огорчили насъ, милая и добрая матушка, письма, полученныя нами отъ Софьи! Они повергли моего бѣднаго Сергѣя въ неописуемую тревогу. Ваше положеніе ужасно; мы съ болью представляемъ себѣ, какъ должно страдать ваше материнское сердце, которое такъ хорошо знаютъ ваши дѣти. Но ради Бога, милая матушка, не падайте духомъ; вѣрьте, что это—только благодѣтельный кризисъ, помните, что ваша жизнь драгоцѣнна для насъ всѣхъ! Дай Богъ, чтобы со слѣдующей почтой мы получили успокоительныя извѣстія о здоровьѣ нашей дорогой Софьи. Эта исторія тяжело отозвалась на здоровьѣ Сергѣя,—боль въ груди у него усилилась. Больше всего меня тревожитъ крайняя слабость, которую онъ чувствуетъ въ ногахъ; въ особенности ему больно ходить. Ахъ, милая матушка, если бы здоровье Сергѣя поправилось, — какъ я должна была бы благодарить Бога! Этотъ милосердный Богъ мнѣ свидѣтель, что я никогда не дерзаю роптать на его повелѣнія, но когда я вижу, какъ слабѣетъ здоровье Сергѣя, — мною овладѣваетъ отчаянье. Съ нетерпѣніемъ

ожидаю минуты, когда смогу дѣлить его заключеніе; теперь ничто меня не удерживаетъ, потому что теперь, благодареніе Богу, уже все рѣшено. Вы никогда не пишете мнѣ о братѣ Репнинѣ,—что онъ дѣлаетъ? Онъ еще не писалъ намъ, его дочери не исполняютъ даннаго мнѣ обѣщанія и повидимому забыли меня. Я увѣрена, что Варвара Алексѣевна, несмотря на свои безчисленныя хлопоты, писала мнѣ, но ея письма пропали, какъ и многія другія. Не могу вамъ передать, милая матушка, какъ мнѣ хочется получить письмо отъ васъ и узнать о вашемъ душевномъ настроеніи. Успокойте насъ, ради Бога. Я думаю, что мой сынъ теперь въ Ревелѣ, и прошу сестру писать мнѣ о немъ какъ можно чаще; я хотѣла бы, чтобы и няня писала мнѣ, хотя она всегда повторяетъ одно и то же: *Николина здоровъ*; правда, этому извѣстію о здоровьѣ я не вѣрю, но зато я вижу, какъ онъ развивается умственно. Прощайте, милая и добрая матушка, да поддержитъ васъ Богъ. Сергѣй цѣлуетъ ваши руки тысячу разъ и проситъ вашего благословенія.

Ваша покорная дочь
Марія Волконская.

Здѣсь прилагается письмо къ Софьѣ [1].

14.

№ 28.

Ce 19 Août 1827.
Nertchinsk.

Ne me sentant pas très bien aujourd'hui, chère Maman, je ne vous écris qu'un petit mot afin de vous donner des nouvelles de Serge; sa santé à lui va bien ces jours-ci, Dieu a entendu vos prières bonne Maman; il me semble que c'est moi qui gagne ses souffrances, et j'en serais toute heureuse si je ne voyais combien il est tourmenté de la moindre indisposition qu'il remarque en moi. Il veut à toute force que je prenne le remède de ma soeur, je le ferai pour le tranquilliser.—Jugez combien nous sommes tristes Serge et moi de n'avoir pas eu de vos nouvelles aujourd'hui; Catache me fait dire qu'elle a reçu des lettres des siens je l'envie beaucoup. Je crains vivement chère Maman, que le départ de Sophie, d'Aline, de tous vos Enfants, pour les quels votre

[1] Т.-е. приведенное выше, подъ № 12 *нашего* счета.

coeur est si connu, n'influe sur votre santé—ces secousses douloureuses et si suivies ont dû ébranler vos nerfs. Je n'écris point à Sophie ni à ma soeur Répnine, veuillez leur faire tenir les bonnes nouvelles que je donne de Serge et leur dire tout plein de tendresse de ma part.—Adieu chère Maman, je baise vos mains de la part de Serge un million de fois.

Votre obéissante fille
Marie Wolkonsky.

P. S. Je compte renvoyer ces jours-ci ma femme de chambre elle ne convient point pour ce pays-ci. Je ne veux pas lui imposer les privations auquelles je me soumets—elles doivent être volontaires. Mr. le Com: a reçu les 250 que Mr. Mossalsky avait envoyé pour *Левонъ* il va les employer pour les frais de voyage de Паша jusqu'à Irkoutsk—veuillez faire rembourser cette somme au bon *Левонъ*.

(Переводъ.)

19 августа 1827.
Нерчинскъ.

Мнѣ сегодня немного нездоровится, милая матушка, поэтому пишу вамъ лишь нѣсколько словъ, чтобы сообщить вамъ о Сергѣѣ. Онъ послѣдніе дни здоровъ,—Богъ услышалъ ваши молитвы, милая матушка; его нездоровье точно переходитъ ко мнѣ, и я была бы очень рада этому, если бы не видѣла, какъ его мучаетъ малѣйшее недомоганіе, которое онъ подмѣчаетъ во мнѣ. Онъ непремѣнно желаетъ, чтобы я принимала лѣкарство моей сестры, и я сдѣлаю это ради его успокоенія. Сегодня не было отъ васъ письма; можете себѣ представить, какъ это огорчаетъ Сергѣя и меня. Катя [1] сообщила мнѣ, что получила письма отъ своихъ; я ей сильно завидую. Очень опасаюсь я, милая матушка, чтобы отъѣздъ Софьи, Алины, всѣхъ вашихъ дѣтей, къ которымъ вы такъ привязаны, не повліялъ на ваше здоровье; эти непрерывныя мучительныя потрясенія должны были разстроить ваши нервы. Не пишу ни Софьѣ, ни сестрѣ Репниной; сообщите имъ, пожалуйста, эти хорошія извѣстія о Сергѣѣ, которыя я пишу вамъ, и передайте имъ мой сердечный привѣтъ. Прощайте, милая матушка, цѣлую ваши руки за Сергѣя тысячу разъ.

Ваша покорная дочь
Марія Волконская.

[1] Кн. Е. И. Трубецкая, съ которою М. Н. въ то время жила.

P. S. Я собираюсь на-дняхъ отослать назадъ мою горничную; она не годится для здѣшнихъ мѣстъ; не хочу подвергать ее лишеніямъ, которымъ сама подвергаюсь,—они должны быть добровольными [1]. Г. комендантъ получилъ тѣ 250 р., которые г. Масальскій прислалъ для Левона; онъ употребитъ ихъ на покрытіе издержекъ Паши по проѣзду до Иркутска; будьте добры вернуть эти деньги доброму Левону.

15.

№ 29.

Ce 21 Août 1827.
Nertchinsk.

Je recommande à vos bontés, chère Maman, la femme de chambre que je renvoye. Je ne puis vous écrire par elle, vu que cela m'est défendu, cette lettre vous parviendra par la voie des autorités.

Veuillez chère et bonne Maman, faire donner une récompense d'argent à *Pasha*, Serge vous supplie de contribuer à lui faire avoir sa liberté. Je renvoye de même *Гриша* qui perd son temps à Irkoutsk depuis près d'un an, protégez-le chère Maman, il désire beaucoup rejoindre ses frères qui sont au Don. Il m'a remis très fidèlement les effets appartenant à Serge mais je n'ai jamais pu tirer au clair ce qu'étaient devenus ceux du cuisinier; faites-le dire à sa veuve, j'aurais bien voulu que notre homme d'affaire la dédommage des pertes que cela lui occasionne. Quant à la lettre de crédit de ce dernier je n'ai pu en faire usage car chacun aurait craint de se compromettre en ayant la moindre relation avec moi, je l'ai donc détruite.

Les gages de ma femme de chambre sont tous payés jusqu'au jour de son départ et même un mois d'avance, je lui donnais 25 par mois, habits et linge excepté; veuillez lui faire payer les deux trois mois qu'elle restera en route. Je vous supplie en cas que mes dernières lettres ne soient point parvennes à mes Parens, de leur faire savoir le renvoi de ma femme de chambre, ils peuvent m'envoyer *Маша* par la première occasion elle m'est indispensable et je suis sûre que j'aurai toujours lieu d'être contente de sa conduite. Adieu ma bonne et chère Maman, Serge

---

[1] Объ этой горничной Пашѣ, которая „все по паспорту ходила и оказалась очень ненадежной“, см. „Записки“ М. Н., 2 изд., стр. 30, 32, 42.

se joint à moi pour vous baiser les mains un million de fois, sa santé est supportable ces jours-ci.

Votre obéissante fille
Marie Wolkonsky.

[Дальше чужимъ почеркомъ:]

Девушка остается въ Иркутскѣ до зимняго пути.

(Переводъ.)

21 августа 1827.
Нерчинскъ.

Поручаю вашей добротѣ, милая матушка, мою горничную, которую посылаю назадъ. Не могу писать вамъ съ нею, такъ какъ это мнѣ запрещено; это письмо вы получите чрезъ руки властей.

Прикажите, милая и добрая матушка, выдать денежное вознагражденіе Пашѣ; Сергѣй умоляетъ васъ помочь ей получить вольную. Отсылаю также Гришу, который почти уже годъ напрасно теряетъ время въ Иркутскѣ; окажите ему свое покровительство, милая матушка,— ему очень хочется добраться до своихъ братьевъ, живущихъ на Дону. Онъ очень исправно передалъ мнѣ вещи, принадлежащія Сергѣю, но куда дѣвались вещи повара, мнѣ такъ и не удалось узнать; скажите это, пожалуйста, его вдовѣ; мнѣ хотѣлось бы, чтобы нашъ повѣренный возмѣстилъ ей эту потерю. Кредитивомъ повѣреннаго я не могла воспользоваться, потому что всякій побоялся бы навлечь на себя непріятности, вступивъ со мною въ какое-либо отношеніе; поэтому я его уничтожила.

Жалованье моей горничной уплачено сполна по день ея отъѣзда и даже за мѣсяцъ впередъ. Я платила ей 25 р. въ мѣсяцъ, не считая одежды и бѣлья; велите пожалуйста уплатить ей за тѣ два-три мѣсяца, что она проведетъ въ дорогѣ. На случай, если мои родители не получили моихъ послѣднихъ писемъ, прошу васъ сообщить имъ, что я отослала свою горничную; они могутъ прислать мнѣ Машу [1]

[1] Машу привезла изъ Россіи къ Марьѣ Николаевнѣ уже въ Читу А. И. Давыдова. Маша была, какъ видно, крѣпостная Раевскихъ; кн. М. С. Волконскій сообщаетъ о ней въ примѣчаніи къ „Запискамъ“ матери (2 изд., стр. 74): „Марья Матвѣевна Мальнева. Пріѣхавъ въ Сибирь, эта прекрасная женщина не разставалась болѣе съ княгиней Волконской и умерла въ старости, вскорѣ за нею, въ с. Воронкахъ Черниговской губерніи“.

при первой возможности; она мнѣ очень нужна, и я увѣрена, что буду всегда довольна ея поведеніемъ.

Прощайте, добрая и милая матушка. Сергѣй вмѣстѣ со мною цѣлуетъ ваши руки тысячу разъ. Его здоровье эти дни сносно.

Ваша покорная дочь
Марія Волконская.

[Чужимъ почеркомъ:]

Девушка остается въ Иркутскѣ до зимнего пути.

16.

№ 30.

Ce 2 Septembre 1827.
Благодат: Рудникъ.

Cette fois-ci, c'est à vous que j'écris, bonne Maman, vous suppliant de faire parvenir à Sophie des nouvelles de Serge; sa santé est assez bonne, elle se soutient étonnemment bien pour la saison: les approches de l'hiver sont bien désagréables ici, et c'est la saison la plus sensible pour les poitrines délicates. Je vous prie en grace, chère Maman, de profiter du premier trainage afin de m'envoyer du Porter Anglais. J'espère qu'on ne me refusera point la permission d'en donner tous les jours une petite portion à mon Mari, sa santé exige des fortifiants.

La poste dernière ne m'a point apporté de lettres. J'aime à croire que l'irrégularité des communications si lointaines est seule cause de ce silence si accablant pour moi. Voici trois semaines que je n'ai plus de nouvelles de Nicolina. Je ne doute point que ma soeur Repnine nous écrive régulierèment, mais pour notre tranquillité commune, je la supplie de faire écrire ses filles, la Bonne, afin que dans le nombre des lettres il m'en parvienne une; elle ne m'en voudra point de mon exigeance, le coeur d'une mère me comprendra et me pardonnera facilement.

Je continue à voir Serge tous les trois jours, ces entrevues quelque éloignées et génées qu'elles soient, sont d'un grand adoucissement à nos peines; près de Serge je suis heureuse, mais je me sens d'un isolement quand je ne le vois plus, dificile à rendre; il n'y a que les lettres de nos familles qui puissent me faire gouter quelques instants de tranquilité; et lorsque j'en reçois de consolantes je suis si heureuse de pouvoir les communiquer à mon mari; souvent elles m'arrivent après notre entrevue et je suis condamnée à attendre trois mortels jours pour lui en parler—

que cette position, chère Maman, est cruelle pour nos coeurs, elle eut été supportable à Petersbourg, entourée de Parens, d'amis, de gens qui ont connu Serge et dont les coeurs comprennent les déchirements du mien; là je pouvais parler de lui sans cesse, je n'étais pas seule à m'en occuper; tandis qu'ici il me semble être abandonné de l'univers entier, je ne suis distraite de ma douleur que par la vue des souffrances des malheureux qui m'entourent.—Dieu ne m'accordera-t-il jamais la grâce d'être enfermée avec Serge—quelque soit ma position elle ne peut être qu'heureuse près de lui.

Je vous quitte chère Maman, pour ne pas vous attrister davantage, je crains de faire passer dans votre âme les pénibles sentimens qui agitent la mienne; croyez cependant que Serge n'est jamais témoin de ces moments d'accablement, sa vue seule me fait tout oublier. Adieu encore une fois, Serge vous baise les mains et demande votre bénédiction

Votre obéissante fille
Marie Wolkonsky.

Bien des respects et des tendresses aux Repnine, que Dieu vous ramene Sophie en bonne santé.

(Переводъ.)

2 сентября 1827.
Благодат. Рудникъ.

Этотъ разъ пишу къ вамъ, добрая матушка, прося васъ сообщить Софьѣ свѣдѣнія о Сергѣѣ. Его здоровье довольно хорошо; оно удивительно держится, несмотря на погоду: приближеніе зимы сказывается здѣсь очень непріятно, и для слабогрудыхъ эта пора наиболѣе чувствительна. Очень прошу васъ, милая матушка, воспользоваться первымъ же саннымъ путемъ и прислать англійскаго портера. Надѣюсь, что мнѣ не откажутъ въ позволеніи давать его по немногу каждый день моему мужу. Его здоровье требуетъ укрѣпляющихъ средствъ.

Съ послѣдней почтой я не получила писемъ. Хочу вѣрить, что единственной причиной этого мучительнаго для меня молчанія является неисправность сообщенія на столь дальнемъ разстояніи. Уже три недѣли, какъ я не имѣю извѣстій о Николинькѣ. Не сомнѣваюсь, что сестра Репнина пишетъ намъ исправно, но умоляю ее, ради нашего

общаго спокойствія,—пусть она заставитъ писать и своихъ дочерей, и няню, чтобы изъ многихъ писемъ до меня доходило хоть одно. Она не будетъ пенять на мою притязательность,—материнское сердце меня легко пойметъ и проститъ.

Я по-прежнему вижу Сергѣя разъ въ три дня; какъ ни рѣдки и какъ ни стѣснены эти свиданія, они много облегчаютъ наши страданія. Подлѣ Сергѣя я счастлива, но не видя его, я чувствую себя невыразимо одинокой; только письма отъ нашихъ родныхъ даютъ мнѣ нѣсколько минутъ спокойствія; а когда эти письма утѣшительны, я такъ счастлива сообщить ихъ мужу. Часто я получаю ихъ послѣ свиданья, и обречена ждать три мучительныхъ дня, пока смогу разсказать ему о нихъ. Это положеніе, милая матушка, несказанно мучительно для насъ. Я могла переносить его въ Петербургѣ, окруженная родными, друзьями, людьми, которые знали Сергѣя и чье сердце было способно понимать мои терзанія; тамъ я могла безпрестанно говорить о немъ, я не одна была занята имъ; здѣсь же мнѣ кажется, что онъ всѣми покинутъ, и ничто не отвлекаетъ меня отъ моего горя, какъ только видъ страданій, которыя терпятъ несчастные, окружающіе меня. Даруетъ ли мнѣ когда-нибудь Богъ радость быть заключенной вмѣстѣ съ Сергѣемъ? Каково бы ни было мое положеніе,—я не могу не быть счастлива, находясь съ нимъ.

Кончаю, чтобы болѣе не печалить васъ, милая матушка; боюсь смутить вашу душу тѣми скорбными чувствами, которыя осаждаютъ мою; но будьте увѣрены, что Сергѣю никогда не приходится видѣть моего унынія. Одинъ его видъ заставляетъ меня все забывать. Еще разъ прощайте. Сергѣй цѣлуетъ ваши руки и проситъ вашего благословенія.

Ваша покорная дочь
Марія Волконская.

Сердечный привѣтъ Репнинымъ. Дай Богъ, чтобы Софья вернулась къ вамъ здоровой.

17.

№ 31.

Ce 9 Septembre 1827.
Благодатской-Рудникъ.

Au moins cette lettre ci vous apprendra-t-elle, chère Maman, quelque chose de nouveau, elle ne sera plus une simple répétition des précé-

dentes. Mr. le Commandant nous a annoncé hier que nous partons après demain pour *Четинской острогъ;* j'en suis bien heureuse, le lieu que nous habitons maintenant est bien mal sain en été, les fortes chaleurs produisent des épidemies terribles et l'extreme humidité des mines est on ne peut plus nuisible à la santé de mon Mari.

Une idée de tristesse se mele au plaisir que j'éprouve de partir. Je vais quitter Serge pour quinze jours peut-être, et quatre entrevues seront perdues pour nous; combien j'aurais voulu le suivre de près afin d'avoir des nouvelles de la manière dont il aura supporté le voyage; 500 verstes en *перекладной* ne sont rien me dit-on auprès des 8000 qu'il a faites, mais sa santé a faibli depuis cette époque.—Depuis le départ de Sophie, nous n'avons plus de lettres de Petersbourg, Serge en est tout affligé; je ne doute point que mon frère Répnine nous écrive, mais depuis huit mois que je suis ici je n'en ai pas reçu un seul mot.

Adieu ma bien chère Maman, Serge vous baise les mains un million de fois, il vous prie de donner de ses nouvelles à Sophie et de l'embrasser bien tendrement de sa part. Il quitte ce Рудникъ après l'avoir habité un an, moins quelques jours.

Votre obéissante fille
Marie Wolkonsky.

P. S. J'oublie toujours de vous dire, chère Maman, qu'il est toujours deffendu à Serge de se servir d'un couteau ni d'une fourchette. Veuillez donc nous envoyer de ces derniers en corne ainsi que des cuillères.

(Переводъ.)

9 сентября 1827.
Благодатскій Рудникъ.

Это письмо, милая матушка, по крайней мѣрѣ сообщитъ вамъ кое-что новое, оно не будетъ простымъ повтореніемъ предыдущихъ. Вчера г. комендантъ сообщилъ намъ, что послѣзавтра насъ отправятъ въ *Читинскій острогъ* [1]. Я этому очень рада; мѣстность,

[1] Въ тотъ самый день, когда писалось это письмо, Лепарскій, находившійся эти дни въ Нерчинскомъ заводѣ, сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: „Княгинямъ Волконской и Трубецкой объявить, чтобы онѣ отправились 11-го сентября и слѣдовали бы въ Читу въ сопровожденіи унтеръ-офицера Макавеева, которому дать открытое предписаніе, чтобы отъ станціи до станціи давали для безопаснаго проѣзда княгинь

гдѣ мы теперь живемъ, лѣтомъ очень нездорова; сильный зной вызываетъ страшныя эпидеміи, а необыкновенная сырость рудниковъ крайне вредно отзывается на здоровьи мужа.

Но одно обстоятельство омрачаетъ мнѣ радость отъѣзда. Я должна оставить Сергѣя, можетъ быть, на двѣ недѣли, и мы лишимся четырехъ свиданій. Какъ мнѣ хотѣлось бы ѣхать тотчасъ вслѣдъ за нимъ, чтобы имѣть свѣдѣнія о томъ, какъ онъ перенесъ дорогу! Мнѣ говорятъ, что 500 верстъ *на перекладной*—пустяки по сравненію съ 8000, которые онъ проѣхалъ; но его здоровье съ тѣхъ поръ подалось. Со времени отъѣзда Софьи мы больше не имѣли писемъ изъ Петербурга, это очень огорчаетъ Сергѣя. Не сомнѣваюсь, что братъ Репнинъ намъ пишетъ, но за восемь мѣсяцевъ, что я здѣсь, я не получила отъ него ни строки.

Прощайте, милая матушка. Сергѣй тысячу разъ цѣлуетъ ваши руки. Онъ проситъ васъ написать о немъ Софьѣ и нѣжно обнять ее за него. Онъ прожилъ въ этомъ Рудникѣ годъ безъ нѣсколькихъ дней.

Ваша покорная дочь
Марія Волконская.

P. S. Все забываю сказать вамъ, милая матушка, что Сергѣю все еще запрещено имѣть ножъ и вилку. Поэтому пришлите намъ пожалуйста роговыхъ вилокъ, а также и ложекъ.

по два или по три человѣка конныхъ вооруженныхъ крестьянъ. Затѣмъ, 13-го сентября отправить всѣ восемь человѣкъ государственныхъ преступниковъ и везти ихъ по указанному маршруту при командѣ изъ унтеръ-офицера и 12-ти казаковъ, находившихся при нихъ въ рудникѣ" („Записки" М. Н., изд. 2, стр. 148). Одновременно съ этимъ Лепарскій писалъ Бурнашеву: „При осмотрѣ вчерашняго числа на Благодатскомъ рудникѣ государственныхъ преступниковъ, я нашелъ, что изъ нихъ Волконскій, болѣе всѣхъ похудѣвшій, и довольно (какъ мнѣ показался) слабъ, а какъ при переѣздѣ ихъ не встрѣтится на пути, на случай надобности въ лѣкарствахъ, никакой помощи медицинской, потому прошу Вашего Высокородія дозволить получить отъ княгини Волконской тому г. офицеру, кто отправится съ преступниками, двѣ бутылки вина мадеры и одну водки, чтобы производить, по усмотрѣнію его, Волконскому порцію по двѣ рюмки въ сутки одного изъ сихъ напитковъ" (ibid., стр. 150).—О самомъ переѣздѣ въ Читу см. „Записки" М. Н., стр. 68—70.

Veuillez le bien faire voir chez
Monsieur Stanislas, je le supplie
de se charger de ce point de lui
chez à lui Testament pour mon
fils, sa tante sera prévenue
à tous Deux.

Adieu bonne et chère Maman
je suis le désespoir de vous laisser
je suis privé par la fatigue
Envoyez moi de grace les
portraits que j'ai laissés à
Petersbourg, j'ai envie de les
revoir à cause de leur cadre
en bronze doré je suis en tout
temps et toute heure votre
Serge et demande votre bénédiction

Votre obéissant fils
Serge Wolkonsky

18.

№ 33.

Ce 2 Octobre 1827.
Четинской-Острогъ.

Je suis ici depuis huit jours, chère Maman, sans avoir pu vous écrire, le voyage m'a beaucoup fatiguée; Serge a supporté le sien mieux que je ne l'ai espéré, malgré les terribles gîtes dans les quels on les obligeaient à s'arreter. Chère Maman quel courage il faut pour vivre dans ce pays, il est heureux pour vous qu'il nous soit défendu de vous parler franchement.

Je n'écris pas à Sophie, vu que plus ou moins je dois répondre aux lettres qu'elle écrit à Serge et que mon parti la dessus est pris depuis long tems. Je ne manquerai cependant jamais de lui donner des nouvelles d'un frere qu'elle cherit tendrement; pour le moment je suis faible et souffrante.

J'ai reçu une longue lettre de ma bonne Varette, je l'en remercie du fond de mon coeur. Je suis heureuse de voir combien elle aime mon pauvre Nicolina; croyez chère Maman qu'il sentira toute sa vie le prix des bontés de la famille de son Père; combien je suis contente d'apprendre que ma belle soeur est satisfaite de la Bonne de mon fils, c'est une femme que j'aime comme une veritable amie. Veuillez le lui faire dire, chère et bonne Maman; je la supplie de se ménager, de ne point se laisser aller à son dévoument pour mon fils, sa santé nous est précieuse à tous deux.

Adieu bonne et chère Maman, excusez le décousu de ma lettre, je n'en puis plus de fatigue. Envoyez moi de grace les portraits que j'ai laissés à Petersbourg, j'ai craint de les prendre à cause de leur cadre en bronze et j'ai eu tort. Serge vous baise les mains et demande votre benediction.

Votre obéissante fille
Marie Wolkonsky.

(Переводъ.)

2 октября 1827.
Читинскій острогъ.

Хотя я здѣсь уже восемь дней, милая матушка, но не могла вамъ написать; дорога сильно утомила меня. Сергѣй перенесъ дорогу лучше, нежели я надѣялась, несмотря на то, что ихъ заставляли ночевать

въ ужасныхъ помѣщеніяхъ. Милая матушка, какое мужество надо имѣть, чтобы жить въ этой странѣ! счастье для васъ, что намъ запрещено писать вамъ объ этомъ открыто.

Софьѣ не пишу, потому что мнѣ пришлось бы такъ или иначе отвѣчать на письма, которыя она пишетъ Сергѣю, а на этотъ счетъ я давно приняла рѣшеніе. Тѣмъ не менѣе я всегда буду аккуратно извѣщать ее о братѣ, котораго она такъ нѣжно любитъ; но сейчасъ я слаба и нездорова.

Я получила длинное письмо отъ милой Вареньки [1], за которое благодарю ее отъ всей души. Съ радостью вижу, какъ она любитъ моего бѣднаго Николиньку. Вѣрьте, милая матушка, что онъ всю жизнь будетъ помнить неоцѣненную доброту отцовской семьи. Я невыразимо рада слышать, что моя невѣстка довольна нянею моего сына. Я люблю эту женщину, какъ истиннаго друга,— передайте ей это, милая и добрая матушка. Я прошу ее беречь себя, не изнурять себя изъ преданности моему сыну; ея здоровье драгоцѣнно для насъ обоихъ.

Прощайте, добрая и милая матушка. Простите нескладность моего письма, я падаю отъ усталости. Пришлите мнѣ, пожалуйста, портреты, которые я оставила въ Петербургѣ; я побоялась взять ихъ съ собою изъ-за ихъ бронзовыхъ рамокъ, и теперь жалѣю. Сергѣй цѣлуетъ ваши руки и проситъ вашего благословенія.

Ваша покорная дочь
Марія Волконская.

19.

№ 38.

Ce 6 Novembre 1827.
Четинской Острогъ.

Je ne saurais vous exprimer assez vivement combien j'ai été heureuse, chère Maman, à la réception de votre bien bonne lettre du vingt Août. En vous faisant part des chagrins qui pesaient sur mon âme, j'étais persuadée que vous entreriez dans ma position. Vos bontés pour moi, depuis que j'ai le bonheur de vous appartenir, la délicatesse de vos procedés m'en étaient un sûr garant. Vous avez compris, chère Maman, que les insinuations quelque injustes qu'elles soient, mais faites sur le compte des personnes qui me sont plus chères que la vie, ne

[1] Варвара Алексѣевна, жена кн. Н. Г. Репнина (или ихъ дочь, Варв. Ник.?).

peuvent qu'agraver le malheur de notre position. Je vois avec une bien vive reconnaissance que vous rendez justice à la manière dont j'ai abordé ce sujet dans mes lettres, car la publicité donnée à des relations de famille n'est pas venue ni le sera jamais de moi. Mais soyez bien persuadée qu'il me suffit de voir l'attachement que l'on porte à Serge pour me faire tout oublier, la tranquillité, le bien être de Serge avant tout!

Mille fois merci, chère Maman, des bonnes nouvelles que vous me donnez de Nicolina; j'en avais grand besoin, nos inquiétudes à son égard étaient telles que nous n'osions plus prononcer son nom; cette idée de rachitisme me tourmentait sans cesse, mon imagination facile à s'alarmer me présentait les choses si fort en noir. Combien je suis reconnaissante à ma bonne et respectable soeur Répnine des soins qu'elle voue à mon fils; je crois la voir prodiguant à Nicolina cette tendresse, cette sollicitude inapréciable qu'elle donnait à l'éducation de ses enfans. Serge se joint à moi pour lui en exprimer sa vive gratitude. Je ne puis me plaindre de sa santé qui est assez bonne malgré la rigueur du tems; quant à sa situation d'esprit il est dificile, je dirai presque impossible de trouver une sérénité d'âme semblable à la sienne; ce n'est certainement point pour le faire valoir que je vous en parle, bonne Maman; d'autres peuvent esperer de l'avenir, l'esperance peut bercer l'imagination des jeunes gens, mais tout est fini pour nous; le seul, l'unique voeu que je forme, c'est que Dieu rende la santé à mon pauvre Serge; ce n'est point ici bas que j'éspère en sa Divine Miséricorde mais tant de souffrances et de peines trouveront un jour leur récompense.—Je vous dis adieu, chère Maman, on demande mes lettres, je baise vos mains pour Serge et pour moi.

Votre obéissante fille
Marie Wolkonsky.

Envoyez à Serge du tabac le plus possible, il vous en prie instamment.

(Переводъ.)

6 ноября 1827.
Читинскій Острогъ.

Не могу достаточно сильно выразить, милая матушка, какъ я была счастлива, получивъ ваше доброе письмо отъ 20 августа. Сообщая вамъ о горестяхъ, терзавшихъ мою душу, я была увѣрена, что вы

войдете въ мое положеніе; въ этомъ были мнѣ вѣрной порукою ваша неизмѣнная доброта ко мнѣ съ тѣхъ поръ, какъ я имѣю счастіе принадлежать вамъ, и деликатность вашихъ поступковъ. Вы поняли, милая матушка, что какъ бы несправедливы ни были нареканія, но разъ они касаются людей, которые мнѣ дороже жизни, — они неизбѣжно усугубляютъ тяжесть нашего положенія. Я горячо благодарна вамъ, видя, что вы одобряете способъ, которымъ я трактовала этотъ предметъ въ моихъ письмахъ, такъ какъ я никогда не была и не буду способна предавать гласности семейныя отношенія. Но будьте увѣрены, что мнѣ достаточно увидѣть проявленіе искренной привязанности къ Сергѣю, чтобы все забыть. Спокойствіе, благополучіе Сергѣя—прежде всего.

Тысячу разъ благодарю васъ, милая матушка, за добрыя вѣсти о Николинькѣ; это было мнѣ очень нужно, мы такъ безпокоились о немъ, что не рѣшались даже произносить его имя. Мысль о рахитѣ изводила меня; мое воображеніе, легко предающееся тревогѣ, рисовало мнѣ дѣло въ самомъ мрачномъ свѣтѣ. Я сердечно благодарна доброй и уважаемой сестрѣ Репниной за ея заботы о моемъ сынѣ; я точно вижу ее ухаживающей за Николинькой съ той же нѣжной заботливостью, съ какою она воспитывала своихъ дѣтей. Сергѣй вмѣстѣ со мною выражаетъ ей свою горячую признательность. На его здоровье я не могу жаловаться: оно довольно хорошо несмотря на суровую погоду; что же касается его настроенія, то трудно, можно сказать— почти невозможно встрѣтить въ комъ-либо такую ясность духа, какъ у него; говорю вамъ это, милая матушка, конечно не затѣмъ, чтобы возвысить его въ вашихъ глазахъ. Другіе могутъ надѣяться на будущее, надежда можетъ ласкать воображеніе молодыхъ людей, а для насъ все кончено; единственное желаніе, которое я лелѣю, это — чтобы Богъ вернулъ здоровье моему бѣдному Сергѣю; не здѣсь, на землѣ, я разсчитываю на его божественное милосердіе, но столько страданій и скорбей когда-нибудь будутъ вознаграждены. Я должна проститься съ вами, милая матушка, моихъ писемъ ждутъ. Цѣлую ваши руки за Сергѣя и за себя.

Ваша покорная дочь
Марія Волконская.

Пришлите Сергѣю какъ можно больше табаку, онъ убѣдительно проситъ васъ объ этомъ.

20.

№ 39.

Ce 14 Novembre 1827.
Четинской Острогъ.

J'ai reçu, chère Maman, par le même courrier vos lettres № 1 et 2 et suis charmée de voir que vous les ayez numerotées car cela nous mettra plus au courant de notre correspondance. Je baise un million de fois vos mains, des bonnes nouvelles que vous me donnez de notre cher Nicolina; combien vous etes bonne, chère Maman, d'entrer dans les plus petits details à son égard. Je suis heureuse de la tendresse que vous lui portez, elle perce dans chacune de vos paroles, croyez que les soins que vous et ma belle soeur Répnine lui prodiguez sont bien vivement senti par Serge et par moi.

Mille fois merci de la promesse que vous me donnez de m'écrire toutes les semaines bien régulierement—Oui, chère Maman, vos lettres me font un bien réel; le calme, la résignation qui y régnent, sont un exemple et une consolation pour nous. J'en avais grand besoin car pendant les derniers tems de mon séjour à Благодатскъ, l'incertitude où nous étions sur notre pauvre Enfant, rendait notre situation plus accablante que celle qui nous est destinée par le sort. Je vous supplie seulement, chère Maman, de faire remettre vos lettres à Monsieur le Général Benkendorff le jour même de la poste, c'est la voie la plus sure pour me les faire parvenir, pourvu que vous le fassiez a tems, car mes compagnes reçoivent les leurs, bien souvent à quinze jours de date plus fraiches que les miennes.

Les nouvelles que vous nous donnez de Sophie, nous ont fait le plus grand plaisir; que Dieu vous la ramene en bonne santé. Je n'ai pas besoin de vous supplier de lui faire part de tout ce qui conserne Serge dans mes lettres, mais en grace priez la de se soigner autant qu'il le désire, dites lui que c'est necessaire à son repos et qu'elle doit être aussi docile a ses prières qu'il l'est aux siennes.

Je dois vous prévenir, chère Maman, que depuis mon depart de Pétersbourg je n'ai eu d'autres fonds que ceux que j'ai apporté avec moi—outre mille roubles que j'ai reçu de mon Père; le voyage, le renvoy des gens, notre translation de Благодатскъ ici m'ont fait faire des dépenses imprévues et me mettent dans l'ambarras. Il y a long tems que j'en ai prévenu mon frère Répnine, mais il parait que ma lettre ne lui est pas parvenue, ou bien qu'il suppose que j'ai fait usage de la lettre de

crédit dont le cuisinier Théodore était porteur, chose qui n'a pas été effectuée vu son décès; et comme vous avez la bonté de vous charger de mes commissions, veuillez bonne Maman me faire expedier, aux frais de la tutelle, un envoys annuel des provisions de toute espèce, de la foire des Makarieff; je ne demande que des provisions de bouche, quant à Serge il lui faut du drap, de la toile, et force tabac. Tous ces articles sont pour la plupart introuvables ici ou bien d'un prix qui dépasse la somme qui nous est accordée pour notre entretien. Je vous quitte chère Maman, n'en pouvant plus de fatigue. Vous devez le voir par mon écriture, je m'en vais voir Serge et le bénirais de votre part.

Votre obeissante fille
Marie Wolkonsky.

Serge vous supplie de lui envoyer l'Entomologie de Ficher, или Наука о Насѣкомыхъ: 2 тома.

(Переводъ.)

14 ноября 1827.
Читинскій Острогъ.

Одинъ и тотъ же курьеръ доставилъ мнѣ, милая матушка, ваши письма № 1 и 2, и я очень рада тому, что вы ихъ занумеровали, потому что такимъ образомъ мы будемъ лучше освѣдомлены о судьбѣ нашихъ писемъ. Тысячу разъ цѣлую ваши руки за добрыя вѣсти, которыя вы сообщаете мнѣ о нашемъ миломъ Николинькѣ. Какъ вы добры, милая матушка, что входите въ малѣйшія подробности, касающіяся его. Я счастлива вашей нѣжной любовью къ нему,—она просвѣчиваетъ въ каждомъ вашемъ словѣ. Вѣрьте, что Сергѣй и я глубоко чувствуемъ тѣ заботы, которыя вы и моя золовка Репнина посвящаете ему.

Тысячу разъ благодарю васъ за ваше обѣщаніе исправно писать мнѣ каждую недѣлю. Да, милая матушка, ваши письма для меня истинно благодѣтельны; покой и покорность, которыми они дышатъ, служатъ намъ примѣромъ и утѣшеніемъ. Они были мнѣ очень нужны, потому что въ послѣднее время моего пребыванія въ Благодатскѣ томившая насъ неизвѣстность о нашемъ бѣдномъ ребенкѣ мучила насъ больше, нежели то положеніе, въ которое мы поставлены судьбою. Прошу васъ только, милая матушка, доставлять ваши письма генералу

Бенкендорфу въ самый день почты; это—наиболѣе вѣрный путь, чтобы они доходили до меня, лишь бы только вы дѣлали это во-время, потому что мои подруги часто получаютъ письма на двѣ недѣли болѣе свѣжія, чѣмъ я.

Свѣдѣнія, которыя вы сообщаете намъ о Софьѣ, доставили намъ величайшее удовольствіе; дай Богъ, чтобы она вернулась къ вамъ въ добромъ здоровьѣ. Мнѣ нѣтъ надобности просить васъ, чтобы вы сообщали ей все, что я пишу вамъ о Сергѣѣ, но ради Бога, напомните ей, чтобы она берегла себя такъ, какъ онъ того желаетъ, скажите ей, что это нужно для его спокойствія и что она должна такъ же покорно исполнять его просьбы, какъ онъ исполняетъ ея просьбы.

Я должна увѣдомить васъ, милая матушка, что со времени моего отъѣзда изъ Петербурга я имѣла только тѣ деньги, которыя увезла съ собою [1], да еще тысячу рублей, полученныхъ мною отъ моего отца; путешествіе, отсылка людей, нашъ переѣздъ изъ Благодатска сюда ввели меня въ непредвидѣнные расходы, такъ что я нахожусь въ затруднительномъ положеніи. Я давно уже предупредила объ этомъ брата Репнина, но мое письмо повидимому не дошло до него, или же онъ думаетъ, что я воспользовалась кредитивомъ, который долженъ былъ привезти мнѣ поваръ Ѳедоръ и котораго за смертью послѣдняго я не получила. И такъ какъ вы столь добры, что берете на себя мои порученія, то прикажите, милая матушка, прислать мнѣ за счетъ опеки годовой запасъ всякой провизіи съ Макарьевской ярмарки; я прошу только съѣстныхъ припасовъ, а Сергѣю нужно сукно, полотно и много табаку. Всѣхъ этихъ вещей здѣсь большею частью нельзя найти, или же они стоятъ столько, сколько мы не можемъ тратить при тѣхъ средствахъ, которыя отпускаются намъ на жизнь. Кончаю, милая матушка, потому что крайне устала, какъ вы можете видѣть по моему почерку. Иду на свиданіе съ Сергѣемъ и благословлю его за васъ.

Ваша покорная дочь
Марія Волконская.

Сергѣй проситъ васъ прислать ему „Энтомологію“ Фишера, или „Науку о насѣкомыхъ“, 2 тома.

---

[1] 700 руб. ассигн., см. „Записки“ М. Н., изд. 2, стр. 50.

21.

№ 40.

Ce 19 Novembre 1827.
Четинской Острогъ.

Votre lettre du № 3 m'est parvenue avant hier, chère et bonne Maman, ainsi que celle que vous avez reçue de Sophie du 8 Août. Serge est tout heureux d'avoir enfin des nouvelles plus tranquillisantes sur sa soeur; dans le peu de mots qu'elle écrit de sa main, en vous faisant le tableau touchant de son entrevue avec son fils, la bonne Sophie n'a pas manqué de faire des retours sur Serge. Dites lui bien, chère Maman, qu'il en a été vivement touché et que nous lui en sommes reconnaissants au de là de toute expression. Croyez, chère Maman, que nous oublions nos peines présantes et ne songeons plus à celles qui nous prépare un long et terrible avenir, sitôt que nous apprenons que Dieu dans sa misericorde, donne des consolations à ceux qui nous sont chers.

La nouvelle de l'heureuse délivrance de S. M. l'Imperatrice régnante m'était connue avant la réception de votre lettre; comme ma position ne peut avoir d'influence sur mes sentimens, et quelque interpretation que l'on donne à mes paroles, je me réjouis avec vous de ce que le Ciel en lui accordant un fils, ait comblé le plus cher de ses voeux. Nous vous baisons bien tendrement les mains, chère Maman, pour les bonnes nouvelles que vous nous donnez de Nicolina; vos détails sont si précis, que nous croyons l'avoir sous nos yeux et sommes tout heureux de son développement physique et de ses gentillesses. La longue lettre de sa Bonne, m'a fait le plus grand plaisir, je lui écris pour la remercier des soins qu'elle donne à notre enfant et surtout pour les voeux ardents qu'elle forme pour mon pauvre Serge.

Votre arrangement, chère Maman, pour l'envoy de mon vin est fait au mieux, cela vous épargnera les frais de poste et à moi six mois d'attente. Maintenant que je vois qu'il vous est permis de me faire des envoys, je vous supplie chère Maman de donner vos ordres à notre homme d'affaires d'expedier du tabac à fumer pour Serge autant que la poste peut s'en charger, mais tous les mois, bien regulièrement. Cela n'est point un objet de fantaisie pour Serge mais une necessité sanitaire sous tout plein de rapports. Quant à moi, ma bien bonne et chère Maman, je vous supplie de m'envoyer quelque nouveauté littéraires, tant Russes Françaises qu'Angloises. Vous voyez que je suis sans conscience

dans mes demandes, c'est bien vous qui en etes cause chère Maman.— Je vous quitte en vous demandant votre bénédiction pour Serge et pour moi. Je compte écrire à ma soeur Répnine si j'en n'ai pas trop tardé, ce soir même; mille amitiés de ma part à notre bonne et séduisante Zeneïde.

Vorte obéissante fille
Marie Wolkonsky.

(Переводъ.)

19 ноября 1827.
Читинскій Острогъ.

Третьяго дня получила ваше письмо № 3, милая и добрая матушка, равно какъ и полученное вами письмо Софьи отъ 8 августа. Сергѣй очень радъ, что получилъ наконецъ болѣе успокоительныя извѣстія о своей сестрѣ; въ тѣхъ немногихъ строкахъ, писанныхъ ею собственноручно, гдѣ она такъ трогательно разсказываетъ вамъ о своемъ свиданіи съ сыномъ, добрая Софья не преминула вспомнить о Сергѣѣ. Передайте ей, милая матушка, что онъ былъ очень тронутъ этимъ и что мы несказанно благодарны ей за это. Вѣрьте, милая матушка, что какъ только мы узнаемъ, что Богъ въ своемъ милосердіи даруетъ утѣшеніе тѣмъ, кто намъ дорогъ, — мы забываемъ наши нынѣшнія невзгоды и перестаемъ думать о тѣхъ, какія готовитъ намъ долгая, страшная будущность.

О благополучныхъ родахъ Е. В. царствующей императрицы я знала еще до полученія вашего письма. Такъ какъ мое положеніе не можетъ вліять на мои чувства, и какъ бы ни были истолкованы мои слова,—я радуюсь вмѣстѣ съ вами, что Богъ исполнилъ ея горячее желаніе, даровавъ ей сына. Мы нѣжно цѣлуемъ ваши руки, милая матушка, за ваши добрыя вѣсти о Николинькѣ. Вы такъ отчетливо передаете всѣ подробности, что мы словно видимъ его, и всей душою радуемся его физическому развитію и его шалостямъ. Большое письмо няни доставило мнѣ величайшее удовольствіе; я пишу ей и благодарю ее за ея заботы о нашемъ ребенкѣ и въ особенности за горячія пожеланія, которыя она посылаетъ моему бѣдному Сергѣю.

Ваши распоряженія, милая матушка, насчетъ пересылки вина ко мнѣ очень хороши; это избавитъ васъ отъ почтовыхъ расходовъ, а меня—отъ шестимѣсячнаго ожиданія. Теперь, убѣдившись, что вамъ позволено посылать мнѣ вещи, я прошу васъ, милая матушка, приказать нашему повѣренному высылать курительнаго табаку для Сер-

гѣя, сколько почта возьметъ, но правильно каждый мѣсяцъ. Это не прихоть Сергѣя, а санитарное средство, необходимое для него во многихъ отношеніяхъ. Что до меня, то прошу васъ, дорогая матушка, прислать мнѣ какихъ-нибудь новыхъ книгъ, какъ русскихъ и французскихъ, такъ и англійскихъ. Какъ видите, я безсовѣстна въ своихъ требованіяхъ, но вы сами виноваты въ этомъ, милая матушка. Кончая письмо, прошу вашего благословенія Сергѣю и себѣ. Хочу еще сегодня вечеромъ написать сестрѣ Репниной, если будетъ не слишкомъ поздно. Тысячу поклоновъ отъ меня нашей милой и очаровательной Зинаидѣ [1].

Ваша покорная дочь
Марія Волконская.

22.

№ 44.

Ce 20 Decembre 1827.
Четинской Острогъ.

C'est sous l'enveloppe de Maman que je vous écris, chère Soeur, voulant vous donner des nouvelles de Serge à toutes deux à la fois— Sa santé est assez bonne pour le moment mais il est impossible que nos horribles froids n'influent sur elle; voila plus d'un mois que nous avons des 30 à 36 degres de froid.—Depuis votre départ pour l'Italie vous etes bien peu exacte à nous écrire, chère Soeur, si les copies de vos lettres nous parviennent, celles en original peuvent nous arriver tout de même. Ne m'en voulez point de ce leger reproche, chère Soeur, croyez que votre inalterable amitié pour Serge est bien vivement sentie par moi et c'est pour cela que je vous engage à lui écrire; sa santé, sa disposition d'esprit tient au plus ou moins d'ésperances qu'on lui donne sur vous; votre entière guérison est son voeu le plus cher.—Nous avons été bien affligés d'apprendre l'indisposition de notre bien adorée Maman, Serge a pris l'alarme de suite, il s'imagina que son mal est plus sérieux qu'un simple rhumatisme il en est tout inquiet, tout bouleversé; j'attends le prochain courrier avec la plus vive impatience. J'espère que Maman fera usage, si son mal ne vient que d'un refroidissement, du remede qui lui a fait tant de bien l'année dernière.

Que vous dirai-je de notre sombre Sibérie, les grands froids m'em-

---

[1] Кн. Зинаида Александр. Волконская, рожд. Бѣлосельская-Бѣлозерская, жена брата С. Гр. Волконскаго, Никиты Григорьевича, извѣстная поэтесса.

pechent de voir mes compagnes aussi souvent que je l'aurai desirée. Pour Catache et Madame Entalzoff nous sommes constemment ensemble vu que nous faisons ménage commun, nous nous occupons de cuisine à tour de rôle; il parait que Dieu nous a crée pour notre état actuel, car nous sommes entrées dans notre position on ne peut mieux. Ne voyant jamais les choses en noir je ne me sens malheureuse que lorsque je vois la santé de Serge faiblir; et si on pouvait m'accorder la grace de partager ses travaux, d'avoir mon fils ici, et de pouvoir leur consacrer mon existence j'aurais été la plus heureuse des femmes. Catache est instruite des ridicules bruits que l'on a fait courir sur elle et ne s'en inquiete nullement; n'ayant jamais songé à faire parler d'elle dans le monde elle ne se soucie guère de ses jugements, en un mot personne n'a moins cherché à se mettre en scene ni à courir après l'heroïsme.—

J'ai vu Serge hier, il n'a cessé de me parler de ses inquietudes pour Maman et de votre long et cruel silence; écrivez lui, au nom du Ciel parlez lui de vos Enfans et de Grégoire surtout. Il n'a jamais reçu votre tabac et prie Maman de lui en envoyer le plus possible ainsi que de l'Arrowroot et du chocolat de santé. J'attends mes ventouses avec impatience ainsi que le vin que Maman me promet. Je vous dis adieu chère Soeur en vous embrassant du fond de mon coeur pour Serge et pour moi.—Mille choses de ma part à votre aimable fille.

Votre soeur
Marie Wolkonsky.

(Переводъ.)

20 декабря 1827.
Читинскій Острогъ.

Пишу вамъ на адресъ матушки, милая сестра [1], чтобы заодно сообщить вамъ объимъ о Сергѣѣ. Его здоровье сейчасъ довольно хорошо, но стоящіе здѣсь ужасные морозы не могутъ не повліять на его состояніе; уже болѣе двухъ мѣсяцевъ у насъ отъ 30 до 36° холода. Со времени вашего отъѣзда въ Италію вы пишете намъ довольно неисправно, милая сестра; если копіи вашихъ писемъ [2] доходятъ до насъ, то и подлинники также доходили бы. Не сердитесь на меня за этотъ легкій упрекъ, милая сестра; вѣрьте, что я умѣю цѣнить вашу неизмѣнную дружбу къ Сергѣю; потому-то я и прошу васъ пи-

[1] Письмо обращено къ кн. С. Г. Волконской.
[2] Сообщаемыя Маріи Ник. и Сергѣю Г. матерью послѣдняго.

сать ему. Его здоровье и настроеніе въ значительной степени зависятъ отъ того, насколько утѣшительны сообщаемыя ему свѣдѣнія о васъ. Ваше полное выздоровленіе—самая завѣтная его мечта. Насъ очень огорчило извѣстіе о нездоровьи обожаемой матушки. Сергѣй тотчасъ же испугался; онъ вообразилъ, что ея болѣзнь серьезнѣе, нежели простой ревматизмъ. Это крайне безпокоитъ и волнуетъ его; я съ нетерпѣніемъ жду слѣдующаго курьера. Если нездоровье матушки вызвано простудою, она воспользуется, надѣюсь, тѣмъ лекарствомъ, которое такъ помогло ей въ прошломъ году.

Что вамъ сказать о нашей угрюмой Сибири? Изъ-за сильныхъ морозовъ я вижусь со своими подругами рѣже, чѣмъ хотѣла бы [1]. Съ Катей и г-жей Ентальцевой мы всегда вмѣстѣ, такъ какъ ведемъ общее хозяйство; мы по очереди стряпаемъ. Господь точно создалъ насъ для нашего нынѣшняго положенія, — мы освоились съ нимъ какъ нельзя лучше. Такъ какъ я никогда не вижу вещей въ черномъ свѣтѣ, то чувствую себя несчастною только тогда, когда здоровье Сергѣя слабѣетъ, и если бы мнѣ разрѣшили раздѣлять его заключеніе, имѣть при себѣ моего сына и посвящать имъ мою жизнь, я была бы счастливѣйшей женщиной. Катя знаетъ о смѣшныхъ слухахъ, пущенныхъ на ея счетъ, и они ничуть не безпокоятъ ее; она никогда не старалась возбуждать о себѣ толки въ обществѣ, и совершенно равнодушна къ его сужденіямъ; словомъ, меньше чѣмъ кто-нибудь, она склонна привлекать къ себѣ вниманіе и играть роль героини.

Сергѣя я видѣла вчера; онъ все время говорилъ о своихъ тревогахъ за матушку и о вашемъ долгомъ и мучительномъ молчаніи. Ради Бога, пишите ему, сообщайте ему о вашихъ дѣтяхъ, особенно о Гришѣ. Табаку, посланнаго вами, онъ такъ и не получилъ, и проситъ матушку прислать ему табаку какъ можно больше, а также арорута и питательнаго шоколада. Жду банокъ съ нетерпѣніемъ, равно какъ и вина, которое обѣщаетъ мнѣ матушка. Прощайте, милая сестра, обнимаю васъ отъ всего сердца за Сергѣя и за себя. Мой искренній привѣтъ вашей милой дочери.

Ваша сестра
Марія Волконская.

---

[1] Въ Читѣ въ это время находились слѣдующія жены декабристовъ: кн. Е. И. Трубецкая, А. В. Ентальцева, А. Г. Муравьева, Е. П. Нарышкина, Н. Д. фонъ-Визина, потомъ пріѣхали Анненкова (m-lle Поль) и А. И. Давыдова.

23.

№ 45. Ce 27 Decembre 1827.
Четинской Острогъ.

C'est à vous que je m'adresse de nouveau, chère Soeur, pour donner des nouvelles de Serge, qui est tout heureux d'apprendre les progres rapides de votre convalescence, nous le tenons de Catache qui vient de recevoir une longue lettre d'Aline, pleine de détails sur vous. Je ne puis vous parler assez de la joie de Serge à la réception de ces bonnes nouvelles, bien qu'elles nous soient parvenues indirectement; la seule chose qui l'ait un peu peiné dans cette lettre, c'est l'épithete de *pauvre* que me donne sa Niece; je puis vous assurer chère Soeur, que je ne le suis pas du tout, et ne puis qu'être heureuse auprès de Serge; je suis fière de lui appartenir, il est l'exemple de la résignation et de la fermeté. Sa santé continue à se soutenir, il va fort assiduement aux travaux, c'est la meilleure preuve que je puisse vous donner du retour de ses forces. Quant à moi je me suis faite à ma position, je mene une vie active et laborieuse et ne trouve rien de mieux que le travail des mains; cela vous engourdit si bien les idées qu'aucune pensée triste ne vient vous tourmenter, tandis que toute lecture vous ramene au passé.

Je reçois fort exactement les lettres de Maman et la remercie bien de son envoy de provisions; j'ai été charmée de voir du bouillon, dans le nombre, vu que c'est moi qui fait tous les jours le potage de Serge et m'en tire fort mal, manquant de beaucoup de chose. Catache est beaucoup plus savante que moi en cuisine, en revanche personne de mes compagnes ne raccomode ni ne travaille en linge comme moi; sitôt le printems venu c'est bien moi qui leur apprendrai à soigner un potager, que de talens n'ai je point acqui depuis notre séparation.—Voila plus d'un an que j'ai quitté Nicolina, sera-t-il toujours privé de la bénédiction de son père. Mon Dieu si je pouvais me trouver avec eux deux, dans quelque coin de la Sibérie que cela fut.

Nos froids ont diminués ces jours ci, il n'y a plus que 25 á 30 degres. Jugez à quoi nous sommes reduits puisque nous trouvons ce tems fort doux: j'ai recommencé mes promenades qui se bornent au village vu que je ne puis en sortir sans permission.

Que vous dirai-je encore, chère Soeur, notre vie est si calme si uniforme: nous voyons nos maris deux fois la semaine pendant trois heurs, il nous est permi de leur envoyer à diner; le bruit de leurs

chaines nous attire souvent à la fenêtre où nous avons le douloureux plaisir de les voir passer à l'ouvrage, ils travaillent cinq heures dans la journée à deux reprises, mais on ne leur demande rien au dessus de leur forces et cet ouvrage leur fait du bien, puisque que c'est toujours de l'exercisse. J'ai voulu vous écrire longuement afin de provoquer une réponse semblable, et maintenant je suis dans des trances que ma lettre ne s'arrete en chemin; mais que faire, le sort en est jeté. Ecrivez nous donc, chère Soeur, parlez-moi de Gregoire beaucoup; je ne puis vous exprimer, l'interet qu'il m'inspire, est-ce sa ressemblance avec Serge, est-ce son attachement pour lui, je n'en sais rien, mais je vous prie en grace de me reccomander à son amitié. Chargez vous de bien des choses de ma part à votre aimable fille, ainsi qu'au bon Docteur Pizzatti.

Votre soeur
Marie Wolkonsky.

Je baise les mains de ma chère Maman pour Serge et pour moi et la prie de nous envoyer du tabac à fumer.

(Переводъ.)

27 декабря 1827.
Читинскій Острогъ.

Пишу опять вамъ, милая сестра [1], чтобы сообщить вамъ о Сергѣѣ, который былъ очень счастливъ, узнавъ о быстромъ ходѣ вашего выздоровленія. Мы узнали это отъ Кати, которая только-что получила длинное письмо отъ Алины, полное подробностей о васъ. Не могу изобразить вамъ радость, какую доставила Сергѣю эта добрая вѣсть, несмотря на то, что она дошла до насъ окольнымъ путемъ. Одно только немного огорчило его въ этомъ письмѣ, именно эпитетъ *бѣдная,* который прилагаетъ ко мнѣ его племянница. Могу васъ увѣрить, милая сестра, это слово вовсе не подходитъ ко мнѣ: я совершенно счастлива, находясь подлѣ Сергѣя. Я горда мыслью, что принадлежу ему; онъ образецъ покорности и твердости. Его здоровье по-прежнему хорошо, онъ прилежно ходитъ на работу—это лучше всего доказываетъ вамъ, что его силы возстановились. Что до меня, то я привыкла къ своему положенію, веду дѣятельную и трудовую жизнь; я нахожу, что нѣтъ ничего лучше, нежели работа

[1] Письмо обращено къ кн. С. Г. Волконской.

рукъ: она такъ хорошо усыпляетъ умъ, что никакая печальная мысль не мучитъ человѣка, тогда какъ чтеніе непремѣнно приводитъ на память прошлое.

Я очень исправно получаю письма отъ матушки. Сердечно благодарю ее за присылку припасовъ. Я была очень рада найти бульонъ среди присланной провизіи, потому что я сама ежедневно варю супъ для Сергѣя, и это мнѣ плохо удается за недостаткомъ многихъ нужныхъ вещей. Катя знаетъ толкъ въ кухнѣ гораздо больше моего, зато ни одна изъ моихъ подругъ не умѣетъ чинить и шить бѣлья такъ, какъ я; я-же научу ихъ, съ наступленіемъ весны, разводить огородъ; вотъ сколько талантовъ я пріобрѣла съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались.—Вотъ уже больше года, какъ я оставила Николиньку; навсегда ли онъ лишенъ благословенія своего отца?—Господи, если бы я могла жить съ ними обоими въ какомъ бы то ни было мѣстѣ Сибири!

Послѣдніе дни холода у насъ поубавились; теперь только 25—30°/₀. Подумайте, каково намъ здѣсь жить, если мы находимъ такую погоду очень мягкой. Я возобновила свои прогулки, которыя ограничиваются предѣлами деревни, такъ какъ мнѣ нельзя выходить изъ нея безъ разрѣшенія.

Что еще сказать вамъ, милая сестра? Наша жизнь такъ тиха и однообразна: мы видимся съ нашими мужьями два раза въ недѣлю по три часа, намъ разрѣшено посылать имъ обѣдъ; часто лязгъ ихъ цѣпей призываетъ насъ къ окну, откуда мы съ горькой радостью смотримъ, какъ они идутъ на работу; они работаютъ пять часовъ въ день въ два пріема, но работа ихъ не чрезмѣрна и благотворна для нихъ, потому что это все-таки движеніе. Я хотѣла написать вамъ много, чтобы вызвать такой же отвѣтъ, а теперь мною овладѣлъ страхъ, что мое письмо застрянетъ въ пути; но что дѣлать, будь что будетъ. Пишите же намъ, милая сестра, сообщите мнѣ подробно о Гришѣ; не могу передать вамъ, какъ онъ меня интересуетъ, потому-ли, что похожъ на Сергѣя, или потому, что любитъ его,—не знаю; прошу васъ передать ему выраженіе моей дружбы. Передайте пожалуйста мой сердечный привѣтъ вашей милой дочери, а также доброму д-ру Пиццатти.

Ваша сестра
Марія Волконская.

За Сергѣя и себя цѣлую руки милой матушки и прошу ее прислать курительнаго табаку.

24.

№ 1.

Ce 6-Janvier 1829.
Четинской Острогъ.

Vous avez pu juger chère Maman, par mes precedentes lettres, combien Serge et moi, nous avons besoin d'avoir regulierement de vos nouvelles. Les douloureux evenemens du jour, ont mis votre âme dans une position si pénible, qu'il est impossible que nous n'ayons pas d'inquietudes pour vous. Chère Maman soignez vous, vous etes l'Ange tutelaire de Serge, ménagez vous pour son bonheur et sa tranquillité. Vous etes pour moi la plus tendre des Mères, j'ai aussi besoin de vos consolations.—Nous voila à la nouvelle année, c'est un triste anniversaire à qui n'attend rien du tems—Notre sort est invariable, le seul et unique voeu que j'aye à former, est de partager la prison de Serge. Bien bonne Maman implorez de S. M. l'Empereur cette grace; obtenez-moi l'unique faveur que je crois avoir le droit de solliciter et je bénirai ceux à qui je la devrai et ma destinée. Rendez-moi vos bons offices pour me réunir à Serge et cette année si triste par les antecedens et par mes pressentimens, sera une année de bonheur.

Je voulais terminer cette lettre en vous accusant la réception des vôtres; mais j'apprends que la poste n'en a apporté à personne aujourd'hui, vu le prochain depart de M-r le Gouverneur. Je suis charmée d'apprendre que l'on vous ait indiqué la voie directe de Monsieur le Commandant pour vos envois; ils m'arriveront bien plus vite maintenant. Dieu veuille que nos lettres nous arrivent bien exactement, Serge va passer huit jours d'une cruele attende.

Chère Maman, encore une grace. Je tiens à assurer le sort de Ефимъ, suppliez mes beaux frères qu'ils ne tardent plus à m'envoyer l'acte que je sollicite en sa faveur. Adieu ma bien adorée Maman, je baise vos mains pour Serge et pour [moi] et demande votre benediction pour tous deux. Bien des tendresses de notre part aux Repnin à mes Nieces.

Votre obéissante fille
Marie Wolkonsky.

(Переводъ.)

6 января 1829.
Читинскій Острогъ.

По моимъ предыдущимъ письмамъ, милая матушка, вы могли видѣть, какъ нужно Сергѣю и мнѣ правильно получать извѣстія отъ васъ. Послѣднія горестныя происшествія такъ разстроили васъ, что мы не можемъ не тревожиться за васъ. Милая матушка, берегите себя, вы ангелъ-хранитель Сергѣя,—берегите себя для его счастья и спокойствія. Вы въ моихъ глазахъ—образецъ материнской любви, и я также нуждаюсь въ вашихъ утѣшеніяхъ.—Вотъ мы и въ новомъ году; для тѣхъ, кто ничего не ждетъ отъ времени,—это печальный праздникъ. Наша участь не можетъ измѣниться, единственное, о чемъ я мечтаю, это—раздѣлить заключеніе Сергѣя. Милая матушка, ходатайствуйте у Е. В. императора объ этой милости для меня; вымолите мнѣ эту единственную льготу, которой я считаю себя вправѣ просить, и я стану благословлять тѣхъ, кто мнѣ ее даруетъ, и мою участь. Помогите мнѣ соединиться съ Сергѣемъ, и этотъ годъ, столь печальный по воспоминаніямъ и по моимъ предчувствіямъ, будетъ для меня годомъ счастія.

Я хотѣла кончить это письмо извѣщеніемъ о полученіи вашихъ писемъ, но сейчасъ узнала, что почта сегодня никому не привезла писемъ въ виду предстоящаго вскорѣ отъѣзда г. Губернатора. Я была очень рада узнать, что вамъ указали прямой путь для посылокъ—чрезъ г. коменданта; теперь я буду получать ихъ гораздо быстрѣе. Дай Богъ, чтобы наши письма доходили исправно; Сергѣю придется теперь прожить недѣлю въ мучительномъ ожиданіи.

Еще одна просьба, милая матушка. Мнѣ хочется обезпечить судьбу Ефима [1]; попросите моихъ шуриновъ поскорѣе прислать мнѣ ту бумагу, которой я прошу для него. Прощайте, обожаемая матушка, цѣлую ваши руки за Сергѣя и за себя и прошу вашего благословенія для насъ обоихъ. Нашъ сердечный привѣтъ Репнинымъ и моимъ племянницамъ.

Ваша покорная дочь
Марія Волконская.

---

[1] Слуга, пріѣхавшій съ М. Н. изъ Россіи, очевидно крѣпостной Волконскихъ.

25.

Ce 12 Janvier 1829.
Четинской Острогъ.

J'ai reçu, bien bonne Maman, votre lettre № 63: et comme par bonheur c'était mon jour d'entrevue, j'ai pu la communiquer sans retard à Serge. Nous sommes si heureux d'être plus tranquilles sur l'état de votre âme et en rendant à l'Eternel les plus sinceres actions de grace, nous Lui adressons les plus ferventes prieres pour votre conservation. Tout notre espoir est en Dieu et vous, bien adorée Maman. Vous etes notre Providence sur cette terre.

Pardonnez-moi, bien bonne Maman, de vous avoir importunée sur le retard de ma pension par plusieures de mes precedantes lettres. Je ne me doutais point que la cause de ces embarras était independante de vos dispositions et que dans votre bonté vous y porteriez remede; mais Serge qui est dans toutes les inquietudes lorsque je manque de fonds, exige de moi que je vous en parle et relis mes lettres pour s'en assurer. Le pays que nous habitons est une excuse plus consequante encore, on nous évite ici, on craint la moindre communication avec nous d'une manière incroyable, on craint de me faire credit pour la moindre chose et mes compagnes n'ont pas toujours de l'argent de trop non plus. Serge vous prie de faire aussi ses excuses à M-r Massalsky, il tient à lui prouver qu'il ne cessera de lui être reconnaissant pour la promesse qu'il lui a faite de regler les affaires de dettes. Mon mari vous prie instamment de remplir cette commission; il etait déja dans le malheur quant Monsieur Massalsky s'est chargé de soigner les affaires de partage et une marque d'interet est bien vivement sentie dans le malheur.

Chère Maman, on vient de m'annoncer que les 1500 de mon troisième trimestre de cette année m'est arrivé, ainsi que le 1.800 roubles pour les besoins de Serge. Nous vous baisons bien les mains, de votre sollicitude. Je reviendrai au courrier prochain à cette lettre étant préssée de renvoyer la présente.

Ma soeur Repnine est toujours souffrante à ce que je vois, cela m'afflige vivement. Chargez-vous de bien des tendresses pour elle et ses enfans. Je baise vos mains un million de fois pour Serge et pour moi. Mille choses à Aline.

Votre obéissante fille
M. Wolkonsky.

(Переводъ.)

12 января 1829.
Читинскій Острогъ.

Милая матушка, я получила ваше письмо № 63, и такъ какъ это по счастію былъ день моего свиданья, то я могла тотчасъ передать его Сергѣю. Мы счастливы, что успокоились насчетъ вашего душевнаго состоянія; вмѣстѣ съ искренней благодарностью мы возсылаемъ къ Богу горячія молитвы, чтобы онъ сохранилъ васъ. Вся наша надежда на Бога и васъ, обожаемая матушка; вы—наше Провидѣніе на землѣ.

Простите, милая матушка, что я нѣсколько разъ надоѣдала вамъ въ моихъ предыдущихъ письмахъ относительно задержки моей пенсіи. Я была далека отъ мысли, чтобы причина этой путаницы стояла въ какой-либо связи съ вашими распоряженіями, и не сомнѣвалась, что по свойственной вамъ добротѣ вы уладите это дѣло; но Сергѣй, приходящій въ крайнее безпокойство, когда мнѣ не хватаетъ денегъ, требуетъ, чтобы я писала вамъ объ этомъ, и перечитываетъ мои письма съ цѣлью удостовѣриться. Еще болѣе вѣское оправданіе—край, гдѣ мы живемъ: насъ здѣсь избѣгаютъ, люди неимовѣрно боятся малѣйшаго общенія съ нами, мнѣ не даютъ въ долгъ самой ничтожной вещи, а у моихъ подругъ тоже не всегда есть лишнія деньги. Сергѣй также проситъ васъ извинить его предъ г. Масальскимъ, онъ хотѣлъ бы увѣрить его, что вѣчно будетъ благодаренъ ему за обѣщаніе уладить дѣла по его долгамъ. Мужъ настоятельно проситъ васъ исполнить это порученіе; онъ былъ уже въ бѣдѣ, когда г. Масальскій взялъ на себя хлопоты по раздѣлу, а знакъ вниманія въ горѣ особенно цѣнится.

Милая матушка, мнѣ только-что сообщили, что получены мои 1500 руб. за третью четверть этого года, а также 1800 руб. на нужды Сергѣя. Цѣлуемъ ваши руки за вашу заботливость. На слѣдующей почтѣ вернусь къ этому письму, теперь спѣшу отправить нынѣшнее.

Я вижу, что сестра Репнина все еще больна, это меня очень огорчаетъ. Передайте пожалуйста ей и ея дѣтямъ мой сердечный привѣтъ. Тысячу разъ цѣлую ваши руки за Сергѣя и за себя. Привѣтъ Алинѣ.

Ваша покорная дочь
М. Волконская.

26.

№ 3.

Ce 19 Janvier 1829.
Четинской Острогъ.

Ayant eu le bonheur de recevoir votre lettre № 64 avant que d'avoir expedié les miennes à Monsieur le Commandant, je vous y reponds de suite bien adorée Maman. C'est avec un véritable soulagement de coeur que j'ai lu les détails si tranquilisans que vous me donnez de votre santé, ils ont apporté bien des consolations à Serge. Que ne me donnez-vous d'aussi bonnes nouvelles de ma Belle Soeur Repnine, son derangement de santé nous afflige beaucoup, pour elle et pour tous les siens. Grace à Dieu Sophie va mieux à ce qu'il parait, Serge en est si heureux, il l'aime tant; engagez la donc à lui écrire, bien bonne Maman; son silence, malgré toutes les raisons que vous nous en donnez, afflige mon mari bien profondement. Si elle ne peut decidement écrire elle-même je supplie le bon Docteur Pizzatti de nous donner bien exactement de ses nouvelles, la tranquillité de Serge l'exige.

J'attends avec impatience, chère Maman, l'ouvrage de vos mains, tout en vous demandant pardon d'y revenir si souvent; mais il me tarde de l'avoir. Je suis si touchée de la bonté que vous avez eu d'avoir travaillé pour moi, vous avez prévenu nos desirs.

J'attends des objets de broderie, bien chère Maman, et mon premier ouvrage sera pour vous, mais en grace accordez moi beaucoup d'indulgeance.

La journée d'avant hier a été pour moi un bien terrible anniversaire. Que la volonté de Dieu soit faite.—Comme ce n'était point mon jour d'entrevue, Serge n'a pas été temoin de ma situation, et c'est pour la premiere fois que j'ai été contente de n'être point avec lui, nous n'aurions fait que nous contraindre l'un et l'autre.—Bien bonne Maman quand me donnerez vous une réponse favorable à la grace que je sollicite depuis un an—je vous confie mon sort, obtenez pour moi la seule chose qui puisse assurer ma tranquillite sur cette terre, faites que je sois enfermée avec Serge et j'oublierai toutes mes peines.

Adieu ma bien adorée Maman, je baise vos mains pour Serge et pour moi et demande votre bénédictions. Portez vous bien, soignez vous que Dieu vous soutienne.

Votre obéissante fille
Marie Wolkonsky.

P. S. Chargez vous de nos tendres amitiés pour ma soeur Repnine, je fais des voeux pour son prompt retablissement, mille tendresses de notre part à ses chers Enfans.

(Переводъ.)

19 января 1829.
Читинскій Острогъ.

Получивъ ваше письмо № 64 къ счастью до отсылки своихъ къ г. коменданту, отвѣчаю вамъ тотчасъ, обожаемая матушка. Для меня было истиннымъ облегченіемъ читать успокоительныя подробности о вашемъ здоровьи, которыя вы сообщаете, и Сергѣя онѣ очень утѣшили. Жаль, что вы не сообщаете мнѣ столь же отрадныхъ вѣстей о сестрѣ Репниной; разстройство ея здоровья насъ очень огорчаетъ за нее и за всю ея семью. Здоровье Софьи, повидимому, слава Богу лучше; Сергѣй безмѣрно радъ этому, онъ такъ ее любитъ; попросите же ее писать ему, милая матушка; вопреки всѣмъ резонамъ, которые вы представляете, ея молчаніе глубоко огорчаетъ моего мужа. Если она рѣшительно не можетъ сама писать,—прошу добраго д-ра Пиццатти исправно сообщать намъ о ней; этого требуетъ спокойствіе Сергѣя.

Съ нетерпѣніемъ жду вашего рукодѣлья, милая матушка, и прошу у васъ прощенья за то, что такъ часто упоминаю о немъ, но мнѣ хочется уже имѣть его. Я вамъ сердечно благодарна за вашу доброту; этой работою вы предупредили наше желаніе.

Жду принадлежностей для вышиванія, дорогая матушка, и моя первая работа будетъ для васъ, но ради Бога будьте ко мнѣ снисходительны.

Третьяго дня была у меня страшная годовщина [1]. Да будетъ воля Божья. Такъ какъ въ этотъ день у меня не было свиданія, то Сергѣй не видѣлъ моего настроенія, и я въ первый разъ за все время была рада не быть съ нимъ; мы только стѣсняли бы другъ друга.—Милая матушка, когда же вы дадите мнѣ благопріятный отвѣтъ относительно той милости, которой я прошу уже годъ. Я ввѣряю вамъ мою судьбу, испросите для меня то единое, что можетъ обезпечить мнѣ покой на землѣ, добейтесь того, чтобы я была заключена вмѣстѣ съ Сергѣемъ,—и я забуду всѣ мои горести.

Прощайте, обожаемая матушка, цѣлую ваши руки за Сергѣя и

[1] Годовщина смерти Николиньки.

за себя и прошу вашего благословенія.—Будьте здоровы, берегите себя; да поддержитъ васъ Богъ.

Ваша покорная дочь
Марія Волконская.

P. S. Передайте нашъ сердечный привѣтъ сестрѣ Репниной; желаю ей скораго выздоровленія. Шлемъ тысячу привѣтствій ея милымъ дѣтямъ.

27.

№ 6.

Ce 8 Fevrier 1829.
Четинской Острогъ.

Je n'ai pas eu de vos nouvelles cette semaine ci, ma bien chère Maman, Dieu veuille que le courrier prochain m'apporte deux lettres à la fois; je serais fort inquiete s'il m'en manque une. Voyez à quel point vous me gatez ma bien adorée Maman.

Monsieur le Commandant m'a fait remettre dernierement cet ouvrage de vos mains que nous attendions avec tant d'impatience; je vous remercie un million de fois de vous étre donné tant de peine pour moi, je le conserverai toute ma vie. J'ai retrouvé parmi les effets de mon Nicolina, la couverture de laine, que je vous vis tricoter pour lui, elle ne me quitte plus maintenant; je la porte constemment, elle m'est d'une grande utilité par les froids qu'il fait.

Les deux mille cinq cent roubles sont parvenus de même à leur destination; je ne vous en ai point accusé la réception la semaine passée, étant trop absorbée du sujet de ma lettre, je ne voyais que l'Ostrog, ouvert pour une autre et non pour moi. Maintenant que je suis plus calme je me dis que ce bonheur m'attend aussi; il n'y a plus de raison plausible pour me refuser, ce que j'implore depuis si long tems, j'éspere en la justice de S. M. l'Empereur, je compte surtout sur la tendresse de ma bonne Maman, vous ferez tout, je n'en doute point pour assurer mon bonheur sur cette terre.

Je vous suis bien reconnaisante, chère Maman, des bonnes nouvelles que vous me donnez de Sophie: Serge en est tout heureux, que Dieu vous la ramene au plus vite. Nos santés à nous, vont bien aussi, Serge se ménage beaucoup et grace à tout ce que vous lui avez envoyé de chaud pour l'hiver il ne prend plus froid aussi facilement. Notre climat est insupor-

table, de trente degres de froid, il en fait tout d'un coup trois de chaud au soleil, ce qui occasionne beaucoup de fievre.

Je vous dis adieu, chère et bonne Maman, en demandant votre benediction pour nous deux. Chargez vous de nos plus tendres amitiés pour ma soeur Repnin et ses Enfans. Mille chose amicales pour Aline et Dmitry; elle fait mal de me promettre si souvent de m'ecrire, il vaut mieux me surprendre par une bonne et tendre lettre, pleine d'amitié pour Serge surtout qui l'aime si veritablement. Je baise vos mains un million de fois et suis votre

obéissante fille
Marie Wolkonsky.

(Переводъ.)

8 февраля 1829.
Читинскій Острогъ.

Эту недѣлю я не имѣла писемъ отъ васъ, дорогая матушка. Дай Богъ, чтобы слѣдующая почта привезла мнѣ два письма разомъ; я буду очень неспокойна, если одного не будетъ доставать. Видите, обожаемая матушка, какъ вы меня балуете.

На-дняхъ г. комендантъ прислалъ мнѣ ваше рукодѣлье, котораго мы ждали съ такимъ нетерпѣніемъ; тысячу разъ благодарю васъ за то, что вы столько потрудились для меня; я буду беречь эту вещь всю жизнь. Между вещами моего Николиньки я нашла шерстяное одѣяло, которое вы при мнѣ вязали для него; я теперь не разстаюсь съ нимъ, ношу его постоянно,—оно мнѣ очень полезно при здѣшнихъ холодахъ.

Присланныя намъ двѣ тысячи пятьсотъ рублей также пришли исправно по назначенію; на прошлой недѣлѣ я не сообщила вамъ объ ихъ полученіи, потому что была слишкомъ поглощена предметомъ моего письма; я видѣла только острогъ, открытый для другой, не для меня. Теперь, когда я спокойнѣе, я говорю себѣ, что это счастье выпадетъ и на мою долю; теперь больше нѣтъ разумныхъ основаній отказать мнѣ въ томъ, чего я такъ давно прошу. Я надѣюсь на справедливость Е. В. императора, надѣюсь прежде всего на любовь моей милой матушки. Я увѣрена, что вы приложите всѣ усилія, чтобы обезпечить мое счастье на землѣ.

Искренно благодарю васъ, милая матушка, за сообщеніе добрыхъ вѣстей о Софьѣ. Онѣ очень обрадовали Сергѣя. Дай Богъ вамъ поскорѣе видѣть ее возлѣ себя. Мы также здоровы. Сергѣй очень бе-

режется, и благодаря теплымъ вещамъ, которыя вы прислали ему на зиму, уже не такъ легко простуживается. Климатъ здѣсь нестерпимый, послѣ тридцатиградуснаго мороза—вдругъ три градуса тепла на солнцѣ, оттого много лихорадокъ.

Прощайте, милая и добрая матушка; прошу вашего благословенія намъ обоимъ. Передайте нашъ сердечный привѣтъ сестрѣ Репниной и ея дѣтямъ. Дружескій привѣтъ Алинѣ и Дмитрію; она не хорошо дѣлаетъ, обѣщая мнѣ такъ часто писать; лучше бы она врасплохъ прислала мнѣ доброе и нѣжное письмо, дышащее дружбою особенно къ Сергѣю, который такъ искренно любитъ ее. Тысячу разъ цѣлую ваши руки и остаюсь

ваша покорная дочь
Марія Волконская.

28.

№ 10.

Ce 23 Fevrier 1829.
Четинской Острогъ.

J'ai reçu, chère et bien bonne Maman, vos lettres du 4-Janvier pour Serge et pour moi et vous en remercie un million de fois; mon bon Serge est tout heureux de l'Etrenne que vous lui faites en lui ecrivant séparement. Il m'a chargée de vous en exprimer sa profonde reconaissance. On m'a remis de même une lettre de ma chère Zeneïde qui m'annonce son prochain départ pour les Eaux, je suis vivement peinée de la savoir si souffrante, cette bonne soeur va nous quitter aussi—mon coeur se serre à l'idée de n'avoir plus de ses nouvelles directes, je m'en étais fait une habitude si douce, une consolation si reele. Veuillez le lui dire, chère Maman, si toutefois elle n'a point quittée Petersbourg; remerciez la bien tendrement de ma part pour l'envoi de la premiere inspiration poetique de son fils. J'espère qu'il ne s'arretera point en si bon chemin, et que la suite répondra à un aussi heureux commencement. La santé de Serge continue à être fort bonne, l'esperance d'être réunis à notre tour, nous fait envisager notre avenir, sous un tout autre jour chère Maman; nous connaitrons encore le bonheur—que j'attends avec impatience votre réponse. Ce mois d'Avril n'arrivera-t-il donc jamais.

J'ai eu entrevue ce matin; nous l'avons passée à mettre en ordre des livres que je viens de recevoir de chez ma Soeur Orloff, ce qui m'a beaucoup fatigué; je ne pourais vous écrire longuement aujourd'hui, bien bonne et chère Maman et vous dis adieu en baisant vos mains chéries un million

de fois pour Serge et pour moi et vous reïterant l'expression de sa reconnaissance pour votre bonne et tendre lettre. Chargez-vous de dire à ma Soeur Repnin, combien nous prenons une part bien vive à ses souffrances; que Dieu lui rende au plus vite sa santé, la vue d'une maladie si prolongée doit vous chagriner bien profondement, chère Maman, menagez-vous au nom du Ciel, songez a celui pour lequel vous etes tout sur cette terre.—En demandant votre benediction pour nous deux, je suis

Votre obéissante fille
M. Wolkonsky.

(Переводъ.)

23 февраля 1829.
Читинскій Острогъ.

Я получила, милая и добрая матушка, ваши письма отъ 4 января къ Сергѣю и ко мнѣ, и тысячу разъ благодарю васъ за нихъ. Мой дорогой Сергѣй былъ несказанно радъ новогоднему подарку, который вы сдѣлали ему, написавъ ему отдѣльно. Онъ поручилъ мнѣ выразить вамъ его глубокую благодарность. Мнѣ передали также письмо отъ милой Зинаиды [1], которая извѣщаетъ меня о своемъ предстоящемъ отъѣздѣ на воды. Мнѣ очень грустно, что она такъ больна; вотъ и эта милая сестра покинетъ насъ.—У меня сердце сжимается при мысли, что я больше не буду имѣть отъ нея прямыхъ извѣстій,—получать ихъ сдѣлалось для меня такой сладкой привычкой, такимъ подлиннымъ утѣшеніемъ. Передайте ей это пожалуйста, милая матушка, если она еще не уѣхала изъ Петербурга, и поблагодарите ее отъ моего имени сердечно за то, что она сообщила мнѣ первый плодъ поэтическаго вдохновенія своего сына. Надѣюсь, что, вступивъ на этотъ прекрасный путь, онъ не остановится, и что дальнѣйшее будетъ соотвѣтствовать столь удачному началу. Здоровье Сергѣя попрежнему очень хорошо; надежда, что и намъ будетъ позволено соединиться, окрашиваетъ намъ будущее въ гораздо болѣе свѣтлыя краски, милая матушка; мы еще узнаемъ счастье. Съ какимъ нетерпѣніемъ я жду вашего отвѣта! Наступитъ ли когда-нибудь апрѣль!

Я имѣла свиданье сегодня утромъ; мы провели его за уборкой книгъ, которыя я недавно получила отъ сестры Орловой [2], и я очень устала. Поэтому не могу вамъ сегодня писать много, добрая и ми-

[1] Кн. З. А. Волконская.

[2] Родная сестра М. Н., Екатерина Ник. Орлова, жена М. Ѳ. Орлова.

лая матушка. Кончаю, цѣлуя ваши милыя руки тысячу разъ за Сергѣя и за себя и снова благодаря васъ отъ его имени за ваше доброе и нѣжное письмо. Передайте пожалуйста сестрѣ Репниной, какое искреннее участіе мы принимаемъ въ ея болѣзни; дай Богъ ей поскорѣе выздоровѣть; васъ вѣроятно очень огорчаетъ видѣть ее такъ долго больною, милая матушка. Ради Бога, берегите себя, помните о томъ, для котораго вы все на землѣ. Прося вашего благословенія намъ обоимъ, остаюсь

ваша покорная дочь
М. Волконская.

29.

№ 11.

Ce 2 Mars 1829.
Четинской Острогъ.

J'ai reçu, ma bien adorée Maman, votre lettre du 11-Janvier et suis vivement touchée de ce que vous ayez choisi ce jour pour envoyer à Serge l'image du Sauveur, dont vous nous benissez. Nous ne l'avons pas reçu encore, mais elle ne tardera point a venir. Combien vous etes bonne, chère Maman, de vous rappeler de toutes les époques de notre existence qui peuvent nous interesser, j'y reconnais bien votre coeur.

La nouvelle du rétablissement de ma Soeur Repnin me fait un plaisir indicible; je la conjure de se bien menager maintenant, nos inquietudes étaient à leur comble pour elle. Je suppose mon beau frere Nicolas déja près de vous. Veuillez lui dire tout ce que votre coeur vous inspirera de plus affectueux de ma part ainsi qu'a Nikita dont les procédés me touchent profondement; je suis bien redevable à Aline de m'en avoir parlé si au long, dans la lettre que je viens de recevoir d'elle et compte lui répondre le courrier prochain; je n'aurais pu le faire que fort à la hate aujourd'hui et cela ne suffit point à mon coeur.

Mille fois merci, bien chère Maman, de ce que vous voulez proteger mon Ефимъ; il m'a prouvé tant de devoument que je ne saurai trop le reconnaitre; son zele est poussé si loin qu'a force de travail et de peines, il a gagné de violens maux de poitrine, ce qui m'inquiete beaucoup pour lui.

Notre existence est toujours la même ici, des entrevus deux fois la semaine; Serge ne pouvant s'occuper encore de son jardin s'en fait un dans ma chambre qui est pleine de pots de fleurs, mais helas, elles poussent à peine. Son chassis sous verres, va l'occuper dans peu,

il a la pretention d'en faire une petite orangerie, je doute fort que cela lui reussisse vu le petit espace de terrain qu'on lui accorde. La santé de mon bon Serge se soutient fort bien, grace à Dieu, mais sa maigreur est toujours excessive.—Chère Maman, quand me direz-vous que nous serons réunis pour ne plus nous quitter?

Adieu ma bien adorée Maman je baise vos mains pour votre fils et pour moi, que Dieu vous soutienne, vous donne de la santé, en demandant votre benediction je suis votre

obéissante fille
Marie Wolkonsky.

P. S. Mille tendresses de ma part à Aline et mes chères Nieces Repnin.

(Переводъ.)

2 марта 1829.
Читинскій Острогъ.

Я получила, обожаемая матушка, ваше письмо отъ 11 января, и сердечно тронута тѣмъ, что вы именно въ этотъ день послали Сергѣю образъ Спасителя, которымъ вы насъ благословляете. Мы еще не получили его, но навѣрное скоро получимъ. Какъ вы добры, милая матушка, что вспоминаете всѣ памятные дни нашей жизни, которые могутъ насъ занимать; узнаю въ этомъ ваше сердце.

Невыразимое удовольствіе доставило мнѣ извѣстіе о выздоровленіи сестры Репниной; умоляю ее беречь себя теперь,—мы тревожились за нее больше, чѣмъ когда-нибудь. Мой шуринъ Николай [1] уже вѣрно съ вами. Скажите ему отъ моего имени все самое дружеское, что подскажетъ вамъ сердце, равно какъ и Никитѣ [2], поведеніе котораго меня глубоко трогаетъ; я очень благодарна Алинѣ за то, что она такъ подробно написала мнѣ объ этомъ въ письмѣ, которое я только-что получила отъ нея, и надѣюсь отвѣчать ей со слѣдующей почтой. Сегодня я могла бы написать ей только на-скоро, а этого мнѣ мало.

Тысячу разъ благодарю васъ, дорогая матушка, за выражаемую вами готовность принять подъ свое покровительство моего Ефима; онъ выказалъ мнѣ такую преданность, что я не могу достаточно отблагодарить его; онъ такъ рачителенъ, что благодаря усиленной

[1] Кн. Н. Г. Репнинъ.
[2] Кн. Никита Г. Волконскій.

работѣ и безпокойствамъ нажилъ себѣ сильную боль въ груди, что меня очень тревожитъ за него.

Наша жизнь здѣсь все та-же, свиданія дважды въ недѣлю. Такъ какъ Сергѣй еще не можетъ работать въ своемъ саду, то онъ устроилъ себѣ садъ въ моей комнатѣ, которая теперь полна цвѣточныхъ горшковъ; но увы, они плохо идутъ. Скоро онъ примется за свою раму со стеклами; онъ мечтаетъ устроить съ ея помощью маленькую оранжерею; очень сомнѣваюсь, чтобы это ему удалось, такъ какъ отведенный ему участокъ земли крайне малъ. Здоровье моего добраго Сергѣя по-прежнему очень хорошо, слава Богу, но онъ все еще необыкновенно худъ.—Милая матушка, когда вы наконецъ сообщите мнѣ, что мы соединены навѣки?

Прощайте, обожаемая матушка. Цѣлую ваши руки за вашего сына и за себя. Да хранитъ васъ Богъ и да подастъ онъ вамъ здоровья. Прося вашего благословенія, остаюсь

ваша покорная дочь
Марія Волконская.

P. S. Мой сердечный привѣтъ Алинѣ и моимъ милымъ племянницамъ Репнинымъ.

30.

№ 17.

Ce 13 Avril 1829.
Четинской Острогъ.

Encore deux lettres de vous à la fois, bien bonne et chère Maman, celles № 8 et 9; mais aussi, suis-je restée quinze jours sans en recevoir; avant que de vous y répondre, je m'empresse de vous annoncer, que la santé de Serge est parfaitement bonne actuellement; je crois même que sa maladie lui a fait du bien, car depuis deux ans et plus, il n'a jamais eu autant d'appetit qu'en ce moment; se contentant alors d'un peu de ris et de bouillon—maintenant c'est tout autre chose; cela me fait grand plaisir, il reprendra des forces je l'espère.

Chère Maman, je ne saurai vous depeindre avec assez de force, combien Serge a été ému à la reception de l'Image dont vous le benissez; les lignes que votre main a tracées sur le revers, et que votre tendresse a dictées lui ont fait couler bien des larmes de reconaissance, et de plaisir; il a la certitude qu'encore une fois dans sa vie—son

existence n'a point été un sujet de peine pour vous: vous conserver sa plus tendre affection, se fortifier dans les sentimens qui peuvent vous donner des consolations sur l'état de son âme, voila le but de son existence; puissiez en être juge vous-même un jour.—Chère Maman, en me répondant à ma lettre du 6-Janvier, vous vous taisez sur mon instante prière d'être réunie à Serge—ce silence est désespérant pour moi, chère Maman prenez pitié de nous.—Aprés tout ce que je vous ai écrit la dessus je n'ai rien a ajouter.—Mad. Narichkine a aussi sa permission et Papa qui est à Petersbourg doit le savoir.—Cependant mon sort est toujour le même—je n'aime point à m'appesentir la dessus, cela me coute trop.—

Combien je vous remercie bien bonne Maman, de la protection que vous accordez à mon Ефимъ. Je ne doute plus que son sort ne soit assuré dans peu, Serge joint ses prières aux miennes.

Chère Maman, que vos lettres sont bonnes et tendres pour moi, elles nous soutiennent tant nous donnent des consolations bien reels—Puissent les miennes en faire autant. La bonté avec la quelle vous entrez dans tout détail sur les vôtres qui peut m'interesser, me touche profondement. Soyez l'interprête de mes sentimens d'estime et d'attachement auprès de mes excellens beaux frères. Mille tendresses à Sophie et Zeneïde, que nous aimons de tout notre coeur.

J'ai reçu, chère Maman, la caisse de graines potagères que vous nous avez envoyée et vous prie d'exprimer mes remercimens les plus vifs au bon Monsieur Ficher pour les épingles à insectes ainsi que pour l'excellent ouvrage Elementaire de Dumeril, qu'il m'a fait l'amitié de me donner. Je tacherai de me rendre digne d'être dirigée par lui, dans mes occupations. Je suis bien heureuse d'apprendre que sa santé lui revient, veuillez le lui dire de ma part.

Je vous dis adieu bien bonne Maman, en vous priant de dire nos tendres amitiés à nos Neveux mariés ainsi qu'à Varette, Aline et tous les vôtres. En demandant votre benediction je suis

Votre obéissante fille
Marie Wolkonsky.

P. S. Votre fils vous prie en grace de lui envoyer le Dictionnaire Universelle de Boiste de la langue Française, 7-me edition; il nous est indispensable pour nos lectures.

(Переводъ.)

13 апрѣля 1829.
Читинскій Острогъ.

Опять два письма отъ васъ разомъ, дорогая и милая матушка, № 8 и 9,—зато двѣ недѣли я не имѣла ни одного. Прежде, чѣмъ отвѣчать вамъ на нихъ, спѣшу сообщить вамъ, что Сергѣй теперь совершенно здоровъ; думаю даже, что болѣзнь была ему на пользу, потому что уже болѣе двухъ лѣтъ онъ не имѣлъ такого хорошаго аппетита, какъ сейчасъ; тогда онъ довольствовался небольшимъ количествомъ риса и бульона, а теперь совсѣмъ не то; это доставляетъ мнѣ большое удовольствіе; надѣюсь, что онъ окрѣпнетъ.

Милая матушка, я не въ силахъ изобразить вамъ, какъ тронутъ былъ Сергѣй, получивъ образъ, которымъ вы благословляете его; строки, написанныя вами на обратной сторонѣ и внушенныя вамъ любовью, исторгли у него горячія слезы благодарности и счастія; онъ убѣдился, что еще одинъ разъ въ своей жизни не былъ для васъ источникомъ страданія; сохранить свою нѣжную любовь къ вамъ, укрѣпиться въ тѣхъ чувствахъ, которыя могутъ утѣшать васъ относительно его душевнаго состоянія,—вотъ цѣль его жизни; дай Богъ, чтобы вы сами могли когда-нибудь убѣдиться въ этомъ.—Милая матушка, отвѣчая на мое письмо отъ 6 января, вы ничего не говорите о моей настоятельной просьбѣ насчетъ моего соединенія съ Сергѣемъ. Это молчаніе приводитъ меня въ отчаянье; милая матушка, сжальтесь надъ нами. Мнѣ нечего прибавлять къ тому, что я писала вамъ объ этомъ.—Теперь и г-жѣ Нарышкиной дано разрѣшеніе, и папа [1], находящійся сейчасъ въ Петербургѣ, долженъ это знать. Между тѣмъ моя участь все та-же. Но не буду распространяться объ этомъ, это мнѣ слишкомъ тяжело.

Сердечно благодарю васъ, милая матушка, за покровительство, которое вы оказываете моему Ефиму. Теперь я увѣрена, что его участь будетъ скоро обезпечена, о чемъ Сергѣй проситъ васъ вмѣстѣ со мною.

Милая матушка, ваши письма дышатъ добротою и нѣжностью ко мнѣ; они поддерживаютъ насъ и приносятъ намъ истинное утѣшеніе. Желаю, чтобы и мои оказывали такое-же дѣйствіе. Меня глубоко

[1] Отецъ М. Н., Ник. Ник. Раевскій.

трогаетъ, что вы съ такой добротой сообщаете всѣ мелочи относительно вашей семьи, которыя могутъ интересовать меня. Передайте пожалуйста выраженіе моего почтенія и любви моимъ милымъ деверямъ. Сердечный привѣтъ Софьѣ и Зинаидѣ, которыхъ мы любимъ всей душою.

Ящикъ огородныхъ сѣмянъ, который вы послали намъ, милая матушка, я получила и прошу васъ передать любезному г. Фишеру [1] мою искреннюю благодарность за булавки для насѣкомыхъ и за прекрасное сочиненіе Дюмериля, которое онъ такъ предупредительно прислалъ мнѣ. Постараюсь оказаться достойною его руководительства въ своихъ занятіяхъ. Я была очень рада узнать, что его здоровье поправляется,—передайте это ему пожалуйста.

Кончаю, милая матушка, просьбою къ вамъ—передать нашъ сердечный привѣтъ нашимъ женатымъ племянникамъ, а также Варенькѣ, Алинѣ и всѣмъ вашимъ. Прося вашего благословенія, остаюсь

ваша покорная дочь
Марія Волконская.

P. S. Вашъ сынъ покорнѣйше проситъ васъ прислать ему „Всеобщій словарь французскаго языка“ Буаста, 7-е изданіе; онъ намъ очень нуженъ для справокъ при чтеніи.

31.

№ 21.

Ce 17 Mai 1829.
Четинской Острогъ.

Après un mois d'anxiété nous avons enfin, bien bonne et chère Maman, vos lettres № 9 et 10.—Que nous sommes heureux de vous savoir en bonne santé! Nous en rendons graces à l'Eternel du fond de nos coeurs: ayant remis ma lettre jusqu'au dernier moment dans l'espoir d'en recevoir de vous, bien bonne Maman, j'ai tardé et ne puis vous ecrire longuement, avec cela je suis faible et très souffrante aujourd'hui.

Serge va bien, mais moi je souffre, moralement surtout: je ne puis vous cacher que vos réponses évasives sur l'unique objet de mes sollicitations, sont accablantes pour moi. J'ai trop de preuves de votre sollicitude pour vous accuser de ne vouloir point être l'organe de mes voeux,

[1] Ѳ. Б. Фишеръ, директоръ Имп. Ботанич. Сада въ Петербургѣ.

mais ma bonne Maman, je vois les autres heureux de soigner journellement leur maris et moi toujours dans l'attente et toujours dans une cruelle incertitude. En grace ma bonne Maman répondez moi, et priez Dieu qu'il me donne la force de soutenir ma position actuelle car ma réunion avec Serge me donnera une nouvelle existence. Serge vous baise les mains et en vous demandant votre benediction je suis

Votre obéissante fille
Marie Wolkonsky.

(Переводъ.)

17 мая 1829.
Читинскій Острогъ.

Наконецъ, послѣ мѣсячнаго безпокойства, мы получили, милая и добрая матушка, ваши письма № 9 и 10. Мы счастливы, зная, что вы здоровы, и благодаримъ за это Бога изъ глубины души. Такъ какъ я откладывала мое письмо до послѣдней минуты въ надеждѣ получить ваши, любезная матушка, то за недостаткомъ времени я не могу писать вамъ много; къ тому же я сегодня слаба и мнѣ сильно нездоровится.

Сергѣй здоровъ, а я чувствую себя плохо, въ особенности душевно. Не могу скрыть отъ васъ, что ваши уклончивые отвѣты о томъ, что составляетъ единственный предметъ моихъ просьбъ, крайне угнетаютъ меня. Вы столько разъ доказали мнѣ свою заботливость, что я не могу подозрѣвать, будто вы не желаете предстательствовать за меня, но, милая матушка, другія на моихъ глазахъ имѣютъ счастье изо дня въ день ухаживать за своими мужьями, а я все еще жду, все еще терзаюсь неизвѣстностью. Прошу васъ, милая матушка, отвѣчайте мнѣ, и просите Бога, чтобы онъ далъ мнѣ силы переносить мое нынѣшнее положеніе, потому что соединеніе съ Сергѣемъ вольетъ въ меня новую жизнь. Сергѣй цѣлуетъ ваши руки. Прошу вашего благословенія и остаюсь

ваша покорная дочь
Марія Волконская.

32[1].

(Переводъ.)

[5-го іюля 1829 г.—Острогъ Чита.

[Сегодня Сергіевъ день, милая маменька, и, съ тѣхъ поръ какъ мы женаты, я имѣю въ первый разъ счастіе провести его съ мужемъ. Въ первый годъ я была въ Одессѣ, а онъ въ лагерѣ; 1826-й годъ былъ преисполненъ страданіемъ для насъ, а съ тѣхъ поръ этотъ день не совпадалъ никогда съ нашими свиданіями. Но теперь мой добрый Сергѣй со мной, онъ окружаетъ меня, какъ и прежде, вниманіемъ и любовью. Вы подумаете о насъ, добрая маменька, и сквозь ваши слезы благословите насъ отъ глубины сердца.

[Вы желаете намъ счастія въ будущемъ, но судьба наша не измѣнится и не можетъ измѣниться; я не обманываю себя на этотъ счетъ. Мой мужъ испиваетъ чашу страданія съ покорностію и твердостію, а я съумѣю все перенести возлѣ него. Будьте же спокойны на нашъ счетъ, обожаемая маменька; да не будутъ ваши драгоцѣнные дни омрачены нашей судьбой, какъ скоро она неизмѣнима. Здоровье вашего сына очень хорошо; онъ много занимается своимъ садикомъ, нашимъ домашнимъ хозяйствомъ, словомъ—всѣмъ. Я ни во что не вмѣшиваюсь, и все для меня готово, словно чародѣйствомъ, какъ и въ былое время. Прощаюсь съ вами, цѣлуя ваши ручки милліонъ разъ. Передайте отъ меня много нѣжностей Репнинымъ. Прося вашего благословенія для Сергѣя и для меня, остаюсь ваша покорная дочь Марія Волконская].

33.

№ 35.

Ce 7 Septembre 1829.
Четинской-Острогъ.

Votre lettre du 27 Juin m'est parvenue, bien bonne Maman, ainsi que celle du 16 — cette dernière plus tard que la précédente. J'attends sous peu les lunettes et les bouquins et vous en accuserai la reception sitôt leur arrivée.

---

[1] Перепечатывается изъ „Рус. Стар." 1878 г., іюнь, стр. 341.

Les nouvelles tranquillisantes que vous nous donnez de votre santé, nous remplissent de joie—que Dieu vous soutienne toujours ainsi, bien adorée Maman. Merci mille fois, chère Maman, des bonnes nouvelles sur Sophie.—Si elle voulait me faire dire qu'elle désire avoir de mes lettres, je lui écrirai positivement et sans qu'elle soit pour cela obligée de me répondre—Serge et moi nous devons trop à notre bonne excellente Sophie pour avoir de la rancune de son inexorable silence et me ferais un plaisir réel, je dirai plus, j'éprouverai un sentiment de consolation en songeant que mes lettres seraient lues avec intérêt par elle. C'est avec une véritable peine que nous avons appris la mort de Катерина Съменовна; je comprends si bien combien sa perte a du vous être sensible, bonne Maman, je me rappelle encore vos inquiétudes pendant la maladie qu'elle a faite lors de mon séjour près de vous. Vous étiez si habituée à son service que Serge est tout inquiet de vous savoir privée de ses soins.

La santé de Serge est parfaitement bonne, il est très sensible à la peine que vous vous êtes donnée de lui trouver des cigares. Le tabac des graines envoyées par vous, et dont il a fait un essai de plantation lui a réussi à merveille, la croissance du plane et la dimension des feuilles est aussi belle qu'en Amérique; mais nous ne savons pas le soigner pour l'usage. Serge vous prie, chère Maman, de lui envoyer les ouvrages suivants: *Наставленіе о разведеніи табаку и приготовленіе онаго Г. Ливотова,* 1810, et *Наставленіе о разведеніи и обработованіи табака Г. Готгарда, переводъ Жунковскаго, 1812* et consultez Mr. Ficher pour l'envoi de meilleurs ouvrages français à cet égard. Nous avons un été fort extraordinaire, pas une gelée jusqu'à présent; cette température est très favorable à notre potager. J'ai des choux-fleurs, des artichaux, de beaux melons, et des pastèques et une provision de bons légumes pour tout l'hiver. Il faut voir le contentement de Serge, lorsqu'il m'apporte le produit de ses peines. Je vous prie chère Maman, de lui envoyer l'Almanach du bon jardinier par Thouin, avec les supplémens jusqu'aux dernières années et y joindre surtout le volume des planches; de même *Огородникъ Левшина и другія его сочиненія на щетъ садоводства.* Avant de vous quitter bien bonne Maman, j'ai besoin de vous exprimer combien j'ai à coeur de vous avoir donné des inquiétudes par ma dernière lettre. J'avais du chagrin et vous le confier était un soulagement pour moi. Tranquillisez vous ma bien adorée Maman, je tâcherai d'être plus philosophe à l'avenir; mais l'être entièrement quand

il s'agit des peines que l'on cause à Serge est un triomphe que je ne puis pas obtenir toujours sur moi-même. Nous baisons vos mains et puisse votre benediction veiller toujours sur nous.

Votre obéissante fille
M. Wolkonsky.

Chargez-vous de nos plus tendres amitiés pour tous les vôtres.

(Переводъ.)

7 сентября 1829.
Читинскій Острогъ.

Ваше письмо отъ 27 іюня, милая матушка, я получила, равно какъ и письмо отъ 16-го,—послѣднее позже перваго. Очки и старыя книги надѣюсь скоро получить, и тотчасъ по полученіи извѣщу васъ.

Успокоительныя извѣстія о вашемъ здоровьи, которыя вы сообщаете намъ, исполнили насъ радости. Да поддерживаетъ васъ Богъ всегда, обожаемая матушка. Тысячу разъ благодарю васъ, милая матушка, за добрую вѣсть о Софьѣ. Если бы она дала мнѣ знать, что желаетъ получать отъ меня письма, я непремѣнно стала бы писать ей, притомъ не требуя отъ нея обязательно отвѣтовъ. Сергѣй и я слишкомъ многимъ обязаны нашей чудесной Софьѣ, чтобы сердиться за ея непреклонное молчаніе. Для меня было бы истиннымъ удовольствіемъ,—скажу больше, я была бы утѣшена, если бы знала, что она съ интересомъ читаетъ мои письма. Очень грустно намъ было узнать о смерти Катерины Семеновны; хорошо понимаю, какъ чувствительна для васъ эта утрата, милая матушка; я еще помню, какъ вы безпокоились во время болѣзни, которую она перенесла, когда я жила у васъ. Вы такъ привыкли къ ея услугамъ, что Сергѣй съ тревогой думаетъ о томъ, что вы лишены ея ухода.

Сергѣй совершенно здоровъ. Онъ очень благодаренъ вамъ за хлопоты, которыхъ вамъ стоило отысканіе сигаръ для него. Онъ сдѣлалъ опытъ разводки табака изъ сѣмянъ, присланныхъ вами, и они взошли на славу; ростъ стебля и размѣръ листьевъ такъ же хороши, какъ на американскихъ платанціяхъ; но мы не умѣемъ обрабатывать его для употребленія. Сергѣй проситъ васъ, милая матушка, прислать ему слѣдующія книги: *Наставленіе о разведеніи табаку и приготовленіи онаго Г. Ливотова, 1810,* и *Наставленіе о разведеніи и об-*

работованіи табака Г. Готгарда, переводъ Жунковскаго, 1812, и посовѣтуйтесь съ г. Фишеромъ насчетъ присылки наилучшихъ французскихъ книгъ по этой части. У насъ лѣто исключительное, ни одного мороза до сихъ поръ; эта погода очень благопріятна для нашего огорода. У меня есть цвѣтная капуста, артишоки, прекрасныя дыни и арбузы, и запасъ хорошихъ овощей на всю зиму. Надо видѣть, какъ доволенъ Сергѣй, когда приноситъ мнѣ то, что взрощено его трудами. Прошу васъ, милая матушка, прислать ему „Альманахъ опытнаго садовника" Туэна, съ дополненіями до послѣднихъ лѣтъ, и приложить, главное, атласъ, а также *Огородникъ* Левшина и другія его сочиненія по садоводству. Прежде чѣмъ кончить, милая матушка, мнѣ хочется сказать вамъ, какъ меня огорчаетъ, что я обезпокоила васъ моимъ послѣднимъ письмомъ. Я была разстроена, и для меня было облегченіемъ разсказать вамъ объ этомъ. Будьте спокойны, обожаемая матушка; я постараюсь впредь быть болѣе разсудительной; но быть вполнѣ разсудительной, когда рѣчь идетъ о мукахъ, причиняемыхъ Сергѣю,— не всегда въ моихъ силахъ. Цѣлуемъ ваши руки, и да будетъ ваше благословеніе всегда надъ нами.

Ваша покорная дочь
М. Волконская.

Передайте пожалуйста нашъ дружескій привѣтъ всѣмъ вашимъ.

34.

Ce 8 Decembre 1829.
Четинской Острогъ.

Ma précedente lettre vous a appris, bien adorée Maman, que je suis instruite de toute l'étendue de mon malheur.—La personne à la quelle vous venez d'écrire pour m'y préparer, a prévenu vos desirs; elle s'est montrée digne de la confiance de la meilleure des mères, c'était mon Ange Protecteur qui m'accordait tout ce qui était possible pour adoucir ma terrible position, Serge et moi nous lui en conserverons une eternelle reconnaissance.

Vos lettres du 18 et 25 Octobre m'ont été rémises hier. Chère Maman vous entrez en veritable mère, en amie dans ma douleur.—Mon coeur se brise à l'idée de n'avoir plus de Père, je me dois à Serge encore, voila ce qui me retient à la vie. Chère Maman, *vous* à mes genoux pour me solliciter de me conserver pour lui, *vous* me nommer *votre*

respectable amie, tout cela ne peut s'éffacer de mon coeur; Serge et moi nous sommes à vos pieds.— Il me soigne, ne me quitte pas et sent mon malheur presqu' aussi vivement que moi-même. Bonne Maman conservez votre santé, soignez vous pour notre bonheur et tranquillité— on ne peut supporter deux fois ce que j'epprouve en ce moment.

J'ai reçu la lettre de ma bonne et respectable soeur Repnin et suis cruellement peinée de ne pouvoir lui répondre aujourd'hui. C'est à elle que je dois le premier adouciment à mes souffrances, je me repprochais tant les peines que j'ai causés à mon adoré Papa, par mes lettres d'ici—et la veille de sa mort il parlait encore avec tendresse et éloge de moi, en montrant mon portrait a D-r Ficher—je ne puis vous dire le bien que ces details m'ont faits—je bénis ma bonne soeur de me les avoir communiqué je l'embrasse du fond de mon coeur et baise les mains de son mari en demandant sa benediction.

Serge et moi nous nous portons fort bien, chère Maman; pour vous en donner une preuve je vous dirai que j'écris déja sous sa dictée des lettres étrangères; tant que j'aurais un souffle de vie je ne puis cesser d'offrir mes services et consolations à tant de parens infortunés; ne sais-je point ce qu'il en a couté à mon bienheureux Papa de souffrir pour ses enfans et surtout pour son ainé qui faisait tout son éspoir!—Pour ma santé, chère Maman, je vous reïtere qu'elle est parfaitement bonne; je fais tous les jours des promenades en traineau. M-r le Commandant l'exige et m'envoye le sien toujours. Ne vous effrayez point de mon écriture, vous savez que j'écris toujours ainsi quand je le fais avec feu et toute mon âme est dans cette lettre.

Avant de vous quitter, bien adorée Maman, je m'adresse encore a votre bonté, j'ai été tout ce tems ci, tellement l'objet des soins de mes gens, de leur zele et attachement sans bornes, que je ne puis me refuser à vous reïterer ma prière pour *Ефимъ.*—J'ecrirai de même pour Маша ma femme de chambre, et ne voudrais point que l'un reçoive l'acte de liberté, avant l'autre.— Accordez moi cette grace, bonne Maman. Je la considerrai comme à moi personelle.

Je n'ai pu vous parler jusqu'ici de vos bontés pour moi chère Maman, j'ai reçu la pharmacie et tout ce qui lui appartient ainsi que le vin que vous m'avez annoncé je vous en remercie un million de fois. Adieu ma bien adorée Maman, je baise vos mains pour Serge et pour

Votre obéissante fille
Marie Wolkonsky.

Samedi prochain je compte ecrire à ma soeur Repnin et lui exprimer toute ma reconnaissance de sa sollicitude et tendresse pour nous.

(Переводъ.)

8 декабря 1829.
Читинскій Острогъ.

По моему предыдущему письму вы знаете, обожаемая матушка, что мнѣ извѣстна вся глубина моего несчастья [1]. Тотъ, кому вы недавно писали, прося подготовить меня, предупредилъ ваше желаніе; онъ оказался достойнымъ довѣрія лучшей изъ матерей. Онъ былъ моимъ ангеломъ-хранителемъ, онъ предоставилъ мнѣ все возможное, чтобы облегчить мое ужасное положеніе. Сергѣй и я сохранимъ ему за это вѣчную благодарность [2].

Ваши письма отъ 18 и 25 октября были переданы мнѣ вчера. Милая матушка, вы принимаете участіе въ моемъ горѣ, какъ истинная мать и другъ. Мое сердце разрывается при мысли, что у меня больше нѣтъ отца; только сознаніе, что я еще нужна Сергѣю, привязываетъ меня къ жизни. Милая матушка, *вы* умоляете меня беречь себя для него, *вы* называете меня *вашимъ уважаемымъ другомъ*,—все это не изгладится изъ моего сердца; Сергѣй и я, мы у вашихъ ногъ.—Онъ ухаживаетъ за мною, не отходитъ отъ меня, и почти такъ же глубоко чувствуетъ мое горе, какъ я сама. Милая матушка, смотрите за своимъ здоровьемъ, берегите себя ради нашего счастья и спокойствія. Нельзя дважды перенести то, что я испытываю въ эту минуту.

Я получила письмо доброй и уважаемой сестры Репниной, и мнѣ очень грустно, что я не могу сегодня отвѣчать ей. Ей я обязана первымъ облегченіемъ въ моихъ страданіяхъ. Я столько упрекала себя за огорченія, которыя я причиняла моему дорогому отцу моими письмами отсюда,—а онъ еще наканунѣ своей смерти говорилъ обо мнѣ съ любовью и похвалой, показывая мой портретъ д-ру Фишеру [3]. Не могу сказать вамъ, какую отраду доставили мнѣ эти по-

---

[1] Отецъ М. Н., герой 12-го года, генералъ отъ инфантеріи, членъ Госуд. Совѣта, Н. Н. Раевскій, умеръ 16 сент. 1829 г.

[2] М. Н. говоритъ здѣсь о Лепарскомъ.

[3] „Наканунѣ своей кончины онъ вспомнилъ о ссыльной дочери, и сказалъ одному изъ своихъ друзей, указывая на ея портретъ, висѣвшій въ его комнатѣ: „Voilà

дробности. Благословляю добрую сестру за то, что она мнѣ сообщила ихъ, и обнимаю ее отъ всего сердца; цѣлую руки ея мужа и прошу его благословенія.

Мы съ Сергѣемъ оба здоровы, милая матушка; въ доказательство скажу вамъ, что я уже пишу подъ его диктовку письма къ постороннимъ. Пока во мнѣ останется хоть искра жизни, я не могу отказать въ услугахъ и утѣшеніи столькимъ несчастнымъ родителямъ; я слишкомъ хорошо знаю, какъ много пришлось моему покойному отцу выстрадать за своихъ дѣтей, и особенно за старшаго сына, на котораго онъ возлагалъ всю свою надежду [1].—Что касается моего здоровья, то повторяю вамъ, милая матушка, — оно вполнѣ хорошо. Я ежедневно катаюсь въ саняхъ по настоянію г. коменданта, который неизмѣнно присылаетъ мнѣ свои сани. Не тревожьтесь изъ-за моего почерка; вы знаете, что я всегда пишу такъ, когда волнуюсь, а въ это письмо я вложила всю душу.

Прежде чѣмъ прощусь съ вами, обожаемая матушка, хочу снова прибѣгнуть къ вашей добротѣ: все это время мои люди такъ заботились обо мнѣ, проявляли такое усердіе и такую безграничную привязанность, что я не могу не повторить вамъ моей просьбы относительно Ефима. Я буду писать также о Машѣ, моей горничной; мнѣ не хотѣлось бы, чтобы одинъ изъ нихъ получилъ вольную раньше другого. Окажите мнѣ эту милость, любезная матушка, и я приму ее какъ личное одолженіе.

Я еще не поблагодарила васъ, милая матушка, за услугу, которую вы оказали мнѣ; я получила аптечку со всѣми ея принадлежностями, а также вино, о которомъ вы мнѣ писали. Тысячу разъ благодарю васъ за все это. Прощайте, обожаемая матушка, цѣлую ваши руки за Сергѣя и за себя.

Ваша покорная дочь
Марія Волконская.

Въ будущую субботу я надѣюсь написать сестрѣ Репниной и выразить ей всю мою благодарность за ея заботливость и любовь къ намъ.

---

la plus admirable femme que j'aie connue“ (Вотъ самая удивительная женщина, какую я зналъ),—см. „Рус. Стар.“ 1878 г., іюнь, стр. 338, со словъ княжны В. Н. Репниной.

[1] Александръ Ник. Раевскій.

35.

№ 43.

Ce 30 Octobre 1831.
Петровской Заводъ.

Je réponds aujourd'hui, bien adorée Maman, à vos lettres № 33 et 34. Elles nous sont parvenues à la fois, nous sommes heureux des bonnes nouvelles qu'elles contiennent et Serge vous remercie du fond de son âme pour le soin que vous avez mis à nous entretenir de tout ce qui conserne tous les vôtres.

Nous nous portons fort bien; me voila installée depuis trois jours dans le № de prison de Serge. La difference que j'y trouve actuellement de ce que c'était l'année dernière, m'a frappée. Les ameliorations ont réussi, l'air est pur, on ne peut pas dire qu'il fusse bien clair, mais plus de jour que je ne l'ésperais d'après la dimension des fenêtres. La temperature de la chambre est bonne et seche. Je vous donne tous ces détails sachant combien cela vous interesse pour Serge et pour moi. Il a mis beaucoup de soin dans l'arrangement de notre petit mobilier, c'est fait avec gout et l'on oublie que c'est une prison qui vous sert d'habitation.

En grace, bien bonne Maman, soyez tranquille sur nous, je vous ferai toujours part en toute vérité de tout ce qui nous arrive—ne vous fondez jamais sur aucunes autres nouvelles que celles que je vous donne.

Je vous remercie de tout coeur de la bonté que vous mettez à vous occuper de mon abbonnement aux journaux Scientifiques et Litteraires que je vous avais demandée, je les attends avec impatience. Mille fois merci encore, pour la promesse que vous me donnez de ménager une pendule pour remplacer celle qui s'était abymée pendant le voyage.

Je vous dis adieu bien adorée Maman en baisant vos mains chéris pour Serge et pour moi, nous demandons votre bénédiction; puisse-t-elle veiller toujours sur nous.

Votre obéissante fille
Marie Wolkonsky.

Chargez-vous de nos plus tendres amitiées pour ma chère Aline et son Mari.

(Переводъ.)

30 октября 1831.
Петровскій Заводъ.

Отвѣчаю сегодня, обожаемая матушка, на ваши письма № 33 и 34. Мы получили ихъ разомъ и были обрадованы добрыми вѣстями,

которыя они содержатъ. Сергѣй сердечно благодаритъ васъ за то, что вы взяли на себя трудъ сообщить намъ подробно обо всѣхъ вашихъ.

Мы совершенно здоровы. Уже три дня, какъ я устроилась въ тюремной комнатѣ Сергѣя [1]. Разница, которую я нашла въ ней теперь по сравненію съ прошлымъ годомъ, поразила меня. Всѣ поправки удались, воздухъ чистъ; нельзя сказать, чтобы было совсѣмъ свѣтло, но все же свѣта больше, нежели я надѣялась въ виду малаго размѣра оконъ. Въ комнатѣ сухо и температура хорошая. Сообщаю вамъ всѣ эти подробности, потому что знаю, какъ это вамъ интересно ради Сергѣя и меня. Онъ положилъ много труда на нашу незатѣйливую меблировку, все сдѣлано со вкусомъ, такъ что забываешь, что это жилище—ничто иное, какъ тюрьма.

Пожалуйста, милая матушка, будьте спокойны за насъ; я всегда буду вполнѣ правдиво извѣщать васъ обо всемъ, что́ у насъ случается. Никогда не довѣряйте никакимъ другимъ сообщеніямъ, кромѣ моихъ.

Отъ всего сердца благодарю васъ за то, что вы взяли на себя трудъ подписаться для меня на научные и литературные журналы, которыхъ я просила у васъ; жду ихъ съ нетерпѣніемъ. Также тысячу разъ благодарю васъ за обѣщаніе прислать мнѣ стѣнные часы взамѣнъ тѣхъ, которые испортились въ дорогѣ.

Прощайте, обожаемая матушка, цѣлую ваши милыя руки за Сергѣя и за себя. Мы просимъ вашего благословенія; да почіетъ оно всегда надъ нами.

Ваша покорная дочь
Марія Волконская.

Передайте пожалуйста нашъ сердечный привѣтъ милой Алинѣ и ея мужу.

---

[1] Въ Петровскій заводъ декабристы были переведены за годъ передъ этимъ, въ сентябрѣ 1830 г.; но только лѣтомъ 1831 г. разрѣшено было прорубить въ ихъ полутемныхъ кельяхъ окна наружу; см. объ этомъ ниже, стр. 83.

II.

Письмо декабриста И. Д. Якушкина къ Н. Н. Шереметевой.

Печатается съ современной копіи, писанной на листѣ писчей бумаги со всѣхъ четырехъ сторонъ; по среднему поперечному сгибу листъ порванъ почти до конца пополамъ, отчего нѣкоторыя слова читаются съ трудомъ. Въ концѣ листа, послѣ текста, тою же рукою написано: Спис: 1832-го г. Сентября 29 въ Москвѣ; слѣдовательно копія снята тотчасъ по полученіи письма въ Москвѣ, такъ какъ самое письмо датировано изъ Петровскаго завода 13 марта этого же года.

Жизнь декабристовъ въ Петровскомъ извѣстна по мемуарамъ многихъ декабристовъ—бар. Розена, Басаргина, Бѣляева, Фролова и др., въ томъ числѣ и самого Якушкина. Но всѣ эти воспоминанія были писаны уже много лѣтъ спустя; настоящее письмо имѣетъ предъ ними то важное преимущество, что оно современно излагаемымъ въ немъ фактамъ, т.-е. и наиболѣе гарантируетъ точность ихъ изображенія, и воспроизводитъ эту внѣшнюю дѣйствительность не въ окраскѣ поздняго сознанія, а въ органическомъ сочетаніи съ тѣми самыми чувствами и мыслями, которыя были порождены этой дѣйствительностью въ человѣкѣ, переживавшемъ ее.

Когда писалось настоящее письмо, Якушкинъ уже два года жилъ въ Петровскомъ, куда онъ и его товарищи были переведены изъ Читы въ сентябрѣ 1830 года. Якушкину было теперь 39 лѣтъ (род. 1793); въ Россіи онъ оставилъ жену — Настасью Васильевну, и двоихъ дѣтей—Вячеслава и Евгенія. Въ 1827 году, когда его увозили въ Сибирь, жена хотѣла послѣдовать за нимъ, но на послѣднемъ свиданіи съ нею, въ Ярославлѣ, онъ взялъ съ нея слово, что она останется въ Россіи, при дѣтяхъ; и позднѣе, несмотря на мно-

гократныя настоянія жены, онъ остался твердъ въ своемъ рѣшеніи [1]. Настасья Васильевна съ дѣтьми жила у своей матери, Надежды Николаевны Шереметевой, замѣчательной женщины („духовная мать" Гоголя въ 40-хъ годахъ) [2]; къ ней-то, къ Н. Н. Шереметевой, по всѣмъ признакамъ адресовано письмо Якушкина.

Въ Петровской тюрьмѣ каждый изъ заключенныхъ имѣлъ особую комнату, что́ было большимъ облегченіемъ послѣ совмѣстной жизни въ Читѣ. Якушкинъ сначала занималъ 11-й нумеръ, потомъ—очевидно уже ко времени настоящаго письма—его перевели въ третье отдѣленіе, въ 16-й нумеръ; въ этомъ отдѣленіи вмѣстѣ съ нимъ помѣщались Оболенскій, Штейнгель, Пущинъ и Лореръ („Записки", стр. 176). Главнымъ неудобствомъ тюремной жизни здѣсь была на первыхъ порахъ темнота казематовъ. Въ своихъ „Запискахъ" (стр. 173) Якушкинъ такъ описываетъ внутреннее расположеніе Петровской тюрьмы: вдоль всего зданія тянулся длинный, въ три аршина ширины корридоръ съ окнами во дворъ; корридоръ былъ раздѣленъ поперечными стѣнками на нѣсколько частей,—это и были „отдѣленія"; въ каждомъ „отдѣленіи" корридора было пять или шесть казематовъ, а посрединѣ наружная дверь, во дворъ; казематы не имѣли наружныхъ оконъ, а освѣщались только небольшимъ съ желѣзной рѣшеткой окномъ надъ дверью, выходившей въ корридоръ. Въ серединѣ 1831 г. разрѣшено было прорубить въ казематахъ окна наружу.—Жилось декабристамъ въ Петровскомъ, подъ надзоромъ гуманнаго коменданта Лепарскаго, въ общемъ очень хорошо. Женамъ дозволено было жить съ мужьями въ ихъ казематахъ, и бездѣтныя, конечно, воспользовались этимъ разрѣшеніемъ; заключенные вели хозяйство сообща, на артельныхъ началахъ (объ этомъ говорится и въ письмѣ Якушкина) [3], изъ Россіи имъ присылали цѣлые воза платья, книгъ и пр.

Какъ-разъ въ то время, когда Якушкинъ писалъ настоящее письмо, его жена въ Россіи дѣлала новую попытку получить разрѣшеніе на поѣздку въ Сибирь; на этотъ разъ она просила дозволенія ѣхать

---

[1] См. его „Записки", М., 1905, стр. 130, 148, 158 и др.

[2] О Н. Н. Шереметевой см. статью В. И. Шенрока въ „Рус. Стар." 1892 г. октябрь, стр. 149 и др.

[3] „Уставъ" артели декабристовъ въ Петровскомъ напечатанъ въ „Запискахъ„ Н. В. Басаргина „Девятнадцатый вѣкъ" (П. И. Бартенева), отд. оттискъ, М., 1872 г., стр. 101—115.

къ мужу безъ дѣтей. Якушкинъ зналъ объ этихъ хлопотахъ, и въ настоящемъ письмѣ какъ-разъ обсуждаетъ рѣшеніе жены. Попытка Якушкиной, какъ извѣстно, не имѣла успѣха: разрѣшенія ей не дали. Въ напечатанной недавно замѣткѣ П. Е. Щеголева „Изъ резолюцій имп. Николая I о декабристахъ“ [1] находимъ подробности этого эпизода. Третье отдѣленіе представило царю слѣдующій докладъ по поводу прошенія Якушкиной.

„Жена государственнаго преступника Якушкина въ 1829 году просила о дозволеніи ѣхать съ дѣтьми въ Сибирь къ мужу, и ей объявленъ былъ высочайшій отзывъ, что желаніе ея можетъ быть исполнено, но что, въ мѣстѣ пребыванія ея мужа, она не найдетъ никакихъ способовъ къ воспитанію дѣтей и, взявъ ихъ съ собой, она положитъ не малую преграду къ устройству будущаго ихъ состоянія, а потому она должна предварительно обдумать всѣ послѣдствія своего предпріятія, дабы избѣгнуть поздняго и безполезнаго раскаянія. Въ 1832 году Якушкина, намѣреваясь одна, безъ дѣтей, отправиться къ мужу, просила доставить ей нужныя для проѣзда бумаги. По собраннымъ частнымъ свѣдѣніямъ оказалось, что Якушкина не искренно желаетъ ѣхать въ Сибирь, а принуждаетъ ее къ тому ея мать, женщина странная [это—объ Н. Н. Шереметевой!]. Она выдала ее замужъ за Якушкина; на эту поѣздку заставила занять 20 т. руб. сына своего Шереметева, который и безъ того много долженъ. Если можно воспрепятствовать этой поѣздкѣ, то оказана будетъ милость всему семейству“.

3 апрѣля 1832 года (т.-е. чрезъ три недѣли послѣ того, какъ было написано нижеприводимое письмо Якушкина) Николай I положилъ на этомъ докладѣ резолюцію: „Отклонить подъ благовиднымъ предлогомъ“, — что̀ и было исполнено (см. „Записки“ Якушкина, стр. 184).

Якушкинъ прожилъ въ Петровскомъ до середины 1836 года, когда кончился срокъ его каторги; дальнѣйшія двадцать лѣтъ своей ссылки онъ провелъ на поселеніи въ Ялуторовскѣ, въ 1856 г. былъ возвращенъ въ Россію и умеръ въ Москвѣ въ 1857 году.

---

[1] „Голосъ Минувшаго“ 1913 г., ноябрь, стр. 194—195.

1832—Марта 13-го.

Начну съ себя — Я здоровъ, и могу сказать обыкновенно довольно покоенъ, но долженъ вамъ признаться, что положеніе Настеньки и участь дѣтей иногда невольно меня смущаютъ. Непріятная увѣренность, что никто на свѣтѣ не можетъ при нихъ замѣнить меня, увѣренность что ей и имъ было бы такъ хорошо, естьлибы мы были вмѣстѣ и не раздѣльно съ симъ ощутительная невозможность не только этаго вмѣстѣ, но даже что нибудь сдѣлать для нихъ, по временамъ выводятъ меня изъ спокойнаго положенія духа и въ эти минуты я говорю себѣ, что они не совсѣмъ сироты, что она также не покинута въ мірѣ, что надъ ней и надъ ними есть провидѣніе и до сихъ поръ всякой разъ мнѣ удавалось уговорить себя.— Впрочемъ эти минуты бываютъ къ щастью и рѣдки и не продолжительны, и я сказалъ вамъ про это единственно потому только, что не желаю ничего скрыть отъ васъ, что бываетъ у меня въ душѣ. Жизнь въ Петровскомъ очень сносна; я живу одинъ въ комнатѣ теплой, довольно свѣтлой и какъ вы можете представить очень чистой.— Вообще Петровская тюрьма такъ хорошо устроена, что не только въ Россіи но вѣроятно и нигдѣ въ этомъ родѣ ничего нѣтъ другаго подобнаго. Прибавьте къ этому щастіе имѣть комендантомъ человѣка истинно кажется рожденнымъ для этаго мѣста [1], который умѣетъ сочетать неотступное исполненіе по своему мѣсту обязанностей съ неограниченнымъ вниманіемъ ко всѣмъ отъ него зависящимъ. Не подумайте чтобы я говорилъ вамъ это единственно въ утѣшеніе, не только обманъ, но даже преувеличиваніе въ этомъ случаѣ, почелъ бы я для себя относительно къ вамъ непозволеннымъ.—Кто не испыталъ жизни какую мы ведемъ здѣсь не можетъ постигнуть ее, я вамъ скажу и вы мнѣ повѣрите, что когда я бываю мысленно со всѣми вами близкими мнѣ, и когда на вашъ щетъ ни чемъ не встревоженъ, я бываю такъ щастливъ какъ едвали бывалъ когда нибудь когда жилъ на томъ свѣтѣ. Другому эти выраженія покажутся признакомъ сумашествія или по крайней мѣрѣ вздоромъ, но вы можетъ быть меня поймете и навѣрно повѣрите мнѣ. Признайтесь любезный другъ что этотъ разъ вы должны быть мной довольны; вотъ цѣлая страничка обо мнѣ и единственно обо мнѣ, но мнѣ хочется вполнѣ по-

[1] С. Р. Лепарскій.

баловать васъ и я постараюсь познакомить васъ со всѣми подробностями моего быта.

Размѣръ моей комнаты 8 арш. длины и 6 ширины. Окно почти на полдень—$2^1/_2$ арш. отъ полу, противъ двери.—Взойдя въ комнату на лѣво печь, которая топится изъ коридора, между дверью и печью шкапчикъ для умыванья. За печью по стѣнѣ шкапъ съ бѣльемъ и книгами и который можетъ служить столомъ. За шкапомъ столъ на которомъ лежатъ книги; за этимъ столомъ кресло на подобіе того которое стояло въ Покровскомъ [1] передъ окномъ въ моей комнатѣ, за кресломъ въ углѣ на маленькой полкѣ распятіе которымъ благославилъ меня Петръ Николаевичъ [2]. Противъ двери какъ я вамъ сказалъ окно, подъ нимъ столикъ на которомъ стоитъ самоваръ который я самъ чищу и который почти такъ же чистъ какъ самоваръ который въ Жуковѣ [3] чистилъ Степанъ; возлѣ самовара стоятъ чайныя чашки, чайникъ, сахарница, полоскательная чашка и молошникъ и какъ вы видите полный сервизъ фарфоровый, который мнѣ стоитъ 14 р. За чайнымъ столикомъ въ правомъ углу три полочки для чубуковъ трубокъ и табаку.—Взойдя въ комнату на право кровать моя, между кроватью и полочками съ табакомъ и прочимъ большой столъ за которымъ я обыкновенно занимаюсь. Всѣ три стола, то есть этотъ послѣдній, чайный и тотъ который возлѣ кресла безъ ножекъ прибиты къ стѣнѣ для удобства мести комнату обязанность, которую для большей исправности возложилъ я на себя.—Подъ двумя столами стоятъ два складные стула привезенные изъ Россіи и которые подарила мнѣ Александра Григорьевна [4]. Мебель мою дополняютъ двѣ стойки, которыя самъ я обивалъ.—Комната выштукатурена и выбѣлена, мебели мои всѣ выкрашены черной краской не потому чтобы я думалъ что она сообразна съ моимъ положеніемъ, вы очень знаете что сентиментализмъ не мой порокъ, но потому ли, что красная мнѣ кажется слишкомъ пошла

---

[1] Деревня Н. Н. Шереметевой, Рузскаго уѣзда, Моск. губ.

[2] П. Н. Мысловскій, протоіерей Казанскаго собора, другъ и утѣшитель декабристовъ во время ихъ содержанія въ Петропавловской крѣпости. Когда, послѣ осужденія, Якушкина увезли изъ Петропавловской крѣпости въ Финляндію, и на встрѣчу ему въ Парголово выѣхали его жена съ дѣтьми, И. А. Фонъ-Визинъ и др.,—въ числѣ провожавшихъ его былъ и П. Н. Мысловскій, который здѣсь вѣроятно и благословилъ его распятіемъ („Записки“, стр. 117).

[3] Деревня Якушкина, въ Смоленской губ.

[4] А. Г. Муравьева, жена Никиты Муравьева.

и напоминаетъ постоялые дворы въ маленькихъ городахъ, трактиры и тому подобное, или потому что черная мебель напоминаетъ мнѣ мебель въ вашей комнатѣ.—Вообще скажу вамъ мимоходомъ, что прибитые столы, черная краска и все мое устройство въ комнатѣ, кажется другимъ очень странно, но для меня и вѣроятно для васъ это все равно.—Кровать покрыта, стулья и кресло обиты зеленой дабой или по вашему китайкой, что какъ вы видите не великолѣпно, но зато довольно опрятно. Надъ столомъ за которымъ я занимаюсь, висятъ портреты Настинькинъ и дѣтскіе; я ожидаю вашего чтобы пріобщить его къ нимъ.

Вотъ подробное описаніе моей комнаты, вѣроятно оно васъ сколько нибудь съ ней познакомитъ.

Дни въ Петровскомъ летятъ съ необыкновенной быстротой, одинъ на другой такъ похожи, что ихъ почти не замѣчаемъ, только баня въ суботу, и почта въ воскресенье прерываютъ сколько нибудь совершенную ихъ единообразность. Вотъ мой день. Поутру встаю и въ семь часовъ мету комнату, обтираю пыль, ставлю самоваръ, умываюсь, одѣваюсь, пью чай одинъ у себя въ комнатѣ, чищу самоваръ, убираю посуду. Это хозяйственное упражненіе занимаетъ меня до девятаго половины;—въ девять часовъ естьли моя очередь иду на работу, которая состоитъ въ молоніи муки на ручномъ жерновѣ, урокъ не большой и который обыкновенно безъ большаго усилія можно кончить въ полчаса, но на работѣ остаются до половины двенадцатаго часу. Ровно въ двенадцать мы обѣдаемъ всѣ живущіе въ коридорѣ: вмѣстѣ со мною живутъ въ отдѣленіи четверо: Лореръ, Пущинъ, Штенгель и Оболенскій;—послѣ обѣда занимаюсь у себя въ комнатѣ, въ два часа иду опять на работу, которая продолжается до половины 5-го часа—до шести часовъ гуляю на дворѣ, нарочно для этаго опредѣленномъ, и въ которомъ 150 шаговъ длины и около 80-ти шаговъ ширины. Въ шесть пью чай (часъ въ который я наиболѣе бываю вмѣстѣ со всѣми вами), вытираю самоваръ и посуду; отъ семи до осьми читаю или что нибудь дѣлаю; въ 8-мь часовъ ужинаютъ опять всѣ вмѣстѣ по своимъ коридорамъ—въ половинѣ десятаго я ложусь и читаю въ постелѣ, въ десять приходятъ тушить огонь и запирать. На другой день точно тоже съ той только разницей что естьли я не иду на работу, то сижу дома и занимаюсь чѣмъ случиться. Въ четвергъ и суботу я обѣдаю у Катеринѣ Ивановнѣ [1] въ ея номерѣ. Александру

[1] Трубецкая.

Григорьевну [1] и Наталью Дмитріевну [2] видаю рѣдко; послѣднюю въ шесть мѣсяцевъ видѣлъ не болѣе двухъ разъ; онѣ обѣ все это время больны были. Александра Григорьевна и теперь очень нездорова; за то лѣтомъ когда Наталья Дмитріевна думали умретъ Михайло Александровичь [3] также былъ продолжительно и опасно боленъ, я ходилъ къ нимъ всякой день въ продолженіи почти двухъ мѣсяцовъ. Улично я знакомъ со всѣми но такъ сказать домами кромѣ Михайлы Александровича, Сергѣя Петровича [4] и Никиты Михайловича [5] почти ни съ кѣмъ; кромѣ этихъ трехъ рѣдко кто нибудь и то развѣ за какимъ дѣломъ переступаетъ порогъ мой, и еще рѣжѣ хожу къ кому нибудь. Я четыре года живу съ Одоевскимъ [6], и недавно узналъ отъ него, что онъ знакомъ съ Шереметьевыми, знаетъ Катерину Васильевну. Вы можете себѣ представить какъ я обрадовался такому открытію и какъ воспользовался имъ чтобы поговорить объ Шереметьевыхъ и Катеринѣ Васильевнѣ съ человѣкомъ который ихъ знаетъ.— Еще разъ скажу, вы должны любезный другъ матушка быть довольны мною. Естьли Настенька еще не уѣхала, то она вѣрно при этомъ случаѣ посмѣется и надо мной и надъ вами, но вѣроятно и вы [и я] останемся довольны; я не только побѣсѣдовалъ съ вами, но очень и очень поболталъ, что имѣетъ свою пріятность, и увѣренъ что вы также прочтете это болтанье съ удовольствіемъ.—Теперь поговоримъ о дѣлѣ.—Вы ко мнѣ пишете, что все относящееся до дѣтей зависитъ совершенно отъ Настиньки а она объ дѣтяхъ ко мнѣ почти никогда ничего не пишетъ, и я имѣя (можетъ быть) несчастье безпрестанно объ нихъ думать ровно ничего про нихъ не знаю.—За границу имъ нельзя, я это знаю.—Настенька намѣкала мнѣ что она хочетъ помѣстить ихъ въ корпусъ въ которомъ помѣщенъ Леонидъ, признаюсь эта мысль меня очень не порадовала. Заведеніе это можетъ быть лучше всѣхъ казенныхъ заведеній въ Россіи но невѣроятно, чтобы было хоть сколько нибудь порядочно нащетъ истиннаго воспитанія дѣтей, не потому чтобы я думалъ, что правительство этаго не хочетъ, напротивъ, я увѣренъ, что оно съ

---

[1] Муравьева.
[2] Фонъ-Визина.
[3] Мужъ послѣдней, Фонъ-Визинъ.
[4] Трубецкой.
[5] Муравьевъ.
[6] А. И. Одоевскій.

своей стороны готово сдѣлать все что можетъ, но гдѣ оно найдетъ человѣка истинно способнаго и который рѣшится посвятить себя воспитанію дѣтей. Естьлибы и нашелся одинъ такой человѣкъ, гдѣ онъ возметъ достаточно помощниковъ для воспитанія пяти сотъ дѣтей собранныхъ изо всѣхъ мѣстъ Россіи съ разными дурными привычками и которыя въ дѣтскомъ возрастѣ сообщаются какъ язва.— Чтобы сдѣлать изъ ребенка что нибудь порядочное, по моему необходимо чтобы онъ былъ окруженъ людьми истинно во всѣхъ отношеніяхъ порядочными. Вы можетъ скажете что съ моей стороны непозволительная гордость почитать себя во всѣхъ отношеніяхъ человѣкомъ порядочнымъ, полагая что моимъ дѣтямъ при мнѣ было бы очень хорошо, я могу быть во всемъ на свѣтѣ безпорядочнымъ, но навѣрно не относительно ихъ. Естьлибы я могъ себѣ представить что есть на этомъ свѣтѣ существо которое бы могло (я не скажу полюбить ихъ какъ я ихъ люблю, можетъ много людей любятъ ихъ несравненно болѣе нежели я ихъ люблю) но которое бы могло полюбить ихъ щастье какъ я его люблю, въ такомъ случаѣ я былъ бы не только покоенъ на ихъ щетъ, но, я думаю, щастливъ.

Впрочемъ простите меня любезный другъ, что я вамъ это говорю; я чувствую что никто на свѣтѣ меня въ этомъ случаѣ вполнѣ не поймет ъ даже и вы не поймете но знаю также и то что вы мнѣ повѣрите.

Настенька предлагала мнѣ отдать дѣтей къ Павлову[1], я обѣщалъ ей на это мое согласіе, ожидалъ что они будутъ къ нему помѣщены, что вы меня объ ономъ извѣстите; по моимъ ращетамъ мѣсяцъ тому назадъ я долженъ былъ получить извѣстіе на мое согласіе и въ продолженіе всего этаго мѣсяца ни слова объ этомъ. Вы можетъ имѣете на это причины, которыхъ за семь тысячь верстъ я никакъ навѣрно отгадать не могу.—Я тотчасъ согласился на помѣщеніе дѣтей къ Павлову, не потому чтобы я былъ увѣренъ, что имъ у него будетъ очень хорошо, но зная его за человѣка довольно образованнаго и довольно порядочнаго, я думалъ что имъ у него будетъ лучше нежели въ заведеніи въ которомъ пять сотъ дѣтей, въ которомъ и по этому нельзя предположить даже порядочнаго надъ ними надзора. Къ тому же въ Москвѣ они были бы у васъ, у Алексѣя Васильe-

---

[1] Проф. М. Г. Павловъ въ концѣ 1831 г. открылъ въ Москвѣ пансіонъ, вскорѣ прославившійся, какъ образцовое учебное заведеніе. Передъ тѣмъ Павловъ нѣсколько лѣтъ завѣдывалъ Благороднымъ пансіономъ при Моск. Университетѣ.

вича[1] и другихъ которые принимаютъ въ нихъ участіе такъ сказать подъ глазами. Двѣ недѣли тому назадъ, Ивашева[2] получила письмо отъ сестры своей, въ которомъ она къ ней пишетъ, что дѣтей моихъ отдаютъ къ Ивану Александровичу[3], что ей сказалъ про это Митраль[4], который живетъ у Ивана Александровича.—Вы мнѣ про это также ни слова не говорите. Я опять увѣрилъ себя, что вы имѣете хорошія причины ни слова не писать мнѣ объ этомъ по почтѣ.—Въ этомъ случаѣ я буду съ вами говорить также откровенно.—Я знаю Ивана Александровича, во многихъ отношеніяхъ истинно прекраснымъ человѣкомъ, но во многомъ какъ мнѣ кажется и какъ я его знаю онъ не пойметъ предназначеніе дѣтей и еще менѣе пойметъ и сумѣетъ къ нему ихъ приготовить. Пишутъ, что Митраль человѣкъ очень порядочной и который готовилъ себя для воспитанія дѣтей. Естьли это правда то это очень щастливо для дѣтей живущихъ у Ивана Александровича.—Что по моему положительно можетъ быть хорошо для дѣтей у Ивана Александровича, это то что онѣ будутъ ограждены нетолько отъ дурнаго но даже отъ неприличнаго для ихъ возраста общества, особенно естьли и послѣдняя барышня которая живетъ у него вздумаетъ оставить его въ покоѣ. Еще мнѣ кажется выгоднымъ то что къ нему можно бы было писать обо всемъ откровенно относящемся до дѣтей, и онъ бывъ самъ человѣкъ весьма добросовѣстный и скромной повѣритъ добросовѣстности другихъ.—Въ заключеніе всего этаго я скажу вамъ, что не умѣю ничего придумать для дѣтей чѣмъ бы я могъ совершенно быть доволенъ. Естьли мнѣ случится отъ души сказать: Да будетъ его воля, мнѣ становится легче.

Помѣстивъ дѣтей, Настинька вѣроятно сюда пріѣдетъ. Ей здѣсь будетъ по моему недурно; ей нельзя будетъ такъ покойно и безпечно жить здѣсь, какъ жила она въ Покровскомъ, но для нее это будетъ не безъ пользы. Здѣшнія дамы имѣютъ позволеніе три раза въ недѣлю, кромѣ этаго и когда онѣ больны видѣться съ мужьями

---

[1] А. В. Шереметевъ, сынъ Н. Н. Шереметевой, братъ жены Якушкина.

[2] Жена декабриста, рожд. Ледантю, Камилла Петровна.

[3] И. А. Фонъ-Визинъ, братъ декабриста Мих. Ал-ча, взявшій къ себѣ на воспитаніе дѣтей послѣдняго, послѣ того какъ ихъ мать, жена М. Ал-ча, Наталья Дмитріевна, уѣхала къ мужу въ Сибирь.

[4] Метраль, гувернеръ, жившій у И. А. Фонъ-Визина для воспитанія дѣтей М. А. и Н. Д. Фонъ-Визиныхъ; см. В. И. Шенрокъ, „Одна изъ женъ декабристовъ", въ „Рус. Бог.", 1894, кн. 11, стр. 120.

у себя дома, въ другое время мужья живутъ въ тюрьмѣ и жены естьли хотятъ ихъ видѣть приходятъ къ нимъ въ Номера.—По пріѣздѣ Настеньки сюда, она найдетъ помѣщеніе въ домѣ у Катерины Ивановны [1]. А тамъ посмотримъ какъ ей будетъ лучше устроиться.—Анна Васильевна [2] которая въ іюлѣ отсюда уѣзжаетъ, нанимаетъ квартиру, но эта квартира очень далеко отъ тюрьмы и очень неудобна. Анна Васильевна жестоко въ ней простудилась, два мѣсяца совершенно была глуха, но теперь ей немного лучше, Александра Григорьевна [3] и другія совѣтуютъ мнѣ приняться за строенье дома.—Я думаю приступить къ этому удобнѣе будетъ по пріѣздѣ Настеньки.—Къ томуже для этаго нужны деньги которыхъ у меня теперь нѣтъ, а занимать я боюсь и признаюсь не охота. Переходъ въ Петровское спуталъ меня не много въ ращетахъ моихъ. Необходимо принужденъ я былъ сдѣлать нѣсколько прежде непредвидѣнныхъ издержекъ, и совсѣмъ этимъ я ничего не долженъ, или покрайней мѣрѣ очень немного Сергѣю Петровичу [4] рублей съ тридцать и въ артель за текущій годъ 160 р. изъ 500 р. которые я подписалъ на нынѣшній годъ. За прошлый годъ внесъ всѣ 600 р.—Здѣсь подписываютъ и даютъ въ артель, всякій кто что можетъ. Двѣ трети изъ принадлежащихъ къ артели ничего не получаютъ, и по этому ничего дать не могутъ, но имъ также жить надобно и они живутъ. Содержаніе каждаго стоитъ 500 р. и по этому вы видите, давая 500 р., я даю ровно столько въ артель сколько стоитъ мое и каждаго изъ живущихъ въ тюрьмѣ содержаніе.—Казенныхъ мы получаемъ шесть копѣекъ въ день.

Я вамъ уже сказалъ, что я живу вообще очень уединенно, скучать мнѣ нѣкогда.—Всѣ эти годы я читалъ, думалъ сколько могу, многому учился въ надеждѣ, что какъ нибудь неожиданно мнѣ случиться быть полезнымъ для дѣтей. До сихъ поръ меня утѣшаетъ относительно ихъ одно.—Несмотря на сопротивленіе всего и всѣхъ я не разлучилъ ихъ съ матерью. Меня въ этомъ никто не понимаетъ. Я это предвидѣлъ, предвидѣлъ также и то, что оставляя Настеньку въ Россіи ее положеніе должно быть нетолько непріятно, но я увѣренъ во многихъ отношеніяхъ очень затруднительно. Можетъ со временемъ сама Настенька и дѣти когда они выростутъ будутъ умѣть

---

[1] Трубецкая.
[2] Розенъ.
[3] Муравьева.
[4] Трубецкой.

оцѣнить все это.—Что вамъ сказать еще о себѣ. Всемѣстно говорятъ я не очень постарѣлъ за эти годы сѣдыхъ волосъ однако много прибавилось.—Душевно кажется не только не постарѣлъ, но какъ мнѣ кажется право помолодѣлъ,—иногда такъ свѣтло какъ прежде никогда не бывало. Но вотъ я пустился опять болтать и чувствую что естьлибы попустить себя, то я долго бы не кончилъ, а кончить надо.—Простите любезный мой другъ матушка, очень крѣпко васъ обнимаю.—Естьли Настинька еще не уѣхала начните съ нее и очень ее за меня обнимите.—Обнимите за меня Вечеслава и Евгенія, попросите ихъ отъ меня вести себя порядочно и естьли чему учатся, то учиться прилѣжно и вообще все что они дѣлаютъ стараться дѣлать сколько возможно порядочнѣе.—Обнимите за меня Алексѣя Васильевича и Пелагею Васильевну [1], поклонитесь Катеринѣ Сергѣевнѣ [2], Катеринѣ Васильевнѣ Шереметьевымъ, Тютчевымъ [3], Аннѣ Захарьевнѣ.—Обнимите Катерину Гавриловну, Николая Васильевича, всѣхъ ихъ дѣтей, Татьяну Андрѣевну, Анну Андрѣевну.—Сестрицъ моихъ когда ихъ увидите, Настеньку Крюкову. Особенно поклонитесь отъ меня милымъ моимъ Чаадаевымъ [4] и пишите мнѣ иногда объ нихъ.—Поклонитесь также Лизаветѣ Дмитріевнѣ Щербатовой и Натальѣ Дмитріевнѣ Шаховской [5].—Напишите мнѣ объ Иванѣ Дмитріевичѣ [6], я давно ничего объ немъ не знаю.—Поклонитесь Михайлѣ Александровичу Салтыкову [7], Настасьѣ Ивановнѣ. Естьли увидите когда Грабе [8] скажите ему что я вспоминаю съ благодарностію тѣ часы которые я проводилъ съ нимъ вмѣстѣ.—Якову Игнатьевичу, Натальѣ Матвѣевнѣ, Павлу, Степану и моимъ покровскимъ знакомымъ поклонитесь. Что дѣлаютъ мои знакомые въ Жуковѣ? Простите еще разъ любезный другъ.—Я обѣщалъ Прасковьѣ Николаевнѣ, что вы

---

[1] Сынъ и дочь Н. Н. Шереметевой.

[2] Жена А. В. Шереметева.

[3] Н. Н. Шереметева была рожд. Тютчева.

[4] П. Я. Чаадаевъ, философъ, и его братъ Мих. Яковл.

[5] Двоюродныя сестры Чаадаевыхъ; Щербатова была дѣвица, Н. Д. Шаховская была женою декабриста, кн. Ѳ. П. Шаховского.

[6] Братъ предыдущихъ, кн. Ив. Дм. Щербатовъ; онъ умеръ еще въ 1829 году; Якушкинъ, очевидно, не зналъ о его смерти.

[7] М. А. Салтыковъ, пріятель Чаадаева, бывшій Арзамасецъ, въ это время—поч. опекунъ въ Москвѣ.

[8] П. Х. Граббе, впослѣдствіи графъ, до 14-го дек. другъ Якушкина; былъ членомъ Тайнаго общества, но отдѣлался только кратковременнымъ арестомъ, послѣ чего былъ возвращенъ въ полкъ.

ей вѣроятно не откажите уголъ и кусокъ хлѣба въ Покровскомъ.—Естьли это неудобно то помѣстите ее въ Шереметьевскую или какую другую богадѣльню.—Она человѣкъ старый и больной и къ тому же такія имѣла въ свою жизнь испытанія что навѣрно имѣетъ право на ваше попеченіе.—Все говорилъ вамъ о себѣ и почти ничего о трехъ знакомыхъ моихъ здѣсь дамахъ.—Здоровье Натальи Дмитріевны очень разстроилось, нѣсколько разъ она была при смерти, чѣмъ это кончится Богъ знаетъ.—Александра Григорьевна нѣкоторое время также очень не здорова но у нее есть утѣшеніе дѣвочка, самое прелестное существо какое только можно видѣть на этомъ свѣтѣ. Добрая Катерина Ивановна очень щастлива здоровье ее въ Сибири поправилось, она занимается своей Сашенькой безпрестанно, къ томуже такъ благоразумна что Сашенька теперь уже прекрасное дитя и навѣрно будетъ преблаговоспитанною дѣвушкою.—Еще разъ любезный другъ всѣхъ васъ обнимаю.—Естьли вы получите это письмо, то пришлите мнѣ полныя сочиненія лорда Байрона по англински, парижское изданіе, которое стоитъ 25 р. и пришлите въ переплетѣ.

[Сбоку приписано:]

Прилагаемыя при семъ письма я увѣренъ вы какъ возможно доставите.

III.

Автобіографія В. С. Печерина.

Печатается съ копіи, сохранившейся въ архивѣ М. М. Стасюлевича и найденной послѣ смерти послѣдняго М. К. Лемке.

Исторія рукописи явствуетъ изъ нижеслѣдующихъ двухъ писемъ Ѳ. В. Чижова, подлинники которыхъ оказались при самой рукописи.

1.

Милостивый Государь Михаилъ Матвѣевичъ!

Года два тому назадъ, по Вашему желанію, передалъ я Вамъ письма Печерина, съ небольшимъ для нихъ предисловьецомъ, написаннымъ тоже по Вашему желанію и Вами самими тогда одобреннымъ. Съ тѣхъ поръ я ничего не могъ узнать объ этой рукописи. Никакъ не знаю, почему тогда она Вамъ нравилась, потомъ была Вами забыта, и не посягая нисколько на Вашу полную редакторскую независимость, прошу только возвратить ее мнѣ, потому, что ее желаютъ имѣть, а снова ее переписывать я не имѣю ни времени ни желанія. Позвольте надѣяться, что Вы не откажетесь исполнить самую неприхотливую мою просьбу.

Съ истиннымъ уваженіемъ честь имѣю быть
Вашъ покорный слуга
Ѳ. Чижовъ.

Москва. 7 Сент. 1877 г.

Мой адресъ: Ѳед. Вас. Чижову въ Москвѣ, на Садовой, въ собств. домѣ, подъ №№ 10 и 437.

[На подлинномъ сверху надпись рукою М. М. Стасюлевича: *Отв.: жду продолженія*].

2.

17 Сент. 1877 г. Москва.

Милостивый Государь Михаилъ Матвѣевичъ!

Очень благодаренъ Вамъ за скорый и обстоятельный отвѣтъ. Какъ нибудь я неясно передалъ Вамъ, а сущность та, что до сихъ поръ я не вправѣ передать болѣе писемъ. По обстоятельствамъ Печерина, весьма стѣсненнымъ, онъ не желаетъ печатать дальнѣйшую свою горькую жизнь. Поэтому никакъ, даже мысленно не посягая просьбою на Васъ, прошу Васъ только о томъ, что если Вы найдете тѣ письма, которыя находятся у Васъ, съ небольшимъ къ нимъ предисловіемъ, могущими быть напечатанными, Вы прикажете напечатать. Простите мнѣ товарищеское участіе въ человѣкѣ, котораго жизнь протекла и оканчивается весьма не легко, правда какъ дань увлеченію его горячей головы. Еще разъ обезпокою Васъ просьбою объ отвѣтѣ.

Да, наши общественныя дѣла плоховаты. Какъ хорошо Вы распорядились, что напечатали статью Бліоха о финансовомъ состояніи Россіи,—при теперешней паникѣ много облегчаетъ всѣхъ обращеніе къ прошедшему времени.

Съ истиннымъ почтеніемъ и искреннею преданностію

Вашъ *Ѳ. Чижовъ.*

М. М. Стасюлевичъ очевидно замѣшкался, не отослалъ рукописи тотчасъ, а два мѣсяца спустя, 14 ноября 1877 г., Чижовъ умеръ; такъ рукопись и осталась въ редакціи „Вѣстника Европы“ до смерти М. М. Стасюлевича.

Имя Печерина мало извѣстно у насъ; поэтому необходимо сказать здѣсь нѣсколько словъ о его личности и жизни.

Кончивъ Петербургскій университетъ и проведя два года (1833—35) въ заграничной командировкѣ, Печеринъ въ концѣ 1835 года, двадцати восьми лѣтъ, занялъ въ Московскомъ университетѣ каѳедру греческой словесности. Онъ былъ строгій ученый, глубокій знатокъ своего предмета и вмѣстѣ страстная, поэтическая натура. Уже съ раннихъ лѣтъ его опьянила мечта о „лучшемъ мірѣ“, объ освобожденіи человѣка для прекрасной и радостной жизни. За границей эта мечта въ немъ окрѣпла. Въ ту пору такихъ

мечтателей, какъ онъ, было много въ Западной Европѣ: то была эпоха утопическаго соціализма. Съ такими мыслями, съ этой жгучей жаждой въ душѣ попалъ онъ въ тогдашнюю Москву, въ кругъ людей, обезличенныхъ деспотической властью, всецѣло погруженныхъ въ интересы личнаго благополучія и чиновничьей карьеры. Онъ съ первыхъ же дней рѣшилъ бѣжать. Буслаевъ, Погодинъ, Ю. Самаринъ и др. сохранили воспоминанія о блестящихъ лекціяхъ молодого профессора; Буслаевъ запомнилъ и его внѣшнія черты: „Совсѣмъ молодой человѣкъ... небольшаго роста, быстрый и ловкій въ движеніяхъ, очень красивъ собой, во всемъ былъ изященъ и симпатиченъ, и въ привѣтливомъ взглядѣ, и въ мягкомъ, задушевномъ голосѣ, когда, объясняя намъ Гомера и Софокла, онъ мастерски переводилъ ихъ стихи прекраснымъ, литературнымъ слогомъ“. Печеринъ читалъ только одинъ семестръ, съ января по іюнь (1836 г.); все это время онъ питался „чернымъ хлѣбомъ и оливками“: онъ свелъ свои расходы на минимумъ, чтобы скопить деньги на бѣгство.

Въ іюнѣ Печеринъ взялъ отпускъ и уѣхалъ за границу, чтобы больше не вернуться. Тогдашній попечитель московскаго учебнаго округа, гр. С. Г. Строгановъ, задавшійся цѣлью обновить университетъ, писалъ Печерину, убѣждая его вернуться, и Печеринъ изъ Брюсселя отвѣчалъ ему и объяснилъ причины, побудившія его бѣжать; онъ писалъ, что не могъ оставаться среди людей, которые живутъ безъ мысли и вѣры—только для того, чтобы копить деньги и откармливаться, какъ животныя,—что его съ дѣтства ведетъ таинственная звѣзда, что онъ носитъ въ своемъ сердцѣ предчувствіе своей великой судьбы и теперь рѣшилъ отдаться своему предназначенію. Это назначеніе, очевидно, заключалось въ томъ, чтобы содѣйствовать освобожденію человѣчества.

Что дѣлалъ, какъ жилъ Печеринъ въ ближайшіе годы послѣ бѣгства изъ Россіи, объ этомъ у насъ были до сихъ поръ только смутныя свѣдѣнія. Можно было предполагать (и на это есть намеки въ современныхъ свидѣтельствахъ), что онъ примкнулъ къ одному изъ утопически-революціонныхъ кружковъ, какими тогда кишѣла Европа, вѣрнѣе—къ нѣсколькимъ такимъ кружкамъ послѣдовательно. Извѣстно было, что онъ часто и подолгу бѣдствовалъ, и что петербургскіе друзья—друзья молодости, какъ А. В. Никитенко и Ѳ. В. Чижовъ—въ первое время помогали ему деньгами. Изъ этой бурной и трудной жизни онъ вынесъ, повидимому, тяжелое разочарованіе,—

В. С. Печеринъ.

не только въ людяхъ, съ которыми ему приходилось жить и работать, но и въ самой мечтѣ объ освобожденіи народовъ революціоннымъ путемъ. Въ 1840 году его русскіе друзья были ошеломлены извѣстіемъ, что Печеринъ перешелъ въ католичество и вступилъ въ одинъ изъ суровѣйшихъ монашескихъ орденовъ, — Св. Искупителя (редемптористы).

Объ его дальнѣйшей жизни достаточно разсказать здѣсь коротко. Онъ пробылъ редемптористомъ больше двадцати лѣтъ, подвизаясь преимущественно въ Ирландіи; монахомъ видѣлъ его еще Герценъ въ 1853 году, оставившій блестящій, но не совсѣмъ вѣрный очеркъ о немъ. Около 1860—1861 г. въ Печеринѣ произошелъ новый переломъ: онъ горько раскаялся въ своемъ монашествѣ, выступилъ изъ ордена и остался просто священникомъ, снова, съ глубокой тоской и любовью, обратилъ взоры на далекую родину, возобновилъ переписку съ друзьями молодости. Онъ прожилъ послѣ того еще больше двадцати лѣтъ капелланомъ при часовнѣ одной изъ крупнѣйшихъ больницъ Дублина, напутствуя умирающихъ, утѣшая страждущихъ и наполняя свой досугъ изученіемъ восточныхъ языковъ и ботаники. Онъ до конца остался весь живой, сохранилъ всю силу и ясность замѣчательнаго ума и ни на минуту не отрекся отъ лучезарной мечты своей молодости. Обо всемъ этомъ подробно разсказано въ моей книгѣ о немъ, вышедшей въ 1910 году [1].

Нижеслѣдующія воспоминанія Печерина писаны имъ вѣроятно въ 1870—71 гг. (см. начало IV главы—осада Меца, т.-е. августъ 1870 года, и другіе намеки въ текстѣ), когда онъ жилъ уже священникомъ въ Дублинѣ, выйдя изъ ордена; они писаны въ видѣ писемъ, вѣроятно къ самому Чижову, но несомнѣнно съ мыслью о возможномъ ихъ обнародованіи. Рукопись, посланная Чижовымъ въ „Вѣстникъ Европы“, содержитъ несомнѣнно только часть автобіографіи, написанной Печеринымъ; это видно и изъ второго письма Чижова къ Стасюлевичу, приведеннаго выше. Но важно то, что уцѣлѣвшая часть записокъ обнимаетъ какъ-разъ самый темный періодъ жизни Печерина: время его скитаній послѣ бѣгства изъ Россіи. Она написана художественно, съ тонкимъ юморомъ; тридцать лѣтъ монастырской жизни не отучили Печерина ни отъ поэтической манеры, ни отъ русскаго языка. Въ текстѣ Печеринъ всюду называетъ себя „докторомъ Фуссгангеромъ“; надо ду-

[1] „Жизнь В. С. Печерина“, Москва, 1910, книг-во „Путь“.

мать, что этимъ именемъ Чижовъ замѣнилъ его подлинную фамилію по его собственному желанію,—или, можетъ быть, такъ Печеринъ называлъ себя уже въ самыхъ письмахъ: очевидно его имя не должно было быть названо въ печати; „д-ръ Фуссгэнгеръ“ былъ одинъ изъ раннихъ псевдонимовъ Печерина [1]. Посылая записки Печерина въ „Вѣстникъ Европы“, Чижовъ снабдилъ ихъ вступительной замѣткой, обильной драгоцѣнными выдержками изъ болѣе раннихъ писемъ къ нему Печерина; эту замѣтку и мы предпосылаемъ тексту. Нѣсколько выдержекъ изъ автобіографіи Печерина были приведены въ нашей статьѣ въ „Рус. Вѣд.“ 1911 г., № 87.

Отрывки изъ автобіографіи доктора Фуссгангера.

Нѣсколько словъ объ этой автобіографіи и о самомъ, не столько почтенномъ, сколько миломъ докторѣ.

Представляя благосклонному вниманію читателей выдержки изъ автобіографіи человѣка, нисколько имъ незнакомаго, слѣдовало бы сказать: что это за докторъ, когда и гдѣ появился онъ на свѣтъ, гдѣ, когда и за что удостоился степени доктора, а всего болѣе чѣмъ именно заслужилъ онъ великую честь быть представленнымъ русскому читающему люду. Все это скажется въ свое время, когда предлагаемые здѣсь, старымъ его товарищемъ, отрывки, настолько овладѣютъ вниманіемъ читателей, что имъ пріятно будетъ познакомиться съ личностію г. Фуссгангера.

Рѣдкій знатокъ древнихъ литературъ Греческой и Латинской, изучавшій послѣ языки Еврейскій и Санскритскій, свободно владѣющій новыми: Французскимъ, Нѣмецкимъ, Англійскимъ и Итальянскимъ, многоязычный докторъ, во время нашего съ нимъ университетскаго товарищества, такъ углубился въ изученіе Еллиновъ и Римлянъ и достигъ до такаго знанія ихъ мудрости, что при настоящемъ ультраклассическомъ направленіи, его, не въ примѣръ другимъ, непремѣнно слѣдовало бы произвести въ генералы отъ Классицизма. Но судьба рѣшила иначе. Не оставляя древнихъ классиковъ и прибѣгая къ нимъ постоянно, какъ къ усладительному отдыху въ горь-

[2] Тамъ же, стр. 50, статья „Отрывки изъ путешествій доктора Фуссгэнгера“ въ „Моск. Наблюд.“ 1835 г., декабрь. Fussgänger по-нѣмецки—пѣшеходъ.

кія минуты жизни, какъ увидятъ это сами читатели впослѣдствіи, онъ всю свою жизнь отдалъ бродяжничеству. Тутъ-то и накопилось то разнообразіе его страннических похожденій, которое заставило меня просить его написать свою автобіографію.

Я съ своей стороны считаю долгомъ увѣрить читателей, что въ повѣствованіи о своей бродяжнической жизни г. Фуссгангеръ ничего не преувеличилъ, ничего не прикрасилъ и что весь разсказъ его есть сущая правда. Олицетворенная безпечность, Донъ-Кихотъ независимости, онъ, оставивъ отечество безъ особой цѣли, безъ предварительнаго намѣренія оставить его навсегда, вдругъ очутился на чужбинѣ безъ гроша въ карманѣ, то-есть рѣшительно безъ всякихъ средствъ къ существованію, безъ связей не только дружескихъ, а даже и пріятельскихъ, безъ надеждъ, безъ плановъ, безъ ожиданій, отданный подъ покровительство одной своей путеводной звѣзды. На нее какъ-то онъ издавна возлагалъ все свое упованіе, и тоже никогда не отдававши себѣ отчета: почему, отчего и на какомъ основаніи. Самъ онъ никакъ и никогда не хотѣлъ согласиться, что вся его жизнь была безцѣльна, безнамѣренна и безпланна. Но въ этомъ отношеніи я лучше всего заставлю самого доктора разсказать о своихъ планахъ собственными его словами, написанными когда-то въ одномъ изъ давнишнихъ его ко мнѣ писемъ.

„Ты хорошо понимаешь, что не слѣпой случай, а опредѣленная политическая цѣль привела меня въ Лугано. Какая же цѣль? Для этаго надобно возвратиться назадъ къ концу 1833 года.

„До тѣхъ поръ у меня не было никакихъ политическихъ убѣжденій, да и никакихъ убѣжденій вообще. Былъ у меня какой-то пошленькій либерализмъ, желаніе пошумѣть немножко и потомъ, со временемъ, попасть въ будущую палату депутатовъ конституціонной Россіи,—далѣе мысли мои не шли. Въ концѣ 1833 года вышла въ свѣтъ брошюрка Ламенне „Paroles d'un croyant“, надѣлавшая тогда много шуму. Это было просто произведеніе сумасшедшаго, но для меня она была откровеніемъ новаго евангелія. „Вотъ“, думалъ я, „вотъ она, та новая вѣра, которой суждено обновить дряхлую Европу! Эти великодушные республиканцы, которыхъ теперь влекутъ передъ судилища новыхъ Иродовъ и Пилатовъ, это тѣ же святые мученики и апостолы первобытной церкви. Присоединиться къ ихъ доблестному сонму, раздѣлять ихъ труды и опасности и пожертвовать жизнію свя-

тому дѣлу,—вотъ благородная, возвышенная цѣль". Политика стала для меня религіею и вотъ ея формула: „Аллахъ у Аллахъ! у Махомедъ росулъ Аллахъ!" Понимаешь? Это значитъ: Республика есть республика, и Маццини ея пророкъ!

„Первое мое путешествіе въ Швейцарію и Италію (1833) было чисто русское, то-есть безъ всякой разумной цѣли, такъ просто посмотрѣть да погулять... На слѣдующій годъ я путешествовалъ одинъ и уже съ опредѣленною цѣлью сблизиться съ республиканцами. Изъ этаго тогда ничего не вышло, но намѣреніе все же таки было. Я возвращался въ Россію (1835) какъ агнецъ, влекомый на закланіе, съ ужасною тоскою, съ глубокимъ отчаяніемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ искреннею рѣшимостію убѣжать при первомъ благопріятномъ случаѣ. Я жилъ въ Москвѣ ужаснымъ скрягою, часто отказывалъ себѣ въ обѣдѣ и питался чернымъ хлѣбомъ и оливами, для того чтобъ накопить нѣсколько денегъ.

„Ты думаешь, что я оставилъ Россію такъ просто, очертя голову, безъ всякаго плана? Ты ошибаешься. Все было обдумано, взвѣшено и разсчитано до послѣдней копѣйки".

Какъ все было обдумано, взвѣшено и разсчитано, читатель увидитъ это изъ собственнаго разсказа доктора Фуссгангера. Этотъ разсказъ его я начну именно съ той минуты, когда случайное стеченіе обстоятельствъ бросило его подъ прямое, непосредственное и единственное распоряженіе путеводной его звѣзды, исключительной распорядительницы его жизни, преисполненной похожденіями, никакъ не вставляющимися въ обиходный складъ нашей современности.

Но прежде я позволю себѣ еще обрисовать его нѣсколькими весьма характеристическими чертами, взятыми тоже изъ весьма давнишняго его письма ко мнѣ:

„По тремъ причинамъ мнѣ невозможно было оставаться въ Россіи:

1-ая Религія. Идти говѣть по указу и причащаться Св. таинъ безъ вѣры и съ кощунствомъ? До этаго я не могъ унизиться: мнѣ это казалось первою подлостію и началомъ всѣхъ прочихъ подлостей. На первый годъ оно сошло бы съ рукъ; но впослѣдствіи мое отсутствіе было бы замѣчено, и я былъ бы принужденъ подчиниться этому обряду.

„2-ая Профессорство. Профессорство въ Россіи невозможно, и я, правду сказать, никакого къ нему призванія не имѣлъ. Можетъ

быть, въ Петербургѣ я могъ бы ужиться какъ нибудь; но разгульная Москва съ ея вѣчными обѣдами, пирушками, вечеринками и безпрестанною болтовнею, вовсе не шла къ тому строгому и грустному настроенію, съ какимъ я возвращался изъ заграницы. Одна Московская дама, съ обыкновенною женскою проницательностію, замѣтила обо мнѣ: Il a le mal du pays, что тогда значило: „у него тоска по заграницѣ".

„3-я Литература. Въ письмѣ изъ Россіи, одинъ весьма почтенный господинъ писалъ ко мнѣ: „Je ferai tout ce qui dépandra de moi pour vous rendre à la carrière des belles lettres à la quelle vous pouvez être utile". Въ этомъ то я и сомнѣвался. Я безпристрастно, аршиномъ измѣрялъ свой талантъ до послѣдняго вершка. Я очень хорошо понималъ, что въ тогдашней Россіи, гдѣ невозможно было ни говорить, ни писать, ни мыслить, гдѣ даже высшаго разряда умы чахли и неминуемо гибли подъ нестерпимымъ гнетомъ,—въ тогдашней Россіи, съ моею долею способностей, я далеко бы не ушелъ. Я скоро бы исписался и сдѣлался бы мелкимъ пошлинькимъ писателемъ со всѣми его низкими слабостями,—а на это я никакъ согласиться не могъ. По мнѣ: aut Cesar aut nihil, или панъ или пропалъ.

„Но если пойти глубже, то можетъ быть найдется другая основная причина, то-есть неодолимая страсть къ кочевой бродяжнической жизни.

„Какъ сынъ пустыни, я терпѣть не могъ осѣдлости. Усѣсться на профессорской каѳедрѣ, завестись хозяйствомъ, жениться, быть Коллежскимъ Совѣтникомъ и носить Анну на шеѣ,—все это казалось мнѣ въ высшей степени комическимъ. Какъ Ленскій въ Онѣгинѣ, я тоже

Носилъ бы стеганый халатъ,
и пр. и пр. и пр.

„Но отъ этаго именно позора я бѣжалъ за тридевять земель, въ тридесятое царство. Да и какъ еще бѣжалъ! Словно погоня была за мною; некогда было духу перевести. Я въ первый разъ свободно вздохнулъ, когда дилижансъ высадилъ меня на площадь въ Базелѣ 23 іюня 1836 г. Базель былъ началомъ и концомъ моего странствованія по Швейцаріи".

Какъ видите, мой милый докторъ весь какъ на ладони. Онъ не желаетъ и не можетъ ничего утаивать, и потому нѣтъ возможности не вѣрить чему бы то ни было въ его разсказѣ.

Университетскій товарищъ доктора Фуссіангера.
[Ѳ. В. Чижовъ.]

Въ страницахъ этого разсказа,
Любезный другъ, узнаешь ты
Соединенныя черты
И Донъ Кихота и Жилблаза.

I.

Бѣгство изъ Цюриха.

Terra marique profugus.

Virg.

Однажды ввечеру, въ началѣ Маія 1838 года, я сидѣлъ въ кофейнѣ Баура, бывшей тогда притономъ всѣхъ политическихъ бѣглецовъ. Подходитъ ко мнѣ италіанскій выходецъ:

„Слышали Вы новость?“

— Какую?

„А вотъ что случилось съ бѣднымъ Краузе“.

— Какъ? что такое?

„А то, что его посадили въ тюрьму“.

— Помилуйте, да за что же?

„Какъ за что? за долги. Развѣ Вы не знаете, что когда дѣло коснется денегъ, Цюрихцы шутить не любятъ. Они ужасно какъ жестокосерды“.

Тутъ нечего было долго размышлять. На другой же день я заложилъ у Жида славный петербургскій плащъ,—онъ далъ мнѣ 12 франковъ. Дня за два передъ тѣмъ у меня была сцена съ хозяйкою. Рано по утру она вошла въ мою комнату съ раздраженнымъ видомъ. „Ну что же это значитъ, Monsieur Фуссгангеръ? Вы цѣлый день сидите въ кофейнѣ съ италіанскими графами да банкирскими сыновьями, вовсе не по вашему состоянію, а мнѣ за квартиру не платите!“

Я поблѣднѣлъ какъ полотно: въ первый разъ въ жизни мнѣ говорили подобныя рѣчи. Я сказалъ ей отрывисто, чтобъ она оставила меня въ покоѣ съ своими замѣчаніями, а если уже на то пошло, то лучше уже прямо послать за полиціею.

Промаялся еще день или два, истратилъ часть денегъ, вырученныхъ у Жида, и наконецъ рѣшился. Я написалъ отчаянное, романтическое, лживое письмо, отъ котораго теперь еще краснѣю, и оста-

вилъ его на столѣ съ прочими бумагами. Рано по утру, было прекрасное майское утро, я вышелъ прогуляться по большой дорогѣ въ Базель. На мнѣ былъ щегольской сюртукъ, жилетъ и панталоны совершенно новые, только съ иголочки (разумѣется въ долгъ) [1]. Я былъ совершенно на легкѣ, вовсе не по дорожному, а такъ просто *фланирующій* господинъ.

Базель, знаете, окруженъ стѣною, и ужъ тамъ не знаю сколько воротъ. Миновавъ главныя ворота, я вошелъ боковыми, небрежно размахивая носовымъ платкомъ. Но мошенникъ полицейскій тотчасъ подмѣтилъ, что тутъ что-то не спроста, спросилъ пашпортъ и повелъ меня въ полицейское бюро. Я немножко струхнулъ. У меня былъ старый русскій пашпортъ, да сверьхъ того *feuille de route*, данный мнѣ французскимъ посланникомъ для прохода чрезъ Францію въ Бельгію. Но все это было давно просрочено. Я думалъ: что̀ какъ они спохватятся, да пожалуй еще пошлютъ въ Цюрихъ собрать справки? Вѣдь плохо будетъ. Старшій чиновникъ, глядя на меня, сказалъ въ полголоса своему товарищу: „Этотъ господинъ какъ-то слишкомъ торопится перебраться во Францію“. Но я принялъ самый хладнокровный и равнодушный видъ, какъ будто ни въ чемъ не бывало. Все благополучно сошло съ рукъ: пашпортъ мой подписали и я тотчасъ же выбрался изъ Базеля. Чрезъ нѣсколько шаговъ вотъ и Франція. Вотъ и жандармъ въ треуголкѣ гуляетъ по дорогѣ! Вотъ она, обѣтованная земля, таинственный предѣлъ мечтаній и надеждъ моего дѣтства и моей юности! Я едва, едва не облобызалъ этой, тогда священной для меня почвы.

Пограничное *Сор-Луи* прекрошечное мѣстечко: едва ли тамъ насчитается болѣе десяти домовъ. Я пріютился въ крошечной гостиницѣ, но не сѣлъ за общій столъ ужинать, опасаясь за свой карманъ, а только приказалъ дать себѣ чашку кофе. По утру я отправился къ Меру, который принялъ меня очень учтиво, разспрашивалъ о Россіи, гдѣ у него какая-то родственница была гувернанткою,— подписалъ мой пашпортъ и за это потребовалъ два франка. Мнѣ стыдно было признаться въ бѣдности,—вотъ такъ я ему и отдалъ послѣдніе два франка.

---

[1] Докторъ Фуссангеръ написалъ письмо къ своимъ товарищамъ и всѣ долги его въ Цюрихѣ были уплачены деньгами, полученными отъ его родителей.

[*Прим. Ѳ. В. Чижова.*]

Теперь я свободенъ и легокъ, какъ птица: ни копѣйки въ карманѣ, ни облачка заботы на сердцѣ! Вѣдь я во Франціи! Будущее мнѣ принадлежитъ, путеводная звѣзда сіяетъ предо мною! Я не хуже Цезаря имѣю право вѣровать въ свою *фортуну*. Итакъ, впередъ! En avant! marchons! Солнце ярко блистало на голубомъ небосклонѣ, птички пѣли въ кустахъ, воздухъ былъ наполненъ майскими благоуханіями. Вотъ истинная поэзія жизни! Наслаждаться природою, когда есть деньги въ карманѣ—это просто грубая проза! Тутъ вдругъ представилось мнѣ новое неожиданное зрѣлище: большой крестный ходъ: священникъ съ причтомъ подъ балдахиномъ, церковное пѣснопѣніе, запахъ ладона и толпа народа. Съ ироническою улыбкою я слегка приподнялъ шляпу и прошелъ мимо. Главною цѣлію моего пути въ этотъ день былъ—*Алткирхъ*, грязный городишко полу-французскій, полу-нѣмецкій и весь наполненный Жидами. Отъ этихъ-то сыновъ Израиля я чаялъ спасенія. *Salus ex Judaeis est!*

Алткирхъ.

Я тотчасъ отыскалъ нѣчто въ родѣ толкучаго рынка, то-есть рядъ полутемныхъ лавокъ, гдѣ продавался всякій хламъ, а особенно старое платье, и немедленно вступилъ въ переговоры съ Жидомъ. Я отдаю ему все, что на мнѣ есть: сюртукъ, жилетъ и панталоны, а онъ долженъ мнѣ дать бѣлую блузу, съ жилетомъ и панталонами того же матеріала и придать деньгами сообразно съ качествомъ и свѣжестію моей одежды. Злодѣй! Варваръ! Онъ далъ всего 8 франковъ! Тутъ некогда было долго торговаться; былъ третій или четвертый часъ по полудни, а я еще ничего не ѣлъ.

Вотъ такъ я и нарядился въ бѣлую блузу (надобно замѣтить, что во Франціи бѣлая блуза нѣчто *distingué*; очень порядочные люди въ ней путешествуютъ; но зато *синяя* блуза исключительно принадлежитъ рабочему классу) и съ осьмью франками въ карманѣ, съ веселою беззаботностью отправился въ кофейню выпить *un petit verre* и закурить сигарку,—потомъ хорошенько пообѣдалъ и, не дожидаясь захожденія солнца, прямо бухнулъ въ постелю. Здѣсь я помѣщу всѣ путевые анекдоты между *Алткирхомъ* и *Нанси*.

Въ то самое утро, когда я вышелъ изъ Алткирха, я остановился позавтракать café au lait въ деревушкѣ *Germagny*. Служанка принесла сдачи мѣдныя деньги; я всѣ ихъ великодушно отдалъ ей. Она такъ и выпучила глаза и вѣроятно приняла меня за какого-нибудь эксцен-

тричнаго Англичанина. И дѣйствительно, скоро послѣ этаго, иду по большой дорогѣ; крестьянинъ, работавшій на полѣ, приподнялъ голову и, взглянувши на меня, воскликнулъ: „Sont ils drôles ces Anglais!“ Такъ видно уже мнѣ на роду написано быть Англичаниномъ. Суженаго конемъ не объѣдешь.

Гдѣ-то недалеко отъ *Бефора* (Béfort) около полудня я зашелъ въ маленькій кабачекъ отдохнуть и выпить стаканъ вина. Хозяинъ, простой мужикъ въ синемъ балахонѣ и деревянныхъ башмакахъ, тотчасъ вступилъ со мною въ разговоръ. Ему ужасно хотѣлось узнать весь мой формулярный списокъ: кто я, откуда, и что, и какъ, особенно какого ремесла человѣкъ. Краткости ради, я отвѣчалъ: „Je suis un homme de lettres“. Хозяинъ тотчасъ всталъ, поклонился мнѣ въ поясъ и съ какимъ-то благоговѣйнымъ восхищеніемъ безпрестанно повторялъ: „Ah! monsieur est un homme de lettres! Ah! monsieur est un homme de lettres!“ Замѣтьте эту характеристическую черту Франціи: ни въ какой другой странѣ не отдаютъ такой почести литературному ремеслу.

Между *Эпиналемъ* и *Нанси* засталъ меня дождь на большой дорогѣ, я поспѣшилъ укрыться подъ маленькимъ деревцомъ, стоявшимъ среди поля. Тутъ же подбѣжалъ и молодой крестьянинъ (это было въ Лорренѣ). „Ну, ужъ дождь!“ сказалъ я: „тутъ весь промокнешь до костей, да и какое же дрянное дерево, что и отъ дождя-то защитить не можетъ!“ Молодой человѣкъ такъ и вспыхнулъ и съ негодованіемъ сказалъ: „Ну да у Васъ-то деревья развѣ лучше здѣшнихъ?“ (Et les arbres de votre pays sont ils meilleurs que ça?) Неоцѣненная черта французскаго патріотизма.

Нанси.

Я пришелъ въ Нанси въ самый разгаръ большой годовой ярмарки. Вездѣ толпа народа въ праздничномъ нарядѣ. Гремѣла полковая музыка, играли шарманки, бандуры, арфы; фокусники и шарлатаны выкидывали разныя штуки. Нѣтъ ничего ужаснѣе, безнравственнѣе, какъ быть безъ пріюта въ большомъ городѣ, шляться безъ цѣли по улицамъ, чувствовать голодъ и видѣть предъ собою зрѣлища довольства и роскоши. Чтобы укрыться отъ дождя, я сталъ у большого подъѣзда губернаторскаго дворца. У префекта въ этотъ день былъ какой-то большой пріемъ: безпрестанно подъѣзжали кареты, изъ нихъ выходили одна за другою прелестныя дамы, разряженныя впухъ,

господа въ мундирахъ или черныхъ фракахъ съ ленточкою почетнаго легіона, въ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ... Каждый изъ нихъ, или какой-нибудь ихъ лакей, имѣлъ право сказать мнѣ: „Что ты тутъ стоишь, бродяга?“ А тутъ еще подошелъ слѣпой съ шарманкою и жалобнымъ голосомъ началъ оплакивать несчастія великаго Наполеона, измѣну его генераловъ—

Si Raguse eût aimé la France
Comme Montholon, Bertrand, Montmorancy,
Contre toutes les puissances } bis.
Napoléon serait encore ici }

Какая-то глупая траги-комическая мысль о геройскихъ бѣдствіяхъ вошла мнѣ въ голову; слезы выступили на глазахъ; я ужасно какъ упалъ духомъ. Чувствовалъ себя покинутымъ, забытымъ, безъ друзей и безъ пріюта; въ головѣ былъ какой-то лихорадочный бредъ, я не умѣлъ связать двухъ мыслей, и припомнилъ стихъ Хомякова:

И сыновъ твоихъ покинетъ
Мысли свѣтлой благодать!

А между тѣмъ на груди моей покоилось сокровище, письмо Г. С.....ва [1], дававшее мнѣ кредитъ на 1000 франковъ въ любомъ русскомъ посольствѣ. Но даже и въ эту страшную пору испытанія, ни на одну минуту, ни на одну секунду я не имѣлъ поползновенія воспользоваться этимъ документомъ. Что жъ это такое? Непреклонная ли воля? или неизбѣжная судьба? Какъ хотите; но вотъ этакъ-то я видѣлъ и испыталъ всѣ стороны жизни.

Бродя по улицамъ, я отыскалъ агента, доставлявшаго мѣста служанкамъ, учителямъ и проч. Онъ очень хорошо меня принялъ и, увидѣвъ изъ моего пашпорта, что я былъ профессоромъ, онъ тотчасъ повелъ меня къ директору какого-то пансіона. Этотъ добрый человѣкъ тутъ же сунулъ мнѣ въ руку 3 франка (огромную для меня сумму!) Со слезами благодарности я сказалъ: „Ah! monsieur! ce n'est qu'en France qu'on trouve des gens si charitables!“—„Ne dites pas cela, mon enfant, il y a de braves gens partout“. Онъ также далъ мнѣ платье изъ своего гардероба; но къ несчастію оно было слишкомъ объемисто для меня, такъ что я долженъ былъ промѣнять его на другое, которому суждено было играть важную роль въ послѣдующихъ событіяхъ. Но вакантнаго мѣста у него вовсе не было. Что

[1] [Гр. С. Г. Строганова.]

жъ тутъ дѣлать? Вотъ еще день пропалъ! А вѣдь надобно же жить какъ-нибудь! Нельзя же пріостановить теченіе жизни, пока найдется мѣсто.

„Ну, ужъ вы не безпокойтесь!“ сказалъ мнѣ агентъ; „у меня есть мѣсто для васъ, но только не здѣсь, а въ *Мецѣ*. Въ пансіонъ аббата *Бюро* требуется преподаватель греческаго и латинскаго языковъ. Я тотчасъ же къ нему напишу. Вамъ не противно быть у священника?“

— Нимало; мнѣ совершенно все равно.

„Ну, такъ очень хорошо, приходите ко мнѣ завтра поутру, а отъ меня вы отправитесь въ Мецъ“.

II.

Путешествіе въ Мецъ и слѣдующія за тѣмъ событія.

Что слава? яркая заплата
Не ветхомъ рубищѣ пѣвца.

Пушкинъ.

Въ восьмомъ часу утра мой агентъ попотчивалъ меня чашкою café au lait съ французскимъ калачомъ, называемымъ *pistolet*, и съ этимъ легкимъ завтракомъ на желудкѣ мнѣ надлежало маршировать 10 льё, то-есть 40 верстъ, безъ копѣйки въ карманѣ. Сначала все шло какъ по маслу. Погода стояла прекрасная. Ландшафтъ безпрестанно измѣнялся по берегамъ извилистой Мозели; мелькали деревушки, дачи. Вотъ бѣлый домикъ съ зелеными ставнями: онъ какъ-то скромно пріютился въ тополевой рощицѣ; изъ оконъ несутся звуки фортепьяно. Воображеніе рисуетъ милую женщину, счастливую семью и напоминаетъ мнѣ малороссійскую пѣсню:

У сосида хата била,
У сосида жинка мила,
А у мене ни хатинки,
Нема счастья, нема жинки!

Но къ вечеру все какъ-то *опрозаилось*. Я началъ чувствовать усталость и голодъ... Вижу прекрасный господскій домъ (château), баринъ съ барынею гуляютъ на самой закраинѣ дороги. „Ну что же?“ думалъ я, „дай подойду, поклонюсь, скажу...“ Нѣтъ, невозможно! Есть нравственныя невозможности! Несмотря на голодъ и усталость, у меня не стало духу просить милостыню.

Солнце садилось, когда я увидѣлъ предъ собою сѣрыя башни *Понт-а-Муссона* съ ихъ долгими черными шпицами. Ночь настаетъ, а до Меца еще далеко! Нечего было и думать искать ночлега въ городѣ. „Тамъ, гдѣ-нибудь за городомъ, въ какой-нибудь деревушкѣ, въ какой-нибудь лачужкѣ можетъ быть найду пріютъ".

Въ сумерки я подошелъ къ мызѣ какого-то зажиточнаго фермера. Тутъ стояли огромные стога сѣна. Я присѣлъ на скамеечкѣ у воротъ. „Авось здѣсь удастся отдохнуть". Но тутъ вдругъ залаяла огромная собака, и самъ хозяинъ явился вслѣдъ за возомъ соломы. Наружность его мнѣ не понравилась. „Нѣтъ! пойдемъ дальше!" Стало совершенно темно. Вотъ деревушка плетется длинною улицею подъ гору. Вездѣ мракъ и тишина, только на другомъ концѣ, въ самомъ послѣднемъ домишкѣ по лѣвую сторону теплился огонекъ. Поровнявшись съ этимъ домикомъ, я остановился: „Ну, что жъ тутъ дѣлать? Если я пойду дальше, то мнѣ придется ночевать на полѣ". Я тихонько постучался у двери. Женщина отперла... „Что Вамъ угодно?"

— Позвольте мнѣ, Мадамъ, присѣсть немножко отдохнуть. —

„Извольте, садитесь".

— Дайте мнѣ пожалуйста стаканъ воды, я ужасно какъ усталъ

„Ахъ Боже мой! Да какъ же это стаканъ воды! Вѣдь для молодого человѣка надо бы чего-нибудь покрѣпче".

— Что жъ дѣлать, ma bonne femme, у меня нѣтъ ни копѣйки денегъ.

Она принесла стаканъ воды и поставила передо мною. Молчаніе. Чтобы возбудить ея сожалѣніе, я сказалъ:—Je suis un pauvre réfugié polonais!

„Ахъ! ты Господи Боже мой! какой же у Васъ король-то такой суровый, что онъ Васъ этакъ по міру пускаетъ".

— Hélas!

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія—„Однакожъ", сказала она: „вѣдь ужъ становится поздно, мнѣ надобно дверь запереть, да и вамъ же нельзя тутъ оставаться всю ночь".

Пришла критическая минута, надобно было рѣшиться.

„Послушай-ка, голубушка; подойди пожалуйста, да посмотри на мои панталоны, они совершенно новые, клѣтчатые; можетъ быть они пригодятся твоему мужу; а ты мнѣ, знаешь, дашь какіе-нибудь его старые изношенные,—понимаешь?" Хозяйка взяла свѣчку, подошла, стала на колѣни передо мною, тщательно осмотрѣла и ощупала мои

панталоны. „Ну, такъ, очень хорошо! Вотъ я вамъ за это дамъ ночлегъ и ужинъ!“ Торгъ заключенъ. Она тотчасъ же притащила огромнѣйшій сыръ, цѣлый хлѣбъ и цѣлую бутылку вина. Чего же тутъ больше желать? Это просто крезовскій, сарданапаловскій пиръ! Ѣшь не хочу. Я наѣлся и напился до сыта и, безъ малѣйшей думы о завтремъ, легъ на мягкую постель и заснулъ тихимъ блаженнымъ сномъ, какого ни Наполеонъ III, ни графъ Фонъ Бисмаркъ никогда не вкушали. Проснувшись поутру, гляжу, панталоны мои изчезли, а на мѣстѣ ихъ лежали на стулѣ какія-то тряпки, но я не могъ ихъ хорошенько разсмотрѣть въ полусвѣтѣ комнаты. Лишь только вышелъ на улицу, какъ посмотрѣлъ на себя, да такъ и обомлѣлъ отъ ужаса: вѣдь эти штаны были просто составлены изъ разноцвѣтныхъ тряпокъ,—заплатка на заплаткѣ... Что жъ тутъ дѣлать? Какъ же показаться въ люди въ этомъ арлекинскомъ нарядѣ? Тутъ едва не покинула меня вся моя стоическая философія. Ну что жъ? Была не была— le vin est tiré, il faut le boire! Тутъ я предложу вопросъ, или задачу на разрѣшеніе: гдѣ требуется болѣе мужества: идти ли на приступъ къ непріятельской крѣпости, или пройтись по большой дорогѣ въ черномъ изношенномъ фракѣ съ панталонами изъ разноцвѣтныхъ заплатокъ? Вооружась этимъ втораго разряда мужествомъ и скрѣпя сердце, я поплелся по дорогѣ въ Мецъ, и черезъ два часа былъ уже у городскихъ воротъ. Мецъ, какъ извѣстно, важная крѣпость. Тутъ была гауптвахта; стоялъ офицеръ съ нѣсколькими солдатами подъ ружьемъ. Они ни слова мнѣ не сказали, а только смотрѣли на меня очень пристально. Къ вѣчной чести французскаго воина я долженъ записать здѣсь выраженіе ихъ глазъ. Что жъ такое выражалось въ глазахъ офицера и солдатъ? Благороднѣйшая, чистѣйшая христіанская любовь, нѣжнѣйшее состраданіе,—нѣтъ, скажу больше: благоговѣніе предъ несчастіемъ. Этихъ взглядовъ я никогда не забуду. Я тотчасъ же отыскалъ пансіонъ аббата Бюро и сказалъ привратнику, что я де тотъ réfugié russe, о которомъ ему писали изъ Нанси. Аббатъ выбѣжалъ мнѣ на встрѣчу: „Ахъ Боже мой! да зачѣмъ же вы себя назвали réfugié, вѣдь это здѣсь вовсе не рекомендація. Садитесь, садитесь! Вы греческаго исповѣданія? Ну да это все одно и то же съ нами! Это просто политическое раздѣленіе церквей. Вы можете преподавать греческій и латинскій языки? Очень хорошо. Теперь только старайтесь пріютиться гдѣ-нибудь, да принарядитесь немножко (указывая на мою бороду и намекая на панталоны). Вотъ

вамъ маленькое пособіе (15 франковъ) и приходите ко мнѣ ровно чрезъ недѣлю. А между тѣмъ никому ни слова, что вы были у меня".

Первымъ дѣломъ было купить болѣе приличные панталоны. Выхожу изъ лавки, гляжу, вотъ вывѣска,—на доскѣ мѣломъ: *Logement et nourriture—six sous par jour.* Это было для рабочихъ. Вотъ этого мнѣ и надо! Теперь мой идеалъ осуществился. Доселѣ я былъ теоретическимъ республиканцемъ, à priori разглагольствовавшимъ о нуждахъ рабочаго класса, теперь я буду жить между работниками ихъ собственною жизнію! Лишь только вошелъ я въ комнату, хозяйка, съ удивительнымъ женскимъ тактомъ, взяла меня за руку и посадила на почетномъ мѣстѣ у камина, сказавъ прочимъ гостямъ: „Faites place! je vois que c'est un enfant de bonne maison!"

Нѣтъ ничего любезнѣе французскаго ремесленника: удивительная гибкость языка, отличныя манеры, утонченная вѣжливость. Мнѣ пришлось спать въ одной постели съ каменьщикомъ, а напротивъ насъ спалъ прекрасный мальчикъ, не помню какого ремесла. Вотъ мы трое почти всю ночь протолковали объ устройствѣ будущей республики, о распредѣленіи работъ, при чемъ мальчикъ замѣтилъ: „Nous travaillerons chacun à notre métier et vous, Monsieur, vous nous instruirez et nous aiderez de vos bons conseils". Это комплиментъ мнѣ какъ грамотѣю, homme de lettres. Но все это была реторика, милая болтовня, а практическаго смысла, какой напримѣръ у Англичанъ, у нихъ ни капли не было. Тутъ также можно было видѣть различіе народностей. Между ними былъ рабочій Нѣмецъ, очень красивый парень; но онъ все какъ-то глядѣлъ изъ подлобья и вовсе не мѣшался въ наши разговоры. Онъ чрезвычайно занятъ былъ своимъ я (Das Ich). Обыкновенно онъ сидѣлъ въ уголку и, держа зеркальце въ одной рукѣ, другою безпрестанно поправлялъ свои темнорусые кудри.

Наконецъ у меня спросили пашпортъ и мнѣ пришлось идти въ полицейское бюро. Сколько я ни умолялъ ихъ, они никакъ не хотѣли позволить мнѣ остаться въ Мецѣ. „Вотъ вашъ маршрутъ, feuille de route,—вѣдь вамъ предписано идти черезъ Лонгви въ Бельгію, ну такъ и ступайте! А то пожалуй, если вы останетесь здѣсь, вы будете просить вспоможенія у правительства". Я давалъ имъ честное слово, что ни въ какомъ случаѣ ни копѣйки отъ правительства требовать не буду. „Ну да ужъ это мы знаемъ! Извольте-ка отпра-

вляться. А если вы заупрямитесь, такъ мы пожалуй васъ и съ жандармами отправимъ за границу".

Точь въ точь какъ у насъ, на святой Руси, подумалъ я, и снова отправился въ путь. Звѣзда моя вела меня въ Бельгію.

III.

Нѣсколько дней до пребыванія въ Цюрихѣ [1].

Даруетъ небо человѣку
Замѣну слезъ и частыхъ бѣдъ:
Блаженъ факиръ, узрѣвшій Мекку
На старости печальныхъ лѣтъ.

Пушкинъ.

Какъ подобаетъ благочестивому республиканцу, первымъ дѣломъ моимъ было итти на поклоненіе святымъ мѣстамъ въ *Лагранжъ*. Что такое *Лагранжъ* или *Гранжъ*?—Небольшая гостиница или пансіонъ въ самой глухой и незначительной части Швейцаріи, куда едва ли кто заѣзжаетъ.—Ну такъ что жъ тутъ любопытнаго?—Какъ что? Какой вопросъ! Вотъ что значитъ не имѣть живой вѣры! Знайте жъ, маловѣры, что Лагранжъ или Гранжъ это—скитокъ преподобнаго иже во святыхъ отца нашего Джузеппе Маццини, гдѣ онъ спасался и укрывался нѣсколько мѣсяцевъ отъ преслѣдованій французской полиціи. Объ этомъ Лагранжѣ я читалъ еще въ Москвѣ, въ Гамбургскихъ газетахъ, въ швейцарской кондитерской, что близъ университета, и какъ тогда уже душа рвалась къ этой святынѣ! И эту святыню я осмотрѣлъ съ благоговѣйнымъ вниманіемъ: сначала всѣ окрестности и потомъ весь домъ отъ чердака до погреба. Въ общей залѣ были развѣшены портреты итальянскихъ патріотовъ и рисунокъ идеальнаго памятника падшимъ героямъ съ знаменитымъ изрѣченіемъ: Non vincerete in un giorno! Въ простотѣ сердца и съ дѣтскимъ

---

[1] [Эта глава представляетъ отступленіе или вставку: Печеринъ прерываетъ послѣдовательный разсказъ, чтобы припомнить нѣкоторыя свои впечатлѣнія болѣе ранняго времени. „Первымъ дѣломъ" означаетъ, вѣроятно,—по пріѣздѣ въ Базель лѣтомъ 1836 г.; въ Лугано (см. ниже въ текстѣ) онъ жилъ во второй половинѣ этого года, см. мою книгу, стр. 131.—*Прим. ред.*].

любопытствомъ я разспрашивалъ у хозяина и прислуги обо всемъ касающемся Маццини.

На слѣдующій день прихожу на ночлегъ въ другое мѣстечко, развертываю свѣжую газету и читаю:

„Вчера ночевалъ въ Лагранжѣ молодой французскій шпіонъ, un émissaire du gouvernement de Louis Philippe, и тщательно собиралъ подробныя свѣдѣнія о пребываніи тамъ г. Маццини. Avis aux républicains!“

Вотъ тебѣ и по дѣломъ! Не суйся куда не просятъ! Не спросившись броду не пускайся въ воду. Куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешнею... Привѣтствую тебя, возлюбленная тѣнь Донкихота Ламанчскаго. Миръ праху твоему, рыцарь печальнаго образа! Съ самаго дѣтства я любилъ тебя. Читая твои подвиги въ переводѣ Жуковскаго, я никогда не смѣялся надъ тобою; нѣтъ! я все принималъ за чистыя деньги, и объ одномъ только думалъ: какъ бы и мнѣ сдѣлаться странствующимъ рыцаремъ и бродить по свѣту, поправляя всѣ неправды! И вотъ идеалъ осуществился и я пошелъ по твоимъ слѣдамъ. Сколько вѣтреныхъ мельницъ я принялъ за исполиновъ! Сколько дульциней я обожалъ какъ идеальныхъ принцессъ! Теперь понятно, для чего я поселился въ Лугано. Лугано былъ фокусомъ революціи, сборнымъ мѣстомъ Маццинистовъ. Кто не знаетъ Лугано съ его чернымъ амфитеатромъ, и что его нижніе слои покрыты роскошнымъ каштановымъ лѣсомъ, а вершины увѣнчаны альпійскими снѣгами? Кто не помнитъ этого волшебно-зеркальнаго озера, замкнутаго отвѣсными скалами и высокою горою Санъ-Салвадоре, гдѣ на вершинѣ стоитъ часовня съ могилою польскаго изгнанника!? Природа очаровательная, но люди никуда не годятся: они ни то Швейцарцы, ни то Итальянцы. Добрыхъ качествъ этихъ двухъ народовъ они не имѣютъ; но счастливо соединяютъ въ себѣ всѣ ихъ пороки: швейцарское пьянство съ итальянскою лѣнью, коварствомъ и мстительностью. Одни люди, достойные вниманія въ Лугано, были—италіанскіе выходцы изъ сѣверной Италіи, люди хорошихъ фамилій и отличнаго воспитанія. Они составляли élite тамошняго общества. Я особенно сблизился съ молодымъ человѣкомъ задумчивой и грустной наружности. Мы часто вмѣстѣ гуляли по берегу озера, бесѣдуя о политикѣ, о литературѣ, а иногда и о *сумрачной* Россіи,

Гдѣ я страдалъ, гдѣ я любилъ,
Гдѣ счастье я похоронилъ.

Онъ разсказывалъ мнѣ, какъ часто мать его умоляла не мѣшаться въ политическія дѣла: „Guarda ti figlio! Ti ammazzaranno". Если не ошибаюсь, это тотъ самый *Гралленцони*, что̀ впослѣдствіи сидѣлъ въ парламентѣ недолговѣчной римской республики. Онъ сослужилъ мнѣ службу въ черный день.

Въ этихъ маленькихъ швейцарскихъ республикахъ съ государственными людьми всякій за панибрата. Ихъ встрѣчаешь каждый день въ трактирѣ или въ кофейнѣ. Въ *Беллинцонѣ* я обѣдалъ за общимъ столомъ съ цѣлымъ Государственнымъ Совѣтомъ. Они, казалось, не слишкомъ блистали умомъ, а были просто добродушные мѣщане. Таково по крайней мѣрѣ было мнѣніе моего попутчика, извѣстнаго италіанца Руджіери, хорошо ихъ знавшаго.—Въ Лугано я каждый день обѣдалъ въ трактирѣ съ президентомъ Республики Полковникомъ *Лувини*. Замѣтивъ въ глазахъ моихъ тоску одиночества, онъ очень ласково пригласилъ меня въ ихъ *казино* или клубъ, гдѣ впрочемъ ничего особеннаго не было, кромѣ бильярда, газетъ и нѣсколькихъ карбонаріевъ. Этотъ Лувини былъ большой музыкантъ, и когда пріѣхала оперная труппа въ Ноябрѣ, то онъ каждый вечеръ предсѣдательствовалъ въ оркестрѣ за контрабасомъ. Это ему припомнили въ 1846 году, когда у него душа ушла въ пятки, т.-е. когда онъ съ своимъ отрядомъ пустился въ бѣгство съ вершины Ст. Готарда. „А! Синьоръ Лувини!" — кричали ему люди Зондербунда, — „это не то, что играть на контрабасѣ: questa è la gran musica del canone!"

Когда мой кошелекъ истощился, я принужденъ былъ заложить мои часы; я открылъ свое положеніе Г. Гралленцони, и онъ тотчасъ же собралъ для меня подписку между своими товарищами и меня отправили въ Цюрихъ, гдѣ была возможность давать уроки.

Благо есть мѣсто, я припомню здѣсь кое что о Цюрихѣ. Въ Маіѣ 1837 г. готовилось гулянье по озеру изъ Цюриха въ Раппершвиль. Пароходъ, изукрашенный разноцвѣтными флагами, стоялъ въ пристани и ожидалъ гостей. Тутъ толпились туристы разныхъ націй и италіанскіе выходцы. Дамъ было немного. Какой-то рыжій Французъ игралъ роль глубокаго послѣдователя системы Галля, и щупалъ всѣ черепы, особенно италіанскіе. Вдругъ входитъ на пароходъ долговязый, смуглый мущина съ ужасно багровымъ носомъ и очень замѣ-

чательною физіономіею. „Скажите пожалуйста“,—сказалъ я графу Угони,—„что это за личность? Вѣдь вы здѣсь всѣхъ знаете“. „Помилуйте, какъ же его не знать? Это министръ финансовъ здѣшняго кантона. Онъ вѣчно пьянъ. Объ немъ разсказываютъ презабавныя штуки. Однажды онъ пропилъ почти всю государственную казну. Оказался ужасный дефицитъ. Не знали, какъ и сладить съ бюджетомъ на слѣдующій годъ“.

Мнѣ кажется, это поучительный анекдотъ для государственныхъ людей, ежели ты съ ними знакомъ.

IV.

Путешествіе изъ Меца въ Льежъ
(по нашему Литтихъ).

Итакъ я оставилъ знаменитый Мецъ—теперь вдвойнѣ прославленный и моимъ тамъ пребываніемъ, и теперешнею осадою. Не знаю, сколько у меня денегъ оставалось отъ подаянія почтеннаго аббата Бюро. Было можетъ быть два франка или больше—не знаю. Помню только, что мнѣ достало поужинать и переночевать въ первой деревушкѣ за бельгійскою границею. На слѣдующее утро я пришелъ въ пограничный городокъ *Арлонъ* (Arlon). Никто мнѣ ни слова не сказалъ. Я прямо отправился въ цирюльню выбриться (pour me rajeunir un peu, какъ говорятъ французы) и потомъ перехватилъ коечто, и спокойно направлялся въ путь, какъ вдругъ у самой заставы, какъ будто изъ подъ земли выскочили два огромные жандарма съ ужасными медвѣжьими шапками, спросили паспортъ, взглянули и тотчасъ схватили меня подъ руки и повели по той же улицѣ, гдѣ я прошелъ нѣсколько минутъ передъ тѣмъ. Мирные арлонскіе граждане высунулись изъ оконъ, выбѣжали за двери и вѣроятно спрашивали самихъ себя: какого это государственнаго преступника ведутъ? Жандармы привели меня на гауптвахту и оставили тамъ, а сами отправились донести начальству. Небрежно развалившись на скамьѣ, лежалъ молодой солдатъ. Онъ тотчасъ завелъ разговоръ со мною. „Да за что же это васъ посадили сюда? Развѣ вы бѣглый солдатъ, déserteur?“—Я вовсе не солдатъ и не дезертёръ, и никакъ не могу

понять, за что они меня арестовали.—Черезъ нѣсколько минутъ жандармы возвратились и тѣмъ же порядкомъ повели меня къ королевскому прокурору. Monsieur le Procureur du roi взялъ мой паспортъ, посмотрѣлъ, улыбнулся и сказалъ: „Que voulez-vous? Вѣдь наши жандармы дураки, они ничего не понимаютъ: они васъ арестовали за то, что у васъ нѣтъ визы бельгійскаго посланника. Тьфу, какой вздоръ!“—Однакожъ что жъ съ ними дѣлать?—„Для избѣжанія непріятностей, я бы вамъ совѣтовалъ взять здѣшній паспортъ. Вотъ я вижу, что за вашъ feuille de route вы заплатили 2 франка: на этихъ же условіяхъ мы вамъ выдадимъ свѣжій паспортъ“. Я молчаливо отклонилъ его предложеніе; опять мнѣ стыдно было признаться, что у меня ни копѣйки за душою. Даже теперь досадую на себя, что не объявилъ о своей бѣдности: я увѣренъ, что мнѣ выдали бы паспортъ безденежно, и сверхъ того дали бы еще вспоможеніе, а можетъ быть и постоянное занятіе въ этомъ мѣстечкѣ. Бельгійскіе франмасоны очень человѣколюбивы. Еще въ Нанси мнѣ говорили: „Ахъ Боже мой! да зачѣмъ же вы не франмасонъ. Вѣдь всѣ поляки франмасоны. Вы бы скорѣе могли получить пособіе“.—Мнѣ очень страннымъ казалось это предложеніе въ моихъ обстоятельствахъ. Ни за что на свѣтѣ я не согласился бы изъ корыстныхъ видовъ вступить въ тайное общество, котораго притязанія на глубокую древность и таинственные обряды всегда казались мнѣ смѣшными. Въ 19-мъ столѣтіи, гдѣ все изслѣдовано, все открыто, все на-голо́—къ чему всѣ эти таинства? и какая въ нихъ нужда? Мнѣ кажется, это значитъ просто, что мы никакъ не можемъ отвязаться отъ средневѣковыхъ понятій.

Королевскій прокуроръ отпустилъ меня съ миромъ, а жандармы удалились поджавши хвостъ.—Но этихъ жандармовъ я никакъ забыть не могъ. Даже теперь трепещу при одной мысли объ нихъ. Проживши цѣлый годъ въ Льежѣ, когда мнѣ случалось встрѣчать ихъ на улицѣ, я тотчасъ смущался, краснѣлъ, какъ будто была какая вина за мною, думалъ: вотъ какъ схватятъ!

Погода перемѣнилась, пошелъ проливной дождь. Передо мною разстилалась безпредѣльная однообразно-плоская равнина—точно въ Россіи. У дороги стоялъ кабачекъ, содержимый отставнымъ солдатомъ: онъ же завѣдывалъ и поправками на шоссе. Надобно было опять пуститься на спекуляцію. Я продалъ ему свой фракъ и панталоны, а онъ мнѣ въ замѣну *синюю* блузу (я упалъ однимъ градусомъ ниже) и соотвѣтствующіе штаны, да прибавилъ деньгами три

или четыре франка. Да сверхъ того этотъ добрый человѣкъ (да наградитъ его Богъ!) далъ мнѣ на дорогу кусокъ хлѣба съ масломъ. А дождь все идетъ. Промокнувши до костей, я пришелъ на ночлегъ въ порядочную гостиницу. Къ счастію тутъ рдѣлась раскаленная желѣзная печка, гдѣ приготовлялся ужинъ. Отъ нея такъ и пышило жаромъ. Славно меня осушила и обогрѣла! У печки сидѣлъ кружокъ рабочихъ, большею частію нѣмцевъ. Думая, что я не понимаю ихъ языка, они сдѣлали меня предметомъ своего разговора. „Ну скажи-ка, братъ, что ты думаешь: что это за человѣкъ?“—Ну что жъ. Вѣрно онъ какой-нибудь рабочій!—„Какой тутъ рабочій! Посмотри-ка на его руки! руки-то у него вовсе не рабочія!“—Ну такъ онъ долженъ быть чей-нибудь лакей!—сказалъ третій, и всѣ казалось остались довольными этимъ разрѣшеніемъ задачи. Послѣ ужина мнѣ отвели постель на чердакѣ подъ окномъ, безъ стеколъ, притвореннымъ деревянною ставнею, черезъ которую дулъ вѣтеръ и билъ дождь, а на мнѣ, замѣть, едва просохлая рубашка. Вотъ что значитъ энергія, живучесть молодости! Я навѣрное теперь схватилъ бы горячку послѣ этакого ночлега, а тогда все это сошло, какъ съ гуся вода. По утру я проснулся свѣжъ какъ роза и *gai comme un pinson* и снова пустился какъ исполинъ тещи путь.

Въ Бастонѣ случилась со мною странная встрѣча. Вижу—идетъ молодой человѣкъ въ бѣлой блузѣ.

Познакомиться не долго
Пѣшеходцамъ межъ собой!

(Это пѣли въ старые годы на Большомъ театрѣ въ водевилѣ *Ломоносовъ* или *Рекрутъ стихотворецъ*, имѣвшій на меня огромное вліяніе). Бѣлая блуза очень учтиво спросила меня, куда я иду. Я отвѣчалъ, что иду черезъ Намюръ въ Брюссель. Да! дѣйствительно я шелъ въ Брюссель: тамъ жилъ знаменитый Лелевель: я воображалъ, что онъ тамъ профессоромъ, занимаетъ важное мѣсто, и хотѣлъ прибѣгнуть къ его покровительству, а послѣ узналъ, что онъ жилъ въ крайней бѣдности: питаясь однимъ хлѣбомъ и сыромъ.—„Помилуйте“, сказала бѣлая блуза: „да зачѣмъ же вы дѣлаете такой ужасный кругъ? Вѣдь вамъ прямая дорога черезъ Льежъ; отсюда до Льежа только десять льё, а оттуда вы возьмете желѣзную дорогу и въ какихъ-нибудь 5 часовъ будете въ Брюсселѣ“.—Ну ужъ что касается до желѣзной дороги, думалъ я, то это не по нашему карману; а все жъ таки лучше идти въ Льежъ—оно гораздо ближе, да и тоже

значительный городъ.—Клянусь Богомъ, что я никогда не думалъ о Льежѣ, даже на картѣ его не замѣчалъ и въ голову онъ мнѣ не приходилъ и во снѣ не грезился, тѣмъ болѣе, что его у насъ обыкновенно называли Литтихомъ. Это было для меня совершенно новое открытіе. Кто жъ былъ этотъ молодой человѣкъ въ бѣлой блузѣ? Былъ ли онъ добрый или злой геній? Не знаю; но въ томъ дѣло, что слова его поворотили потокъ моей жизни въ новое русло и окончательно рѣшили судьбу мою на вѣки вѣковъ. Этотъ таинственный посланникъ, совершивъ свою роковую миссію, учтиво со мною раскланялся и исчезъ!

Льежъ (Liège).

Тучи разошлись, вся природа оживилась подъ яркими лучами полуденнаго солнца, въ первыхъ числахъ іюня. Сдѣлалась удивительная геологическая перемѣна декораціи! Послѣ однообразной плоской равнины я вдругъ неожиданно очутился на краю ужаснаго обрыва и передо мною разстилалась межъ высокихъ холмовъ прелестная долина, орошаемая Мёзою, и вдали виднѣлся городъ Льежъ.

Меня перевезли чередъ рѣку за нѣсколько сантимовъ и вотъ я ужъ въ предмѣстіяхъ. Народъ тутъ вовсе не такъ былъ учтивъ, какъ французскіе солдаты въ Мецѣ. Рабочіе просто смѣялись надо мною. „Посмотри-ка, вотъ идетъ бѣглый полякъ! C'est un polonais!“ Почему, и какъ, и по какимъ этнологическимъ примѣтамъ они приняли меня за Поляка—я вовсе не понимаю.

Городъ Льежъ былъ въ праздничномъ нарядѣ: на балконахъ были вывѣшаны ковры и шелковыя ткани, въ окнахъ стояли цвѣты и разноцвѣтныя восковыя свѣчи. Это былъ Fête Dieu, Corpus Christi или какъ Поляки говорятъ: Boże ciało. По улицѣ шелъ огромный крестный ходъ съ духовою музыкою и пѣніемъ. Мнѣ ужасно какъ было стыдно показать себя въ лохмотьяхъ среди этаго торжества. Я свернулъ съ большой улицы и началъ разными переулками и закоулками пробираться къ улицѣ *Rue de la Madeleine.*

На послѣднемъ ночлегѣ передъ Льежемъ я встрѣтилъ жидка-разнощика, онъ путешествовалъ съ женою и осликомъ. Мы очень пріятно провели вечеръ въ разныхъ разговорахъ. Узнавши, что я иду въ *Льежъ,* онъ сказалъ: „Я вамъ совѣтую остановиться въ эстаминѣ *au coq:* они очень добрые люди; я всегда у нихъ останавливаюсь: поклонитесь имъ отъ меня“. Ну что жъ, думалъ я: это очень хорошо,

лучше имѣть опредѣленную цѣль, идти въ знакомое мѣсто съ какою-нибудь, хоть съ жидовскою рекомендаціею.

Когда я пришелъ въ *rue de la Madeleine*, у меня отъ жару и усталости голова кружилась; я совершенно потерялъ память; никакъ не могъ припомнить адреса этого трактирчика. Прошелъ всю улицу взадъ и впередъ—нѣтъ! все незнакомыя вывѣски. Что тутъ дѣлать? Я началъ уже отчаяваться и готовъ уже былъ завернуть въ первый попавшійся кабачекъ. Вдругъ поднимаю глаза—гляжу—вывѣска, на ней изображеніе пѣтуха съ надписью: *au coq*. Слава Богу! да, да! *Au coq!* Теперь припомнилъ. Вотъ мой любезный пѣтушекъ! вотъ пріютъ для утомленнаго странника, пристань послѣ крушенія! Вхожу—за конторкою сидѣла женщина среднихъ лѣтъ довольно пріятной наружности. Я отдалъ ей поклонъ отъ жидка, но она, казалось, не слишкомъ высокое понятіе имѣла о моемъ покровителѣ; не сказала ни слова и нѣсколько минутъ пристально смотрѣла на меня, послѣ, какъ бы обдумавшись, сказала: „очень хорошо, вы можете здѣсь остановиться". Она была добрѣйшая женщина. Я послѣ съ ней былъ очень друженъ и давалъ уроки ея дѣтямъ. Она передо мной созналась, что сначала не довѣряла мнѣ, но всмотрѣвшись хорошенько въ черты моего лица, сказала самой себѣ: „я увѣрена, что онъ меня не обманетъ". Вотъ опять женщина съ непогрѣшимымъ тактомъ.

„Есть ли здѣсь какой полякъ профессоръ въ Университетѣ или въ Collège?"—Есть—въ Collège.—„Какъ его имя?"—Не знаю.—„Дайте мнѣ пожалуйста листокъ бумаги написать письмо".—Вотъ лавочка тутъ напротивъ: тамъ можете купить.—Къ счастію у меня оставался полуфранкъ: я купилъ бумаги, написалъ трогательное письмо съ большою потратою риторики, завернулъ въ конвертъ и отправился въ Collège. Мнѣ пришлось идти мимо церкви. Изъ нее неслись звуки органа. Вхожу—церковь биткомъ набита. Алтарь пылалъ разноцвѣтными огнями, вазы съ цвѣтами распространяли благоуханіе, дымъ ладона вился голубою струею и терялся подъ готическимъ сводомъ. Въ то время я все мѣрилъ республиканскимъ маштабомъ. Что я, оборванный, небритый, нечесанный, запыленный, грязный, что я въ этомъ нищенскомъ образѣ могъ войти въ этотъ великолѣпный храмъ, наполненный *изящнымъ людомъ* (beau monde) и могъ найти мѣсто между ними и наравнѣ съ ними имѣлъ право наслаждаться звуками очаровательной музыки,—все это въ глазахъ моихъ обличало глубоко-демократическій характеръ католической

церкви. Это было первое зерно, брошенное въ хорошо подготовленную почву.

А теперь позвольте по-шекспировски соединить высокую драму съ комическимъ элементомъ и замѣтить, что впослѣдствіи, когда я обжился въ *Льежѣ*, одна хорошенькая гризетка назначала мнѣ *рандеву* именно въ этой самой церкви *Сен-Дени*. Это была моя послѣдняя шалость. Но все-жъ и это доказываетъ, что *во всѣхъ отношеніяхъ* католическая церковь очень либеральна и демократична.

И вотъ какъ совершаются судьбы человѣческія!

Звуки органа и гризетки! ха ха ха!

(Занавѣсъ опускается при шумныхъ рукоплесканіяхъ. Браво! Браво! Фора! фора!)

V.

Льежъ (Liège).

Да умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ! *Грибоѣдовъ.*

„Вотъ вы пишете здѣсь, что вы были профессоромъ греческаго языка въ Москвѣ: а вѣдь я очень хорошо знаю, что тамъ профессоромъ этого предмета—Ежовскій!“—Помилуйте! сказалъ я: Ежовскій принадлежитъ уже къ древней исторіи: едва ли кто теперь въ Москвѣ запомнитъ Ежовскаго.—Полякъ помялся немножко—пробормоталъ что-то сквозь зубы, пошарилъ въ карманѣ и далъ мнѣ два франка, за что я его сердечно поблагодарилъ.

Эта сцена происходила у двери маленькаго садика внутри гимназіи (collège) между древними монастырскими аркадами. Полукружіемъ стояли передъ нами воспитанники въ синихъ блузахъ—это былъ ихъ часъ роздыха, а полякъ былъ ихъ надзирателемъ. Они смотрѣли на меня съ любопытствомъ и съ нѣкоторымъ участіемъ. Впослѣдствіи я давалъ нѣкоторымъ изъ нихъ уроки греческаго языка и былъ, что называется *репетиторомъ* при гимназіи: даже шла рѣчь о томъ, чтобы дать мнѣ греческую каѳедру, и оно вѣроятно бы состоялось, если бъ не *назарейское безуміе!*

Получивши два франка—*послѣднее* подаяніе, я какъ-то прибо-

дрился, я чувствовалъ, что достигъ крайняго рубежа моихъ странствованій и нашелъ мѣсто упокоенія. Пришедши домой, т.-е. *къ пѣтушку* (au coq), я засталъ хозяина въ хлопотахъ: онъ заботился найти мнѣ какое-нибудь мѣсто. Въ проливной дождь онъ отправилъ меня съ какимъ-то мальчикомъ въ славный мебельный магазинъ, гдѣ нуженъ былъ сидѣлецъ. Это было просто безтолково, и кончилось, какъ можно было ожидать: щегольски одѣтый хозяинъ, взглянувши на мою измоченную блузу и нечесанную наружность, съ утонченною вѣжливостью отвѣчалъ, что „*pour le moment* онъ въ моихъ услугахъ не нуждается".—Я разсказалъ хозяину о своей неудачѣ. „Ну ужъ не безпокойтесь! мы вамъ мѣсто найдемъ. *Savez-vous panser un cheval?* Умѣете ли вы ходить за лошадью?"—Ну ужъ признаюсь: этого-то я ужъ вовсе не разумѣю.—„А жалко!—Если бъ вы вотъ этакъ знали какъ ухаживать за лошадью—я сейчасъ бы васъ пристроилъ къ мѣсту".—Жена покачала головою и съ видомъ укоризны сказала мужу: „Неужели ты въ самомъ дѣлѣ *этакое* мѣсто предлагаешь *Monsieur Louis?*" Меня называли этимъ именемъ по ошибкѣ: какой-то французскій солдатъ *Louis* расписался въ книгѣ постояльцевъ подлѣ меня: вотъ такъ меня и перекрестили его именемъ: краткости и ясности ради.—Признаюсь откровенно: у меня была сильная охота, страстное желаніе сдѣлаться *слугою*—испытать всю *свѣжесть* этого новаго положенія, обѣщавшаго много опытовъ, новыхъ ощущеній и бездну приключеній. Къ несчастію это не удалось, а всему виною хозяйка: зачѣмъ же она покачала головою? Что жъ дѣлать? подождемъ до поры до времени: коли мнѣ не удалось быть конюхомъ, то можетъ быть другое мѣсто въ этомъ родѣ найдется!

На слѣдующее утро я сидѣлъ за завтракомъ, т.-е. пилъ кофе безъ сахару (по бельгійскому обычаю) съ огромною тартиною (хлѣбъ съ масломъ). Гляжу—на столѣ лежитъ англійская газета *Weekly Despatch.* „Тьфу пропасть! какъ же это англійская газета зашла въ этотъ подлый кабакъ?"—Черезъ нѣсколько минутъ входитъ молодой человѣкъ высокаго роста въ синемъ изношенномъ сюртукѣ плотно застегнутомъ, съ бѣлымъ галстукомъ, полуорлинымъ носомъ и сжатыми губами на англійскій манеръ—подходитъ къ столу и беретъ газету—я тотчасъ заговорилъ съ нимъ по англійски (на сколько я тогда смекалъ) и просилъ его указать мнѣ какое-нибудь средство давать уроки на всѣхъ возможныхъ языкахъ, даже *по англійски!* Какова прыть! Теперь, проживши 25 лѣтъ въ Англіи, я едва ли бы осмѣлился да-

вать уроки англійскаго языка, а тогда я на все былъ готовъ! Научитъ нужда калачи ѣсть!—„Вы можете объявить о себѣ въ газетахъ“, сказалъ онъ: „но я бы вамъ совѣтовалъ прежде всего написать письмецо къ Капитану Файоту (Fiott): онъ очень добрый человѣкъ и любитъ помогать бѣднымъ. Да сверхъ того у него для васъ найдется занятіе: онъ обыкновенно произноситъ рѣчи въ масонской ложѣ, а для этого надобно ихъ переводить на французскій языкъ; онъ сначала было поручилъ мнѣ это, но я, знаете, не очень далекъ во французскомъ. Вотъ напишите жъ сей часъ письмецо, а я его къ нему отнесу, да пожалуста поставьте въ адресѣ: G. O., т.-е. Grand Orient; это ему понравится и задобритъ его въ вашу пользу“.—Вотъ я и написалъ просительное письмо и поставилъ на оберткѣ: G. O.— Кто жъ былъ этотъ молодой человѣкъ? Нѣкто *Макналли,* Ирландецъ, по словамъ его, племянникъ Епископа Макналли (оно можетъ быть было и правда; здѣсь почти всѣ больше или меньше изъ родни духовенству)—ужасный пройдоха, плутъ и мошенникъ первой степени, какъ увидится впослѣдствіи.

Между тѣмъ какъ мы разговаривали, вошло третье лицо—какой-то пріятель Макналли г. Камбель (Cambell), обельгившійся англичанинъ. Онъ малый былъ очень не глупый, отлично говорилъ по-французски и знакомъ былъ съ французскою литературою. Но у него была странная привычка: онъ заходилъ почти въ каждую питейную лавочку и тамъ прихлебывалъ крошечную рюмочку чего-то, un petit verre,—вслѣдствіи чего онъ всегда былъ въ очень веселомъ расположеніи духа. Услышавши о моихъ потребностяхъ, онъ сказалъ: „Я бы вамъ совѣтовалъ обратиться къ madame Guyot“.

— Да кто жъ это такая мадамъ Гюйо́?—„Это женщина извѣстная цѣлому городу—femme galante, s'il en fut—жена инженернаго полковника Гюйо́! У нее большія связи и она очень любитъ покровительствовать талантамъ, польскимъ выходцамъ и вообще молодымъ людямъ. Хотите я васъ ей представлю?“ — Съ величайшимъ удовольствіемъ! я на все готовъ!—„Ну такъ пойдемте же сей часъ!“

Итакъ—безъ дальнѣйшихъ предисловій—дверь гостиной отворилась и я, какъ былъ въ синей блузѣ, предсталъ передъ мадамъ Гюйо́! Высокая, стройная, чернобровая женщина сидѣла, какъ будто какая-нибудь царица или богиня, окруженная своими поклонниками (мужа не было дома). Камбель представилъ меня. Она взглянула на меня лучезарнымъ взоромъ царственной благосклонности, обыкновенно ока-

зываемой изгнанникамъ, героямъ потерянныхъ битвъ, революцій и пр. Камбель изложилъ ей мою исторію—не безъ нѣкоторыхъ украшеній для большаго эффекта. — „Eh bien! Monsieur Damery“—сказала она одному изъ гостей: „не можете ли вы чего-нибудь сдѣлать для этого господина? можетъ быть въ вашемъ бюро́ найдется для него какое-нибудь занятіе?“—Мсьé Дамри, французикъ, литераторъ, журналистъ, положа руку на сердце, разсыпался въ увѣреніяхъ о своей безпредѣльной преданности. „Madame peut compter sur moi: je ferai tout mon possible pour servir ce monsieur!“—„Вотъ видите ли“—сказала она, обращаясь ко мнѣ съ торжествующимъ видомъ: „вотъ ваше дѣло и слажено! Voilà au moins une poire pour la soif“.

Ну, думалъ я, теперь мое счастіе устроено: этотъ г. Дамри дастъ мнѣ какое-нибудь литературное занятіе, да пожалуй чего добраго сдѣлаетъ еще сотрудникомъ... На другой день прихожу къ нему, а онъ меня и знать не хочетъ, и очень сухо отвѣчалъ, что никакого занятія для меня не имѣетъ. Вотъ такъ и полагайтесь на слова француза! Впрочемъ не стоило и сердиться на этаго бѣднаго Дамри: онъ самъ былъ по уши въ долгахъ и едва ли не попалъ въ тюрьму, а услуги свои онъ предложилъ просто изъ врожденнаго французу хвастовства. Но мои сношенія съ М-мъ Гюйо́ этимъ не кончились. Черезъ нѣсколько времени она пригласила меня давать уроки англійскаго языка ея дѣтямъ—мальчику и дѣвочкѣ—за 10 франковъ въ мѣсяцъ! да и тѣ не очень исправно платила. Но какія дѣти! Какое воспитаніе! Дѣвочка лѣтъ 12-ти усердно посѣщала театръ вмѣстѣ съ маменькою и знала наизусть весь репертуаръ французской драмы. Иногда она помирала со смѣху, разсказывая мнѣ какую-нибудь *скабрёзную* интригу замужней женщины въ недавно ею видѣнной пьесѣ... „Ахъ Боже мой!“ говорила она хихикая, „какъ это должно быть забавно обмануть мужа! какъ это уморительно!“ Такъ какъ я былъ у нихъ не по части нравоученія, а просто для англійскаго языка, то я также съ нею хохоталъ, и наши уроки проходили очень весело. Но M-me Гюйо́ имѣла на меня еще дальнѣйшіе виды. Ради Бога не воображайте себѣ ничего дурного! это вещь самая простая. Я не вхожу въ семейныя тайны, но очевидно было, что M-me Гюйо́ рѣшилась полюбовно разойтись съ мужемъ, уѣхать въ Парижъ съ дѣтьми, а меня взять съ собою быть ихъ наставникомъ. Замѣчу мимоходомъ, что этотъ инженерный полковникъ былъ ужасный добрякъ, истый Жоржъ Дандень, именно такой мужъ, какого надобно было бы Гюйо́.

Они оба считали меня ученымъ человѣкомъ, и такъ какъ, по ихъ понятіямъ, наилучшій способъ задобрить ученаго мужа—накормить его порядочно, то вотъ они пригласили меня на ужинъ. Однимъ словомъ, они хотѣли завоевать меня тѣми же средствами, какими Бисмаркъ теперь надѣется покорить Парижъ, т.-е. желудкомъ. Во время ужина оба, мужъ и жена, истощили все свое краснорѣчіе и всѣ возможныя ласки, чтобы убѣдить меня ѣхать съ дѣтьми въ Парижъ. Ужинъ былъ славный, нечего сказать, да у меня сверхъ того была смертельная охота побывать въ Парижѣ; но все жъ таки я не поддался по двумъ весьма важнымъ причинамъ: во-первыхъ совѣсть у меня была какъ-то нечиста касательно паспорта и вмѣсто страха Божія у меня былъ ужасный страхъ французскихъ жандармовъ; во-вторыхъ M-me Гюйо́ была небогата, а жила выше своихъ средствъ. Она просто меня эксплуатировала, хотѣла имѣть дарового учителя, а послѣ можетъ быть оставила бы меня безъ копѣйки на парижской мостовой. Итакъ я храбро выдержалъ осаду и не сдался. Вотъ урокъ Базену! Съ тѣхъ поръ M-me Гюйо́ исчезла съ моего горизонта и болѣе на немъ не являлась.—Но я слишкомъ уже далеко забѣжалъ впередъ! Назадъ! Назадъ! въ Hôtel du Coq, и посмотримъ, что дѣлаетъ англійскій капитанъ Файотъ!

Вотъ такъ-то, любезный другъ, разыгрываются варіаціи на тему *жизни* и вѣчно измѣняется ея пестрый ландшафтъ!—Волны звуковъ и волны красокъ несутся одна за другой...

И эти звуки отзвучатъ,
И эти краски поблѣднѣютъ,
Какъ свѣчка нашъ потухнетъ взглядъ
И вѣтры нашу пыль развѣютъ!

18 ноября н. ст.

VI.

Апостолъ Коммунизма и „Conspiration de Baboeuf“.

„Якожъ то тыранство! Оттакъ бѣдны чло́вѣкъ з глоду помжрець муси!“ Господинъ, произносившій эти слова съ глубокимъ умиленіемъ и полупьяными слезами на глазахъ, сидѣлъ за столомъ въ питейной и усердно уписывалъ славную закуску, запивая ее крѣп-

кимъ англійскимъ пивомъ. Это былъ Полякъ Бернацкій, апостолъ коммунизма. Онъ такимъ себя мнѣ и рекомендовалъ: „мы на апостóлувъ пóшли!“ Въ первый разъ я встрѣтилъ его—гдѣ вы думаете?—въ академической залѣ Цюрихскаго университета, гдѣ онъ довольно бойко защищалъ диссертацію на степень доктора медицины. И эту степень онъ получилъ. Ну что жъ? вы думаете, что вотъ онъ, какъ порядочный человѣкъ, займется дѣломъ—медицинскою практикою?—Ничего не бывало! Я доселѣ никакъ понять не могу, для чего онъ учился медицинѣ? Онъ ровно ничего не дѣлалъ, а только, какъ ревностный апостолъ, съ утра до вечера шлялся по кабакамъ, гдѣ и проповѣдовалъ самый бѣшеный коммунизмъ.

Это была грубая, коренастая славянская натура, безъ малѣйшаго понятія о нравственныхъ условіяхъ общества. „Вотъ видите, пане Фуссгангеръ,“ говорилъ онъ мнѣ: „въ нашей республикѣ будетъ такая роскошь и довольство, какихъ свѣтъ еще не видалъ. Съ утра до вечера будетъ открытъ столъ для всѣхъ гражданъ: ѣшь и пей когда и сколько хочешь, ни за что не платя. Великолѣпныя лавки съ драгоцѣнными товарами будутъ настежъ открыты, какъ какая-нибудь всемірная выставка, бери что хочешь, не спрашивая хозяина—да и какой же тутъ хозяинъ? вѣдь это все наше!“—Въ такомъ случаѣ—осмѣлился я смиренно замѣтить—*нѣкоторые* граждане должны будутъ сильно работать для того, чтобы доставить обществу всѣ эти удобства.—Апостолъ немножко смѣшался: „Ну разумѣется *они* принуждены будутъ работать, а то гильотина на что же?“

Вотъ вамъ и древнее греческое рабство! Вольные граждане пируютъ да бесѣдуютъ о политикѣ, а рабы на нихъ работаютъ!—Я сказалъ, что Апостолъ немножко замялся—потому что основной догматъ коммунизма былъ „Трудъ не достоинъ вольнаго человѣка. Всякая работа есть рабство!“ Въ этомъ догматѣ бывали оттѣнки, смотря по воспитанію и общественному положенію лица.—Одинъ премилый италіанскій юноша сказалъ мнѣ однажды въ кофейнѣ Баура: „Нѣкоторые изъ нашихъ вдаются въ крайности: они совершенно отрицаютъ трудъ; нѣтъ! это не такъ: у каждаго гражданина будетъ свое занятіе, но знаете, этакое легкое, неутомительное, пріятное занятіе, напр., играть на какомъ-нибудь инструментѣ, рисовать, читать занимательную книгу“. Тутъ такъ и слышенъ *il Signor Conte!* Легкія салонныя упражненія были въ глазахъ его образчикомъ общественной дѣятельности!

Кто-то стучится въ двери—отворяю: „А! Бернацкій! Что новаго?“—А то, что у меня сегодня деньги есть: пойдемъ-ка прогуляться за городъ да выпьемъ стаканчикъ чего-нибудь!—„Очень хорошо! Я не прочь! Дайте только шляпу взять.“ Вотъ мы пошли, а разговоръ все о томъ же, т.-е. о благоустройствѣ будущей республики. Бернацкій не признавалъ никакой власти и никакого повиновенія; объ нихъ онъ и слышать не хотѣлъ. „Однако жъ,“—сказалъ я: „вотъ, напр., у насъ общее поле: его надо обработать: вѣдь надо же, чтобъ кто-нибудь далъ приказъ идти на работу“.—Какой тутъ приказъ! Мы вотъ этакъ скажемъ: эхъ братцы! дайте-ка пойдемъ поработаемъ немножко!—„Ну да этакимъ образомъ“,—отвѣчалъ я: „вы дѣйствительно очень немного сработаете“.—Ахъ, Боже мой! да какъ же вы это не понимаете или не хотите понять! Вѣдь наука-то у насъ сдѣлаетъ исполинскіе успѣхи. Изобрѣтутъ напримѣръ какой-нибудь химическій порошокъ. Вотъ такъ посыплешь его на землю и вдругъ все родится само собою—и рожь, и пшеница, и овесъ, безъ малѣйшаго человѣческаго труда!—„Однако жъ, сказалъ я—все-жъ таки надобно будетъ работать для того, чтобы пожинать и собирать въ житницы произведенія земли!“—Тутъ онъ просто разсердился.—„Ну ужъ съ вами вовсе нельзя говорить! Вы этакъ все идете на перекоръ. У васъ все еще старые аристократическіе *русскіе* предразсудки... Ну такъ чортъ побери все!“—Тутъ онъ въ ужасномъ азартѣ засунулъ руку въ карманъ, выхватилъ несчастныхъ два-три франка, заготовленныхъ для прогулки, да такъ и швырнулъ ихъ въ лужу возлѣ дороги да и поминай какъ звали! Тѣмъ и кончилась наша прогулка.

Но размолвка не долго продолжалась. Онъ преклонилъ гнѣвъ на милость и черезъ нѣсколько дней мы опять сидѣли въ самомъ дружелюбномъ расположеніи духа, гдѣ-то за городомъ за кружкою пива и какъ будто какіе благочестивые отшельники разглагольствовали о благахъ грядущаго вѣка. „Ахъ“, воскликнулъ Бернацкій: „какъ это славно будетъ! Вотъ этакъ мы сидимъ—вольные граждане за общимъ столомъ. Тутъ разумѣется все отборныя роскошныя яствы—вино льется рѣкою—гремитъ лихая музыка, и подъ музыку передъ нами пляшутъ *нагія* дѣвы!“

Каковъ идеалъ! Что тутъ вашъ Магометовъ рай съ его гуріями! „Вотъ видите, напримѣръ,“ прибавилъ онъ: „вѣдь монахи-то были не глупы, у нихъ тоже былъ коммунизмъ, и они жили въ полномъ довольствѣ, но въ одномъ только они спасовали и были совершенные дурни!..“

— Да въ чемъ-же?—спросилъ я.—„А въ томъ, что они женщинъ не пригласили въ свою общину!“

— Ей Богу правда!—сказалъ я смѣясь: ужъ въ этомъ-то они рѣшительно промаху дали!

Само собою разумѣется, что мой апостолъ терпѣть не могъ аристократовъ. Былъ какой-то большой балъ въ Цюрихѣ. Вотъ тутъ вся цюрихская знать ѣдетъ или лучше сказать *несется* на балъ, потому что въ то время не было экипажей, кромѣ портъ шезовъ (porte chaise). Бернацкій немножко подъ хмѣлькомъ гулялъ со мною въ толпѣ народа. „Охъ! ужъ эти мнѣ аристократы! Да поглядите-ка: *рабы* несутъ ихъ на рукахъ какъ будто бы дѣтей! Какой позоръ!“—Тутъ онъ хватилъ кулакомъ въ стекло портшеза и оно разсыпалось въ дребезги, а самъ онъ ускользнулъ въ другую улицу.

Еще черта. Жилъ въ Цюрихѣ ломбардскій выходецъ графъ Угóни, потерпѣвшій отъ австрійскаго правительства за то, что онъ завелъ сельскія школы; онъ былъ отличный человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ, но къ несчастію у него было состояніе, онъ хорошо одѣвался и обѣдалъ въ первоклассной гостиницѣ, и за это Бернацкій его ненавидѣлъ. Стоимъ мы съ нимъ однажды на мосту; Угóни идетъ обѣдать въ гостиницу *меча* (zum Schwert). „Посмотрите-ка, что это за человѣкъ! къ чему онъ годенъ! чего добраго можно ожидать отъ него! Вотъ этакъ бы ему *пулю въ спину влѣпить*!“ А все это изъ за того, что на немъ былъ хорошій сюртукъ!

Я долженъ признаться, что наставникъ мой не очень высокое понятіе имѣлъ о моихъ революціонныхъ способностяхъ. Вотъ его офиціальное заявленіе.

„Vous n'êtes pas un homme d'action. Nous vous mettrons au parlement. Vous y ferez des discours, et après, nous vous couperons la tête!“—Да, сударь! у нихъ шутить не любятъ, гильотина будетъ безсмѣнно стоять на площади: guillotine en permanence!

Все это я слушалъ со страхомъ, трепетомъ и благоговѣніемъ, ни мало не сомнѣваясь въ истинѣ сказаннаго. Это ужъ такъ роковое предопредѣленіе, думалъ я: иначе и быть не можетъ. „Учителю благій!“ сказалъ я однажды: „благоволите указать мнѣ какую-нибудь священную книгу, гдѣ бы я могъ почерпнуть здравыя начала нашей святой вѣры?“—„Вамъ непремѣнно надобно достать *Conspiration de Baboeuf* par *Philippe Buonarotti*. Тутъ заключается все наше ученіе. Это наше Евангеліе. Вѣдь, правду сказать, Іисусъ былъ одинъ изъ

нашихъ, онъ то-же хотѣлъ сдѣлать, что и мы, но къ несчастію онъ былъ бѣдный человѣкъ—безъ денегъ ничего не сдѣлаешь; а тутъ вмѣшалась полиція, вотъ такъ его и повѣсили!“ Впрочемъ, не первый разъ я слышалъ въ Швейцаріи подобное мнѣніе, хотя нѣсколько въ другомъ видѣ. Одинъ благочестивый сельскій пасторъ, съ умиленіемъ подымая глаза къ небу, сказалъ мнѣ: „Ja! Jesus Christus war der erste Republikaner!“

Эту священную книгу Conspiration de Baboeuf невозможно было найти въ Цюрихѣ, да сверхъ того у меня ни копѣйки за душою не было. Но теперь въ Льежѣ, лишь только завелся у меня лишній франкъ, я тотчасъ же пошелъ осматривать всѣ книжныя лавки и къ крайнему моему восхищенію нашелъ ее у одного букиниста.

Денегъ со мною не было. „Ради Бога“—сказалъ я хозяину: „подождите нѣсколько минутъ: я сбѣгаю домой за деньгами: сію же минуту буду назадъ“. Я побѣжалъ домой, взялъ деньги и запыхавшись положилъ ихъ на контору, взялъ книгу и понесъ ее домой какъ нѣкій священный кивотъ, какъ ковчегъ новаго завѣта.

Въ этомъ Евангеліи мало занимательнаго *для оглашенныхъ*. Вотъ сущность плановъ Гракха Бабёфа (Gracchus Baboeuf): Парижъ и всѣ большіе города должны быть разрушены до основанія, а вмѣсто того Франція будетъ усѣяна группами цвѣтущихъ деревушекъ! Сущая идиллія!

Но теперь однакожъ надобно быть справедливымъ. Коммунисты должны бы соорудить памятникъ Бисмарку: онъ очень ревностно содѣйствуетъ исполненію ихъ плановъ. Не знаю, много ли *цвѣтущихъ* деревень онъ оставитъ за собою, но что Парижъ и другіе города довольно отъ него пострадали, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія.

Но вѣдь я теперь въ Льежѣ, а гдѣ же мой наставникъ и духовный отецъ? Что съ нимъ сталось? А вотъ что.—Къ нему присоединился новый апостолъ, какой-то докторъ изъ Тюбингена. Этотъ докторъ жилъ въ одномъ домѣ со мною. Мнѣ отъ него страшно было. Никогда я не видалъ подобнаго лица. Какая-то мрачная тѣнь злодѣйства лежала на его челѣ. Живописецъ, желавшій написать образъ Каина или Іуды или самого Мефистофеля, не могъ бы найти лучшаго образца. Бернацкій какъ то особенно съ нимъ подружился. И вотъ эти два апостола, занявши значительную сумму у какого-то жида, въ одно прекрасное утро, не спросившись хозяина, ускользнули изъ Цюриха и слѣдъ ихъ простылъ. И вотъ съ этими-то людьми я былъ знакомъ!

Данте очень трогательно изображаетъ несчастное положеніе изгнанника. „Конечно, говоритъ онъ, грустно ѣсть чужой хлѣбъ и всходить и нисходить по чужой лѣстницѣ, но еще грустнѣе жить въ томъ дурномъ обществѣ, какому неизбѣжно подвергается изгнанникъ“.

Tu proverai sì come sa di sale
Lo pane altrui, e come è duro calle
Lo scendere e'l salir per l'altrui scale.
E quel che più ti graverà le spalle
Sarà la compagnia malvagia e scempia,
Con la qual tu cadrai in questa valle.

Dante. Paradiso XVII. 58.

Эти стихи мнѣ часто повторялъ мой Луганскій пріятель Гралленцони, жалуясь на дурное общество въ Цюрихѣ. А послѣ я собственнымъ опытомъ это узналъ.

VII.

Сказаніе о Капитанѣ Файотѣ и его Камердинерѣ.

Въ часы
Свободные отъ подвиговъ духовныхъ,
Описывай, не мудрствуя лукаво,
Все то, чему свидѣтель въ жизни будешь.

Борисъ Годуновъ.

Въ лѣто отъ Р. Х. 1838 въ городѣ Льежѣ въ Королевствѣ Бельгійскомъ жилъ былъ морской капитанъ англійской службы—онъ же былъ на половинномъ жалованьѣ—а имя ему Эдуардъ Файотъ. Въ старые годы у него былъ свой собственный корабль и съ нимъ онъ объѣхалъ полсвѣта, да и въ Питерѣ побывалъ, откуда и вывезъ пріятное воспоминаніе о нѣкоемъ квартальномъ, вытянувшемъ у него не одну синенькую... У капитана былъ камердинеръ, лихой парень 22-хъ лѣтъ—кровь съ молокомъ—бельгійскаго происхожденія—имени и отчества не помню. Капитанъ былъ Сократъ; а камердинеръ былъ, положимъ, нѣчто въ родѣ Алкивіада. Но скоро сказка сказывается, а не скоро дѣло дѣлается. И такъ благословясь начнемъ.

ГЛАВА I.

О капитанѣ и нѣчто о бородѣ.

Вашей милости извѣстно, что я вышерѣченному капитану Файоту подалъ челобитную и приложилъ къ ней руку съ завѣтнымъ знакомъ: G. O., что по нашему значитъ Великій Востокъ. Въ отвѣтъ на мое писаніе капитанъ прислалъ нѣсколько листочковъ собственнаго сочиненія для перевода на французскій языкъ. Знать, онъ хотѣлъ прежде извѣдать, силенъ ли я во французской грамотѣ. Я тотчасъ вскарабкался на верхъ въ мою конуру, гдѣ кромѣ моей кровати еще стояли двѣ, три другія, поставилъ маленькій столикъ передъ постелью, досталъ бумаги, чернилъ и перо и съ особеннымъ удовольствіемъ принялся за болѣе сродное мнѣ ремесло. Работа шла, какъ по маслу, переводъ вылился полный и круглый по всѣмъ правиламъ французской фразеологіи. Мои новые пріятели Камбель и Макналли пришли меня навѣстить. „Ну что, какъ вашъ переводъ идетъ?“—Да онъ ужъ готовъ.—„Неужели? очень хорошо! пойдемъ же внизъ, да выпьемъ по чарочкѣ предварительно, а тамъ вы намъ прочтете“. Мы сошли внизъ въ питейную и выпили по чарочкѣ предварительно; я сѣлъ на стулъ, а мои два Аристарха стояли передо мною. Я читалъ съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкою, какъ будто передъ какою-нибудь академіею наукъ. Камбель, знатокъ французскаго языка, воскликнулъ: „Прекрасно! отлично! Дайте, я сейчасъ же отнесу это къ капитану“. Онъ отправился съ рапортомъ къ капитану, а капитанъ черезъ него прислалъ мнѣ *пять франковъ*. Не могу описать, какое это было сладостное ощущеніе. Это были первыя деньги, заработанныя моимъ честнымъ трудомъ. Хозяинъ тотчасъ подбѣжалъ и подалъ мнѣ счетъ. Я съ нимъ расплатился и у меня еще осталось два франка съ небольшимъ. Послѣ этого я выросъ нѣсколькими вершками, выпрямился, прибодрился. Я чувствовалъ, что я уже не бродяга, не нищій, а порядочный человѣкъ, имѣющій деньги въ карманѣ и платящій свои долги! Въ избыткѣ блаженства, съ переполненнымъ сердцемъ я пошелъ прогуляться и зашелъ на толкучій рынокъ въ Hôtel de ville купить себѣ—что вы думаете? пряникъ? или сосульку?—нѣтъ! не угадали! я зашелъ купить—стереотипное изданіе греческаго классика—помнится *Ксенофонта* Memorabilia Socratis, т.-е. первое что мнѣ попалось подъ руку. Съ этою покупкою я во-

ротился домой и бросился на постелю. Послѣ двухмѣсячной бродяжной жизни мнѣ хотѣлось освѣжить себя умственнымъ занятіемъ, отдохнуть, понѣжиться немножко—хоть съ этимъ пошлымъ разсказомъ о пошломъ старикѣ Сократѣ. Уединеніе и тишина не долго продолжались! Слышу, кто-то крехтя тяжелыми стопами всходитъ по лѣстницѣ. Отворяется дверь—входитъ солдатъ въ полномъ вооруженіи, въ кепи, въ шинели, съ ранцемъ на спинѣ, съ ружьемъ въ рукахъ. „Sapristi! какъ же я усталъ!“ Онъ тотчасъ сложилъ свои воинскіе доспѣхи и бросился на постелю. Отдохнувъ немножко, онъ посмотрѣлъ на меня очень пристально—улыбнулся, кивнулъ и, поднося горизонтально руку ко лбу въ знакъ привѣтствія, сказалъ: „Bonjour, camerade!“—Bonjour, monsieur,—отвѣчалъ я.—„А вѣдь я сейчасъ угадалъ, что вы республиканецъ!“—Какъ же вы это угадали?—спросилъ я.—„А вотъ по этому“—указывая на мою бороду.—Въ то время бороды были несомнѣннымъ знакомъ республиканца или Сен-Симониста! „Ну что-жъ? братъ! по рукамъ! Вѣдь и мы виды видали, по свѣту ходили да и за свободу сражались!“—Очень радъ, сказалъ я, протягивая руку, встрѣтиться съ товарищемъ и собратомъ по республикѣ. Ну скажите-жъ, гдѣ вы этакъ сражались за свободу?—„Да ужъ гдѣ мы не перебывали? Мы и въ Польшѣ были“.—Неужели? какъ же вы туда попали?—„Мы на корабляхъ туда ходили“.—Помилуйте! какъ же это?—въ Польшу-то на кораблѣ!—„Pardieu! мы стояли на якорѣ въ Лиссабонѣ“.—А! понимаю: вы были въ арміи Донъ Педро! Очень хорошо! И такъ да здравствуетъ республика и—pereat Geographia!

Еще оставалось у меня нѣсколько сантимовъ: на что бишь я ихъ истратилъ? Погодите—а! теперь припомнилъ: я отправилъ франкированное письмо въ Мецъ къ аббату Бюро. Въ этомъ письмѣ я объяснилъ ему причины, помѣшавшія мнѣ явиться къ нему въ назначенный день по обѣщанію; благодарилъ его за данные мнѣ 15 франковъ и обѣщалъ возвратить ихъ при первой возможности и заключилъ крайнимъ сожалѣніемъ о томъ, что мнѣ не позволено было остаться во Франціи и—„participer aux grandes destinées d'une noble nation!“ Такова была тогдашняя моя риторика! Мнѣ и въ голову не приходило, что Россія-то именно та *свѣжая* дорога, которой великія судьбы только что начинаются, а Франція—отжившая свой вѣкъ, нарумяненная маркиза, о которой можно сказать то-же, что Беранже сказалъ о Европѣ вообще:

Une vieille sur des bequilles,
Qui ne croit plus à la vertu.

Но таковъ былъ духъ нашего времени или по крайней мѣрѣ нашего кружка: совершенное презрѣніе ко всему русскому и рабское поклоненіе всему французскому, начиная съ палаты депутатовъ и кончая Jardin Mabile-мъ! [1]

Но я ужъ слишкомъ заболтался, а капитанъ давно меня ждетъ. Камердинеръ отворилъ дверь: Милости просимъ, пожалуйте.—Soyez le bienvenu!

Капитанъ Файотъ былъ человѣкъ лѣтъ 50-ти, хорошо вымытый и выбритый англичанинъ, въ черномъ завитомъ парикѣ.

На этомъ довольно обыкновенномъ лицѣ сіялъ какой-то тихій отблескъ милаго простодушія и неистощимой доброты сердечной. Онъ принялъ меня очень, очень радушно, не смотря на то отвращеніе, съ какимъ того времени англичанинъ долженъ былъ смотрѣть на небритаго человѣка. Но капитанъ былъ выше этихъ предразсудковъ, тѣмъ болѣе, что онъ принадлежалъ къ радикальной партіи и понималъ значеніе бороды. Въ одномъ только случаѣ онъ немножко спасовалъ и сдѣлалъ маленькую уступку: къ нему пріѣхали изъ Англіи какіе-то родственники—долговязый Reverend въ короткихъ штанахъ, шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ, и столь-же длинная пожилая миссъ. Тутъ онъ просилъ меня не приходить къ нему въ эту недѣлю. „Потому что, вы знаете, сказалъ онъ съ милымъ замѣшательствомъ: у нихъ свои предразсудки“. Онъ очень боялся, чтобы они не провѣдали, что онъ въ близкихъ отношеніяхъ съ небритымъ человѣкомъ. Съ тѣхъ поръ все перемѣнилось въ Англіи. Послѣ Крымской войны борода вошла въ моду и сдѣлалась не только неподозрительною, но даже признакомъ чистѣйшей аристократической крови. Герцогъ Кембриджскій носитъ прекрасную окладистую бороду, а у здѣшняго [2] вице-короля Графа Спенсера огромная рыжая борода, какъ-то вѣеромъ, точно какъ у какого-нибудь деревенскаго старосты. Когда-то у нихъ высшіе чиновные классы перестанутъ *бриться?*—что́ Герценъ назвалъ *пошлымъ варварствомъ*. И дѣйствительно въ этомъ намъ не перещеголять американскихъ дикарей:

[1] Черезъ два года послѣ этого (1840) аббатъ Бюро́, услышавъ о моемъ обращеніи, написалъ очень дружелюбное письмо къ моему духовному отцу аббату Монвиссу: онъ старался всѣми силами привлечь меня въ Мецъ, сулилъ мнѣ золотыя горы, je lui ferai un sort, писалъ онъ, но мой sort или жребій былъ уже рѣшительно брошенъ въ другую сторону, и такъ я въ Мецъ болѣе не возвращался.

[Поим. В. С. Печерина].

[2] [Ирландскаго.—*Прим. ред.*].

они не только что брѣютъ, но еще выдѣлываютъ узоры на лицѣ: вотъ вамъ бы еще до *этаго* совершенства достигнуть. Наполеонъ I пророчествовалъ Россіи всемірное владычество, когда у нея будетъ царь съ бородою (un czar à barbe): кто знаетъ? Богъ дастъ, мы и до этого доживемъ!

Но довольно о бородѣ: теперь ея значеніе извѣстно цѣлому свѣту.

Капитанъ приказалъ камердинеру дать мнѣ сюртукъ и рубашку. Сюртукъ, съ позволенія сказать, былъ не первой молодости—немножко потертый на локтяхъ и съ прорѣхами подъ мышками, но даровому коню въ зубы не смотрятъ. Все-жъ таки я думалъ, что въ этомъ нарядѣ я имѣю видъ порядочнаго человѣка, т.-е. présentable. Но я вскорѣ былъ разочарованъ. Нашелся какой-то добрый полякъ, очень скромный и степенный человѣкъ въ долгополомъ семинарскомъ сюртукѣ, дававшій разные уроки въ городѣ, онъ принялъ во мнѣ живое участіе и отрекомендовалъ меня какой-то дамѣ для англійскихъ уроковъ. Я пошелъ ей представиться. Она осмотрѣла меня съ головы до ногъ, слегка улыбнулась—въ глазахъ ея было написано по-русски: *хорошъ гусь!* а по-французски она отвѣчала: „Очень хорошо, я за вами пришлю!“ И никогда не присылала.

Капитанъ тотчасъ посадилъ меня за работу. „Да сдѣлайте милость, пишите поразборчивѣе и самыми крупными буквами такъ, чтобъ не трудно было читать“. Бѣдный капитанъ! онъ думалъ, что въ *ложѣ* такъ мало обращаютъ вниманія на его рѣчи именно потому, что они не довольно четко переписаны. Я припомнилъ свои занятія въ *Временной* Коммиссіи для рѣшенія счетовъ печатныхъ дѣлъ прежняго времени у Синяго моста, и принялся писать, не только канцелярскими, но даже евангельскими буквами. Сначала я работалъ въ особенной комнатѣ, но послѣ онъ посадилъ меня въ свой кабинетъ, на мягкомъ комфортабельномъ канапе, заваленномъ бумагами и книгами. Это было раздолье. Иногда работы было немного—я читалъ какой-нибудь романъ или чинилъ перья—точно какой-нибудь чиновникъ иностранной Коллегіи. Такъ я проводилъ цѣлые дни въ тишинѣ этого кабинета. На этомъ мягкомъ канапе развились и созрѣли многія и многія мысли, изъ которыхъ сложилась вся моя послѣдующая жизнь.

А Капитанъ сидѣлъ за своимъ бюро и писалъ, писалъ, все писалъ.

Капитанъ былъ человѣкъ популярный: къ нему часто заходили по утрамъ знакомые посидѣть, потолковать о томъ, о семъ, особенно

о политикѣ. Въ то время въ пущемъ разгарѣ былъ споръ между либералами и католиками особенно по случаю предложенія въ палатахъ—выдать архіепископу мехельнскому 40.000 франковъ на *первый подъемъ* для полученія кардинальской шляпы въ Римѣ. „Ну, скажите! на что это похоже?“—говорилъ капитанъ: „народъ долженъ платить 40.000 франковъ за одну шляпу для этаго господина. Пойдите-ка на зеленый рынокъ: тамъ сидятъ дюжія дебелыя фламандскія бабы, у нихъ отличныя шляпы съ широчайшими полями—настоящія кардинальскія: ихъ стоитъ только перекрасить въ красный цвѣтъ, и все это будетъ стоить нѣсколько франковъ“.—Вотъ этакъ капитанъ подшучивалъ надъ Его Высокопреосвященствомъ. Во время этихъ бесѣдъ я держалъ свою позицію, т.-е. сидѣлъ, какъ столоначальникъ за своимъ столомъ съ перомъ въ рукѣ; но, впрочемъ, принималъ участіе въ общемъ разговорѣ и въ бутылкѣ хорошаго бордо́, какимъ капитанъ обыкновенно потчивалъ своихъ гостей.

Однажды пришелъ къ намъ вовсе неожиданный посѣтитель: толстый, приземистый, широкоплечій, смуглый, краснощекій, весь въ прыщахъ, миссіонеръ, съ очевиднымъ намѣреніемъ обратить капитана въ *истинную вѣру*. Капитанъ принялъ его очень учтиво, поднесъ ему стаканъ славнаго бордо и завелъ общій разговоръ о вѣротерпимости, христіанской любви и пр. Миссіонеръ былъ такъ заколдованъ любезностью хозяина, а можетъ быть и его виномъ, что посидѣвши немножко и допивши свой стаканъ, онъ раскланялся и удалился во-свояси, не заикнувшись ни слова объ истинной вѣрѣ. Я внутренно хохоталъ, а вино въ самомъ дѣлѣ было хорошо. Капитанъ опять сѣлъ за свое бюро́ и писалъ, писалъ... Однакожъ пора вамъ сказать, что такое онъ писалъ. Произведенія его не отличались оригинальностью: онъ просто вырѣзывалъ лоскутки изъ проповѣдей *Блора* да изъ передовыхъ статей радикальной газеты: Weekly Despatch, сшивалъ ихъ бѣлыми нитками и потомъ давалъ мнѣ выгладить утюгомъ и придать французскій фасонъ; но я этимъ не довольствовался, а иногда на этомъ полѣ я самъ отъ себя вышивалъ новые узоры, т.-е., говоря безъ фигуръ, я вставлялъ въ этотъ переводъ цѣлыя фразы и тирады собственнаго сочиненія и самаго ярко-краснаго цвѣта. Отъ этаго происходили презабавныя сцены въ масонской ложѣ. Почтенные члены были внѣ себя отъ изумленія, никакъ не могли понять, откуда взялась у капитана такая необычайная прыть. Нѣкоторые даже нашли нужнымъ серьезно ему замѣтить, что

онъ слишкомъ далеко увлекается своими революціонными идеями. А онъ ни душой, ни тѣломъ не виноватъ. Все это было дѣло секретаря. Не правда ли, и у васъ это иногда случается?—Онъ самъ мнѣ разсказывалъ объ этихъ сценахъ не безъ нѣкотораго самодовольствія. Это очень льстило его добродушному самолюбію, что его принимали за большого революціонера. Наконецъ, по англійской пословицѣ, выпустили *кошку изъ мѣшка* (the cat out of the bag), тайна открылась и я сдѣлался извѣстнымъ цѣлому городу своимъ знаніемъ французскаго языка. Этимъ, правда, не мудрено было блеснуть въ Льежѣ, гдѣ даже газеты издавались какимъ-то безграмотнымъ людомъ и отличались своею пошлостью и грамматическими ошибками. Зато ужъ я неусыпно трудился, изучая *la Grammaire des Grammaires* такъ, чтобъ не сдѣлать ни малѣйшаго промаху противъ правилъ языка. Вслѣдствіе пріобрѣтенной мною извѣстности, пасторъ реформатской церкви—именно, помню, обратился ко мнѣ съ просьбою предпринять переводъ книги *Штрауса*: *Das Leben Jesu*—на французскій языкъ. Я тотчасъ согласился по-русски, т.-е. *на авось*, ни мало не принимая въ соображеніе трудности этого предпріятія. Когда я перевелъ одинъ печатный листъ, прежде нежели идти далѣе, нашли нужнымъ посовѣтоваться съ какимъ-нибудь свѣдущимъ литераторомъ. Таковымъ считался въ Льежѣ нѣкто г. *Фурдренъ* (Fourdrin), авторъ нѣсколькихъ драматическихъ пьесъ въ романтическомъ родѣ. Онъ подалъ свое мнѣніе: „Я полагаю, что это очень вѣрно съ подлинникомъ; ошибокъ противъ грамматики нѣтъ; но все-жъ таки это не по-французски. Ce n'est pas français".—И онъ былъ совершенно правъ. Такая книга, какъ Штрауса *Leben Jesu*, вовсе не переводима. Ее надобно передумать французскою головою, пересочинить и переложить на французскіе нравы,—что́ послѣ и было сдѣлано, кажется, г. Литтре́. Несмотря на неудачу, пасторъ заплатилъ мнѣ за этотъ печатный листъ 20 франковъ—это было началомъ моего знакомства съ Фурдреномъ; знакомство превратилось послѣ въ тѣснѣйшую дружбу. Фурдренъ былъ отчаянный республиканецъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ благороднѣйшій человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ выдумалъ средство помогать мнѣ самымъ деликатнѣйшимъ образомъ, такъ что я долго даже и не подозрѣвалъ, что отъ него получаю пособіе. Но объ немъ поговоримъ позже. Онъ заслуживаетъ особенной главы.

Капитанъ Файотъ былъ въ полномъ смыслѣ *человѣкъ народа*, homme du peuple. Иногда по вечерамъ онъ, подобно Гарунъ-Ал-

Рашиду, переодѣвался въ синюю блузу и отправлялся въ кофейню, гдѣ обыкновенно собирались ремесленники и рабочіе. Тутъ онъ ихъ потчивалъ пивомъ и бесѣдовалъ съ ними о ихъ нуждахъ и о средствахъ улучшить ихъ состояніе, а иногда и практически помогалъ имъ: сунетъ тому или другому франкъ и полфранка въ руку. Да и со мною онъ точно такъ же обходился, какъ съ ними.

Однажды онъ сказалъ мнѣ: „Сегодня воскресенье—работать не годится: вотъ вамъ полфранка, пойдите прогуляться за городъ, да выпейте кварту пива за мое здоровье“,—что я буквально и исполнилъ.

Капитанъ давалъ мнѣ 5 франковъ въ недѣлю, а подъ конецъ далъ 30 франковъ сразу. Больше отъ него требовать было невозможно. Средства его были очень ограниченны, а просителей у него была бездна, потому что на материкѣ воображаютъ, что каждый Англичанинъ непремѣнно долженъ быть богатымъ. Иногда я у него обѣдалъ, но обѣдъ его былъ очень, очень скромный.

Мнѣ придется не разъ еще говорить объ немъ въ этой лѣтописи. Память его навсегда останется для меня священною. Онъ первый пріютилъ меня, прокормилъ и обогрѣлъ, какъ эту бѣдную стрекозу, что

Лѣто красное пропѣла,
Оглянуться не успѣла,
Какъ *зима катитъ* въ глаза.

Hic explicit liber 1-mus de Capitano—deinde incipit liber 2-dus de Camerario.

Deo Gratias.

Имя капитана Файота не погибло въ Бельгіи, какой-то его родственикъ Файотъ завѣдываетъ желѣзными дорогами [1].

Сказаніе о Капитанѣ Файотѣ и его Камердинерѣ.

ГЛАВА II.

О Камердинерѣ.

„Случалось ли вамъ когда нанимать слугу?—я говорю *нанимать*, потому что теперь крѣпостныхъ уже нѣтъ“.—Разумѣется; нельзя же

[1] Не знаешь ли ты, какой это долгоухой нѣмецъ написалъ біографію покойной императрицы самымъ подлѣйшимъ камерлакейскимъ слогомъ? А тутъ еще на бѣду какая-то дама вздумала перевести эту дрянь на англійскій языкъ. Просто срамъ и позоръ! *[Прим. В. С. Печерина].*

быть безъ прислуги.—„Очень хорошо. Ну, скажите пожалуйста: съ какою цѣлью вы нанимали слугу?“ — Какъ, съ какою цѣлью? Для того, чтобы онъ мнѣ прислуживалъ: чистилъ бы мнѣ сапоги, подавалъ бы умываться, прислуживалъ бы за столомъ, да ходилъ бы на разныя посылки—мало чего не найдется дѣлать въ домѣ?—„Къ крайнему моему сожалѣнію вижу, что у васъ все еще старые эгоистическіе предразсудки. Нѣтъ! не такъ понималъ вещи мой капитанъ! Онъ нанялъ себѣ слугу,—(или лучше: *камердинера*—это какъ-то *благороднѣе*) вовсе не для того, чтобъ онъ ему прислуживалъ“.—Ну да для чего же? — „А для того, чтобъ онъ былъ ему товарищемъ, другомъ или лучше сказать сыномъ. Не забудьте, что капитанъ былъ нѣчто въ родѣ Сократа. По Сократовой методѣ, онъ рѣшился сдѣлаться *повивальной бабкой* безсмертной души этаго камердинера, — внутренно образовать, развить, вывесть на божій свѣтъ и собственными руками вспеленать эту новую душу, его же стараніями украшенную всѣми лучшими дарами чистѣйшаго либерализма, высокой честности и христіанской любви—вотъ какую онъ себѣ задалъ задачу!“

Тутъ мнѣ вдругъ пришло на мысль, что капитанъ былъ немножко мнѣ сродни... „Помилуйте! да какъ же это возможно?—Вы гдѣ родились?“—Да тамъ гдѣ-то въ Козелецкомъ *повѣтѣ* Черниговской губерніи.—„Ну а капитанъ гдѣ?“—Въ какомъ-то англійскомъ *ширѣ*, не помню именно гдѣ.—„Какое же тутъ можетъ быть между вами родство? Вѣдь вы стоите на двухъ противоположныхъ концахъ Европы!“—Извините: есть плотское и есть духовное родство. По духовному родству капитанъ былъ мнѣ очень, очень близокъ. Мы оба вели свой родъ отъ одного знаменитаго предка: пресловутаго рыцаря ламанчскаго, воспѣтаго Сервантесомъ. Да, да, капитанъ былъ мнѣ сродни.—

Вотъ поэтому-то мы сразу поняли другъ друга.

Мы не сказали ничего,
Но ужъ другъ друга знали.

Онъ тотчасъ же подарилъ меня своею довѣренностію и взялъ меня въ сотрудники не только своей литературной дѣятельности, но даже и въ дѣлѣ воспитанія, такъ что я сразу попалъ въ Министры Просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ. Послѣ этаго вамъ не покажется удивительнымъ, что капитанъ пригласилъ меня каждое утро завтракать съ его камердинеромъ для того, чтобы вліять на него назидательными рѣчами и благими примѣрами и пр. Донъ Кихотъ да и только!

А у парня, т.-е. камердинера, была препустѣйшая голова. Онъ

былъ нѣчто въ родѣ гвардейскаго офицера или петербургскаго гарсона: любилъ хорошо одѣваться, густо помадилъ и ухарски завивалъ свои бѣлобрысые кудри, посѣщалъ иногда театръ и другія публичныя мѣста и былъ поклонникомъ прекраснаго пола. Кромѣ женщинъ, модъ и баловъ, едва ли можно бы о чемъ съ нимъ говорить. Дѣло воспитанія подвигалось очень медленно. Матеріалы были самые неблагодарные. Иногда мнѣ случалось слушать длинные разсказы о любовныхъ приключеніяхъ этаго Алкивіада. Но все-жъ таки со временемъ я успѣлъ внушить ему уваженіе къ себѣ и довѣренность, а это мнѣ помогло сослужить ему службу въ одномъ важномъ случаѣ.

Капитанъ, какъ отличный *директоръ совѣсти* (directeur de conscience), не довольствовался тѣмъ, что управлялъ дѣйствіями своего камердинера у себя дома, но онъ непремѣнно хотѣлъ еще завладѣть всею его внѣшнею обстановкою, для того чтобъ предохранить его отъ дурного общества. Съ этою цѣлью онъ предпринялъ основать общество или клубъ молодыхъ людей, которые собирались бы по извѣстнымъ днямъ въ недѣлѣ для взаимнаго обсуживанія разныхъ нравственныхъ и политическихъ вопросовъ, а въ концѣ была бы небольшая закуска. Все было подготовлено по строгимъ правиламъ англійскихъ митинговъ—даже и деревянный молоточекъ для предсѣдателя, чтобы давать разные сигналы. На первый разъ, когда самъ капитанъ предсѣдательствовалъ, дѣло шло довольно порядочнымъ образомъ, но послѣ оно превратилось просто въ бражничество. Помнится, я всего только одинъ разъ былъ въ этомъ клубѣ. Нѣкоторые очень порядочные люди, вступившіе было въ это общество, пришли жаловаться къ капитану, что они ужасно какъ обманулись въ своихъ ожиданіяхъ, нашедши вмѣсто чиннаго собранія, какое то сборище молодыхъ шалуновъ. Бѣдный капитанъ былъ въ большомъ замѣшательствѣ. „Ну что жъ вы хотите съ ними дѣлать“, говорилъ онъ: „вѣдь здѣсь въ Бельгіи вовсе не понимаютъ, какъ должно вести себя въ порядочномъ митингѣ!“ Еще бы! Ожидать отъ Француза или его обезьяны Бельгійца, чиннаго собранія, гдѣ не горланятъ и не размахиваютъ руками, это просто Донкихотство.

Бельгійцы ужасно обезьянничаютъ Французовъ—это не хуже нашего. Наши обезьяны—по крайней мѣрѣ въ мое время—очень удачно перенимали всѣ ухватки, пріемы, замашки и произношеніе французскихъ парикмахеровъ и гарсоновъ, и думали, что вотъ это самый лучшій тонъ. Вотъ по случаю-то этаго бельгійскаго обезьянничества

мнѣ удалось сослужить истинную службу этому молодому камердинеру. „Во Франціи есть—point d'honneur и дуель, слѣдовательно и въ Бельгіи должны быть point d'honneur и дуель". Послѣдуя этому правилу, мой камердинеръ, поссорившись съ товарищемъ за какіе-то пустяки, тотчасъ же вызвалъ его на дуель. Это дошло до капитана. Вообразите себѣ его положеніе. У каждаго англичанина есть свой конёкъ, а его особеннымъ, спеціальнымъ конькомъ была—*дуель*. Онъ безпрестанно и писалъ и говорилъ въ масонской ложѣ противъ дуели; а теперь въ его собственномъ домѣ его-же собственное чадо впалъ въ такой тяжкій соблазнъ. Въ ужасномъ переполохѣ онъ тотчасъ послалъ за мною и умолялъ меня ради Христа употребить все мое краснорѣчіе, чтобы ихъ помирить. Я отправился парламентеромъ между враждующими сторонами и нашелъ ихъ въ какой-то кофейнѣ. Что такое я имъ говорилъ и какими доводами я старался ихъ убѣдить—теперь вовсе не помню; но знаю только, что даже безъ большой потраты краснорѣчія, мнѣ удалось ихъ помирить и даже они сами кажется внутренно радовались, что я помогъ имъ выйти изъ этой кутерьмы. И такъ я возвратилъ этаго блуднаго сына подъ кровъ и въ объятія его духовнаго отца.

Прошли дни, недѣли, мѣсяцы, и наконецъ мы какъ-то разошлись съ этимъ молодымъ человѣкомъ—вотъ по какому случаю. Я всегда былъ подъ вліяніемъ той или другой философской системы: этотъ бѣсъ никогда меня не покидалъ. На этотъ разъ онъ принялъ образъ Пиѳагора. Въ библіотекѣ капитана было множество книгъ, относящихся къ этой философіи, между прочимъ цѣлое житіе чудотворца Аполлонія Ѳванскаго. Все это я прочелъ отъ доски до доски, пережевалъ, проглотилъ, переварилъ, усвоилъ себѣ, превратилъ въ сокъ и кровь и—сдѣлался пиѳагорейцемъ. Изъ этаго вытекли два послѣдствія.

1-е Совершенное воздержаніе отъ мясного; такъ было почти цѣлый годъ: я ни куска мяса не ѣлъ.

2-е Нѣжнѣйшее состраданіе ко всему живущему.

Въ то время я считалъ бы уголовнымъ преступленіемъ умышленно убить муху. Вотъ въ этомъ-то расположеніи духа прихожу однажды къ завтраку и вижу—мертвая кошка лежитъ растянувшись на окнѣ. „Ахъ Боже мой! какъ же эта бѣдная кошка погибла?"—А вотъ видите,—сказалъ камердинеръ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ,—она, злодѣйка, выпила всѣ наши сливки, приготовленныя къ завтраку—вотъ я ее такъ и шарахнулъ объ стѣну—вотъ она тутъ и лежитъ!—

Съ этой минуты я возненавидѣлъ этаго малаго: онъ мнѣ казался чудовищемъ, извергомъ человѣческаго или по крайней мѣрѣ кошачьяго рода. Подъ предлогомъ, что у меня были домашніе уроки по утрамъ, я сказалъ капитану, что больше не приду къ нему завтракать. Купилъ себѣ кофейникъ и самъ варилъ себѣ кофе на спиртовой лампѣ. Да здравствуетъ Пиѳагоръ! Съ тѣхъ поръ мои сношенія съ этимъ молодымъ человѣкомъ не прекратились, но какъ-то холодѣли и медленно тянулись до конца... Черезъ три года послѣ того какъ я навсегда простился съ капитаномъ, я встрѣтился съ камердинеромъ,—гдѣ вы думаете?—Въ церкви редемптористовъ въ Льежѣ. Тутъ была большая вечерняя служба, называемая Salut, съ большимъ оркестромъ и полнымъ освѣщеніемъ. На хорахъ подлѣ самаго органа стоялъ мой Алкивіадъ какъ-то небрежно, почти развалившись, опираясь на свою трость, и выпучивъ глаза съ какимъ-то бездушнымъ любопытствомъ смотрѣлъ на то, что происходило у алтаря. А подлѣ него—да всплошь подлѣ его и не вѣдомо ему—съ преклоненною головою, въ монашеской одеждѣ, на колѣняхъ, стоялъ—frère Petcherine! Кто изъ насъ двухъ былъ глупѣе, трудно рѣшить!

VIII.

Макналли и К°

(иллюстрированное изданіе).

Ахъ, юность, юность удалая!
Житье въ то время было намъ,
Когда, погибель презирая,
Мы все дѣлили пополамъ.

Братья разбойники.

Mc Nally & C^0^.

Cirage anglais, première qualité
maison de Londres.

Эта скромная вывѣска выставлена была въ окнѣ перваго этажа небольшого домика въ улицѣ *** въ городѣ Льежѣ.

Кто такой Макналли—это ужъ вы знаете: это тотъ самый Ирландецъ, что отрекомендовалъ меня капитану Файоту. А кто жъ это и К°? Никто иной, какъ вашъ смиренный рабъ и богомолецъ Владиміръ Сергѣевъ сынъ Печеринъ [1]; сколько мнѣ извѣстно, другого сотрудника или *сообщника* у Макналли не было. Вотъ на какія хитрости люди подымаются! Матеріалы для этой первоклассной Лондонской ваксы покупались на рынкѣ въ Льежѣ, да къ тому же еще самые дрянные. Макналли ничего не смыслилъ въ этомъ дѣлѣ. Я помогалъ ему въ его химическихъ упражненіяхъ, а онъ между тѣмъ помиралъ со смѣху. „Ха ха ха! Какъ же мы славно надуваемъ почтенную бельгійскую публику!“ Изготовивши нѣсколько бутылокъ, наполненныхъ какою-то грязью, мы, перекрестясь, отправлялись на промыселъ, какъ истые братья разбойники или *рыцари промышленности*. Не отрицай же теперь, что у меня есть способность къ *дѣламъ!* Я несъ подъ мышкою бутылку на пробу, какъ лучшій образчикъ этаго драгоцѣннаго лондонскаго продукта, а у Макналли за пазухою было нѣсколько старыхъ бритвъ, купленныхъ на толкучемъ рынкѣ, которыя онъ тоже выдавалъ за настоящія англійскія. Безъ малѣйшей застѣнчивости мы втирались въ самые значительные дома, даже къ Королевскому Прокурору, Monsieur le Procureur du Roi. И мы очень удачно сбывали свой товаръ. Въ одномъ домѣ ни за что ни про что, вѣроятно изъ спекуляціи, Макналли вдругъ вздумалъ рекомендовать меня, какъ *étranger distingué*, что̀ даже былъ профессоромъ. Этотъ господинъ такъ и покатился со смѣху: „Ха ха ха! вы были профессоромъ?! vous professeur! ха ха ха!“—Тутъ я непремѣнно долженъ сдѣлать важное физіо-и психологическое замѣчаніе.

Очевидно, что въ самой сущности моего бытія было что-то не совмѣстимое съ профессорскимъ званіемъ. Вотъ этому другое доказательство. Былъ съ нами въ Берлинѣ Московскій англичанинъ *Колли:* онъ очень былъ друженъ со всѣми членами профессорскаго института; онъ тоже никакъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы я когда-либо могъ быть профессоромъ: „Это невозможно! это не мыслимо!“ А вѣдь онъ славно угадалъ!—

---

[1] [Такъ было первоначально написано въ копіи, затѣмъ эти четыре слова зачеркнуты и сверху написано: докторъ Фуссгангеръ.—*Прим. ред.*].

Когда нашъ промыселъ шелъ удачно и мы выручали нѣсколько денегъ, Макналли обыкновенно потчивалъ меня чаемъ à l'anglaise, что въ Бельгіи считалось большою рѣдкостью—это значило „гулять такъ гулять!“ Мы бесѣдовали между тѣмъ о нашихъ прошедшихъ трудахъ и будущихъ надеждахъ. Мы перебивались коекакъ на всѣ возможные лады. Одинъ Французъ винопродавецъ нанялъ насъ на цѣлый день переливать, не изъ пустого въ порожнее, а вино изъ бочки въ бутылки. Послѣ этаго у меня ужасно какъ болѣла голова отъ винныхъ паровъ. Но этотъ торговый промыселъ не долго продолжался. Макналли вообще не любилъ осѣдлаго честнаго труда; ему хотѣлось приключеній и бродяжной жизни; вотъ онъ такъ и покинулъ меня и пустился искать болѣе романтическихъ ощущеній. Отъ этихъ не очень блистательныхъ занятій я вынесъ одинъ полезный урокъ: теперь я знаю по опыту, какъ бѣдные люди должны хитрить и перебиваться, чтобы зашибить копѣйку. Я былъ истымъ пролетаріемъ не на словахъ, не въ пышныхъ фразахъ республиканскаго оратора, а на самомъ дѣлѣ, въ черствой дѣйствительности... Все это разумѣется происходило прежде, чѣмъ я окончательно усѣлся на канапе за письменнымъ столомъ у капитана Файота.

Наконецъ я разстался съ пѣтушкомъ и нанялъ себѣ квартиру на второмъ этажѣ, а внизу была кофейня. Мнѣ дали какую-то странную комнату, всю набитую старою мебелью и какими-то фамильными портретами. Я вообразилъ себя испанскимъ хидалгомъ, доведеннымъ до крайней бѣдности непріязненными обстоятельствами, но съ истою испанскою гордостью, сохранившимъ древнюю мебель своего замка и портреты своихъ знаменитыхъ предковъ. И дѣйствительно испанскій хидалго былъ въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ: когда ему пришлось отдать свою рубашку въ мытье, то онъ нѣсколько дней долженъ былъ ходить съ плотно застегнутымъ сюртукомъ по самое горло, такъ что даже съ помощію микроскопа невозможно было бы открыть ни малѣйшаго слѣда бѣлья. Въ этомъ же маленькомъ домѣ остановился маленькій живописецъ-Сициліанецъ съ сверкающими глазами и черными какъ смоль, курчавыми волосами. Онъ со мною подружился и бралъ у меня уроки французскаго языка.— Какъ будто нарочно намъ пришлось читать вмѣстѣ приключенія *Жилблаза*. Иногда во время урока онъ глядѣлъ на меня и помиралъ со смѣху. „Вѣдь это ваша исторія!“ говорилъ онъ. И въ самомъ

дѣлѣ занятія Жилблаза у Архіепископа Гранадскаго очень какъ-то подходили къ моей секретарской должности у капитана Файота.

Но тутъ вдругъ ай! ай! переломъ. Объ этомъ позже. *Довлѣетъ дневи злоба его.* Il faut se faire désirer.

IX.

Переломъ.

PAIN BIS ET LIBERTÉ.

(Древняя надпись на стѣнѣ пятаго этажа на Гороховой улицѣ.)

Книги—вещи преопасныя: отъ нихъ рождаются *идеи,* а слѣдовательно и всевозможныя глупости [1]. Книги имѣли рѣшительное вліяніе на главныя эпохи моей жизни. Да еще бы ничего, если бы это были настоящія книги, т.-е. какіе-нибудь фоліанты, или in-4⁰ или большіе in-8⁰; а то нѣтъ: самыя ничтожныя брошюрки въ какихъ-нибудь сто страницъ рѣшали судьбу мою на вѣки вѣковъ. Брошюрка Ламене заставила меня покинуть Россію и броситься въ объятія республиканской церкви. А тутъ именно въ то самое время, когда я жилъ испанскимъ хидалгомъ съ древнею мебелью и фамильными портретами во второмъ этажѣ надъ кофейнею, попалась мнѣ въ руки крошечная брошюрка, даже и заглавія ея не помню: въ ней просто разсказывалось житье бытье трехъ *италіанскихъ выходцевъ*—какъ они жили въ уединеніи, въ захолустьѣ, въ какой-то хижинкѣ, держась въ сторонѣ отъ пошлаго стада *réfugiés,* занимаясь науками, ни у кого ничего не прося, не ища ничьего покровительства, въ крайней бѣдности, довольствуясь самымъ необходимымъ, и такимъ образомъ сохраняя достоинство республиканца и человѣка...

Мнѣ стало стыдно. Эта брошюрка, какъ яркая молнія, освѣтила темные закоулки моей души, обнажила основныя начала моего бытія, разбудила заснувшіе инстинкты и стремленія и напомнила мнѣ то золотое время, когда на моей квартирѣ въ 5-мъ этажѣ на Гороховой улицѣ было написано: *„Pain bis et liberté!“*

---

[1] За эту фразу покойный Николай Павловичъ навѣрное сдѣлалъ бы меня по крайней мѣрѣ камерюнкеромъ. Жаль, что онъ умеръ.

[*Прим. В. С. Печерина.*]

Да! „Pain bis et liberté“. Долго, долго въ этомъ пятиэтажномъ домѣ, а особенно въ его мелочной лавочкѣ хранилось преданіе о бѣдномъ, бѣдномъ студентѣ, какъ онъ спускался съ пятаго этажа и закупалъ въ этой лавочкѣ черный хлѣбъ, квасъ и лукъ и изъ этаго дѣлалъ себѣ спартанскую тюрю и славно обѣдалъ въ 6 часовъ вечера по классическому обычаю древнихъ (coena antiquorum). Единственною подругою его въ этой конуркѣ была—вѣточка плюща, посаженная въ горшкѣ: она какъ-то уныло вилась по окну. Это было какъ будто предчувствіе Англіи, гдѣ все—и вѣковые дубы, и вязы, и стѣны древнихъ и новыхъ зданій—все обвито зеленымъ плющемъ. Незабвенные дни свободы духа и чистоты сердечной! Ахъ! если бъ мой отецъ—вѣчная ему память! — если-бъ онъ немножко, крошечку былъ пощедрѣе, да прислалъ бы мнѣ какихъ-нибудь лишнихъ сто рублей! Я бы можетъ быть достославно выдержалъ эту битву и не надѣлъ бы на себя казенной сермяги...

Но гдѣ же переломъ? Какая произошла перемѣна?

Это требуетъ объясненія.

До тѣхъ поръ (1838) всѣ мои идеи были чисто французскія, а французскія идеи непремѣнно влекутъ за собою французскій образъ жизни. Какой же это французскій образъ жизни? а вотъ онъ какой!

Сидѣть цѣлый день въ кофейнѣ, разглагольствовать о политикѣ, прислушиваться къ отдаленнымъ отголоскамъ европейскихъ революцій, сыграть иногда партію въ домино, отрѣзывать каламбуры и строить куры à la demoiselle du Comptoir (этаго даже нельзя выразить чистымъ русскимъ языкомъ)—вотъ обыденная жизнь молодой Франціи, моихъ собратій по республикѣ.

„Вы не можете себѣ вообразить, какую это дѣлаетъ разницу, когда этакъ порядочно одѣтый человѣкъ зайдетъ въ кофейню—выпьетъ рюмочку absinthe или чашку кофе avec le gloria и потомъ, разгладивъ усы и закуривши сигарку, выходитъ на бульваръ—онъ чувствуетъ себя чѣмъ-то особеннымъ, чувствуетъ свое достоинство“. Клянусь Богомъ, что я не сочиняю, а только буквально повторяю, что́ я тысячу разъ слышалъ изъ устъ моихъ товарищей. Въ Цюрихѣ я былъ очень друженъ съ нѣкіимъ Банделье́ (разстригою попомъ), мы съ нимъ было затѣяли издавать новую газету подъ звонкимъ титуломъ: *le Peuple Souverain*. Мало мы заботились о серьезной части этого предпріятія, а мечтали только о томъ, какъ мы будемъ комфортабельно сидѣть въ конторѣ нашей редакціи, да курить славныя сигарки!

У Француза свое особенное міросозерцаніе. Спросите напримѣръ у Англичанина, для чего человѣкъ живетъ на свѣтѣ, для чего онъ созданъ? Онъ вѣроятно будетъ отвѣчать: „to do business“, для того чтобы дѣло дѣлать; Американецъ Янки прибавитъ: „to make money“, „для того чтобъ зашибить копѣйку“. Но все-таки у обоихъ есть понятіе о какой-то полезной дѣятельности. Теперь предложите этотъ же самый вопросъ Французу,—гдѣ бы вы его не встрѣтили,—хоть бы подъ сѣвернымъ полюсомъ,—онъ непремѣнно вамъ отвѣтитъ: „L'homme est né pour le plaisir!“ „Наслажденіе—вотъ конечная цѣль человѣка“. Въ Сен-Симонистской религіи предполагалось замѣнить церковь—театромъ. Гдѣ? въ какой странѣ? какому народу пришла бы подобная мысль? Это чисто Парижская идея.

Величайшій и единственный лирическій поэтъ Франціи Беранже вполнѣ осуществляетъ въ себѣ французскую идею: всѣ его пѣсни на одинъ ладъ: plaisir et gloire! Замѣтьте еще, что во французской головѣ вовсе не находится понятія о долгѣ, т.-е. о нравственной обязанности. Нельсонъ передъ трафальгарскою битвою говоритъ своимъ матросамъ и солдатамъ: „England expects every man to do his duty“, „Англія надѣется, что каждый изъ васъ исполнитъ свой долгъ“. Не правда ли? это кажется очень коротко и сухо, а для Англичанина довольно. Русскій генералъ сказалъ бы: „Ну теперь, ребята, постарайтесь за царя да за Русь Святую!“—Рады стараться! ваше Прррр... отвѣчаетъ тысяча голосовъ: тоже очень скромно и безъ малѣйшаго фанфаронства, потому что у Русскаго, какъ у Англичанина, есть понятіе о священномъ долгѣ служить царю и отечеству. А у Француза оно вовсе не существуетъ, а есть напротивъ безмѣрное, ничѣмъ неистощимое тщеславіе. Чтобъ удовлетворить этому тщеславію—Наполеону надо было притащить цѣлую обузу пирамидъ, до сорока столѣтій, смотрящихъ съ высоты ихъ на французскихъ пигмеевъ. Было время, когда передъ этою фразою съ благоговѣніемъ преклоняли главу; а теперь всякій видитъ, что это просто галиматья, французская риторика, шарлатанизмъ общій Наполеону I-му и III-му. Риторы погубили Грецію; тѣ же риторы погубили и Францію. Если бъ я имѣлъ власть въ рукахъ, я бъ подъ смертною казнію запретилъ преподавать риторику. Изъ всего этаго ты видишь, что у меня есть *зубъ* на Францію—именно за то, что она своими идеями заставила меня жить и дѣйствовать на перекоръ моимъ врожденнымъ наклонностямъ. Нѣтъ ничего противнѣе моей натурѣ, какъ французскіе

фанфаронство и разсѣянность. Но чего не сдѣлаетъ человѣкъ изъ такъ называемыхъ *убѣжденій?* Онъ и въ огонь и въ полымя пойдетъ, и съ мошенниками будетъ за панибрата—отъ этаго я теперь ненавижу всѣ возможныя убѣжденія.

Брошюрка сдѣлала рѣшительный переворотъ въ моихъ мысляхъ: она отдала меня самому себѣ. Каждый разъ, когда новая мысль овладѣвала мною, я ни на минуту не отлагалъ ея практическаго приложенія. Сказано и сдѣлано.

Для новыхъ мыслей требовалось новое помѣщеніе. Я пошелъ искать себѣ квартиры. Въ глухомъ переулкѣ Rue des Prémontrés отдавалась въ наемъ квартирка у дряхлой старушки M-me Joarisse. Это была комната, что у насъ называютъ—въ первомъ этажѣ, т.-е. au rez de chaussée, окномъ на дворъ: передъ окномъ было нѣсколько деревьевъ: они придавали этой комнатѣ какой-то зеленый полусвѣтъ. На кровати, гдѣ мнѣ должно было спать, умерла сестра хозяйки, монашенка. Какой-то геній уединенія парилъ надъ этимъ жилищемъ. Квартирка мнѣ приглянулась: я условился съ хозяйкою за 10 франковъ въ мѣсяцъ, да сверхъ того приговорилъ, чтобы она мнѣ готовила обѣдъ исключительно изъ однихъ овощей—я тогда уже былъ по-уши въ Пиѳагорѣ. Но черезъ нѣсколько времени она нашла это неудобнымъ и невыгоднымъ для себя. Что-жъ тутъ дѣлать? Чтобы избавить ее и себя отъ хлопотъ, я рѣшился привести свою кухню къ самому простѣйшему выраженію; и такъ каждый вечеръ въ 6 часовъ меня ожидало на столѣ дымящееся блюдо, состоящее изъ *пяти* вареныхъ картофелей съ хлѣбомъ и масломъ, и этимъ обѣдомъ я довольствовался въ продолженіи почти двухъ лѣтъ.

Съ легкой руки этаго новоселья начинается рядъ знаменитыхъ глупостей, одна лучше или хуже другой; я ихъ перечислю по нумерамъ, какъ дѣловыя бумаги:

№ 1. Я рѣшился такъ усердно работать на капитана, чтобъ онъ никогда не былъ въ состояніи вознаградить меня за мои труды, такъ чтобъ не я у него, а онъ у меня былъ бы въ долгу, на вѣчныя времена. Pain bis et liberté.

№ 2. Богатый англичанинъ Ѣтсъ (Yates), державшій бакалейную лавку на площади, изъ уваженія къ капитану, прислалъ ко мнѣ сидѣльца съ предложеніемъ дать мнѣ новый сюртукъ. Я учтиво его поблагодарилъ, но сказалъ, что въ этомъ не нуждаюсь, что мой сюртукъ еще очень хорошъ (это былъ *другой,* купленный мною на тол-

кучемъ, долгополый коричневаго цвѣта и очень приличный), а двухъ сюртуковъ по моимъ правиламъ мнѣ имѣть не подобаетъ. А главная мысль была та: довольно имѣть одного благодѣтеля—капитана: зачѣмъ же принимать на себя бремя новыхъ благодѣяній и дать этому англичанину право сказать: „Я одолжилъ Печерина[1]!“ Я поступилъ точно какъ Авраамъ въ Книгѣ Бытія гл. 14: онъ отвѣчалъ Царю Содомскому: „Ни одной нитки, ни сапожнаго ремня—ничего отъ тебя не возьму, а не то ты пожалуй скажешь: *„Я обогатилъ Авраама!“*—Pain bis et liberté.

№ 3. Открылось вакантное мѣсто городскаго переводчика (traducteur public). Мнѣ тотчасъ его предложили. Съ этимъ было связано порядочное жалованье, обезпеченное положеніе. Но тутъ мнѣ сказали, что надо принять присягу. Нѣтъ! ужъ этаго-то я никогда не сдѣлаю! Я никогда никакому правительству, даже и русскому царю не присягалъ. Да и что-жъ это? вѣдь это значитъ, что я буду на жалованьѣ у правительства, т.-е. чиновникомъ. Нѣтъ! покорно благодарю! Довольно съ меня и того, что я былъ подканцеляристомъ Государственнаго Контроля во *Временной Коммиссіи для рѣшенія Счетовъ и счетныхъ дѣлъ, прежняго времени, у Синяго моста!*

Нѣтъ, ужъ лучше останусь по прежнему вольнымъ казакомъ съ моимъ: Pain bis et liberté.

№ 4-ый. Какой-то англійскій милордъ, жившій не далеко отъ Льежа, искалъ себѣ гувернера для дѣтей. Капитанъ меня отрекомендовалъ. Но его главнымъ условіемъ было то, чтобы я былъ безотлучно съ дѣтьми съ утра до вечера. Какъ же мнѣ принять на себя такую обузу? Я привыкъ къ необузданной свободѣ. У капитана я работалъ только до третьяго часу, а по праздникамъ и вовсе къ нему не ходилъ. Иногда я на цѣлый день уходилъ за городъ. Тамъ гдѣ-нибудь въ чащѣ лѣса или на открытомъ полѣ въ густой травѣ я лежалъ съ романомъ Жоржъ Занда въ рукахъ. Солнце ярко блистало надъ головою; теплые вѣтерки рѣзвились вокругъ меня; жаворонокъ вился высоко въ голубомъ небѣ и пѣлъ гимнъ свободѣ. Воля! воля! воля! поетъ жаворонокъ въ небѣ: какъ же мнѣ себя закабалить въ этакую неволю? Нѣтъ! покорный слуга! Ищите себѣ другого гувернера! а я останусь при своемъ: Pain bis et liberté.

---

[1] [Такъ было въ копіи, потомъ это слово зачеркнуто и вмѣсто него написано: Фуссангера.—Такъ же и на стр. 139.—*Прим. ред.*].

№ 5. Капитана сдѣлали библіотекаремъ въ масонской ложѣ. Ему очень хотѣлось взять меня себѣ въ помощники и слѣдовательно переманить въ масонство. Я уже прежде сказалъ, почему франмасоны мнѣ всегда казались смѣшными; а тутъ еще капитанъ притащилъ цѣлый пукъ бумагъ—сочиненія франмасоновъ. Каждый членъ, вступая въ ложу, обязанъ написать краткое изложеніе своего образа мыслей, этакъ не больше странички. Но это были такія пошлыя ученическія упражненія въ риторикѣ, что я самъ за нихъ краснѣлъ и никакъ не согласился бы подвергнуть себя подобному испытанію. А матеріальныя выгоды отъ масонства были очевидны. Франмасоны были всемогущи не только въ Льежѣ, но и въ цѣломъ королевствѣ: съ ихъ покровительствомъ я могъ бы всего достигнуть. Но *покровительства*-то именно я и не хотѣлъ. Кромѣ *Фурдрена* (Fourdrin а не Фурье, какъ ты пишешь) [1] у меня еще былъ пріятель математикъ и студентъ медицины Лекуантъ (Lecointe). По собственному его признанію экзаменъ его вышелъ какъ-то не очень блистательно. „Ну да это ничего!“ говорилъ онъ: „Наши (т.-е. франмасоны) вывезутъ!“ Ну что-жъ это такое? думалъ я, вѣдь это то же что у насъ въ Россіи: *нельзя ли какъ-нибудь*.—Однимъ словомъ я требовалъ отъ природы человѣческой невозможнаго. И такъ и масонство забраковано! не годится! подавай мнѣ опять старое: Pain bis et liberté!

Послѣ этаго, видя, что со мною нечего дѣлать, меня оставили въ покоѣ; а мнѣніе обо мнѣ поднялось на нѣсколько градусовъ, даже очень высоко, до лѣтняго жара. Вотъ аксіома: „Чѣмъ менѣе вы нуждаетесь въ людяхъ, тѣмъ болѣе они васъ уважаютъ“. Я понимаю и вполнѣ оцѣняю отвѣтъ Діогена Александру: „Не заслоняй меня своею тѣнью, великій монархъ; дай мнѣ погрѣться на солнцѣ: я больше ничего у тебя не прошу!“—Хороши тоже слова Александра: „Еслибъ я не былъ Александромъ, я хотѣлъ бы быть Діогеномъ!“ И дѣйствительно тутъ были равно-степенныя державы: Діогенъ и Александръ—deux puissances en présence!

Не смотря на всѣ эти *отказы*, мои обстоятельства съ каждымъ днемъ улучшались: у меня было много частныхъ уроковъ, и я до того даже умудрился, что самоучкою выучился Еврейскому языку и былъ въ состояніи преподавать его начала одному воспитаннику

[1] [Въ копіи зачеркнуто.—*Прим. ред.*].

гимназіи (Collège). Я уже прежде упомянулъ, что было въ виду дать мнѣ каѳедру греческаго языка въ томъ же Collège.

Послѣ всего этаго любопытно прочесть, какъ Герценъ объясняетъ мой переходъ въ католичество. Вотъ его слова въ Полярной Звѣздѣ 1861: „Бѣдность, безучастіе, одиночество сломили его; онъ не зналъ, что дѣлать и, сорвавшись съ орбиты, безъ цѣли и границъ, упалъ въ іезуитскій монастырь!“

Это написано *à priori*—такъ должно быть, слѣдовательно такъ и было! Нѣтъ! изъ всего предыдущаго ясно, какъ день, что я вовсе не сломился, а стоялъ очень прямо и твердо на своемъ піедесталѣ и никакъ никому и ничему не поддавался...

lascia dir la gente!
Sta, come torre, fermo, che non crolla
Giammai la cima per soffiar de' venti.

X.

Изъ рукъ вонъ! [1]

Предъ разставаньемъ вернемся назадъ.

Ахъ! гдѣ тѣ острова,
Гдѣ растетъ трынь-трава,
Братцы!

Русская потаенная литература.

Онъ посмотрѣлъ на меня такимъ взглядомъ, что я вздрогнулъ, перекрестился и сказалъ самому себѣ: „Слава Богу, что я уѣзжаю, а не то онъ пожалуй гдѣ-нибудь въ глухомъ переулкѣ далъ бы мнѣ *colpo di stiletto*“. Чей же это былъ такой взглядъ? Взрослаго черноокаго мальчика, полу-бродяги, полу-нищаго, полу-мошенника и все вмѣстѣ. Онъ бродилъ съ шарманкою по Лугано и окрестностямъ: я иногда давалъ было ему un centesimo; но послѣ, узнавши, что онъ мошенникъ, ничего не далъ и даже очень сурово отказалъ ему. Онъ взглянулъ на меня—ахъ ты Боже мой!—въ этихъ черныхъ глазахъ

[1] [Эта глава—опять скачекъ назадъ, къ воспоминаніямъ 1836 года; см. выше, гл. III.—*Прим. ред.*].

крупными буквами написано было: vendetta. Съ тѣхъ поръ я боялся встрѣтиться съ нимъ гдѣ-нибудь за городомъ. А теперь онъ сидѣлъ скорчившись у огня въ гостинницѣ, гдѣ я присѣлъ на минуту, перехватить кое-что передъ отъѣздомъ изъ Лугано:—онъ, не сводя глазъ, пристально смотрѣлъ на меня;—ему какъ будто было жалко, что его жертва ускользаетъ изъ рукъ его. Между тѣмъ въ дилижансъ запрягали лошадей—прощай, милый Лугано! Опять на сѣверъ! опять надобно покинуть теплый югъ! да еще наканунѣ Рождества! А этотъ годъ (1836) какъ нарочно зима была необыкновенно теплая. Какъ теперь помню, мы сидимъ передъ кофейнею на берегу озера. „Вѣдь это, ей Богу, настоящая неаполитанская зима!“ говоритъ Signor Пьяцца.—„Да,“ подхватываетъ Гралленцони: „это дѣйствительно такъ! Ну а посмотрите-ка на эти нѣжные оттѣнки голубыхъ горъ, отражающихся въ этомъ зеркальномъ озерѣ: это напоминаетъ Сорренто, Исхію или Капри“. Вдругъ подъѣзжаетъ дилижансъ и останавливается на площади. Съ него спрыгиваетъ *Бьянки* и весь запыхавшись подбѣгаетъ къ намъ: „*Vengo gravido di novità*“. „Я привезъ вамъ цѣлую обузу новостей!“—Какъ! Что такое?—„Слушайте! слушайте! Принцъ Луи Наполеонъ попытался взбунтовать Стразбургскій гарнизонъ, да не удалось—и его арестовали“.—„Ахъ какъ жалко! бѣдный молодой человѣкъ!“ — воскликнули всѣ. — „Прекрасный малый!“ говоритъ Пьяцца: „онъ, знаете, этакой разбитной. Мы въ старые годы съ нимъ шалили. Однажды, хлебнувши немножко шампанскаго, мы пошли на приключенія, и я помогъ ему вскарабкаться въ окно одной красотки въ *Арау*“.—О, Муза Исторіи! возьми свой рѣзецъ и на твоихъ безсмертныхъ скрижаляхъ начертай этотъ новый подвигъ Людовика Наполеона III.

Но я ужъ слишкомъ заврался. Дилижансъ готовъ. Пора ѣхать. Это было кажется 22 или 23 декабря. Начинало смеркаться. Пока мы ѣхали прекрасною долиною Тичино, тутъ все еще былъ теплый, благорастворенный италіанскій воздухъ; но возлѣ *Айроли* подулъ съ вершины Сен-Готарда какой-то зловѣщій зимній вѣтеръ. Насъ пересадили изъ дилижанса въ открытые сани, просто русскіе *пошевни*. На мнѣ ничего не было, кромѣ легкаго петербургскаго плаща—только для предосторожности я надѣлъ двѣ рубашки. Что я претерпѣлъ въ эту ночь, взбираясь шагомъ по снѣгу на вершину Сен-Готарда—этаго ни перомъ написать, ни въ сказкѣ сказать нельзя. Я продрогъ весь до костей. Около полуночи мы остановились на вершинѣ у такъ

называемаго *Hospice*. Я вошелъ въ эту грязную и теплую избу и—признаюсь къ стыду моему и русскаго имени—сѣлъ на печку и заплакалъ.

Физическое страданіе соединялось съ неизвѣстностью моей судьбы. Я еще въ ноябрѣ писалъ къ тебѣ о деньгахъ, отвѣта не было—Я не зналъ, что со мною станется.

Сивка бурка,
Вѣчная кавурка,
Стань передо мной,
Какъ листъ передъ травой!
По щучьему велѣнью,
А по моему прошенью.

Сей же часъ и съ этой же печкою перенеси меня на берегъ Луганскаго озера, на теплое раздолье!—Уфъ! какъ холодно на дворѣ!

Я чай, скоро перемѣнятъ лошадей: надобно будетъ опять лѣзть въ сани.—Ахъ ты Господи Боже мой! Какъ бы хотѣлось мнѣ остаться здѣсь хоть до утра! Да нѣтъ! нельзя! У меня денегъ еле-еле достанетъ до Цюриха, а тамъ что будетъ, не знаю. Нечего дѣлать! Надобно покориться судьбамъ. Сани готовы—и мы начали спускаться съ вершины горы. Любезная мать природа съ ея вѣчными законами доставляетъ намъ услажденія въ нашихъ страданіяхъ. Тутъ съ каждымъ шагомъ температура смягчалась, становилось какъ-то привольнѣе, теплѣе, какъ будто сдѣлалась оттепель, и наконецъ около разсвѣта мы остановились у подошвы горы въ Госпендалѣ...

Ахъ! гдѣ тѣ острова,
Гдѣ растетъ трынь-трава,
Братцы!

Рѣшительно, я открылъ одинъ изъ этихъ острововъ 24 декабря 1836 года у подошвы Сен-Готарда подъ 46° 76 м. Сѣверной широты въ гостиницѣ Госпендалѣ.—Тутъ сдѣлалась совершенная перемѣна декорацій. Вхожу въ общую залу: яркій огонь пылаетъ въ каминѣ и отражается на красныхъ занавѣскахъ,—на столѣ, накрытомъ бѣлоснѣжною скатертью, стоитъ горячій кофе, пироги, вино,—все что душѣ угодно, и милая дочь хозяина встрѣчаетъ меня лучезарными взорами и майскою улыбкою. Все забыто—и холодъ, и горе! все ни по чемъ! все трынь-трава! Я напился и наѣлся до сыта, славно обогрѣлся и такъ разыгрался, что даже началъ *строить куры* этой хорошенькой дѣвушкѣ—какъ бишь это выразить по рус-

ски? у насъ говорятъ: *волочиться*; но это мнѣ кажется очень пошло и провинціально, а *faire la cour* какъ-то благороднѣе и показываетъ большее уваженіе къ прекрасному полу. Да, впрочемъ, тутъ и помину быть не могло о такой подлой вещи, какъ волокитство: вѣдь это не гостиница, а заколдованный замокъ изъ тысячи и одной ночи; а эта красавица вовсе не дочь трактирщика: она Мавританская принцесса, находящаяся въ плѣну у злобнаго волшебника, а мнѣ суждено быть ея рыцаремъ и освободить ее. Такъ предписано вѣчными судьбами. Да оно ужъ очевидно изъ того, что принцесса вовсе не казалась строптивою. Вѣроятно она приняла меня за какого нибудь знаменитаго изгнанника, étranger de distinction, ѣдущаго съ тайными депешами изъ Лугано въ Цюрихъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, какая нелегкая понесла бы *обыкновеннаго* человѣка черезъ Сен-Готардъ наканунѣ Рождества? Вотъ такъ то мы, русскіе, надуваемъ честной Божій народъ! Цѣлыхъ два часа мнѣ позволено было остаться въ *Госпендалѣ*. Быстро летѣли минуты у этаго камина за стаканомъ вина, въ этой милой бесѣдѣ. Огонь камина и огонь черныхъ глазъ,— не знаю, что было жарче. Но увы! время летитъ... Огонь камина и огонь этихъ свѣтлыхъ глазъ—все пройдетъ и потухнетъ. „Прощайте! прощайте! Моя судьба темна: не знаю, куда она меня ведетъ, но гдѣ бы я ни былъ, подъ какимъ бы то ни было небосклономъ, вездѣ, всегда ваше воспоминаніе, вашъ милый образъ будетъ моимъ единственнымъ утѣшеніемъ.

Votre image est ma dernière pensée,
Et „je vous aime“ est mon dernier soupir!

Каково?—Запечатлѣли ли мы эту минутную дружбу прощальнымъ лобзаніемъ—не помню—кажется; но это ужъ слишкомъ *скоромное* воспоминаніе—не годится въ великій постъ.

Есть милые неотразимые образы: ни время, ни разстояніе не могутъ ихъ остановить; они вѣчно преслѣдуютъ васъ, какъ свѣтлыя видѣнія лучшихъ невозвратныхъ дней.

Горе мнѣ! какіе звуки!
Пламень душу всю проникъ:
Милый слышится мнѣ голосъ!
Милый видится мнѣ ликъ!

Безпріютнымъ нищимъ я прошелъ по дорогѣ жизни. Издали виднѣлись царскіе дворцы и бѣлыя палаты богачей и звуки ихъ веселія достигали слуха моего; но мнѣ не позволено было остановиться

и насладиться ихъ гармоніею. Иногда теплые вѣтерки навѣвали мнѣ благоуханія розъ и ясминовъ изъ садовъ Армиды: ахъ! какое сладостное ощущеніе! какъ должно быть привольно въ этихъ тѣнистыхъ рощицахъ, на берегу этихъ зеркальныхъ прудовъ, среди этихъ милыхъ рѣзвыхъ *видѣній!* Но увы! это не для меня! пойдемъ далѣе! Постойте! Вотъ у самой дороги на закраинѣ прелестный цвѣточекъ. Дай остановлюсь хоть на минуточку, полюбуюсь его радужными красками, упьюсь его роскошнымъ благовоніемъ... Нѣтъ! нѣтъ! невозможно! Впередъ! впередъ! кричитъ неумолимая судьба. Напрасно я протестую и говорю съ Шиллеромъ:

Auch ich war in Arkadien geboren!

„Пошелъ ты съ своей Аркадіей!“ сурово кричитъ судьба, словно какой-нибудь прусскій вахмистръ: „Vorwärts! Впередъ! впередъ!“ И я послушно иду впередъ, впередъ, впередъ—и земля вертится подо мною—

Et la terre tourne
Toujours,
Toujours.

Недавно одинъ мудрецъ изъ Латинскаго квартала въ Парижѣ, взглянувши на меня, сказалъ: „Voilá le juif errant!“ Это доказываетъ, что у Французовъ мозгъ еще не совсѣмъ размягчился и что они еще способны иногда угадывать правду.

Насталъ день—сѣрый зимній день. Вмѣсто саней подвезли маленькій дилижансъ, гдѣ я былъ единственнымъ пассажиромъ. Лихой парень какихъ-нибудь 22 лѣтъ соединялъ въ себѣ должности кучера и кондуктора и тотчасъ завязалъ со мною разговоръ. Онъ хвастался мнѣ, что эта барышня въ *Госпендалѣ*—его кузина, и что онъ не разъ съ нею танцовалъ на балѣ... Счастливый соперникъ! думалъ я.

Странно ѣхать по Швейцаріи зимою. Всѣ ея живыя прелести задернуты какимъ-то однообразнымъ сибирскимъ саваномъ. Эти гордые великолѣпные водопады, стремящіеся съ громомъ и трескомъ, разсыпающіеся радужною пылью—теперь очень смиренно и очень прозаически висѣли ледяными сосульками по сѣрымъ скаламъ, точно какъ будто клочки инея на бородѣ русскаго мужичка.

Я только что отобѣдалъ въ гостиницѣ въ Цюрихѣ и заплатилъ послѣднихъ два франка, вдругъ подходитъ ко мнѣ молодой человѣкъ съ газетою въ рукахъ—кажется *Nouvelliste vaudois*—и указываетъ на слѣдующую статью:

„Два патріота, Г. Банделье и кто-то другой, арестовали въ Бьеннѣ французскаго шпіона Кузена, т.-е. они повалили его на землю и силою выхватили у него изъ-за пазухи какія-то секретныя бумаги".

„Этотъ Банделье—я самъ", сказалъ молодой человѣкъ.—Ахъ Боже мой, отвѣчалъ я: я очень радъ съ вами познакомиться—

Quel honneur!
Quel bonheur!
Monsieur le Senateur!

Судьба рѣшительно мнѣ благопріятствуетъ, думалъ я: какъ же, съ самаго перваго шагу въ Цюрихѣ познакомиться съ такимъ важнымъ политическимъ дѣятелемъ!

Надобно знать, что изъ за этаго имъ арестованнаго Кузена сдѣлалась ужасная суматоха и Тьеръ обложилъ Швейцарію герметическою блокадою (blocus hermétique).

„Позвольте вамъ еще доложить", сказалъ опять г. Банделье,—„что я тоже участвовалъ въ Савойской экспедиціи".—Et je vous en félicite! сказалъ я. Но она какъ-то не удалась.—„Да что жъ тутъ дѣлать! Вѣдь это все измѣна! trahison!"—Ну а Маццини былъ тамъ?—„Нѣтъ! помилуйте! Какъ же этакую драгоцѣнную жизнь подвергать опасности?"

А! понимаю: т.-е. я теперь понимаю, что въ подобныхъ случаяхъ Маццини всегда какъ-то удачно умѣлъ оставаться въ сторонѣ, а между тѣмъ многіе прекрасные юноши изъ-за него *легли костьми*, какъ говорится въ Полку Игоревѣ.

Этотъ Савойскій походъ кончился самымъ позорнымъ образомъ. Нѣсколько сардинскихъ таможенныхъ карабинеровъ разогнали всю эту шайку или армію подъ предводительствомъ генерала *Ромарино*, а самъ Ромарино удалился съ честію, не забывши однакожъ взять съ собою казеннаго ящика для большей предосторожности.

Такъ началось мое знакомство съ г. Банделье, имѣвшее важное вліяніе на мои послѣдующіе поступки.

Я тотчасъ же перебрался въ такъ называемый пансіонъ у г. Артера, музыкальнаго учителя (Musiklehrer). Это былъ старый престарѣлый домъ. На Норманской аркѣ надъ дверью было вырѣзано число: 1592. Каковъ старикъ?

Почти три мѣсяца я жилъ въ этомъ домѣ, отъ конца декабря до половины марта,—сидѣлъ у моря и ждалъ погоды, т.-е. письма отъ тебя; да ужъ и началъ отчаяваться: какая жъ тутъ надежда, когда

на мое письмо, отправленное въ ноябрѣ, не было отвѣта до марта мѣсяца. Моимъ единственнымъ пріятелемъ былъ этотъ Банделье. Я у него проводилъ каждый вечеръ. Онъ жилъ по-республикански, т.-е. съ какою то женщиною. У ней, какъ говорится, не было ни кожи, ни рожи, даже она была крива на одинъ глазъ; mais cela n'empèche pas le sentiment; да къ тому же давно уже извѣстно, что любовь слѣпа, а особенно любовь республиканская. Эта дѣвка была нѣчто въ родѣ тѣхъ знаменитыхъ гризетокъ, воспѣваемыхъ Жоржъ Зандомъ. Банделье жилъ у нея на содержаніи, т.-е. она кормила его своими трудами, шитьемъ, мытьемъ да катаньемъ. Ты можешь себѣ вообразить, какія это были бесѣды: тутъ не надобно было ожидать ни ума, ни граціи: тутъ просто былъ обыкновенный республиканскій жаргонъ, распущенность и неряшество.

Подъ конецъ нашего знакомства Банделье признался мнѣ, что онъ былъ священникомъ въ кантонѣ Валé (Valais). Ему, казалось, было стыдно въ этомъ сознаться: онъ приводилъ тысячу разныхъ извиненій. „Войдите въ положеніе нашего брата", говорилъ онъ: „священникъ идетъ въ исповѣдню (confessional), къ нему приходитъ на исповѣдь молодая женщина, и напрямикъ объявляетъ ему, что она до смерти въ него влюблена; ну какъ же молодому человѣку устоять противъ этакихъ искушеній?"—Помилуйте, да зачѣмъ же вамъ въ этомъ извиняться? Вѣдь это общій удѣлъ человѣчества—это древняя исторія: Адамъ ссылается на Еву, а Ева сбрасываетъ вину на змія; а матушка природа исподтишка хохочетъ надъ ними. Вѣдь какія мы выкидываемъ штуки! Сочиняемъ цѣлыя Иліады—Троя сгораетъ до тла, Клитемнестра убиваетъ Агамемнона—ужасныя трагедіи разыгрываются въ царственныхъ домахъ—цѣлыя государства ставятся верхъ дномъ, а все изъ за чего?—да просто для того, чтобъ исполнить законъ распложенія породъ (propagation des espèces). Природа дѣйствуетъ по іезуитскому правилу: la fin justifie les moyens. Ей все ни почемъ, лишь бы достигнуть своей цѣли. Мы послѣ и плачемъ и мечемся какъ угорѣлыя кошки и деремся до крови, а ей что за дѣло? Она думаетъ только объ исполненіи своихъ плановъ. Ей Богу природа хитра, даже хитрѣе самого Бисмарка!

Не такъ равнодушно смотрѣлъ на вещи другой мой знакомый, молодой Бонапартистъ съ черными усиками: онъ, кажется, былъ ревностный католикъ и съ ужаснымъ негодованіемъ говорилъ о Банделье: „Я удивляюсь, какъ земля не разверзнется и не поглотитъ

этого святотатственнаго іерея (prêtre sacrilège)! Я не понимаю, какъ его могли принять въ масонскую ложу: cela doit être une mauvaise plaisanterie". Я вовсе не раздѣлялъ этаго фанатизма.

Три мѣсяца я жилъ въ пансіонѣ г. Артера. У меня были прекрасныя двѣ комнатки и отличный столъ, и во все это время хозяинъ ни разу даже не намекнулъ о деньгахъ: значитъ онъ имѣлъ ко мнѣ большое довѣріе. Но я ужъ совсѣмъ было отчаялся получить что либо изъ Россіи. Вдругъ въ одно прекрасное утро хозяинъ входитъ въ мою комнату и подаетъ мнѣ пакетъ: вижу—знакомая печать и почеркъ товарища; развертываю, а тутъ и письмо съ векселемъ на 500 съ чѣмъ-то франковъ. Ахъ! какое блаженство! это была упоительная минута! это было воскресеніе изъ мертвыхъ! Я тотчасъ потребовалъ счетъ у хозяина и расплатился съ нимъ до послѣдней копѣйки; и рѣшился не теряя времени немедленно ѣхать въ Парижъ. Парижъ былъ моею путеводною звѣздою, конечною цѣлію всѣхъ моихъ надеждъ и желаній, Меккою и Мединою правовѣрныхъ. Еще въ Лугано я мечталъ объ этой поѣздкѣ. Вы непремѣнно хотите ѣхать въ *новыя* Аѳины (modernes Athènes), говорилъ мнѣ улыбаясь Гралленцони, а президентъ республики Лувини обѣщалъ дать письмо къ Принцессѣ Бельджіойозо (Belgioioso), покровительницѣ всѣхъ италіанскихъ выходцевъ.—Я тотчасъ же написалъ къ французскому посланнику въ Бернъ, чтобы просить у него паспортъ. Между тѣмъ я размышлялъ съ самимъ съ собою: „Зайду къ Банделье, но не скажу ему ни слова о полученіи денегъ: вѣдь мнѣ невозможно ему помочь, для самого едва достанетъ, а рубашка ближе кафтана".—Это было очень благоразумно и по всѣмъ правиламъ здраваго смысла. Подхожу къ квартирѣ Банделье и вижу—тутъ какая-то суматоха, бѣгаютъ изъ угла въ уголъ. Самъ Банделье выходитъ мнѣ навстрѣчу съ разстроеннымъ видомъ: „Не тревожьтесь,—говорилъ онъ,—со мною случилась непріятность: *c'est une saisie*, это захватъ моихъ вещей за долги".—Это извѣстіе поразило меня какъ громомъ и поставило верхъ дномъ всѣ мои благія намѣренія. Въ нѣсколько секундъ моя совѣсть сдѣлала мнѣ силлогизмъ или цѣлую диссертацію: „Ну какъ же это? Онъ былъ твоимъ пріятелемъ; ты по цѣлымъ вечерамъ сидѣлъ у него въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ; онъ былъ твоимъ единственнымъ товарищемъ въ твоемъ одиночествѣ! А теперь, когда онъ въ нуждѣ, а у тебя деньги, ты ему не поможешь, вѣдь это будетъ подло!" Сказано сдѣлано.

„Не безпокойтесь, любезный Банделье: я получилъ деньги изъ дому, и я за васъ заплачу".

— Ахъ Боже мой! какое счастіе!—воскликнулъ онъ, всплеснувши руками: вѣдь вы падаете съ неба, какъ будто какой-нибудь американскій дядя въ водевилѣ!

Я позвалъ хозяина, и забывши его республиканское достоинство, разругалъ его какъ русскій баринъ.

„На что жъ это похоже? Какъ вы смѣете такъ поступать съ моимъ пріятелемъ? Васъ бы за это слѣдовало порядочно отодрать. Вотъ вамъ деньги: я за все плачу да убирайтесь себѣ къ чорту!"

Ха ха ха! а у самого ни копѣйки за душою! да и самыя послѣднія деньги изъ Россіи получилъ! Нѣтъ! ужъ это рѣшительно изъ рукъ вонъ!

Мнѣ пришлось заплатить больше, чѣмъ я предполагалъ, т.-е. около 150 франковъ.

Банделье предложилъ дать мнѣ записку—„Помилуйте! да на что же это?"—Нѣтъ! нѣтъ! этакъ лучше; вы знаете, мы всѣ подъ Богомъ ходимъ; все можетъ случиться съ человѣкомъ, *on peut tourner l'oeil.* А у меня есть тетка въ Валѐ: я къ ней напишу; она мнѣ пришлетъ денегъ и я вамъ заплачу.—Очень хорошо, я взялъ расписку и, какъ Митрофанушка, повѣрилъ въ существованіе этой миѳической тетки.

Если бы у меня оставалась еще хоть капля здраваго смысла, мнѣ бы слѣдовало тотчасъ же по живу по здорову выбраться изъ Цюриха. Я бы оставилъ городъ съ честью безъ копѣйки долгу и съ огромною репутаціею. Слухъ о моемъ поступкѣ разнесся по городу: меня провозгласили богачемъ, русскимъ княземъ, и нѣмцы (выходцы) сильно подозрѣвали, что я—русскій шпіонъ. Вотъ сколько репутацій! любую выбирай! Хозяинъ дѣйствительно ухаживалъ за мною какъ за принцемъ — кредитъ мой былъ неограниченный!—Но тутъ опять лукавый попуталъ меня: „Съ какой же стати мнѣ терять какихъ нибудь 150 франковъ. Они мнѣ очень пригодятся. Вѣдь Банделье обѣщалъ заплатить, когда получитъ отъ тетки. Такъ ужъ лучше подождать!" И я остался ждать—и жду до сихъ поръ.

Блаженъ кто вѣруетъ! тепло тому на свѣтѣ! Но вѣра вѣрѣ рознь—какъ же вѣровать въ этакую *миѳологію*? Даже пятилѣтній ребенокъ могъ бы понять значеніе этой *тетки.*

Между тѣмъ мои сношенія съ Банделье совершенно измѣнились: онъ видѣлъ во мнѣ уже не бѣднаго брата-республиканца, а богатаго человѣка, дающаго деньги въ займы и ожидающаго ихъ уплаты. Онъ

перебрался на другую квартиру въ какомъ-то глухомъ и очень подозрительномъ закоулкѣ: тутъ не только что продавали вино, но даже тамъ были какія-то ужъ слишкомъ раскрашенныя дѣвушки... Но—honny soit qui mal y pense! Caritas cooperit multitudinem peccatorum, т.-е. въ вольномъ переводѣ это значитъ: Республика своею эгидою прикрываетъ тьму прегрѣшеній. Впрочемъ я былъ тамъ всего одинъ разъ, и то для того чтобъ освѣдомиться о здоровьѣ *тетки*.

Черезъ нѣсколько дней Банделье совершенно исчезъ изъ Цюриха и пропалъ неизвѣстно гдѣ, оставивъ по себѣ свою любезную Милитрису Кирбитьевну. Она гуляла одна съ крошечною моською на цѣпочкѣ. Иногда мнѣ хотѣлось бы остановить ее да спросить, какъ поживаетъ г. Банделье и нѣтъ ли какихъ извѣстій отъ тетки. Но она, завидѣвши меня издалека, тотчасъ ускользала въ какой-нибудь переулокъ, или скрывалась въ двери какого-нибудь дома, такъ что мнѣ приходилось видѣть только хвостъ ея моськи. И такъ я остался въ Цюрихѣ, осѣлся и погрязъ въ бездонное болото. Деньги истратилъ и началъ дѣлать новые долги. Надобно было серьезно подумать о томъ, какъ жить. Для того, чтобъ давать уроки, надлежало испросить позволенія у Правительства (это то въ вольной республикѣ!!), а Правительство поручило Профессору Орелли проэкзаменовать меня... Онъ далъ мнѣ переводить страницу изъ Платона и снабдилъ меня хорошимъ свидѣтельствомъ.

Когда я разсказалъ это моимъ италіанскимъ пріятелямъ, они расхохотались: „Помилуйте! да къ чему же всѣ эти церемоніи? Вамъ бы просто пригласить Профессора Орелли въ кофейню Баура да попотчивать его бутылкою вина; онъ бы вамъ далъ свидѣтельство безъ малѣйшаго экзамена“. Вотъ опять разочарованіе! Я думалъ, что въ свободной республикѣ взятокъ не берутъ ни деньгами, ни натурою, а выходитъ иначе. Да нѣтъ! ужъ кажется взятки—въ самой природѣ человѣка. Нѣкоторые люди ограниченнаго ума удивляются, что есть такое сочувствіе между Россіею и Соединенными Штатами: вѣдь кажется образъ правленія совершенно различный.—Помилуйте! есть коренное сходство между этими двумя странами: въ обѣихъ берутъ взятки,—рука руку моетъ. Но только что Россія ужасно отстала. Гдѣ же нашимъ бѣднымъ взяточникамъ, оклеветаннымъ Гоголемъ, тягаться съ американскими взяточниками? Тамъ почтенные Сенаторы торгуютъ своими голосами въ Народномъ Собраніи, гуртомъ продаютъ ихъ за огромныя суммы. Гдѣ же намъ?

IV.

Письма Кирѣевскихъ.

Первое изъ этихъ писемъ писано Петромъ Васильевичемъ Кирѣевскимъ, извѣстнымъ впослѣдствіи славянофиломъ, собирателемъ русскихъ народныхъ пѣсенъ; писано оно въ маѣ 1829 года и адресовано его старшему брату, Ивану Васильевичу.—Петру Кирѣевскому былъ въ это время 21 годъ; получивъ прекрасное домашнее образованіе, онъ уже выступилъ на литературное поприще (переводами изъ Байрона и Кальдерона, компилятивной статьей и пр.), но все еще колебался въ выборѣ дѣятельности. Весною 1829 года онъ рѣшилъ вступить въ военную службу, не совсѣмъ, а временно: „я не избиралъ своимъ всегдашнимъ поприщемъ военное, а считаю его нужнымъ и полезнымъ для моего гражданскаго образованія", писалъ онъ матери, прося ея согласія [1]. Въ печатаемомъ здѣсь письмѣ къ брату онъ подробно излагаетъ мотивы, побуждавшіе его къ этому рѣшенію. Онъ весь сказался въ этомъ прекрасномъ письмѣ; такая душевная чистота и скромность, такая теплота чувства и слова, такое самоотреченіе въ пользу общаго блага встрѣчаются рѣдко. Онъ не пошелъ въ военную службу, повидимому вслѣдствіе противодѣйствія родныхъ; два мѣсяца спустя, въ іюлѣ, онъ уѣхалъ за-границу—слушать Шеллинга и другихъ.

Второе письмо писано сестрою братьевъ Кирѣевскихъ, Марьей Васильевной, жившей при матери; его надо датировать вѣроятно 1836 или 1837 г., когда мать Кирѣевскихъ, Авдотья Петровна, производила семейный раздѣлъ имущества. Это письмо, вмѣстѣ съ слѣдующимъ за нимъ третьимъ—отъ Петра Васильевича къ Ивану Вас.,

[1] Письмо отъ 15 мая (1829 г.), „Рус. Арх." 1894 г., № 10, стр. 208. О попыткѣ П. Кирѣевскаго вступить въ военную службу см. подробнѣе въ его біографіи—въ моихъ „Образахъ прошлаго", М. 1912, стр. 96—97.

бросаетъ свѣтъ на семейныя отношенія въ Елагинскомъ домѣ. Авдотья Петровна была по второму браку замужемъ за Ал. Андр. Елагинымъ (съ 1817 г.). При голубиной чистотѣ обоихъ братьевъ и ихъ совершенномъ матеріальномъ безкорыстіи легко представить себѣ, какъ мучительно было имъ видѣть страстно-любимую мать свою въ союзѣ съ такимъ человѣкомъ, какимъ онъ рисуется въ этихъ письмахъ. Тяжесть этихъ отношеній несомнѣнно сыграла большую роль въ душевной жизни обоихъ братьевъ—углубила ту грусть, ту резиньяцію, какую питали въ нихъ общія условія тогдашней русской жизни.

1.

26 мая. Долбино.

Милый братъ!

Я получилъ твое письмо, и признаюсь радъ былъ своему намѣренію идти въ военную службу. Еслибы намѣреніе и дѣйствительно осталось безъ дальнѣйшихъ послѣдствій, еслибы я и могъ согласиться въ его необдуманности, то все ужь оно было для меня полезно; оно подарило меня твоимъ письмомъ.

Что я не рѣшусь на важный поступокъ въ жизни который бы ты не оправдалъ передъ самимъ собою—въ этомъ нѣтъ никакаго сомнѣнія; потому что нѣтъ человѣка котораго бы я любилъ больше тебя. Изо всего того что мы говорили о военной службѣ въ Москвѣ, я не могъ еще видѣть объ ней твоего полнаго мнѣнія; ты говорилъ только о трудности ужиться съ начальниками; но такъ какъ ты говорилъ только одно это противорѣчіе, то я могъ думать что оно по твоему мнѣнію важнѣйшее и что ты согласенъ во всемъ прочемъ; а потому считалъ дѣло съ твоей стороны рѣшеннымъ, повершить же его хотѣлъ при возвращеніи. Теперь ты высказалъ всѣ свои причины, и со всѣмъ что ты говорилъ я совершенно согласенъ; но несмотря на то мнѣ кажется что они нисколько не противорѣчатъ моему намѣренію; и я надѣюсь не только на то что ты мой поступокъ оправдаешь передъ самимъ собою, но даже надѣюсь что ты поможешь моей безсловесности и будешь моимъ адвокатомъ.

Къ военной службѣ привлекаетъ меня не одна только польза этаго дѣйствія какъ дѣйствія; мнѣ кажется также что съ этимъ поступкомъ соединена вмѣстѣ и очевидная польза для моего личнаго

образованія. Еслибы я думалъ что онъ не только повредитъ, но даже не будетъ полезенъ моему образованію, то не имѣлъ бы права на него пускаться, хотя бы это дѣйствіе соединено было съ пользой еще непосредственнѣйшей;—потому что мое *я* исключительно принадлежитъ и должно принадлежать Россіи. Но въ военной службѣ я надѣюсь образовать именно ту сторону самаго себя, которая больше всѣхъ другихъ нуждается въ развитіи.

Я совершенно согласенъ съ тобою въ томъ, что намъ теперь открыты только четыре дороги къ цѣли, и не только вполнѣ оцѣняю третью, но думаю даже, что она едвали не совмѣщаетъ въ себѣ и первыя двѣ. Силу живаго слова я видѣлъ въ полномъ величіи при провожаніи Мицкевича [1], но и прежде, я уже давно умѣлъ цѣнить ее въ ея слабѣйшихъ оттѣнкахъ. Я давно увѣренъ былъ что важнѣйшей дорогою къ цѣли для Русскаго должно быть *слово*, которому въ послѣдствіи предназначено воплотиться и быть искупителемъ.

Но я не долженъ себя обманывать въ своихъ силахъ; именно въ томъ, въ чемъ я болѣе всего нуждаюсь, я слабѣе нежели во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Въ дарѣ слова мнѣ природа отказала со всей возможной жестокостью.

Моему образованію недостаетъ всего того, что зависитъ отъ обхожденія съ людьми; я всегда былъ *одинъ*, и этому единственная причина мой характеръ. Но я не долженъ окостенѣть въ этомъ состояніи. Я чувствую необходимость и *обязанность* искать людей; но вопросъ состоитъ въ томъ, какое общество соразмѣрно съ моими способностями? Разумѣется не то, которое выше меня и умомъ и образованіемъ; тамъ гдѣ я буду во всѣхъ отношеніяхъ послѣднимъ, взаимнаго вліянія быть не можетъ; а въ этой-то взаимности и заключается польза общества, иначе бы люди значили тоже что книги. Я разсматривалъ какое общество мнѣ можетъ быть полезнѣйшимъ, и мнѣ представилось *военное*. Тамъ общество также пестро какъ и мундиры въ которыхъ оно одѣто, глупые смѣшены съ умными; но значительный перевѣсъ однако со стороны Гемельмановъ и младенцевъ привлеченныхъ мундирами. Слѣдовательно я тамъ послѣднимъ не

---

[1] [Рѣчь идетъ о прощальномъ ужинѣ, который устроили Мицкевичу его московскіе друзья предъ его отъѣздомъ изъ Москвы въ 1828 г.; на этомъ ужинѣ (въ квартирѣ С. А. Соболевскаго) Мицкевичу былъ поднесенъ золотой кубокъ, на которомъ были вырѣзаны имена Баратынскаго, Соболевскаго, обоихъ Кирѣевскихъ, Шевырева, Н. Полевого и др.; см. „Рус. Арх.“ 1874, т. II, стр. 224.—*Прим. ред.*].

буду. Не будучи послѣднимъ, я буду въ силахъ имѣть кругъ, на который буду имѣть вліяніе, и это дастъ мнѣ способность быть съ людьми вообще (ибо эта способность существуетъ и отдѣльно, независимо отъ качества общества). Вмѣстѣ съ тѣмъ и вліяніе мое не будетъ потеряно: почти всѣ эти люди возвращаются опять во внутренность Россіи и дѣйствуютъ на поприщѣ гражданскомъ.

Они будутъ камнями во рту моемъ которые будутъ способствовать къ излѣченію моего косноязычія, и волнами, при ревѣ которыхъ будетъ упражняться мой голосъ;—когда я буду въ состояніи говорить съ этими камнями во рту, и заглушать своимъ голосомъ ревъ волнъ, тогда только я получу способность говорить съ народомъ.

Вотъ одна изъ тѣхъ причинъ, по которымъ я вижу военную службу полезною для своего образованія. Не говорю уже о томъ, что дѣятельная, кипящая военная жизнь, съ которой соединена особенная поэзія, оживитъ мое вялое существо.

[Здѣсь кончается листокъ; продолженіе утрачено].

2.

Милые, безцѣнные друзья Иванъ и Петръ! — Вы должны знать все что съ нами дѣлается, никто больше васъ не любитъ Маминьку и никто такъ неготовъ жертвовать всѣмъ для нея, для ея спокойствія. Вотъ что было у насъ эти дни: Мам. попросила А. А. уничтожить ея вексель, какъ бумагу уже ненужную послѣ нашего раздѣла. Отвѣтомъ на это было: „если такъ, то мы должны разстаться. Я не могу жить съ женою эмансипированною“ (т.-е. такою у которой есть состояніе, какъ будто онъ не зналъ этаго до своей женитьбы). За этимъ пошли ужасные, невообразимые упреки. Онъ не посовѣстился клеветать, и Маминькины же слова самыя невинныя перевернулъ и поставилъ ей въ преступленіе. Противъ нея рѣшительно *по совѣсти* онъ ничего не можетъ сказать, но ему ничего не стоитъ лгать.—Говорить нечего, какъ это чрезвычайно огорчило Маминьку, она не ожидала отъ него ни такого корыстолюбія и ни такой неблагодарности за все, что она для него сдѣлала. Но Богъ далъ ей довольно твердости чтобы поддержать свое собственное достоинство и она совсѣмъ было рѣшилась разстаться съ нимъ. Съ нетерпѣніемъ ждали васъ обоихъ, чтобы вы помогли ей, придумали бы что дѣлать. Такъ

прошло четыре дня, я боялась чтобы Мам. не занемогла, она не спала всѣ ночи и ничего не брала въ ротъ, Ал. А. же какъ ни въ чёмъ не бывало; досадно было, даже отвратительно было видѣть такое равнодушіе. Я очень рада что и Ел. Ив. была тутъ, теперь и она его знаетъ.

Сегодня онъ пришелъ къ Мам. и на колѣняхъ просилъ у нея прощенія. Она простила ему, разумѣется для дѣтей, для Васи [1] бѣднаго.

Вотъ какое тяжелое, несносное положеніе Маминьки! Жить съ человѣкомъ, котораго не можешь уважать!

Милые братья, я огорчила васъ, но что же было дѣлать!—Отъ васъ давно нѣту писемъ, здоровы ли вы? Объ одномъ умоляю васъ берегите ваши здоровья! Прощайте, Господь васъ сохрани и помилуй!

Поцалуйте покрѣпче за меня сестру Наташу [2] и малютокъ. Сегодня я не успѣю написать къ ней, обнимите же ее покрѣпче.

3.

12 Генв. 1837. Петрищево.

Сегодня получилъ твое письмо, за которое крѣпко тебя обнимаю. Только зачѣмъ ты не пишешь ничего объ Вавѣ? И какимъ образомъ Нат. Ив. опять у васъ? Этому я очень радъ, потому что это для него можетъ быть дѣйствительнѣе многихъ лѣкарствъ, кромѣ того что теперь и Наташѣ и Ан. Петр. можно будетъ отдохнуть. Ты пишешь что кажется уже писалъ объ этомъ, но я получилъ отъ тебя только одно письмо, которое пришло вчера. Есть ли твои письма пропадаютъ, то это больше чѣмъ досадно. Какой лошади переломили ногу?

У насъ всё также, какъ я писалъ тебѣ въ субботу. Маминька писала къ Жук. [3].—Съ тѣхъ поръ какъ она здѣсь у ней опять возобновилась болѣзнь печёнки и она теперь не совсѣмъ здорова. Со всѣмъ тѣмъ ей разумѣется теперь легче потому что Ал. Андр. въ Москвѣ и она завлекается впечатлѣніемъ минуты, отдѣлываетъ домъ и дѣлаетъ различные планы, какъ будто расчитывая на долгое житье *здѣсь;* она совершенно забываетъ что черезъ нѣсколько дней

[1] [Сынъ А. П. и А. А. Елагиныхъ].

[2] [Наталья Петровна, жена И. В. Кирѣевскаго].

[3] [В. А. Жуковскому].

онъ воротится и будетъ мучить ее по прежнему и еще привезетъ какую нибудь дрянь въ наставники дѣтямъ что бы только имѣть *предлогъ* удержать ихъ въ деревнѣ.—Безпечность ея характера до того изумительна, что въ иные минуты кажется, какъ будто всѣ впечатлѣнія его безстыдной и разительной низости изчезаютъ изъ ея памяти и она черезъ нѣсколько времени готова будетъ опять вѣрить въ его *честность!!!*

А онъ знаетъ ея характеръ на изусть и съ неимовѣрной тонкостью и постоянствомъ ведетъ каждый изъ своихъ лукавыхъ плановъ, всё обдумываетъ, на всё разсчитываетъ. Знаетъ даже всю выгоду своего безстыдства.—Такъ, что одно только Провидѣніе можетъ спасти её. Видѣть это бываетъ иногда невыразимо тяжело.—Маминька хотѣла послать человѣка въ Тулу для залога имѣнія; но еще не посылала.—Что бы хорошо было продать домъ, я съ тобой не согласенъ, потому что во первыхъ: продавая его наспѣхъ продадутъ не иначе какъ за полъ цѣны (Ал. Андр. хочется чтобы онъ былъ проданъ во что бы то ни стало); а во вторыхъ потому, что хотя бы онъ приносилъ и самые маленькіе проценты, всё таки онъ можетъ принадлежать Маминькѣ *дѣйствительно,* между тѣмъ какъ имѣніе всегда останется въ рукахъ Ал. Андр. и будетъ принадлежать ей только *номинально*; къ тому же естьли и продавать его то не теперь, и съ тѣмъ только чтобы купить на эти деньги либо другой домъ, либо подмосковную, либо вообще что нибудь недвижимое, чего бы Ал. Андр. не могъ у нея выманить. Къ тому же и въ случаѣ продажи дома всё таки нужно будетъ заложить часть имѣнія, потому что Ал. Андр. увѣряетъ Мам. (и она соглашается несмотря на всё что я говорилъ ей!!) что *она* должна заплатить *всѣ* долги, какъ казенные такъ и частные, а не ту только сумму, которая была занята для покупки дома.—Напиши къ Мам., но естьли можно такъ, чтобы оно могло быть распечатано даже и А. А.; я не показалъ ей твоего письма, и кажется ей это непріятно.

Вотъ тебѣ покуда объ насъ.—Изъ Долбина я возвратился вчера рано по утру. Тамъ глупая исторія съ Анной Прок. вышла совсѣмъ не такъ, какъ я писалъ къ тебѣ наканунѣ. На другой день я призвалъ солдата и бесѣдовалъ съ ними обѣими: оказалось что онъ мужикъ очень умный и порядочный, пришелъ совсѣмъ не съ тѣмъ чтобы буянить или увозить ее, а просто повидаться; а она, какъ сама говоритъ, встрѣтила его ругательствомъ, тогда онъ разсердясь и ска-

залъ что естьли такъ, то онъ увезетъ ее съ собою. Я помирилъ ихъ наконецъ и онъ согласился дать ей письменное позволеніе жить гдѣ угодно, съ тѣмъ только, чтобы она дала ему денегъ на прогоны до Тулы. При моемъ отъѣздѣ бумага уже была готова и дѣло остановилось только на томъ, что они торговались. Такимъ образомъ теперь еще въ твоей волѣ удержать ее или отпустить, естьли это свидѣтельство, данное мужемъ, не крѣпко. Вообще мнѣ она не кажется кладомъ: при значительной глубинѣ лукавства и финтовъ ея безтолковость доходитъ до невѣроятной степени. Объ ея дѣйствіяхъ по хозяйству я не могъ судить; но Филатовы отзываются невыгодно.—У тебя тамъ возятъ лѣсъ, и вотъ тебѣ цѣны, по которымъ онъ берется: цѣлое дерево, имѣющее 4 вершка въ отрубѣ, стоитъ 80 к.; 5 в.—1 р.; 6 в.—1 р. 20 к.; 7 в.—1 р. 50 к.; 8 в.—1 р. 60 к.; 9 в.—1 р. 80 к.; 10 в.—2 р.—Цѣны хлѣба слѣдующія въ Бѣлевѣ: рожь 5 р. 10 к., овесъ 3 р. 50 к., ячмень 4 р., гречиха 5 р.

Лошадей я смотрѣлъ и нашелъ что молодыя много похорошѣли; только Марсъ не въ настоящемъ видѣ, потому что мытится. Шесть кобылъ жеребны: Моина, Заря, Земфира и Серна отъ Крока, а Любушка и Амишка отъ Хунксара.

Крѣпко васъ всѣхъ обнимаю. Пишите почаще, и побольше объ дѣтяхъ.

Вашъ Петр. К.

Пришли Маминькѣ *Колоколъ* и *Пегаса*.

V.

„Ножка",

поэма Н. М. Сатина.

Подлинникъ—прекрасная тетрадь изъ золотообрѣзанной плотной почтовой бумаги большого формата, въ кожаномъ переплетѣ съ тисненіемъ и золотой рамкою вокругъ; на переплетѣ золотомъ вытиснены буквы: *N. S.* Рукопись собственноручная, писана очень старательно,—несомнѣнно бѣловая; немногія поправки аккуратно вписаны надъ зачеркнутыми строками. Поэма писана (или, можетъ быть, переписана), какъ показываетъ помѣтка въ концѣ ея, въ самомъ началѣ 1843 г., въ прирейнскомъ городкѣ Ганау, гдѣ тогда, по совѣту извѣстнаго франкфуртскаго врача Коппа, любимаго русскими (Гоголь, Языковъ, Елагина, Огаревъ), лечился Сатинъ отъ ревматическихъ болей въ ногахъ. Николай Михайловичъ Сатинъ (1814—1873), университетскій товарищъ Герцена и Огарева, вмѣстѣ съ ними приговоренный къ ссылкѣ въ 1835 г., вмѣстѣ съ Огаревымъ арестованный въ 1850-мъ, женатый на Еленѣ Алексѣевнѣ Тучковой, чья сестра, Наталья Алексѣевна, была второй женою Огарева, до конца вѣрный другъ Герцена и Огарева, былъ однимъ изъ самыхъ привлекательныхъ характеровъ огаревскаго кружка 40-хъ годовъ и обладалъ недюжиннымъ поэтическимъ дарованіемъ. Къ сожалѣнію, у насъ до сихъ поръ нѣтъ его біографіи [1], и стихи его, разсѣянные по тогдашнимъ журналамъ, не собраны; только его стихотворные переводы изъ Шекспира („Буря", „Сонъ въ лѣтнюю ночь") до сихъ поръ еще переиздаются. Печатаемая здѣсь впервые поэма есть единственное крупное самостоятельное произведеніе Сатина.

---

[1] Наиболѣе полныя, хотя все же скудныя свѣдѣнія о немъ сообщены Е. С. Некрасовой въ предисловіи къ отрывку изъ его Воспоминаній, въ „Починѣ" на 1895 г., стр. 232—237.

Ножка,

РЕЙНСКАЯ ЛЕГЕНДА.

Часть первая.

I.

Хочу я повѣсть разсказать.
Про что? Про ножку. Признаюся,
Предметъ страннѣе трудно взять,
И право я не удивлюся,
Когда заглавіе прочтя,
Читатель, баловень-дитя,
Привыкшій къ множеству игрушекъ
Разнообразныхъ, дорогихъ,
Порою будто какъ живыхъ,
А чаще полныхъ погремушекъ,—
Съ презрѣньемъ броситъ мой разсказъ
И скажетъ: „Чѣмъ забавить насъ
Задумалъ онъ? Всѣ эти сказки
Про ножки, ручьки, зубки, глазки,
Такъ стали пошлы, такъ смѣшны,
Что не должны касаться слуха.
Къ тому-ль поэты призваны?
Ихъ назначенье—тайны духа
Передъ людьми разоблачать,
Парить въ грядущемъ, созерцать
Въ минувшемъ грозные уроки,
И съ вдохновеннаго пера
Лить въ душу огненныя строки;
А ножка, что̀—et cetera“.
Читатель судитъ очень смѣло!
И былъ-бы правъ; но вотъ въ чемъ дѣло:
Вѣдь ножка ножкѣ не равна;
Есть ножки... (съ этимъ издавна
Согласны всѣ),—такія ножки,
Такія миленькія крошки,
Что видѣвъ ихъ нельзя забыть,

И ту, кого тѣ ножки носятъ,
Нельзя безумно не любить!
Да, точно есть!.. Но гдѣ-же? спросятъ.
У женщинъ-ангеловъ иль фей
Порой живущихъ средь людей;
Еще-же были въ Ортенау,
У Иды, дѣвы рейнскихъ водъ.
Ихъ память и теперь живетъ
Тамъ у народа, и по праву!
Я ножки Иды не видалъ,
Но видѣлъ слѣдъ ея, и что-же?
На силу взоръ я оторвалъ;
Какая ножка, Боже, Боже!
Безъ шутокъ, если-бы когда
Я овладѣлъ такою ножкой,
Какъ ножка этаго слѣда,
Я помѣшался-бы немножко;
Я-бъ просто глазъ не отводилъ
Отъ этой ножки; я-бъ любилъ
Ее ласкать, ее лелѣять,
Моимъ дыханьемъ согрѣвать
И въ изступленьи цѣловать
Пока въ глазахъ не потемнѣетъ!
Да, смѣйтесь! Но ужъ я таковъ;
Что дѣлать? И таковъ во многомъ!
Объ этомъ послѣ... я готовъ
Теперь про ножку старымъ слогомъ
Начать разсказъ: Тому давно—
Не правда-ль, общее начало
Всѣхъ сказокъ, сколько не бывало?
Но это впрочемъ всё равно,
Итакъ, начнемъ:

II.

Тому давно,
Въ высокомъ замкѣ, надъ долиной,
Гдѣ Рейнъ всѣ лучшія картины
Лѣсовъ и горъ и чудныхъ скалъ

Кругомъ заботливо собралъ,—
Жилъ рыцарь Вальтеръ. Онъ былъ молодъ
Душой и тѣломъ; жизни холодъ
Еще коснуться не успѣлъ
Его тлетворными устами;
Красивъ собой, богатъ и смѣлъ
И гордъ минувшими дѣлами
Своихъ отцовъ, онъ жилъ одинъ,
Себя и замка властелинъ.—
Но я забылъ сказать вамъ что-то?
Да! Про его отца и мать.
Отецъ его былъ рыцарь Отто,
Баронъ, любившій величать
Себя бичемъ страны окрестной;
Суровой, грозной и извѣстной
Далеко силою меча,
Которымъ онъ рубилъ съ плеча,
Творя свой судъ, свою управу
Надъ виноватымъ и надъ правымъ.
Лишь дикой прихоти своей
Во всемъ послушный съ юныхъ дней,
Надменный Отто надъ собою
Закона власть не признавалъ;
Сидѣлъ за крѣпкою стѣною,
Пилъ, вѣрилъ въ Бога, бушевалъ.
Когда-жъ прогулку удалую
Баронъ отъ скуки замышлялъ,
Друзей, вассаловъ онъ сзывалъ,
По суткамъ чашу круговую
Сперва носили средь гостей,
Потомъ садились на коней
Баронъ и гости, и стремиться
Готовы были всѣ туда,
Куда звала ихъ иль вражда,
Иль просто жажда порубиться,
Пожечь, пограбить, и порой
Тамъ поплатиться головой.—
Таковъ былъ Отто. Разъ дружину

Повелъ онъ совершить набѣгъ
Къ границамъ Франковъ; будто снѣгъ,
Онъ палъ на горную вершину,
Гдѣ въ древнемъ замкѣ жилъ баронъ,
Такой-же грозный, какъ и онъ.
Но счастье Отто увѣнчало:
Ужъ было всё разграблено,
Ужъ пламя жадно обнимало
Высокой замокъ... вдругъ окно
Въ одной изъ башенъ отворилось,
И тамъ, испугана, блѣдна,
Въ дыму,—какъ въ облакѣ луна,—
Предстала дѣва. Пробудилось
У Отто сердце; въ первый разъ
Оно узнало сожаленье,
И онъ сквозь огнь и разрушенье
Къ окну проникъ и дѣву спасъ.
Марія,—такъ ту дѣву звали,—
Была, какъ ангелъ хороша;
Тиха, добра; сквозь тѣнь печали,
Ея невинная душа
Такъ привлекательно блистала
Какъ лучь отрадный и живой
Вдругъ заблестѣвшій надъ землей,
Когда гроза лишь миновала.—
Суровый Отто былъ сраженъ
Такой нежданной, чудной силой;
И передъ плѣнницею милой
Сперва чело наморщилъ онъ,
Потомъ склонился головою,
Сталъ молчаливъ... такъ гордый левъ,
Сраженный смертною стрѣлою,
Вдругъ прекращаетъ дикой ревъ
И, гриву преклонивши долу,
Стоитъ, какъ будто удивленъ,
Что могъ и онъ быть побѣжденъ!
И скоро къ брачному престолу
Влюбленный по уши баронъ

Съ прекрасной плѣнницей явился,
И съ той поры онъ измѣнился:
Вдругъ, будто ангелъ тишины
Слетѣлъ на замокъ, гдѣ бывало
Царилъ духъ буйства и войны;
Съ тѣхъ поръ сосѣдство отдыхало
Отъ всѣхъ насилій, грабежей;
Баронъ повелъ жизнь семьянина,
И въ мирной праздности своей
Любилъ жену, лелѣялъ сына,
Былъ счастливъ;—впрочемъ не вполнѣ:
Скучалъ онъ часто; нравъ суровый
Не могъ сродниться съ жизнью новой:
О прежней жизни, о войнѣ,
Въ немъ пробуждались сожаленья,
И часто бралъ онъ мечь иль шлемъ
И по часамъ, угрюмъ и нѣмъ,
Стоялъ надъ ними въ размышленьи.—
Въ то время, въ Спиръ [1], святой Бернаръ
Пришелъ, чтобъ мощной силой слова,
Раздуть въ сердцахъ остывшій жаръ
Къ возстанью на врага Христова;
Онъ говорилъ: здѣсь слава ждетъ,
А тамъ небесная награда,
Того изъ смертныхъ, кто придетъ
Подъ знамя крестное Конрада!
И рыцари со всѣхъ сторонъ
Отозвалися на призванье;
Шумитъ крестовое возстанье,
Гремятъ оружья... Нашъ баронъ
Вдругъ встрепенулся! въ немъ взыграли
Воспоминанія войны,
Ни сынъ, ни жалобы жены
Его порыва не сдержали,
И крестный плащь баронъ облёкъ,
Созвалъ опять свою дружину,

[1] [Шпейеръ].

И, гордъ и радостенъ потёкъ
За новой славой въ Палестину.
Тамъ долго онъ дрался какъ левъ
Противъ враговъ святого храма,
И мечь его, какъ божій гнѣвъ,
Былъ страшенъ для сыновъ Ислама!
Но смерти часъ надъ нимъ пробилъ,
И Отто грозный, величавый,
Главу увѣнчанную славой
Въ поляхъ Иконіи сложилъ!—
Марія между тѣмъ молилась
И плакала, а Вальтеръ возрасталъ;
Но скоро вѣсть, что Отто палъ,
Какъ громъ надъ ними разразилась;
Марія предъ судьбой смирилась
И заперлася въ монастырь,
А Вальтеръ узрѣлъ жизни ширь
Въ осьмнадцать лѣтъ передъ собою
И предался ей всей душою.
Когда-жъ корону возпріялъ,
По смерть Конрада, Барбаруса,
Онъ вспомнилъ, какъ за Іисуса
Онъ вмѣстѣ съ Отто воевалъ,
И въ честь отца призвалъ онъ сына,
Колѣно Вальтеръ преклонилъ
И мечь и шпоры паладина
Изъ рукъ державныхъ получилъ.

III.

Простите! Я разпространился
Никакъ ужъ слишкомъ о родныхъ;
Но согласитесь, что безъ нихъ
На свѣтъ-бы Вальтеръ не родился,
И мы-бъ остались... увы!
Я безъ героя, вы безъ сказки!
Теперь за мной хотите-ль вы?
Я отъ начала до развязки

Прямымъ путемъ васъ поведу;
Признаться, на мою бѣду
И этотъ путь тяжелъ немножко,
Не отложить-ли? иль начать,
Благословясь, впередъ шагать?
Начну! авось удастся ножка!—
Итакъ, какъ я сказать успѣлъ,
Душою молодъ и лѣтами,
Красивъ собой, богатъ и смѣлъ
И гордъ отцовскими дѣлами,
Близъ Рейна Вальтеръ жилъ одинъ,
Себя и замка властелинъ.
Онъ жилъ какъ всѣ тогда живали:
Съ любовью къ жизни, безъ заботъ,
Не вопрошая мутной дали
О томъ, что было, что придетъ...
Скрывались быстро дни за днями.
Въ то время не было войны,
И Вальтеръ ратовалъ съ звѣрями
Лѣсовъ окрестной стороны;
Отъ меткихъ стрѣлъ его бывало
Ни вѣпрь, ни лань не ускользнётъ;
Онъ всё настигнетъ, всё возьметъ!
Когда-жъ ему надоѣдала
Охота, къ рыцарямъ на пиръ
Онъ ѣхалъ, или на турниръ,
И тамъ, средь дѣвъ лазурноокихъ,
Какъ тополь стройныхъ и высокихъ,
Онъ красовался, онъ плѣнялъ
И копья звонкія ломалъ.
Не разъ красавица иная,
Награду рыцарю вручая,
Въ него вперяла взоръ любви;
Но Вальтеръ хладенъ оставался,
Ни для одной въ его крови
Живой огонь не загорался.
Однако часто думалъ онъ:
Какой же рыцарь не влюбленъ?

Всѣ цвѣтъ любимой дѣвы носятъ
Иль имя милое ея
Въ веселыхъ пѣсняхъ превозносятъ;
А въ сердце праздное мое
Заглянешь—точно какъ въ пустыню;
Влюблюсь!—И вотъ бывало онъ
Средь дѣвъ найдетъ себѣ богиню,
И предоволенъ, что влюблёнъ!
Шлемъ обвивалъ любимымъ цвѣтомъ
Своей любезной, а съ разсвѣтомъ
Опять садился на коня
И предавался съ новой силой
Охотѣ, и къ закату дня
Позабывалъ о дѣвѣ милой.
Знать не встрѣчалъ еще онъ той,
Кого искалъ, кто-бъ какъ свѣтило
Предъ нимъ блеснуло и собой
Въ немъ сердце къ жизни пробудило!
Но близокъ былъ его разсвѣтъ.
Однажды, потерявши слѣдъ
Оленя, за которымъ тщетно
Гнался онъ, Вальтеръ незамѣтно
Подъѣхалъ къ Рейну. Какъ стекло,
Былъ тихъ и ясенъ Рейнъ широкой;
Горѣло солнце такъ свѣтло,
А небо было такъ глубоко;
Лѣсъ такъ задумчивъ... Въ первый разъ
Природа Вальтеру являла,
Что прежде отъ безпечныхъ глазъ,
Такъ незамѣтно ускользало;
Онъ счастливъ былъ не зная чѣмъ,
Хотѣлъ смѣяться, а межъ тѣмъ
Былъ вмѣстѣ грустенъ безъ причины.
Вдругъ, видитъ онъ, въ концѣ долины,—
Гдѣ Рейна синяя волна
Пріемлетъ ручеекъ игривой—
Сидитъ красавица; она,
Разувши ножку, шаловливо

Ее держала надъ струей,
Такъ близко, близко, что порой
Струя студеная взбѣгала
На ножку дѣвы, и тогда
Шалунья звонко хохотала,
Плескала ножкой и вода
Журча какъ будто отвѣчала
На ласки лаской.—Не берусь
Вамъ дѣлать дѣвы описанья,
Отъ безполезнаго старанья
Я въ тривіальность впасть боюсь;
Лишь ты, мое воображенье,
Объявши духъ, въ тиши ночной,
Лишь ты являешь предо мной
Порой подобныя видѣнья!
Но гдѣ-же силъ и слова взять,
Чтобъ тѣ видѣнья передать?
И ножку описать едва-ли
Удастся мнѣ; но если вы
Красавицу безъ головы—
Каллипію въ Неаполѣ видали,
То вы поймете, что за ножка
У дѣвы рейнскихъ водъ была:
Не то чтобъ черезъ чуръ мала,
Но такъ уютна, такъ мила,
Такъ дивно взгорблена немножко!..
А въ тонкихъ жилкахъ такъ легко,
Сквозь блѣдно-розовое тѣло,
Струилась кровь и голубѣла...
Но нѣтъ, я знаю, далеко
Всѣ описанья недостойны
Волшебной ножки дѣвы стройной,
И сознаюсь въ безсильи я!—
Но Вальтеръ былъ ужъ близъ ручья,
И за кустами притаяся,
Стоялъ безмолвный, чуть дыша,
Какъ будто вся его душа
Въ единый взоръ перелилася;

Онъ забывался, онъ не зналъ,
То дѣва или сонъ игривый
Предъ нимъ? Вдругъ конь нетерпеливый
Взрывать копытомъ землю сталъ;
Шалунья вскрикнула, хотѣла
Отдернуть ножку, покраснѣла,
И глазки въ землю опустя,
Какъ уличенное дитя,
Осталась въ томъ-же положеньи.
Съ минуту Вальтеръ побѣдить
Не могъ душевнаго волненья:
Онъ словъ искалъ чтобъ говорить,
И былъ безмолвенъ; сердце билось
Такъ сильно, сильно... наконецъ,
Съ тяжелымъ вздохомъ, какъ свинецъ
Отъ сердца бремя отвалилось:
Слова слилися съ языка,
И дѣва робко поглядѣла
На рыцаря, вновь покраснѣла,
И улыбаяся слегка,
Такъ дивно-сладко отвѣчала,
Какъ будто вдругъ отъ вѣтерка
Эола арфа прозвучала.
И долго длился разговоръ,
Слова казались безъ значенья,
Но часто вздохъ иль тайный взоръ
Иль чуть замѣтное движенье,
Тѣмъ незначительнымъ словамъ
Смыслъ столь глубокой придавали,
Что непонятно было-бъ намъ
То, что они въ нихъ понимали.
Межъ тѣмъ ужъ солнце за горой
Лучи прощальные скрывало;
Пора разстаться наставала,
И Вальтеръ дѣвѣ молодой,
Въ огнѣ томительномъ желанья,
Твердилъ: „Неправда-ль, до свиданья,
Здѣсь, у ручья!..“ Но тщетно онъ

Отвѣта ждалъ; она вспорхнула,
И молча, какъ волшебный сонъ,
Въ вечернемъ мракѣ утонула.—
Вперивши взоръ въ пустую даль,
Стоялъ онъ долго неподвижно,
То незнакомая печаль,
То свѣтъ какой-то непостижной
Вливались въ душу... Онъ внималъ,
Не принесется-ль вздохъ прощальный,
Звукъ голоска иль шорохъ дальной...
Но только лишь ручей журчалъ,
Да лѣсъ шумѣлъ, да Рейнъ широкой
Впивалъ въ объятья тотъ ручей
И съ нимъ какъ будто веселѣй
Стремился вмѣстѣ въ путь далекой.
Не такъ-ли-бъ обнялъ онъ *ее*?
Вдохнувъ въ себя всю душу милой,
Не такъ-ли-бъ съ ней онъ до могилы
Струилъ земное бытіе?....

IV.

Я на пути былъ разгруститься
Воспоминаньемъ дней былыхъ;
Душа болѣла, грустный стихъ
Ужъ былъ готовъ съ пера скатиться;
Но я скрѣпился; мой разсказъ
И такъ течетъ довольно вяло,
Да если-бъ грусть въ него попала,
Онъ просто усыпилъ-бы васъ.
И такъ, въ душѣ я запираю,
Что я любилъ, о чемъ мечтаю!
Ну, что-же Вальтеръ? Онъ влюблёнъ,
И въ этотъ разъ ужъ пресерьёзно,
И рано днемъ и ночью поздно,
У ручейка всё бродитъ онъ,
Зоветъ и ищетъ; но напрасно,
Всё тихо, пусто... нѣтъ прекрасной!

Однако часто ножки слѣдъ
Близъ ручейка онъ замѣчаетъ;
Такъ стало здѣсь она бываетъ,
И живъ еще надежды свѣтъ!
И Вальтеръ ждетъ, и до разсвѣта
Ужъ тамъ онъ; птичка-ль гдѣ взлетитъ
Иль вѣтерокъ прошелеститъ,
Онъ вздрогнетъ: не она-ли это?
Однажды онъ, тоской томясь,
Сидѣлъ, гдѣ съ нею такъ недавно
Онъ власть любви самодержавной
И жизнь извѣдалъ въ первой разъ;
Какъ и тогда, ручья журчанья
И лѣса шумъ и плескъ волны,
Такъ были нѣгою полны;
И въ немъ они воспоминанья
Сильнѣй будили, и тоска
Всё глубже въ душу проникала...
Вдругъ смолкнулъ ропотъ ручейка,
Вода какъ будто задремала,
И голосъ чудной надъ ручьемъ
Возникъ въ тиши, сперва не ясно,
Какъ издалéка; но потомъ
Слышнѣй, слышнѣй,—и пѣснью страстной
Вдругъ зазвучалъ! И всей душой
Внимаетъ Вальтеръ пѣсни той.

Пѣснь Ондины.

Мчатся волны за волной
Весело и звучно;
Но Ондинѣ лишь одной
Въ ихъ весельи скучно!

У Ондины дивный домъ
Въ глубинѣ прозрачной,
Всё горитъ, блеститъ кругомъ;

Но Ондинѣ стало въ немъ
Холодно и мрачно!

Говоръ волнъ въ вечерній часъ
Страстной нѣгой дышитъ,
Но Ондина каждый разъ
Лишь одно въ немъ слышитъ:

Бойся смертнаго любить,
Онъ тебя погубитъ!—
Пусть погубитъ, такъ и быть,
Хоть погибнуть да любить,
И Ондина любитъ!!

Умолкла; эхо повторило
Послѣднихъ словъ волшебный звукъ;
Обходитъ Вальтеръ всё вокругъ,
Онъ убѣжденъ, то голосъ милой,
Но гдѣ-жъ она? И тщетно онъ
Опять зоветъ и ищетъ всюду,
Всё пусто!—Горемъ удручёнъ
Онъ возвращался; вдругъ, о чудо!
На мѣстѣ томъ, гдѣ онъ внималъ
Такъ жадно дивному напѣву,
Сидитъ она! И передъ дѣвой
Онъ на колѣни съ страстью палъ,
И задыхаясь отъ волненья
Словами пламенными ей
Онъ высказалъ души своей
Любовь и радость и мученья!..
Какъ упоительно мила
Въ сей мигъ красавица была!
Улыбка грустная порхала
Едва замѣтно на устахъ;
Ея рука въ его рукахъ
И пламенѣла и дрожала,
А на лазурныя глаза
Покровъ набросила слеза.

Вальтеръ.

О, сжалься, сжалься надо мною!
Люби меня, моею будь,
Иль разорвется эта грудь
Невыносимою тоскою!

Дѣва.

Ты видишь, я тебя люблю,
И чувствъ моихъ я не скрываю;
Но я связать судьбу мою
Съ твоей судьбою не дерзаю.

Вальтеръ.

Какъ! Что-же можетъ разлучить
Два сердца жадныя любить?
И если-бъ даже ты другаго
Досель подругою была,—
Клянуся всѣмъ, что есть святаго,
Не для него ты разцвѣла!
Кто-бъ ни былъ онъ, какое дѣло!
Тебя я вырву, ты моя,
Твоей любовью силенъ я
И всѣ преграды встрѣчу смѣло!

Дѣва.

О другъ, преграда лишь одна;
Но устрашитъ тебя она.
Свободна я, но предъ тобою
Я тайну чудную открою:
Я не отъ смертныхъ рождена;
Отецъ мой Рейнъ, а мать волна.
Моей природой безконечной
Была горда я; жизнь моя
Текла игриво и безпечно
До той поры, пока тебя
Безумно я не полюбила;
Теперь-же Иду, дѣву водъ,

Ея безсмертіе гнетётъ
Какъ непріязненная сила!

Вальтеръ.

Ужель преградой можетъ быть
Твоя безсмертная природа,
И у души твоей—любить
Уже-ли отнята свобода?

Ида.

О, нѣтъ! вольна душа моя!
Но какъ сама безсмертна я,
Такъ нѣтъ любви моей предѣла.
Съ тѣхъ поръ какъ я тебя узрѣла,
Всё существо мое въ любовь
Преобразилося; но вновь,
Тебя любя я повторяю:
Я быть твоею не должна;
Моя любовь огня полна,
Она сожжетъ тебя; я знаю,
Чтобъ отвѣчать такой любви,
Нѣтъ силъ у смертнаго въ крови.

Вальтеръ.

Нѣтъ! Въ этотъ мигъ такъ много силы
Въ моей любви, что до могилы
Ее достанетъ! Жизнь моя
Мнѣ безъ тебя невыносима!
Ужели ты неумолима?
О, будь моею!

Ида.

Я твоя!—
Но знай, что сдѣлано съ тобою
Условье страшное судьбою:
Полна должна быть чистоты
Твоя любовь, и если ты
Измѣнишь ей хоть на мгновенье,
Судьбы свершится назначенье!

И съ глазъ твоихъ я навсегда
Сокроюся; мою лишь ногу
Ты будешь видить; но тогда,
Хотя-бъ раскаянья тревогу
Душой узналъ ты, смерть твоя
Уже ничѣмъ неотклонима!
А я... увы! Безсмертна я!
И страстью вѣчною томима,
Страданья вѣчнаго полна,
Я буду жить осуждена!

Вальтеръ.

О, я условья не страшуся!
Чиста какъ струйка ручейка,
Какъ сталь надежна и крѣпка
Моя любовь, и я клянуся—

Ида.

Не нужны клятвы!.. Я твоя!
До завтра, другъ!

Вальтеръ.

Одно лобзанье
Въ залогъ любви и обѣщанья.

Ида.

Люби и вѣрь какъ вѣрю я!

V.

Она изчезла. Вальтеръ снова
Волненьемъ чувствъ и думъ томимъ;
То сердце выскочить готово
Отъ восхищенья, то надъ нимъ
Недоумѣнье страхомъ вѣетъ...
Какъ! завтра,—вѣрить онъ не смѣетъ!—
Ее своей онъ назовётъ,
Свершатся страстныя желанья,

И въ долгомъ, пламянномъ лобзаньи
Онъ душу въ душу перельётъ!
Уже-ль такъ близко исполненье?
Уже-ли это всё не сонъ?
Какъ съ нею будетъ счастливъ онъ!
Но долго-ль? Вѣчно, безъ сомненья!
О, никогда, ни для кого
Онъ разлюбить ее не можетъ,
Условье страшное его
Ни на минуту не тревожитъ!
Нѣтъ, нѣтъ! Онъ любитъ въ этотъ разъ,
Приди-жъ скорѣй блаженства часъ!
Вкусить отъ благъ нетерпеливый,
Такъ думалъ Вальтеръ. Конь ретивой
Межъ тѣмъ примчалъ его домой;
Не узнаетъ онъ замокъ свой:
Тамъ всё волшебными руками
Роскошно убрано цвѣтами,
Весь замокъ будто обновлёнъ,
А на столѣ, находитъ онъ,
Стоятъ три вазы золотыя:
Въ одной каменья дорогія,
Другая золота полна,
А въ третью бросила она
Свое кольцо; и нѣтъ сомненья,
Сама здѣсь милая была,
Вотъ чудной ножки, близъ стола,
Осталось въ камнѣ впечатленье;
И Вальтеръ долго, въ восхищеньи,
Отвесть не можетъ никуда
Свой взоръ отъ чуднаго слѣда.
Настала ночь; ему не спится,
По заламъ бродитъ онъ какъ тѣнь
И ждетъ, когда желанный день
За темнымъ лѣсомъ загорится.
Но сномъ глубокимъ спитъ востокъ,
Царитъ на небѣ мѣсяцъ полный
Да звѣзды, а въ ночи безмолвной

Лишь съ лѣсомъ шепчетъ вѣтерокъ
Да однозвучно ропщутъ волны.—
Какъ медлитъ утро! Ночь одна
Длиннѣе кажется, чѣмъ годы!..
Но пробужденіе природы
Ужъ близко, близко.... вотъ луна
Почуя солнце побледнѣла
И гаснутъ звѣзды; въ далекѣ
Вдругъ птичка ранняя запѣла,
Рыбакъ проснулся на рѣкѣ,
Туманъ редѣетъ надъ долиной,
Яснѣе даль и горъ вершины,
Свежѣй, игривѣй вѣтерокъ;
Овладѣвая небесами,
Ярчей, ярчей горитъ востокъ...
Вдругъ солнце брызнуло лучами,
Бѣжитъ испуганная тѣнь,
И воцарился божій день!
И Вальтеръ съ трепетомъ встрѣчаетъ
Блаженства вѣстника въ лучахъ;
Душой сильнѣй овладѣваетъ
И нетерпеніе и страхъ;
Сперлось въ груди его дыханье,
Взоръ неподвижно въ даль вперёнъ;
Онъ ждётъ... и въ этомъ ожиданьи
Какъ вмѣстѣ и страдаетъ онъ
И какъ блаженствуетъ въ страданьи!
Вдругъ, будто въ глубинѣ земли
Онъ звукъ какой-то чудной слышетъ,
Еще мгновенье... вотъ въ дали
Мелькнуло что-то... онъ чуть дышетъ!
И наконецъ, идетъ она,
Толпою нимфъ окружена,
Какъ утро лѣтнее прекрасна,
Какъ сновидѣніе легка,
Свѣжа какъ запахъ отъ цвѣтка,
Мила какъ ангелъ! Вальтеръ страстный
Ужъ близь нее; его рука

Ужъ ручьку милую сжимаетъ;
Ведетъ онъ дѣву красоты,
Вездѣ роскошные цвѣты
Подъ ихъ стопами разцвѣтаютъ;
Музыки тихой воздухъ полнъ,
И вѣтерокъ и лѣсъ окрестной
И въ далекѣ хоръ рейнскихъ волнъ
Звучатъ гармоніей чудесной,
А нимфъ воздушныхъ свѣтлой рой
Имъ вторитъ пѣсней неземной!—
Вотъ въ замокъ, полные волненья
Счастливцы юные взошли...
Тамъ ждетъ ихъ море наслажденья,
Восторги неба и земли!..
Но я за ними не вступаю;
Какъ скромный авторъ, въ этотъ мигъ
Я на блаженство молодыхъ
Завѣсу тайны опускаю!—

Часть вторая.

I.

Свершилось! Вальтеръ мой женатъ!
Признаться вамъ, я очень радъ;
И вы читатель, ради тоже
Тому, что слишкомъ пол-пути
Кой-какъ успѣли мы пройдти?—
Любимъ и любитъ! Боже, Боже!
Какъ много смысла въ глубинѣ
Двухъ словъ слилося! Кто тревожно
Не повторялъ ихъ хоть во снѣ?
Любимъ и любитъ! Что-же можно
Сказать еще, чтобъ описать
Счастливца Вальтера блаженство?
Казалось, въ Идѣ сочетать
Хотѣлъ Творецъ всѣ совершенства;
И сочетавъ, онъ пополнялъ,

Не налюбуяся твореньемъ,
День каждый новымъ украшеньемъ
Своей дѣсницы идеалъ!
День каждый Ида хорошѣла
Непостижимо! Съ каждымъ днёмъ
Любовь сильнѣй въ ней пламянѣла
И въ душу Вальтера огнемъ
Вливалась; ей казалось мало
Всей жизни, вѣчности самой,
Чтобъ утолить душевный зной!—
Но Ида правду предсказала:
Чтобъ отвѣчать такой любви,
Нѣтъ силъ у смертнаго въ крови!
Въ избыткѣ счастья, Вальтеръ скоро
Въ порывахъ первыхъ истощилъ
Запасъ своихъ душевныхъ силъ;
Блеснувъ какъ пламя метеора
Погасла страсть его, и онъ
Былъ ею будто утомлёнъ.
Извѣдавъ въ жизни, что бывало
Такъ жадно онъ въ мечтахъ ловилъ,
Онъ съ счастьемъ свыкся; онъ любилъ,
Но какъ-то холодно и вяло;
И гдѣ же взять, что не далъ Богъ?
Любить сильнѣе онъ не могъ!
Искалъ онъ всюду развлеченій;
Но кто любилъ, кто былъ любимъ,
Тотъ средь минутныхъ наслажденій
Тоской невольною томимъ,
Тотъ по неволѣ въ сердцѣ носитъ
Остатокъ памяти того,
Что потерялъ онъ, и чего
Душа опять невольно проситъ!
И часто онъ рвался домой
Отъ звонкихъ чашъ, веселыхъ пѣсенъ;
Тамъ воскресалъ на мигъ душой,
И вновь ему казался тѣсенъ
Семѣйный міръ; и онъ друзей

Сзывалъ, иль снова предавался
Охотѣ, иль на стукъ мечей
Нетерпеливо устремлялся;
А чаще, просто всѣмъ скучалъ,
Чего онъ прежде не знавалъ!
Но Ида сильно такъ любила,
Что никогда и ничего
Поколебать не въ силахъ было
Ея увѣренность въ него;
Порою душу ей сжигала
Нераздѣленная любовь;
Но онъ являлся къ ней, и вновь
Она страданья забывала,
Была счастлива, весела,
Такъ восхитительно мила,
И такъ нѣжна, такъ простодушна,
Что надо было камнемъ быть,
Чтобъ оставаться равнодушнымъ
И Иду страстно не любить!—
Такъ годъ прошелъ.—

II.

Война, война!
Лотрингской герцогъ знамена
Противу Франціи подъемлетъ!
Но между тѣмъ и франкъ не дремлетъ
И двинулъ грозные полки
На смерть иль славу и побѣду.—
Отъ береговъ родной рѣки,
На помощь герцогу-сосѣду,
Толпами рыцари спѣшатъ;
Къ оружью Рейнъ! Вездѣ блестятъ
Мечи и шлемы.—Жаждой славы
Мгновенно Вальтеръ пробужденъ
И промѣнять стремится онъ
Свой тихій міръ на пиръ кровавый.
Однако, Вальтеру въ тотъ часъ,

Когда она въ послѣдній разъ
Безъ словъ на грудь его склонилась,
И изъ очей ея на сталь
Слеза горячая скатилась,—
Вдругъ стало грустно, стало жаль
Ее и мирную долину;
Но грусть онъ скоро поборолъ
И къ бою весело повелъ
Свою отборную дружину.—
Проходятъ дни; уже война
Давно свой свѣточь потрясаетъ,
То та, то эта сторона
То гнется, то одолеваетъ...
Еще колеблется судьба:
Кому побѣда? Но борьба
Враговъ обоихъ утомила,
И вотъ они, собравъ всѣ силы,
Въ послѣдній разъ на бой идутъ,
Чтобъ споръ рѣшилъ оружья судъ.
Сошлись; обоихъ оживляетъ
Желанье славы; бой кипитъ...
Но франкъ сильнѣе наступаетъ,
Лотринги дрогнули... о, стыдъ!
Они бѣгутъ! и бѣглецами
Покинутъ герцогъ средь враговъ;
Ужъ мечь сразить его готовъ...
Вдругъ Вальтеръ грянулъ надъ врагами,
Добычу вырвалъ, и опять
Возстановилъ онъ бой кровавый;
Напрасно хочетъ поле славы
Франкъ удивленный удержать:
Онъ опрокинутъ, онъ спасенье
Лишь въ бѣгствѣ ищетъ; но за нимъ,
Какъ божій гнѣвъ неотразимъ,
Стремится Вальтеръ. Франкъ въ смятеньи
Смирился. Всюду побѣжденъ
Иль смерть иль плѣнъ пріемлетъ онъ!

III.

Умолкнулъ грозный стукъ мечей!
Лотрингской герцогъ торжествуетъ
И шумно, весело пируетъ
Среди вассаловъ и друзей.
Но что съ виновникомъ побѣды,
Что стало съ Вальтеромъ? Угрюмъ,
Средь пиршества, въ шуму бесѣды,
Онъ погрузился въ море думъ.
Иль жаль войны ему? Иль мало
Пожалъ онъ лавровъ? Иль опять
Объ Идѣ сталъ онъ тосковать?
Иль страсть въ немъ новая взыграла?
Какъ тайну сердца разгадать!—

IV.

Прекрасны звѣзды, глазки ночи!
Ихъ свѣтъ отраду въ душу льетъ,
Имъ не нарадуются очи...
Но солнце пышное взойдетъ,
И звѣзды гаснутъ! Такъ бывало,
Предъ Адельгейдой погасала
Краса всѣхъ дѣвъ.—Подъ старость дней,
Не даромъ дочерью своей
Былъ счастливъ герцогъ; величава,
Горда, блистательна, она
Была казалось создана
Владѣть сердечною державой.
И тщетно Вальтеръ защитить
Хотѣлъ себя отъ этой власти;
Взоръ Адельгейды молньей страсти
Успѣлъ въ немъ душу обхватить.
Вотъ что съ виновникомъ побѣды,
Вотъ отъ чего онъ сталъ угрюмъ
И погрузился въ море думъ
Средь пиршества, въ шуму бесѣды!

Но онъ счастливецъ, онъ любимъ!
Самъ герцогъ дружбы съ нимъ желаетъ
И поручительствомъ святымъ
Въ супруги дочь онъ предлагаетъ.
Ужъ Вальтеръ броситься готовъ
Къ ногамъ отца, въ объятья милой;
Но онъ удержанъ чудной силой:
Онъ вспомнилъ Иду; и безъ словъ
Стоитъ недвиженъ! Какъ возможно,
Какъ близко счастье! Но оно
Ему судьбой запрещено;
Онъ это знаетъ; и тревожно
Разсказъ онъ наконецъ ведётъ,
О томъ, какъ встрѣтилъ дѣву водъ,
Какъ былъ прельщенъ ея красою
И какъ условьемъ роковымъ
Она на вѣкъ владѣетъ имъ.—
Качаетъ герцогъ головою;
Клянется старый капеланъ,
Что это демонской обманъ,
Духовъ нечистыхъ навожденье,
Что рыцарь съ адомъ всѣ сношенья
Прервать обязанъ, или онъ
Отъ церкви будетъ отлучёнъ;
Что душу онъ съ Ондиной губитъ...
Старикъ! Ужель не знаешь ты,
Что двѣри ада заперты
Святой любви? А Ида любитъ!
Кто-жъ сильно любитъ, тотъ ужъ святъ!
Съ любовью раемъ былъ-бы адъ!
Но сердце скоро довѣряетъ
Тому, что страсти въ немъ ласкаетъ;
И Вальтеръ вѣритъ, что онъ былъ
Досель подъ властью адскихъ силъ;
Его условье не тревожитъ;
Онъ вѣритъ, что святой водой
Иль знакомъ капеланъ сѣдой
Очарованье уничтожитъ,

И что вполнѣ свободенъ онъ
Предаться сердцемъ новымъ узамъ;
Онъ Адельгейдой ослѣпленъ,
Онъ гордъ блистательнымъ союзомъ,
И въ этотъ мигъ, безъ дальнихъ словъ,
Всему-бы вѣрить онъ готовъ!—

V.

Опять мой вѣтреникъ доволенъ,
Опять онъ нетерпеньемъ болѣнъ!
И вновь любимъ и вновь влюблёнъ
За пышный столъ садится онъ
Близъ Адельгейды.—Закипаетъ
Веселый пиръ; среди гостей
Заздравный кубокъ начинаетъ
Ходить и чаще и полнѣй...
И вотъ, при звукахъ восклицаній
Невѣстѣ радостный женихъ
Даетъ обычное лобзанье;
Уста слилися!.. Дивный мигъ!..
Но Вальтеръ вздрогнулъ... надъ собою
Вдругъ услыхалъ онъ чей-то вздохъ,
Вздохъ переполненный тоскою
И страшно-тяжкій! Онъ не могъ
Лобзанья кончить; грудь стѣснилась...
Онъ смотритъ... Боже! близъ него
Малютка ножка очутилась!

Голосъ Иды.

Ахъ, Вальтеръ! Сердца своего
Ты не сберегъ отъ искушенья!
За чѣмъ любви ты измѣнилъ
И душу Иды осудилъ
На безконечное мученье?
Ахъ, Вальтеръ, Вальтеръ! Ты вѣдь зналъ,
Что ты съ любовью жизнь теряешь!

Герцогъ.

Что ты задумчивъ рыцарь сталъ?

Вальтеръ.

Вина! Я веселъ!

Голосъ Иды.

Ты страдаешъ,
И тщетно хочешь заглушить
Виномъ души своей роптанья!
О, если бъ я могла купить
Цѣною моею страданья
Тебѣ блаженство! Но оно,
О другъ, тому не суждено
Въ комъ не живетъ душа любовью!

Герцогъ.

Ты блѣденъ, рыцарь?

Вальтеръ.

Ничего.
Вина, вина!

Голосъ Иды.

За чѣмъ условью
Ты не повѣрилъ? Для чего
Ты предался неосторожно
Минутной страсти? Помнишъ ты
Ручей и клятвы и мечты...
Вѣдь счастье было такъ возможно!
За чѣмъ ты Вальтеръ не любилъ?
Ахъ, Вальтеръ, Вальтеръ! Ты забылъ
Мою любовь, мои лобзанья...
Но грозной часъ уже пробилъ!
Ахъ, Вальтеръ! Тяжко разставанье!
Прощай на вѣки милой мой!

Адельгейда.

Ты страшенъ Вальтеръ! что съ тобой?

Вальтеръ.

Мнѣ душно, душно!

VI.

Онъ стремится,
Онъ быстро на коня садится,
И конь несетъ его стрѣлой
Во слѣдъ за ножкой дорогой.
Она бѣжитъ; онъ умоляетъ
Ее свой бѣгъ остановить,
Онъ Идѣ клятвы разточаетъ
До гроба лишь ее любить...
Но тщетно! Голосокъ Ондины
Ему въ отвѣтъ ужъ не звучитъ,
А ножка всё бѣжитъ, бѣжитъ
Чрезъ горы, пропасти, стремнины,
Гдѣ не бывало никогда
Доселѣ конскаго слѣда.
Ретивой конь преградъ не знаетъ;
Какъ будто дивно окрилёнъ,
За ножкой всюду мчится онъ!
Ужъ ночь; печально завываетъ
Въ ущельяхъ вѣтеръ; облака
Теснятся мрачными грядами
И тьма такъ стала глубока,
Что всё слилось въ ней предъ очами,
Лишь ножка чудная одна
Во тьмѣ какъ звѣздочка видна!
Вдругъ тучи молньей озарились,
Громъ страшно грянулъ и въ горахъ
Его разкаты повторились...
Взревѣла буря! На скалахъ
Орлы въ испугѣ пробудились
И съ крикомъ ихъ въ глуши лѣсной
Слился звѣрей унылой вой!
Природа вся негодованья
Казалась Вальтеру полна;
Какъ будто, отъ него она
Пришла столь грозно въ содроганье...
И Вальтеръ Иду молитъ вновь

Остановится на мгновенье,
Простить ему его забвенье
И вспомнить прежнюю любовь...
Но тщетно! Голосокъ Ондины
Молчанье мрачное хранитъ,
А ножка всё бѣжитъ, бѣжитъ
Чрезъ горы, пропасти, стремнины...
Не отставая, конь стрѣлой
За ножкой мчится! Вдругъ, онъ чуетъ,
Внизу рѣка реветъ, бушуетъ...
И въ изумленьи надъ рѣкой
Остановился конь ретивой;
Онъ упирается, храпитъ...
Не внемлетъ Вальтеръ, позабытъ
Имъ страхъ; въ коня нетерпеливо
Онъ шпоры острыя вонзилъ,
И конь собравъ остатокъ силъ
Съ утеса прянулъ. Дико взвыла,
Разверзшись, жадная рѣка,
И въ мигъ коня и сѣдока
Въ своей утробѣ схоронила!

VII.

Высокой замокъ, надъ долиной,
Гдѣ Рейнъ вокругъ себя собралъ
Природы лучшія картины,
Съ тѣхъ поръ забытъ и обветшалъ.
Гордясь своей минувшей славой,
Прекрасны, мрачны, величавы,
Его развалины стоятъ.
Еще донынѣ, говорятъ,
Когда на небо мѣсяцъ всходитъ,
Тамъ ножка маленькая бродитъ,
И тяжкій вздохъ въ тиши ночной
Вдругъ раздается тамъ порой
И грусть на путника наводитъ.
Я ножки чудной не видалъ,

Но видѣлъ слѣдъ ея, и что-же?
На силу взоръ я оторвалъ,
Какая ножка, Боже, Боже!
Безъ шутокъ, если-бы когда
Я овладѣлъ такою ножкой
Какъ ножка этаго слѣда,
Я помѣшался-бы немножко;
Я-бъ просто глазъ не отводилъ
Отъ этой ножки; я-бъ любилъ
Ее ласкать, ее лелѣять,
Моимъ дыханьемъ согрѣвать,
И въ изступленьи цаловать
Пока въ глазахъ не потемнѣетъ.

Ганау. 16-е Фев. 1843 г.

VI.

„Изъ литературныхъ воспоминаній“

Н. М. Сатина.

Печатается съ подлинной рукописи; заглавіе находится въ самомъ подлинникѣ. Какъ показываетъ ссылка (въ первыхъ строкахъ), отрывокъ писанъ осенью 1865 года: упоминаемая здѣсь статья М. И. Семевскаго появилась во второй августовской книжкѣ „Отеч. Записокъ“ за 1865 годъ.—Другой отрывокъ „Воспоминаній“ Н. М. Сатина былъ напечатанъ въ „Починѣ“ на 1895 годъ.

Въ послѣднемъ № Отечественныхъ Записокъ помѣщены библіографическія замѣтки Г-на М. И. С., въ которыхъ авторъ вспоминаетъ о Владимірѣ Игнатьевичѣ Соколовскомъ, авторѣ *Міорозданія*, *Хевери*, *Альмы* и нѣсколькихъ другихъ поэмъ и многихъ стихотвореній, и вмѣстѣ сожалѣетъ, что рѣдко случается встрѣчать въ журналахъ матеріалы для біографіи такихъ литературныхъ дѣятелей, какъ былъ напримѣръ въ свое время Соколовскій. Мы вполнѣ раздѣляемъ это сожалѣніе и готовы съ своей стороны пополнить и отчасти исправить тѣ свѣдѣнія, которыя доставляетъ авторъ замѣтки.

Скажемъ прежде всего, что авторъ ошибается, говоря, что Соколовскій вышелъ изъ Москов. Университета въ 1831 или 1833 году. Я познакомился съ Соколовскимъ въ началѣ 1832 года; тогда уже онъ имѣлъ подъ тридцать лѣтъ и былъ чиновникомъ въ отставкѣ. Прежде этого онъ служилъ гдѣ-то въ Сибири, при родственникѣ

своемъ Степановѣ. Да едва-ли онъ и былъ когда-нибудь въ Моск. Университетѣ! По крайней мѣрѣ, въ мое продолжительное и тѣсное знакомство съ нимъ, мнѣ ни разу не случалось слышать отъ него ни малѣйшаго воспоминанія о его студенческой жизни, а это было бы весьма естественно, потому что я былъ тогда самъ студентомъ Москов. Университета. Вообще, образованіе Соколовскаго вовсе не пахло Университетомъ; онъ былъ веселымъ, добрымъ товарищемъ, но образованіе получилъ самое поверхностное и не зналъ даже ни одного иностраннаго языка.

Замѣтимъ также, что годъ смерти Соколовскаго обозначенъ авторомъ также ошибочно. Не беремся опредѣлить съ точностію этого года, но во всякомъ случаѣ, онъ умеръ не въ 1837 году, а позднѣе. Весь 37-й и большую половину 38-го года я самъ прожилъ частію въ Пятигорскѣ, частію въ Ставрополѣ, и въ такомъ недальнемъ разстояніи и немноголюдной мѣстности, конечно зналъ-бы, что тутъ умираетъ старый товарищъ.

Теперь обратимся къ моему знакомству съ Соколовскимъ.

Зимою 1832 года въ одномъ знакомомъ домѣ, я увидалъ небольшаго, толстенькаго господина, съ некрасивымъ, но умнымъ лицемъ. Онъ держалъ книгу въ красномъ переплетѣ и показывалъ обществу картинки, при чемъ безъ умолку разказывалъ анекдоты и хохоталъ. Вглядываясь пристальнѣе, я замѣтилъ, что онъ сильно пьянъ. Я спросилъ, кто это? и узналъ, что это Соколовскій, авторъ *Міроздданія*. Поэма эта пользовалась тогда большою извѣстностію, хотя и не совсѣмъ заслуженною. Это меня заинтересовало и я познакомился съ Соколовскимъ. Но видя, что онъ пьянѣетъ болѣе и болѣе и дѣлаетъ болѣе и болѣе глупостей, я уговорилъ его ѣхать со мною въ другое мѣсто. Обманомъ привезъ я его къ себѣ на квартиру и послѣ нѣкоторыхъ усилій, уложилъ спать. На другой день Соколовскій, просыпаясь, былъ очень удивленъ, что былъ на чужой, незнакомой ему квартирѣ; но, опомнявшись, былъ мнѣ очень благодаренъ и отъ души смѣялся нашему странному знакомству. Съ тѣхъ поръ мы были съ нимъ пріятелями, не смотря на разность лѣтъ: ему, какъ я сказалъ, было уже подъ 30, а мнѣ едва 18.

Въ то время у насъ былъ маленькій кружокъ, въ которомъ почти всѣ болѣе или менѣе занимались литературой, и мы иногда собирались, то у того, то у другого, чтобы прочесть наши юношескіе опыты и поболтать. На другой день моего знакомства съ Соколов-

скимъ было назначено собраться у меня, и я предложилъ Соколовскому познакомить его съ моими пріятелями и прочесть намъ что нибудь изъ своихъ стихотвореній. Къ счастію, онъ пріѣхалъ трезвый; потому-ли что совѣстился для перваго знакомства, или потому что было утро,—не знаю; но въ послѣдствіи это случалось съ нимъ очень рѣдко. Онъ привезъ съ собою полный портфѣль стиховъ и перечиталъ бы всё, если бы не подали завтракать и Соколовскій нализался до того, что уже читать болѣе не могъ.

Мы не станемъ входить въ оцѣнку поэтическаго таланта Соколовскаго; онъ извѣстенъ читающей публикѣ и оцѣненъ современной критикой. Скажемъ только, что Соколовскій писалъ стихи неимовѣрно легко и неимовѣрно много, особенно если принять въ соображеніе кратковремянность его литературной дѣятельности и его несчастный порокъ, не покидавшій его до конца жизни. Кромѣ напечатанныхъ, много стиховъ осталось не напечатанными, а еще болѣе разбросано въ его письмахъ къ разнымъ лицамъ и въ его экспромтахъ, написанныхъ на клочкахъ бумаги во время веселой и шумной бесѣды. Я никогда не видалъ письма Соколовскаго, не изпестреннаго на половину или болѣе гладкими и звучными стихами (не говорю о мысли,—это другой вопросъ!). Я самъ имѣлъ до 20 писемъ отъ Соколовскаго, наполненныхъ стихами всевозможныхъ размѣровъ и, надо правду сказать, всевозможнаго пустословія, но всё-таки очень забавныхъ и интересныхъ. Письмо къ Г. Криницину напомнило мнѣ объ нихъ; вотъ настоящій образецъ всѣхъ писемъ Соколовскаго! Видно и въ 1837 году, т.-е. почти до самой смерти, онъ не оставилъ своей прежней привычки. Любопытно бы было собрать его письма! Къ сожаленію письма его ко мнѣ всѣ погибли въ катастрофѣ 1834 года! Бумаги мои были взяты и письма Соколовскаго погибли съ ними. Почему? Не понимаю! Политическаго въ нихъ рѣшительно ни чего не было, да и не могло быть, потому что Соколовскій былъ далеко не политическій человѣкъ, а попался въ Шлисельбургъ единственно изъ за того, что подъ пьяную руку и по предложенію одного изъ пріятелей, написалъ пародію на патріотическій гимнъ! Я убѣжденъ, что письма Соколовскаго ко мнѣ не преданы сожженію, и искренно буду благодаренъ тому, кто, владѣя ими, хотя бы по наслѣдству, возвратитъ мнѣ ихъ. Послѣ 33 лѣтъ память мнѣ не многое сохранила изъ этой поэтической болтовни; однако я постараюсь припомнить хоть нѣсколько отрывковъ. Такъ въ одномъ

письмѣ къ нему въ деревню, я писалъ, что пора бы перестать пить и заняться дѣломъ! Онъ отвѣчаетъ мнѣ стихами, что пьетъ меньше и пишетъ романъ, но что иногда одолѣваетъ его тоска, и онъ не знаетъ, что съ нею дѣлать, а роптать не смѣетъ...

Вѣдь сказано-жъ въ пророчествѣ,
Что грѣхъ большой роптать!
Что-жъ дѣлать въ одиночествѣ?
. . . . . .
Сгруснешь въ тяжелой думочкѣ,
Помолишься Творцу,—
И снова лѣзишь къ рюмочькѣ,
И снова къ огурцу!
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
А прелесть пробужденія?
Ахъ, Господи прости!
Тошноты и круженія
Почти нельзя снести:
Всё склѣено, всё связано,
И что-то на языкъ
Прегадкое намазано...
А всё злодѣй травникъ!

Въ другомъ письмѣ, воспоминая объ одномъ обще-знакомомъ домѣ, онъ восклицаетъ:

А тетушка съ пунцовой шалью?
А чай въ прикуску по утрамъ?
И какъ всегда тамъ рады вамъ,
Какъ провожаютъ васъ съ печалью!

Конечно, это только маленькіе отрывки не дающіе должнаго понятія о цѣльномъ; но и тутъ видно непринужденность и бойкость стиха. Повторяю, я не знавалъ человѣка, который бы болѣе Соколовскаго сроднился съ ритмомъ и съ риѳмою.

Въ письмѣ къ Г. Криницину я нашелъ четверостишіе, которое

живо мнѣ напомнило страсть Соколовскаго риѳмовать на словахъ, имѣющихъ одинаковый складъ, но различныя ударенія:

. . . . . .

Напрягъ, какъ напрягаютъ лу́ки,—
И рвусь въ Великія-Луки,
И жадно простираю ру́ки
Къ пожатію твоей руки.

Такъ въ одномъ изъ писемъ ко мнѣ, разказывая, что онъ влюбился въ крестьянскую дѣвушку, носящую не поэтическое имя Лукерьи, онъ между прочимъ говоритъ:

Конечно весело въ пріятельскомъ кружку̀
Лобзать наполненную кружку,
Но веселѣй, повѣрь мнѣ, на лужку̀
Лобзать хорошенькую Лушку!

Лѣтомъ Соколовскій уѣхалъ въ деревню къ своему родственнику Степанову, и оттуда-то имянно онъ писалъ ко мнѣ свою милую, риѳмованную болтовню. Тамъ онъ писалъ свой единственный прозаическій романъ *„Одна и двѣ, или Любовь поэта“*. Это было чисто комерческое дѣло: Соколовскій не имѣлъ никакого состоянія и жилъ только своими литературными трудами, и передъ отъѣздомъ въ деревню одинъ изъ книгопродавцевъ (кажется Глазуновъ), пользуясь его свѣжей поэтической репутаціей, заказалъ ему романъ въ четырехъ частяхъ за тысячу р. ассигнаціями. Я это зналъ, и говорилъ Соколовскому, что онъ не за свое дѣло берется; онъ соглашался но нужда въ деньгахъ превозмогла совѣстливость, и онъ согласился на предложеніе книгопродавца, взявъ съ него задатка съ сотню рублей, необходимыхъ для расплаты съ долгами и проѣзда до деревни. Онъ присылалъ мнѣ рукопись романа, томъ за томомъ, давая мнѣ полное право исправлять его и потомъ отдавать въ цензуру. Я исполнялъ акуратно второе порученіе, но отнюдь не брался за первое, и писалъ къ Соколовскому откровенно, что романъ его плохъ, а герой романа лишенъ всякаго характера. На это Соколовскій отвѣчалъ мнѣ, что онъ самъ знаетъ, что романъ плохъ, но что деньги нужны. Въ оправданье-же безхарактерности героя, онъ прислалъ мнѣ къ 1-му тому *„Предисловіе“*, въ которомъ довольно остроумно доказывалъ, что безхарактерность его героя имянно и составляетъ ха-

рактеръ его. Въ кратцѣ содержаніе романа было слѣдующее: молодой человѣкъ, поэтъ, влюбленъ въ дѣвушку, съ которой онъ непреодолимыми обстоятельствами разлученъ; онъ клянется остаться вѣрнымъ своей первой любви; но въ послѣдствіи влюбляется и женится на другой дѣвушкѣ, очень похожей физически и нравственно на первую, и утѣшаетъ себя мыслію, что онъ остался вѣренъ своей клятвѣ, ибо во второй онъ любитъ только первую. — Романъ этотъ имѣлъ очень мало успѣха, и едва-ли въ настоящее время не составляетъ библіографической рѣдкости.

Когда романъ былъ готовъ и послѣдняя часть проценсорована, я увѣдомилъ Соколовскаго, чтобы онъ пріѣзжалъ получить деньги. Это было въ концѣ 1833 года. Я жилъ тогда, въ Старой Конюшенной, въ домѣ Мерлина, больной, почти безъ движенія отъ сильныхъ ревматическихъ болей въ ногахъ.

Однажды вечеромъ, нѣкоторые товарищи собрались ко мнѣ пить чай; вдругъ является Соколовскій, совершенно измерзшій съ дороги.

„Не хочешь-ли, чтобы отогрѣться, чаю съ ромомъ?“—спросилъ я его послѣ первыхъ привѣтствій.

— Нѣтъ, братъ! Я нынче не пью чай съ ромомъ!—отвѣчалъ онъ съ своимъ добродушнымъ смѣхомъ.

„Можетъ ли это быть?“

— Да! Я нынче пью ромъ съ чаемъ! Вели-ка мнѣ дать стаканъ рому и пусть Козьма (мой камердинеръ), если желаетъ, подольетъ туда ложечки двѣ, три чаю!

Такъ и исполнилось, и разумѣется Соколовскій, послѣ разныхъ забавныхъ разказовъ и анекдотовъ, легъ спать совершенно пьяный.

Первые дни прошли благополучно. Соколовскій остановился у меня, съ тѣмъ, чтобы по полученіи денегъ нанять квартиру и завестись своимъ хозяйствомъ. Дѣйствительно, на другой или третій день, онъ получилъ деньги и купилъ самоваръ и разную посуду, необходимую для небольшого холостого хозяйства. Но тѣмъ дѣло и ограничилось; на остальныя деньги Соколовскій началъ кутить. Почти всякую ночь, а иногда и утромъ, онъ возвращался домой пьяный, будилъ меня и разказывалъ свои похожденія. Въ одну изъ такихъ ночей, онъ привезъ ко мнѣ Полежаева; я встрепенулся при этомъ имяни, столь дорогомъ для тогдашнихъ студентовъ; но увы! Полежаевъ былъ еще пьянѣе, чѣмъ Соколовскій! Они выпили по нѣскольку рюмокъ водки и уѣхали опять. Это единственный разъ, когда я ви-

дѣлъ Полежаева, этого замѣчательнаго, но во всѣхъ отношеніяхъ несчастнаго молодого человѣка!

Такое сожитіе съ Соколовскимъ сдѣлалось наконецъ невыносимымъ для меня, больного, неподвижнаго. Я высказалъ это Соколовскому откровенно, и онъ такъ же откровенно объявилъ мнѣ, что уже не имѣетъ достаточно денегъ, чтобы нанять свою квартиру и не имѣетъ достаточно твердости, чтобы перемѣнить образъ жизни своей.—За квартиру мою было заплачено за нѣсколько мѣсяцевъ впередъ; я рѣшился оставить ее Соколовскому, а самъ воспользовался предложеніемъ Огарева и переѣхалъ къ нему, на Пресненскія пруды, въ домъ княженъ Несвицкихъ, гдѣ должна была кончиться для насъ наша юношеская жизнь и начаться другая, болѣе тяжелая.

Соколовскій нѣсколько обидился тѣмъ, что я бѣжалъ отъ него; однако продолжалъ бывать у насъ и кажется велъ жизнь болѣе трезвую, вѣроятно потому, что финансы истощились и нужно было снова трудиться для поправленія ихъ.

Скоро онъ уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ ему обѣщали какое-то казенное мѣсто.

Послѣ этого я видѣлъ его только одинъ разъ, а имянно въ Апрѣлѣ 1835 года, въ Слѣдственной Коммисіи, гдѣ, послѣ девятимѣсячнаго заключенія, собрали всѣхъ насъ для произнесенія сентенцій. Соколовскій былъ необычайно веселъ и развеселилъ насъ всѣхъ своимъ нескончаемымъ юморомъ и своею смѣшною фигурой, надъ которой онъ смѣялся первый. Дѣйствительно онъ такъ похудѣлъ, что запахивалъ полы своего сюртука, какъ халатъ. Тутъ обнялись и поцаловались мы въ послѣдній разъ; онъ отправился въ Шлисельбургъ, я—въ Симбирскъ.

Говоря о Соколовскомъ, нельзя не вспомнить о другой литературной звѣздочкѣ второй величины, мелькнувшей и угасшей почти въ одно время съ Соколовскимъ; это Константинъ Бахтуринъ.

Въ 1832 году Вадимъ Пассекъ (еще интересная личность, о которой поговоримъ въ послѣдствіи) ввелъ въ нашъ кружекъ молодого уланскаго офицера—Бахтурина; онъ былъ рекомендованъ ему изъ Харькова, какъ замѣчательный поэтъ. Разумѣется, мы приняли его со всею юношескою теплотою. Сперва Бахтуринъ былъ между нами

скромнымъ молодымъ человѣкомъ: откровенно говорилъ, что онъ бѣденъ; откровенно сознавался въ недостаточности своего образованія и собирался бросить службу и вступить въ Университетъ. Но чѣмъ болѣе разпространялся кругъ его знакомства, чѣмъ болѣе современные журналы и альманахи наполнялись его стихотвореніями, тѣмъ болѣе росла въ немъ самоувѣренность и можно сказать наглость, тѣмъ болѣе развивалась въ немъ способность лгать, большею частію безъ всякой нужды и пользы.

Однажды онъ явился къ намъ увѣшанный разными крестами, въ числѣ которыхъ былъ и Георгіевскій.

„Помилуй, Бахтуринъ, откуда у тебя столько регалій?“

— У меня, братцы, онѣ давно; но я не люблю ими хвастаться!

„Да когда-же ты въ такомъ чинѣ успѣлъ заслужить ихъ?“ (Онъ былъ только поручикомъ.)

— Я, братцы, давно бы былъ полковникомъ, но со мною случилось несчастіе: за дерзость противъ полкового командира, я былъ разжалованъ въ рядовые. Восемь лѣтъ я тянулъ лямку!

„Да когда-же ты успѣлъ 8 лѣтъ быть солдатомъ, тебѣ и теперь съ небольшимъ 20?“

Но это его не останавливало; онъ утверждалъ, что поступилъ на службу еще почти ребенкомъ, былъ въ такихъ-то и такихъ-то сраженіяхъ; разказывалъ о нихъ съ разными подробностями, умилялся до слезъ, вспоминая, какъ главнокомандующій надѣлъ на него своеручно Георгіевскій крестъ, и такъ далѣе, и онъ не кончилъ бы своей импровизаціи, если бы соскучившіеся слушатели не прервали его какимъ-нибудь постороннимъ вопросомъ.

Въ другой разъ онъ пріѣзжаетъ къ Огареву поздно ночью, будитъ его, хватаетъ со стѣны шашку и объявляетъ, что онъ пріѣхалъ зарѣзаться. Со сна Огаревъ испугался и бросился обезоружить Бахтурина, что и удалось ему безъ особенныхъ усилій. Потомъ, вспомнивъ характеръ Бахтурина, Огаревъ успокоился и спросилъ у него, въ чемъ дѣло?

„Я, братецъ,—началъ Бахтуринъ,—давно влюбленъ въ княжну N. Сейчасъ я прямо съ бала, гдѣ сдѣлалъ ей предложеніе и получилъ отказъ... Она любитъ другого...“—и пошелъ, и пошелъ!

— Послушай, Бахтуринъ,—какъ же это ты прямо съ бала, а въ сюртукѣ, да еще въ старомъ?

„Я, братецъ, заѣзжалъ домой переодѣться“.—

— Это предусмотрительно,—замѣтилъ Огаревъ разхохотавшись,— ѣдишь рѣзаться и надѣваешь старый сюртукъ, чтобы не замарать мундира.

Такимъ образомъ, всякій день почти являлись новыя импровизаціи Бахтурина, порой забавляя, а больше надоѣдая намъ. Для чего онъ это дѣлалъ, кого онъ морочилъ,—непостижимо!

Бахтуринъ безъ сомненія имѣлъ талантъ, который при его молодыхъ лѣтахъ могъ бы значительно развиться; но недостатокъ образованія, пустая жизнь и нужда въ деньгахъ погубили его. Стихъ его былъ гладокъ и звученъ, фантазіи у него было болѣе чѣмъ у Соколовскаго; но онъ не умѣлъ управлять ею. Большею частію онъ ограничивался лирическими произведеніями; изъ крупныхъ произведеній мнѣ памятны только его драматическія картины изъ 1612 г. Помню, что первая картина кончалась такъ: неизвѣстный, на площади полной народа, говоритъ разныя патріотическія рѣчи; Пожарскій, вслушавшись въ нихъ, спрашиваетъ:

Кто ты? Твои слова порукой,
Что ты отчизны вѣрный сынъ.
Кто ты?

Неизвѣстный.

Я Мининъ Сухорукой,
Нижегородскій мѣщанинъ!

Въ 1833 году Бахтуринъ уѣхалъ въ Петербургъ и тамъ погибъ окончательно. Нужда заставила его попытаться на драматическомъ поприщѣ: онъ поставилъ „Козьму Рощина“ и еще какую-то народно-историческую пьесу, съ разными театральными ефектами, но безъ всякаго таланта и мысли. Обѣ онѣ скоро упали и самъ Бахтуринъ не долго ихъ пережилъ.

Бахтуринъ тоже любилъ выпить и написалъ себѣ слѣдующую эпитафію:

Переплывъ чрезъ Ахеронъ,
Бахтуринъ выпрыгнулъ изъ лодки,
И говоритъ: „Мой другъ, Харонъ,
Гдѣ здѣсь трактиръ, я-бъ выпилъ водки!“

Лѣтомъ 1842 года я былъ въ Гаштейнѣ. Это преддверіе Тироля и Альпъ; дивное мѣсто и живительныя воды! Впрочемъ, я тогда не обращалъ на это большого вниманія; болѣе всего заинтересовала меня одна старушка съ тремя очень хорошенькими дочерьми. Я спросилъ у кого-то, кто она? Мнѣ отвѣчали: „Беттина фонъ Арнимъ". Беттина! Неужели это та Беттина, о которой я съ такой страстной любовью мечталъ въ моей юности! Беттина, которая любила Гёте и писала къ нему такія страстныя письма, передъ которыми не могъ устоять самъ олимпіецъ Гёте. Надо прочесть ихъ переписку, чтобы постигнуть всё величіе Гёте и всё благородство Беттины! Не буду разпространяться объ этомъ; желающіе, да прочтутъ!

Въ Гаштейнѣ я жилъ въ одной гостиницѣ съ Беттиной и ея дочерьми и какъ-то познакомился съ ними. Беттина была женщина лѣтъ за 50, но живая, умная и бодрая, полная страсти и всякихъ увлеченій. Три ея дочери составляли совершенную противуположность: старшая, Армгардъ, была чисто нѣмка: блондинка, съ тонкими чертами, умная, очень сантиментальная, но вмѣстѣ очень холодное существо. 2-я, М [?], чисто южная натура: черные глаза и черные волосы; въ ней не было ума и образованности Армгардъ, но въ каждомъ ея движеніи, въ каждомъ взглядѣ, было что-то, что воспламеняло васъ. 3-я, Гизель, дѣвочька лѣтъ 15-ти. Что изъ нее вышло, я не знаю! Но тогда она не знала ни читать, ни писать; или хотя и писала, то не иначе, какъ маленькое дитя, по линейкамъ, и съ огромнымъ количествомъ ортографическихъ ошибокъ. Беттина дѣлала надъ ней опытъ, говоря, что всё это формальное воспитаніе вздоръ, а всё дѣло въ любви, и надо только развивать природу и любовь ребенка; „вѣдь я же,—говорила она,—не умѣя рисовать и не зная скульптуры, умѣла создать памятникъ Гёте [1] потому что любила его!" Дѣйствительно, Гизель, почти что не умѣя писать, сочиняла повѣсти и сказки, увлекательной наивности и врожденнаго ума. Эти сказки повели меня къ знакомству съ Жоржъ Зандъ, о чемъ мы будемъ говорить послѣ [2].

Н. Сатинъ.

---

[1] Во Франкфуртѣ. — *Прим. Н. Сатина.*

[2] Также и о Беттинѣ. — *Прим. Н. Сатина.*

Н. М. Сатинъ.

VII.

Разсказы М. С. Щепкина,

записанные Н. М. Сатинымъ.

Нѣсколько листковъ, вырванныхъ изъ тетради, содержатъ два разсказа; подъ заглавіемъ каждаго написано: разсказъ М. С. Щ. какъ самовидца; все писано собственноручно Н. М. Сатинымъ. И по фабулѣ, и по тону повѣствованія, эти разсказы о дѣйствительныхъ происшествіяхъ удивительно напоминаютъ повѣсти Пушкина изъ крѣпостного быта („Дубровскій", „Повѣсти Бѣлкина"). Одинъ изъ такихъ разсказовъ М. С. Щепкина послужилъ, какъ извѣстно, Герцену канвою для его повѣсти „Сорока-Воровка", которая и посвящена Щепкину.

1.

О крѣпостномъ музыкантѣ и Генеральской дочькѣ.

Въ 1810 въ Кур. губ. умиралъ весьма богатый, бездѣтный помѣщикъ К. и просилъ жену свою, послѣ его смерти взять къ себѣ на воспитаніе дочь его пріятеля Генерала В., вдоваго и совершенно разорившего человѣка. Жена исполнила волю покойника и воспитывала дѣвицу В. какъ собственную дочь. Покойникъ былъ большой любитель музыки и имѣлъ свой оркестръ ивъ крѣпостныхъ людей. Еще при жизни онъ отправилъ въ Италію четырехъ мальчиковъ, которые оказывали наиболѣе способностей, учиться музыки, въ надеждѣ составить изъ нихъ со временемъ хорошій квартетъ. Дворовые мальчики пробывъ 5 лѣтъ въ Италіи, возвратились образован-

ными молодыми людьми; въ особенности одинъ изъ нихъ, скрипачъ Василій, отличился и простотой и благородствомъ формъ, и образованностью и талантомъ. Г-жа К. приняла ихъ очень хорошо, обходилась съ ними благородно; она доставила имъ всѣ удобства, но не дала свободы и ни на минуту не забывала того разстоянія которое раздѣляетъ ихъ отъ нее. Начались квартеты; всѣ восхищались; но восхищалась въ особенности дѣвица В., и восхищалась она въ особенности игрою скрипача Василія. Дѣйствительно онъ играетъ хорошо, особенно въ присутствіи дѣвицы В. его смычекъ какъ будто оживляется, и поетъ и плачетъ. Такъ прошло болѣе года: Василій игралъ, дѣвица В. слушала, и оба молчали и оба понимали другъ друга. Но вотъ за дѣвицу В. начали свататься женихи; подъ разными предлогами она отказала одному, другому, третьему; явился четвертый: богатъ, знатенъ, молодъ, уменъ,—рѣшительно не къ чему придраться чтобы отказать ему. Старушка генеральша настаивала и начинала даже сердиться; всѣ знакомые уговаривали и пожимали плечами; дѣвица В. молчала и плакала. Но наконецъ, утомленная этой борьбою, она согласилась. Въ тотъ же день была помолвка и квартетъ. Всѣ были очень довольны; сама невѣста казалась спокойною, даже веселою, только была страшно блѣдна; Василій въ своей игрѣ превзошелъ самъ себя: смычекъ его издавалъ какіе-то человѣческіе, страстные звуки... Дѣвица В. ранѣе обыкновеннаго удалилась въ свою комнату, жалуясь на головную боль. Проходя мимо Василья, она успѣла отдать ему письмо. Какъ только квартетъ кончился Вас. побѣжалъ къ себѣ въ комнату и прочелъ первое и послѣднее письмо милой. Она писала къ нему, что она давно любитъ его, что она изъ звуковъ его скрипки давно поняла что и онъ любитъ ее... Принадлежать ему она не можетъ, разстояніе раздѣляющее ихъ слишкомъ велико, но она не хочетъ принадлежать другому. А потому, не хочетъ-ли онъ умереть съ нею вмѣстѣ? Ежели онъ согласенъ, какъ она надѣется, то въ 2 часа ночи, пусть придетъ въ садъ и принесетъ съ собой два оружія. Василій не колебался; но какъ исполнить намѣреніе? У него былъ только одинъ старый пистолетъ; но не было ни пуль, ни пороху; онъ вспомнилъ что у его товарища віолончелиста есть ружье; подъ предлогомъ охоты за зайцами онъ взялъ у него это ружье; тамъ-же добылъ нѣсколько пороху, а вмѣсто пуль, изъ куска свинцу нарѣзалъ картечи. Къ двумъ часамъ все было готово и отправился на

мѣсто свиданія. Она уже ожидала его. Это было зимой; Вас. запасся шубой, разослалъ ее и сѣлъ на нее съ дѣвицей В. Они разказали другъ другу исторію своей любви, они утѣшали другъ друга тѣмъ, что разстаются на минуту, для того чтобъ свидѣться *тамъ* навѣки; она бросила свое обручальное кольцо и обняла его, какъ единственнаго жениха своего; потомъ первая напомнила что *„пора!“* Вас. умолялъ ее помедлить,—она не согласилась. „Иначе, говорила она, я потеряю всю мою твердость, и не буду въ силахъ умереть“. Они простились; Вас. далъ ей взведенный пистолетъ, себѣ взялъ ружье. По данному знаку, она должна была выстрѣлить въ него, онъ въ нее. Она сама поставила дуло ружья къ своему сердцу; потомъ, онъ медленно, почти шопотомъ произнесъ: разъ, два, три!... Онъ выстрѣлилъ, она нѣтъ; она безъ жизни склонилась къ нему и въ предсмертномъ движеніи отбросила пистолетъ въ снѣгъ; онъ остался невредимъ. Убѣдившись что онъ держитъ трупъ, несчастный Вас. схватилъ пистолетъ чтобы застрѣлиться; но порохъ ссыпался съ полки, дуло было набито снѣгомъ; онъ хотѣлъ воротиться домой, чтобы снова зарѣдить пистолетъ, но вспомнилъ, что зарѣдивъ его и ружье, онъ разсыпалъ остальной порохъ. Въ отчаяніи онъ бросился къ рѣкѣ, въ надеждѣ найти прорубь; но проруби не было: рѣка всюду представляла ему препятствіе твердаго льда... Между тѣмъ, религіозное чувство пробудилось въ молодомъ человѣкѣ: въ препятствіяхъ которые встрѣчалъ онъ къ самоубійству, онъ увидалъ волю Бога. Онъ возвратился въ домъ, разбудилъ людей и сказалъ имъ: „возьмите меня, я преступникъ, я убилъ А. И.!“ Его взяли, отправили въ городъ, приговорили къ 10 ударамъ кнута. Онъ не вынесъ ихъ и умеръ въ гошпиталѣ.

2.

О Дядѣ, племянницѣ и ихъ козачкѣ.

Въ 181* году въ Харьк. губ. по сосѣдству другъ отъ друга жило два брата помѣщика. Оба были люди небогатые, одинъ холостой, другой вдовой съ двумя взрослыми дочерьми. Холостякъ былъ че-

ловѣкъ натуры грубой: огромнаго роста, широкоплѣчій, краснолицей, съ басистымъ голосомъ и со всѣми животными страстями. Старшій братъ его, вдовецъ, напротивъ, былъ необыкновенно маленькаго роста, худощавый, блѣдный, съ тоненькимъ, писклявымъ голоскомъ, такъ что въ уѣздѣ его называли „воробьинымъ царькомъ". За то наградилъ Богъ его старшую дочьку, какъ говорится и „ростомъ и дородствомъ". Она была молодецъ-дѣвка; управляла отцемъ, всѣмъ домомъ и всей деревней и даже изъявляла явное притязаніе на управленіе и самимъ дядюшкой, не смотря на его громкій голосъ и богатырскую осанку. Въ самомъ дѣлѣ, по физическому-ли сродству, или по нравственной симпатіи, но между племянницей и дядюшкой завелась тѣсная дружба. Когда онъ пріѣзжалъ къ своему маленькому братцу (а это случалось довольно часто) они тотчасъ уходили въ садъ или на гумно—смотрѣть хозяйство. Но вотъ племянница стала вдругъ толстѣть и прихварывать; по сосѣдству пронеслись какіе то слухи; но они были поставлены на счетъ злословія, и дядюшка поднялъ громадный кулакъ и клялся заткнуть имъ глотку перваго сплѣтника или сплѣтницы.

Наконецъ племянница слегла, и въ то же время дядюшкѣ подкинули новорожденнаго мальчика. По сосѣдству опять пронеслись какіе-то слухи, дядюшка снова поднялъ грозный кулакъ и повторилъ клятву, и слухи снова были поставлены на счетъ злословія и замолкли. Между тѣмъ всё пришло въ порядокъ: племянница выздоровела и похудѣла, дядюшка успокоился а мальчикъ росъ не поднямъ а по часамъ и обещалъ быть похожимъ на племянницу и на дядюшку вмѣстѣ. О воспитаніи разумѣется не было и рѣчи и мальчикъ росъ деревенскимъ баловнемъ. Когда ему минуло 8 лѣтъ, дядюшка остригъ его въ кружокъ, одѣлъ козачькомъ и подарилъ его племянницѣ въ день ея имянинъ. Племянница была очень довольна подаркомъ и когда къ обѣду собрались гости, она всѣмъ и каждому говорила: „посмотрите какой мнѣ дядюшка; Алешка, поди сюда!" и она дѣлала ему какой нибудь глупый вопросъ, на который Алешка отвѣчалъ не запинаясь; и она гладила его по масляной головѣ и приговаривала: „умница, умница! Право, не по лѣтамъ уменъ". И всѣ присутствующіе осматривали его какъ диковинку, задавали ему разные вопросы, подшучивали надъ нимъ. Мальчикъ росъ и становился болѣе и болѣе дерзкимъ, не только съ домашними но и съ самой барыней. Дядюшка умеръ, оставивъ племянницѣ всё свое

имѣніе, племянница состарѣлась мальчикъ выросъ и сдѣлался отъявленнымъ мерзавцемъ. Барыня не разъ сѣкла Алешку на конюшнѣ; но однажды, когда за какой-то важный проступокъ, она приказывала снова отвести его на конюшню, онъ не только наговорилъ ей грубостей, но даже осмѣлился поднять на нее руку.

Барыня взбѣсилась, приказала надѣть на него кандалы и отвезти его въ городъ—въ рекруты.

VIII.

Записка Н. М. Орлова.

Начало 1840-хъ годовъ было, какъ извѣстно, „золотымъ вѣкомъ“ Московскаго университета. Подъ эгидою просвѣщеннаго попечителя, гр. С. Г. Строганова, благодаря энергіи, знаніямъ и культурности нѣсколькихъ молодыхъ профессоровъ, занявшихъ каѳедры въ концѣ 30-хъ годовъ прямо по возвращеніи изъ-за границы, какъ Т. Н. Грановскій, Д. Л. Крюковъ, П. Г. Рѣдкинъ, университетъ ожилъ послѣ двадцатилѣтней спячки. Менѣе извѣстна другая сторона картины—то живое умственное движеніе въ средѣ студенчества, которое шло на встрѣчу дѣятельности молодыхъ профессоровъ, питалось ею, но и въ свою очередь питало ее. Въ 1840—42 гг. на скамьяхъ Московскаго университета сидѣла молодежь, изъ которой потомъ вышла группа замѣчательныхъ дѣятелей. Это была уже вторая волна, новое поколѣніе послѣ „идеалистовъ 30-хъ годовъ“; тѣ—какъ Герценъ, Станкевичъ, Бѣлинскій, Огаревъ, Грановскій—родились около 1811 года, эти—около 1820-го. Насколько мы хорошо знаемъ духовную біографію перваго поколѣнія, настолько смутна картина настроеній и идей, которыми жила Николаевская молодежь второго призыва, эти самые студенты 1840—42 годовъ. Нижеслѣдующій отрывокъ до нѣкоторой степени освѣщаетъ эти потемки.

„Ты вѣрно помнишь, любезный другъ, что въ прошлое воскресеніе, когда мы всѣ собрались у тебя, въ слѣдствіе философическаго разговора, завязавшагося между нами, вы всѣ просили меня систематически изложить мои взгляды на бумагѣ“. Такъ начинается нашъ отрывокъ. Это пишетъ студентъ Николай Михайловичъ Орловъ, сынъ извѣстнаго „декабриста“ Мих. Ѳед. Орлова, своему товарищу, будущему критику Аполлону Григорьеву. Григорьевъ былъ центромъ

студенческаго кружка; у него въ мезонинѣ, въ его родительскомъ домѣ на Малой Полянкѣ за Москвой-рѣкой, въ двухъ комнатахъ, которыя онъ занималъ вмѣстѣ со своимъ другомъ, студентомъ-же Фетомъ, собирался этотъ кружокъ для „философическихъ“ бесѣдъ. Членами кружка, кромѣ самого Ап. Григорьева и Фета, были Я. П. Полонскій, А. В. Новосильцевъ, кн. В. А. Черкасскій, К. Д. Кавелинъ, С. М. Соловьевъ, нашъ Орловъ и др. Вотъ что разсказываетъ Фетъ [1]: „Объ этихъ бесѣдахъ нельзя не вспомянуть, такъ какъ настоящимъ заглавіемъ ихъ должно быть Аполлонъ Григорьевъ. Какъ это сдѣлалось, трудно разсказать по порядку; но дѣло въ томъ, что со временемъ, по крайней мѣрѣ черезъ воскресенье, на нашихъ мирныхъ антресоляхъ собирались наилучшіе представители тогдашняго студенчества. Появлялся товарищъ и соревнователь Григорьева по юридическому факультету, зять помощника попечителя Голохвастова, Ал. Вл. Новосильцевъ, всегда милый, остроумный и оригинальный. Своимъ голосомъ, переходящимъ въ высокій фальцетъ, онъ утверждалъ, что московскій университетъ построенъ по тремъ идеямъ: тюрьмы, казармы и скотнаго двора, и его шуринъ приставленъ къ нему въ качествѣ скотника. Приходилъ постоянно записывавшій лекціи и находившій еще время давать уроки будущій исторіографъ С. М. Соловьевъ... Являлся веселый, иронический князь Влад. Ал. Черкасскій, со своимъ прихихикиваніемъ черезъ зубы, выдающіеся впередъ нижней челюстью. Снизу то и дѣло прибывали новые подносы со стаканами чаю, ломтиками лимона, калачами, сухарями и сливками. А между тѣмъ въ небольшихъ комнатахъ стоялъ стонъ отъ разговоровъ, споровъ и взрывовъ смѣха. При этомъ ни малѣйшей тѣни какихъ-либо соціальныхъ вопросовъ. Возникали одни отвлеченные и общіе: какъ, напримѣръ, понимать по Гегелю отношеніе разумности къ бытію?

— Позвольте, господа, — восклицалъ добродушный Н. М. Ор[ло]въ, — доказать вамъ бытіе Божіе математическимъ путемъ. Это неопровержимо“, и т. д.

Насчетъ „соціальныхъ вопросовъ“, очевидно, позднія пристрастія застили Фету прошлое; Полонскій [2] опредѣленно свидѣтельствуетъ: „мы всѣ были идеалистами, т.-е. мечтали объ освобожденіи кре-

[1] А. Фетъ „Ранніе годы моей жизни“, М. 1893, стр. 153—154.

[2] Я. П. Полонскій „Мои студенческія воспоминанія“ — Нива, „Ежемѣсячн. литер. прил.“ 1898, декабрь, 651.

стьянъ". Вообще Полонскій, повидимому, вѣрно опредѣляетъ два главныхъ интереса, господствовавшихъ въ передовой части тогдашняго студенчества [1]: „Въ университетѣ партій не было, но всякій понялъ бы ироническую замѣтку нашего любимаго профессора энциклопедіи права П. Г. Рѣдкина: „у насъ людей продаютъ, какъ дрова", и въ то же время всякій понялъ, и сочувственно отнесся бы къ студенту К. Д. Кавелину, когда онъ говорилъ, что употребилъ слишкомъ полгода на то, чтобъ прочесть и понять одно только предисловіе къ философіи Гегеля". Сюда надо присоединить еще третье—увлеченіе поэзіей; въ кружкѣ Григорьева Фетъ и Полонскій уже слагали свои первыя чудесныя пѣсни, самъ Григорьевъ также мучился надъ риѳмами, Студицкій переводилъ Байрона. Но надо всѣмъ доминировалъ Гегель: его ученіе, говоритъ Фетъ, „распространяемое московскими юридическими профессорами съ Рѣдкинымъ и Крыловымъ во главѣ, составляло главнѣйшій интересъ частныхъ бесѣдъ студентовъ между собою"; то-же свидѣтельствуетъ и С. М. Соловьевъ [2]: „...время проходило не столько въ изученіи фактовъ, сколько въ думаніи надъ ними, ибо у насъ господствовало философское направленіе; Гегель кружилъ всѣмъ головы, хотя очень немногіе читали самого Гегеля, а пользовались имъ только изъ лекцій молодыхъ профессоровъ; занимавшіеся студенты не иначе выражались, какъ гегелевскими терминами. И моя голова работала постоянно; схвачу нѣсколько фактовъ и уже строю на нихъ цѣлое зданіе".

Нѣтъ сомнѣнія, что воскресныя студенческія бесѣды въ Григорьевскомъ домѣ на философскія темы, о стихахъ и о крѣпостномъ правѣ сыграли свою роль въ дальнѣйшей исторіи русскаго общества. На этихъ сходкахъ развивалась и крѣпла мысль будущихъ дѣятелей—Ап. Григорьева, Фета и Полонскаго, Кавелина и С. М. Соловьева, кн. Черкасскаго и другихъ, менѣе извѣстныхъ; невозможно учесть, какъ сильно эта непринужденная школа опредѣлила направленіе и характеръ ихъ позднѣйшей дѣятельности, но мы въ правѣ это предполагать. Печатаемая здѣсь Записка Н. М. Орлова цѣнна, какъ единственный дошедшій до насъ живой отзвукъ этихъ бесѣдъ.

Н. М. Орловъ род. въ 1821 г., студентомъ Моск. университета по Философскому (истор.-филол.) факультету былъ съ 1838 по 1842 г.;

---

[1] Тамъ же, 652.

[2] „Записки С. М. Соловьева", „Вѣстн. Евр." 1907 г., апрѣль, стр. 454.

ум. въ 1886 г. Онъ былъ, какъ сказано, сынъ М. Ѳ. Орлова, который въ это время (начало 40-хъ годовъ) жилъ въ опалѣ въ Москвѣ; мать Н. М. была Екат. Ник. Раевская, сестра пушкинскаго „Демона". М. Ѳ. Орловъ жилъ на широкую ногу; у него собирались виднѣйшіе представители московскаго общества; здѣсь, введенный въ домъ своимъ товарищемъ Н. М. Орловымъ, студентъ Полонскій видалъ Чаадаева, Хомякова, Грановскаго, здѣсь же познакомился и съ молодымъ И. С. Тургеневымъ, только-что пріѣхавшимъ изъ Берлина съ цѣлью сдать экзаменъ на званіе магистра и занять въ университетѣ каѳедру философіи [1]. Вообще важно замѣтить, что почти всѣ эти юноши, члены Григорьевскаго кружка, принадлежали къ очень зажиточнымъ и образованнымъ семьямъ.

Отрывокъ Н. М. Орлова печатается съ подлинника, представляющаго тетрадь изъ плотной зеленоватой бумаги въ осьмушку.

По просьбѣ Григорьева.

Ты вѣрно помнишь, любезный другъ, что въ прошлое воскресеніе, когда мы всѣ собрались у тебя, въ слѣдствіе философическаго разговора, завязавшагося между нами, вы всѣ просили меня систематически изложить мои взгляды на бумагѣ. Такъ какъ мнѣ показалось, что ты болѣе всѣхъ моихъ товарищей, въ твоей духовной жизни идешь дорогой прямой, и что ты менѣе всѣхъ ихъ находишся подъ вліяніемъ предразсудковъ, впрочемъ очень простительныхъ, то я рѣшился адресовать этотъ опытъ тебѣ, въ надеждѣ что ты будешь отвѣчать мнѣ такъ же откровенно и безпристрастно, какъ и я намѣренъ изложить тебѣ мои мысли.

Цѣль моя въ этомъ упражненіи есть двоякая: съ одной стороны я хочу доказать, до какой степени необходимо, въ процессѣ умозрѣнія и размышленій философическихъ, совѣтываться съ нашимъ природнымъ чувствомъ; я говорю природнымъ, ибо не принимаю въ расчетъ тѣ чувства которыя могутъ быть развиты въ душѣ человѣка воспитаніемъ, народностію, индивидуальнымъ характеромъ но то чувство, которое обще всему человѣчеству, которое вложено въ

---

[1] Полонскій, въ указ. мѣстѣ, стр. 645.

грудь каждаго человѣка самимъ Божествомъ. — Это природное чувство чисто, возвышенно; оно одушевляетъ насъ, когда мы стремимся съединиться съ Творцомъ, или стараясь постичь Его стезею науки, или сблизиться съ Нимъ добрыми дѣлами, или наконецъ постичь Его помощію вѣры; ибо будь увѣренъ, что вѣра есть также разумъ, есть также сила, которая развиваетъ способности человѣка, и открываетъ ему тайны Духа и Жизни вселенной.

Съ другой стороны цѣль моя дать сколько возможно разумное основаніе догматамъ нашей религіи. Это самая сбивчивая для меня часть изъ всего труда мною предпринятаго. Ибо, какимъ образомъ, безъ вѣры, безъ аксіомы религіозной, начать изложеніе Философіи Вѣры? Было бы нелѣпо и сбивчиво для понятія излагать доказательства о существованіи Творца, для которыхъ надлежало бы доказать еще существованіе матеріи, опредѣлить ее начало, и словомъ сказать оградиться отъ всѣхъ возможныхъ (нападеній) софистическо не откровенныхъ возраженій Новосильцовыхъ, Полонскихъ и проч. и проч. Согласись самъ, что было бы неблагоразумно готовиться къ возраженіямъ противъ людей, которые заранѣе рѣшили, что Гегель и Божество одно и тоже, что вѣра не совмѣстна съ разумною философіей, и что вѣру надлежитъ изгнать потому именно что разумъ не можетъ покориться ничему другому какъ доказательству которое *palpable* чувственно.

Слѣдовательно съ самаго начала я принимаю за аксіому: что Божество существовало, существуетъ, и будетъ существовать во вѣки, (что Моисей такъ величественно выразилъ однимъ словомъ „*Сый*“); и за правило, что во всѣхъ моихъ умозрѣніяхъ я не буду дотрогиваться до предметовъ, которые суть тайны религіи христіанской, какъ на примѣръ Догматъ Тріединства, потому именно, что если мнѣ бы и удалось дать имъ кое какое объясненіе, то оно непременно будетъ или безтолково, или если толково относительно къ намъ, то недостойно Творца вселенной.

Слѣдовательно я необходимо принимаю существованіе Божества, Духа и Матеріи.—

Теперь приступлю къ самому изложенію; по вашему совѣту дамъ ему форму постепеннаго ряда силлогизмовъ; но тамъ гдѣ самый предметъ не будетъ допускать этой формы, то я прибѣгну къ формѣ изложенія обыкновенной.—

О существованіи Божества внѣ сотвореннаго, внѣ жизни вселенной.

I. *Жизнь* есть первое явленіе, поражающее мыслителя при взглядѣ на все видимо существующее.

II. Она есть двоякая: *субъэктивная*, или духовная жизнь человѣка, и *объэктивная*—жизнь всей матеріи.

III. Результатъ *субъэктивной* жизни есть *Наука, Изящное, Благое.*

III. Результатъ *объэктивной* жизни есть: *усовершенствованіе Матеріальнаго быта и Примѣненіе результатовъ жизни субъэктивной, къ жизни матеріи, для ея пользы и наслажденій.*

IV. Полнаго достиженія какъ той и другой цѣли не существуетъ.

V. Наука не полна; Изящное не въ полнѣ изящно; полнаго Блага на землѣ нѣтъ [1].

VI. Но что же есть?

VII. Есть одно стремленіе.

VIII. Къ чему?

IX. Къ Совершенству—и къ полному наслажденію.

X. Гдѣ же они?

XI. Не знаемъ.

XII. Но стремленіе къ Высшему наслажденію что такое? Жизнь. Къ Совершенству? Исторія, жизнь.

XIII. Слѣдовательно въ жизни сливаются оба стремленія. Разсмотримъ результаты до которыхъ дошло человѣчество по различнымъ стезямъ, на которыхъ оно развивалось.

XIV. Они суть: злодѣйства, пороки; ложь въ цѣломъ, правда въ подробностяхъ; Гордость духа. — Совершенства и Наслажденія полнаго—нѣтъ. Каждая эпоха дошла до различныхъ результатовъ въ наукѣ, до разврата въ жизни матеріальной. И не только у индивидуумовъ но у массъ, у народовъ, у поколеній.

XV. Еслибъ Премудрость, Изящное, Благо Духовное, и Наслажденіе высочайшее заключались въ Духѣ Человѣка и въ природѣ матеріальной, то человѣкъ нашелъ бы ихъ въ самомъ себѣ, въ своей жизни матеріальной.

XVI. Если бъ совершенство заключалось въ самомъ духѣ, то умозрѣнія не приводили бы человѣка, не приводили бы цѣлыя массы къ результатамъ, которые не объясняютъ тайны совершенства, а становятъ человѣка противъ неизвѣстности и сомнѣнія.

XVII. Еслибъ наслажденіе было въ матеріи, то человѣкъ не до-

---

[1] Наслажденіе минутно.

ходилъ бы до презрѣнія, до отвращенія ко всѣмъ наслажденіямъ тѣла.

XVIII. Гдѣ же совершенство, гдѣ же наслажденіе?

XIX. Оно внѣ человѣчества, внѣ матеріи.

XX. Однакоже слѣды совершенства видны и въ Духѣ, видны и въ Матеріи.

XXI. Гдѣ же эти первообразы?

XXII. Они внѣ человѣчества, внѣ матеріи.

XXIII. Предыдущее непремѣнно должно предположить внѣ матеріи и человѣчества существованіе идеи *Высшей Премудрости, Изящества и Блага;* въ коей одной лежитъ высочайшее наслажденіе. Эта идея есть *Богъ.*

Примѣчаніе.

Но, возражалъ мнѣ Полонскій, какъ наука не полна? Она сама себѣ противурѣчить не можетъ; она полна если мы возмемъ всю массу науки, все что вошло, входитъ и будетъ входить въ составъ ея; все это составитъ одну цѣлую, компактную массу; отдѣльныя части связаны неразрывною связію взаимной необходимости, одна пополняетъ другую. — Такъ; но посмотримъ: (Это любезный другъ Григорьевъ я адресую Полонскому; пусть себѣ сидитъ надъ этимъ — какъ селезень на водѣ, или какъ пѣтухъ носомъ въ навозѣ.)

I. Наука, то есть вся система знаній человѣческихъ полна если возмемъ то что *должно* взойти въ ея составъ.

II. Положимъ даже что всѣ части, всѣ отрасли науки были уже разсмотрены умомъ человѣка.

III. Это составитъ, по сказанному, полную систему знанія.

IV. Но почему мы знаемъ что умъ человѣческій вездѣ шелъ путемъ истинны? Почему мы знаемъ что онъ не ошибался въ своихъ изысканіяхъ надъ частями? Почему полнаго Анализа не существуетъ?

V. Почему результаты Историковъ, Лингвистовъ, Математиковъ, Философовъ противурѣчатъ другъ другу?

VI. Почему система полна въ раздѣленіи, почему несовершенна въ анализѣ?

VII. Потому что наука есть стремленіе къ истинѣ высочайшей — которой въ мірѣ нѣтъ.

VIII. Почему слѣдовательно наука полна и не полна, совершенна и несовершенна?

IX. Потому что представляетъ съ одной стороны всѣ фазы, всѣ оттѣнки жизни духа, какъ и Исторія; здѣсь она полна.

X. А съ другой стороны, потому что полная наука требуетъ полнаго анализа—котораго быть не можетъ. А почему и самую систему всѣхъ оттѣнковъ жизни духа человѣкъ представить себѣ разомъ не можетъ—пусть скажетъ Полонскій.—(Извини любезный другъ если я не у мѣста вклеилъ этотъ эпизодъ. Но нечего дѣлать.)

Мы нашли что Божество есть Высшая истина, высшее благо, высшее изящество, высшее наслажденіе, однимъ словомъ совершенство, и что оно внѣ существующаго.—

Но что такое совершенство?

I. Человѣкъ *мыслитъ*, человѣкъ *чувствуетъ*—человѣкъ *можетъ*.

II. Въ мысли, въ чувствѣ, въ способности исполнять волю—заключается все совершенство и все блаженство до котораго можетъ дойти человѣкъ.

III. Слѣдов. совершенство Божества заключается въ способности *все понимать, чувствовать* съ безконечною чистотою, *все мочь*—въ *высшей премудрости*, въ высшей *Любви*, въ высшемъ *Могуществѣ*.

IV. Какъ не понять тайны творенія?

IX.

Записка Е. П. Фроловой.

Елизавета Павловна Фролова, рожд. Галахова, была сестра Ивана Павл. Галахова, одного изъ чистѣйшихъ и душевнѣйшихъ людей въ передовомъ московскомъ кругѣ 40-хъ годовъ, дружески-близкаго къ Герцену и Огареву [1], и жена Н. Г. Фролова, также принадлежавшаго къ этому кругу, друга Огарева и Грановскаго. До насъ не дошло никакихъ біографическихъ свѣдѣній о ней; мы не знаемъ ни какъ сложилась ея жизнь, ни какъ развивался ея умъ; ни одно ея письмо не появилось донынѣ въ печати, и помѣщаемая здѣсь Записка впервые доноситъ до насъ прямое выраженіе ея мысли. Но о ней много говорится въ письмахъ выдающихся людей, бывшихъ ея друзьями; этихъ отзывовъ слишкомъ довольно, чтобы удостовѣрить ея право на наше вниманіе.

Станкевичъ и Грановскій познакомились съ Фроловыми въ концѣ 1837 г. въ Берлинѣ, гдѣ Н. Г. Фроловъ слушалъ лекціи географіи у К. Риттера; они скоро сблизились съ этой семьею, и въ теченіе двухъ зимъ, 1838 и 1839 гг., проводили здѣсь бо́льшую часть своихъ вечеровъ; въ особенности Станкевичъ подружился съ Елизаветой Павловной [2]. Съ осени 1839 г. сталъ вхожъ въ этотъ домъ и И. С. Тургеневъ. Вторично Станкевичъ и Фроловы встрѣтились въ ноябрѣ 1839 г. во Флоренціи, гдѣ Станкевичъ жилъ со своимъ другомъ А. П. Ефремовымъ, а Фроловы—вмѣстѣ съ сестрою Е. П., Марьей Павловной и ея мужемъ, Кенни,—по сосѣдству, на площади Santa Maria Novella. И здѣсь Станкевичъ бывалъ у Фроловыхъ ежедневно: „дружба и расположеніе Е. П. Фроловой сдѣлались [для него] уже

[1] О немъ см. „Былое и Думы“, и нашъ очеркъ въ „Исторіи Молодой Россіи“. М. 1908.

[2] Анненковъ „Н. В. Станкевичъ“, М. 1857, стр. 178.

необходимостію“ [1]. Совмѣстная жизнь во Флоренціи продолжалась три мѣсяца, съ конца ноября 1839 до начала марта 1840 г. Здѣсь-то, въ январѣ 1840 г., и была написана Елизаветой Павловной печатаемая нами Записка. Въ началѣ марта Станкевичъ уѣхалъ въ Римъ, и оттуда писалъ Фроловымъ длинныя, задушевныя письма. Въ послѣдній разъ онъ видѣлся съ ними въ іюнѣ, проѣзжая чрезъ Флоренцію; въ концѣ іюня его не стало, а въ сентябрѣ вѣроятно умерла и Фролова, давно больная тою же болѣзнью, какъ и Станкевичъ, т.-е. чахоткою [2].

Когда Грановскій, уже изъ Москвы, осенью 1839 г. въ письмѣ къ Станкевичу хочетъ коротко опредѣлить, какъ симпатиченъ и интересенъ братъ Елизаветы Павловны, Иванъ Павловичъ, съ которымъ онъ на-дняхъ познакомился,—онъ пишетъ: „Славный человѣкъ; мы споримъ ужасно, потому что ... [и т. д.]. Но конецъ-концовъ—онъ можетъ быть братомъ M-me Froloff. Лучше похвалить не умѣю“ [3]. А пятнадцать лѣтъ спустя Тургеневъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Станкевичѣ, писанныхъ для П. В. Анненкова, далъ такую характеристику Фроловой: „Между нимъ [Станкевичемъ] и г-жей Фроловой существовало отношеніе весьма дружественное. Эта г-жа Фролова (первая жена Н. Г. Фролова, урожденная Галахова) была женщина очень замѣчательная. Уже не молодая, съ здоровьемъ совершенно разстроеннымъ (она скоро потомъ умерла), не красивая, она невольно привлекала своимъ тонкимъ женскимъ умомъ и граціей. Она обладала искусствомъ mettre les gens à leur aise—сама говорила немного, но каждое слово ея не забывалось. Въ ней было много наблюдательности и пониманія людей. Русскаго въ ней было мало—она скорѣе походила на очень умную француженку, un peu de l'ancien régime... Станкевича Фролова очень любила и уважала; она сходилась съ нимъ во многомъ... Фролова умѣла, когда хотѣла, быть чрезвычайно блестящей въ разговорѣ... Въ г-жѣ Фроловой была наклонность къ аристократіи,—но столько въ ней было доброты и простоты въ то же время!“ [4]. По словамъ Тургенева, въ

---

[1] Тамъ-же, стр. 205.

[2] Грановскій извѣщалъ о ея смерти (въ Италіи) Невѣрова изъ Москвы 8 октября 1840 г., см. „Переписка“ Т. Н. Грановскаго, М. 1897, стр. 405.

[3] Тамъ-же, стр. 368; срав. письмо Гран. къ сестрѣ, 1838 г., тамъ-же, стр. 79, также стр. 189, 405.

[4] „Воспоминанія И. С. Тургенева о Н. В. Станкевичѣ“, В. Евр. 1899, январь, стр. 11 и 16. Анненковъ далъ обстоятельную характеристику Фроловой въ своей книгѣ о Станкевичѣ (изд. 1857 г., стр. 208—211, или 3-ій томъ его „Воспоминаній

Берлинѣ Фролову посѣщали Вердеръ, Варнгагенъ фонъ Энзе, Беттина, Александръ Гумбольдтъ.

Подлинникъ печатаемой Записки представляетъ сшитую изъ почтовой бумаги тетрадку; писанъ изящнымъ женскимъ почеркомъ безъ помарокъ,—по всей вѣроятности, собственноручно авторомъ.

Записка, какъ сказано, писалась на глазахъ Станкевича, и не можетъ быть сомнѣнія, что онъ принималъ живѣйшее участіе въ этой работѣ своего друга; это удостовѣряется и формально—поправками, внесенными его рукою въ рукопись [1]. Въ первыхъ строкахъ Записки Фролова объясняетъ, что толчкомъ къ изложенію ея мыслей о женскомъ воспитаніи въ Россіи послужилъ бывшій у нея „на дняхъ" разговоръ съ одной русской дамою о шестнадцатилѣтней дочери этой дамы, А.—Этотъ намекъ нетрудно раскрыть. Одновременно съ Фроловыми и Станкевичемъ жила тогда во Флоренціи видная московская барыня, Марья Дмитріевна Ховрина, съ мужемъ и двумя дочерьми, изъ которыхъ старшей, Alexandrine, или по-домашнему Шушу́, было въ это время какъ-разъ 16 лѣтъ (родилась въ 1824 г.). Въ письмахъ Станкевича 1840 года часто упоминается имя Шушу Ховриной. Она была необыкновенно хороша собою, и молодежь поголовно увлекалась ею. Весною 1840 г. и Ховрины переѣхали въ Римъ; тамъ Станкевичъ особенно сблизился съ Шушу; по словамъ И. С. Тургенева, также бывшаго тогда въ Римѣ и также неравнодушнаго къ Шушу, она „въ тайнѣ чувствовала большую симпатію къ Станкевичу, который отвѣчалъ ей дружескимъ, почти отеческимъ чувствомъ" [2]; Тургеневъ разсказываетъ, что Станкевичъ давалъ Шушу читать Шиллера и игралъ съ нею въ четыре руки на рояли. Шушу Ховрина—не кто иная, какъ извѣстная впослѣдствіи Александра Николаевна Бахметева, авторъ многочисленныхъ и мно-

---

и критическихъ очерковъ", СПБ. 1881, стр. 369—371), но для этой характеристики онъ располагалъ, очевидно, только тѣмъ матеріаломъ, который заключался въ запискѣ Тургенева о Станкевичѣ; все остальное, что́ Анненковъ говоритъ о Фроловой,—только раскрытіе намековъ, брошенныхъ Тургеневымъ, притомъ болѣе виртуозное, чѣмъ основательное. На этомъ примѣрѣ хорошо обнаруживаются и недюжинное искусство Анненкова въ области психологическаго портрета, и произвольность его метода.—Сравн. также о Фроловой—А. В. Станкевича въ его біографіи Грановскаго, изд. 1897 г., стр. 69—70.

[1] Слова, вписанныя Станкевичемъ, печатаются ниже *курсивомъ*; болѣе мелкихъ поправокъ (какъ-то: отдѣльныя буквы, знаки препинанія, части словъ, перестановка словъ) мы не отмѣчаемъ.

[2] Указ. м., „В. Евр." 1899, январь, стр. 12.

гократно переизданныхъ духовно-нравственныхъ книгъ для дѣтей и народа („Избранныя житія святыхъ“, „Разсказы изъ исторіи христіанской церкви“ и др.). Она была замужемъ, съ 1849 г., за Дмитровскимъ предводителемъ дворянства и умерла только въ 1901 году.

Записка Фроловой, какъ и печатаемыя далѣе письма Н. А. Герценъ, представляютъ не только біографическій интересъ: они цѣнны какъ документы по исторіи *женской* мысли въ Россіи. Эта исторія когда-нибудь будетъ написана, пока-же она остается въ полномъ пренебреженіи,—даже матеріалы для нея лишь въ рѣдкихъ случаяхъ удостоиваются печатанія. Объ этомъ нельзя не пожалѣть. Идеи, волновавшія общество, каждый разъ своеобразно преломлялись въ женскомъ сознаніи, и здѣсь шелъ свой особенный, тоже глубокозакономѣрный процессъ развитія, который и непосредственно, и по своему вліянію на мужскую мысль заслуживаетъ самаго пристальнаго изученія. Этотъ пробѣлъ въ нашихъ свѣдѣніяхъ нигдѣ не бросается въ глаза такъ рѣзко, какъ въ исторіи „идеализма 30-хъ годовъ“. Я позволю себѣ повторить здѣсь строки, напечатанныя мною въ другомъ мѣстѣ [1].

Еще не изслѣдовавъ фактовъ, мы должны были бы съ полной увѣренностью предположить, что бурное умственное движеніе, охватившее въ тридцатыхъ годахъ мужскую часть молодежи, не могло оставить незатронутой русскую женщину. Патріархальный бытъ рушился; наиболѣе чуткихъ изъ молодежи охватило восторженное предчувствіе какого-то иного разумѣнія, личнаго и вмѣстѣ абсолютнаго, увѣренность въ томъ, что смыслъ жизни можетъ быть неопровержимо выведенъ изъ началъ гуманности и разума и что дѣйствительность должна и можетъ быть перестроена по этому идеальному плану. И вотъ началось страстное исканіе основъ этого новаго міровоззрѣнія,—жадное изученіе и приспособленіе къ своимъ нуждамъ послѣднихъ открытій западной философской мысли—и попутно съ этой теоретической работой—не менѣе страстный пересмотръ главныхъ устоевъ практической жизни. Обѣими этими сторонами движеніе неизбѣжно должно было затронуть и женщину, во-первыхъ, потому, что тѣ же историческія причины, которыя вызвали столь сильное умственное броженіе въ мужской молодежи, не могли не повліять и на нее; во-вторыхъ, потому, что прикладные выводы новаго міровоззрѣнія непосредственно задѣвали ее, именно въ вопросахъ любви и брака. Если таково было дѣйствіе общей атмосферы, то естественно, что тѣ женщины, которыя лично стояли близко къ центру движенія, проще говоря—къ членамъ идеалистическихъ кружковъ, захватывались движеніемъ особенно сильно. Таковы были, напримѣръ, жена Герцена и первая жена Огарева, Марія Львовна; впослѣдствіи, какъ извѣстно, обѣ—каждая по-иному—пытались осуществить въ самой жизни новое женское сознаніе.

---

[1] „Рус. Мысль“ 1911 XII 54—56: „Русская женщина 30-хъ годовъ“ (Е. А. Ганъ).

Излишне пояснять, какую большую роль сыграло въ этомъ пробужденіи русской образованной женщины вліяніе романовъ и самой личности Жоржъ-Зандъ. Уже въ этомъ вліяніи крылись задатки того двойственнаго направленія, которое приняла и которое по существу должна была принять женская освободительная мысль. Духовное состояніе русской образованной женщины наканунѣ перелома тридцатыхъ годовъ можетъ быть опредѣлено, какъ добровольная и безусловная покорность традиціи; она не только не смѣетъ,—ей и на мысль не приходитъ возможность переступить данный кругъ идей и отношеній; зато внутри его она глубока и сильна, никакое сомнѣніе не подрываетъ ея воли и не раздваиваетъ ея чувства. Таковъ типъ декабристки и такова же пушкинская Татьяна [1]. Пробудившаяся мысль естественно должна была направиться отсюда по двумъ путямъ: смотря по темпераменту, степени образованности и пр., женщина либо захочетъ обезпечить себѣ болѣе достойное положеніе внутри этого круга, либо захочетъ выступить изъ него вонъ. Первое значитъ, что, не разрушая ни установленныхъ традиціей внѣшнихъ формъ, ни моральнаго уклада, продолжая попрежнему смотрѣть на себя только какъ на жену и мать въ законномъ бракѣ, она потребуетъ бо́льшаго уваженія къ своей личности и бо́льшей свободы въ бракѣ, т.-е. потребуетъ брака по любви и уваженія со стороны мужа къ ея чувствамъ и умственнымъ запросамъ. Второе означаетъ выходъ изъ традиціоннаго взгляда на долгъ и назначеніе женщины, другими словами—полную свободу любви, и притязаніе на самостоятельное, равное съ мужчиною мѣсто въ общежитіи, въ умственной дѣятельности и пр., независимо отъ любви и материнства.

Этотъ послѣдній типъ—революціонный—получилъ у насъ широкое распространеніе, какъ извѣстно, гораздо позднѣе, но отдѣльныя представительницы его встрѣчаются уже и въ томъ поколѣніи, о которомъ идетъ рѣчь. Упомянутая выше М. Л. Огарева эмансипировалась совершенно сознательно и принципіально; съ полнымъ правомъ она писала въ своемъ дневникѣ: „Свѣту я никогда ничего не уступала—ни одного желанья, ни одного изъ своихъ убѣжденій, ни одного порыва любви, ни одной изъ моихъ шалостей“: такова дѣйствительно была ея жизнь. Но на первыхъ порахъ такія женщины, разумѣется, были въ рѣдкость. Русское общество въ цѣломъ было еще слишкомъ пропитано патріархальными традиціями, чтобы спокойно смотрѣть на такое революціонное выступленіе женщины, и если являлась женщина бурнаго темперамента, которая, начитавшись Жоржъ-Зандъ, смѣло брала себѣ свободу (а такихъ женщинъ, уже въ силу историческихъ условій, у насъ не могло быть много), то враждебное отношеніе общества очень скоро накладывало на эту свободу печать отверженія и тѣмъ самымъ фактически превращало ее въ распущенность, какъ и случилось въ дѣйствительности съ М. Л. Огаревой и ея литературной копіей—женой Лаврецкаго. Напротивъ, первый типъ, морально-освободительный, и по существу долженъ былъ предшествовать во времени второму, и несравненно больше его могъ разсчитывать на признаніе своихъ мирныхъ, гуманитарныхъ стремленій со стороны общества.

---

[1] Прекраснымъ образчикомъ этого типа является кн. М. Н. Волконская въ ея письмахъ, напечатанныхъ выше.

Е. П. Фролова, какъ показываетъ ея Записка, принадлежала къ первой категоріи, Н. А. Герценъ стояла на границѣ обѣихъ.

Нѣсколько словъ о воспитаніи женщины въ Россіи.

На дняхъ случилось мнѣ встрѣтится съ одной прекрасной женщиной, которая глядя на шестнадцатилѣтнюю дочь свою радовалась, что случай позволилъ ей вывезя милую А. за границу доставить ей тѣ удовольствія, которыя такъ естественно принадлежатъ юности и которыхъ часто лишаютъ у насъ принятые обычаи. Нѣсколько словъ этой счастливой матери и веселый видъ ея милой дочери, которая улыбкою своею казалось привѣтствовала открывающуюся предъ ней жизнь и природу, развернули предо мной картину часто печальной юности нашихъ дѣвушекъ. Одной изъ нихъ удалось избѣгнуть общаго приговора: провести *молодость* а потомъ часто и всю жизнь свою горестно и стѣсненно; это исключеніе живо представило мнѣ участь прочихъ. Часто занималъ меня этотъ предметъ; воспоминаніе о многихъ печальныхъ примѣрахъ, какъ безотрадно погибала жизнь стесняла душу мою. Вѣрно не малое число соотечественницъ нашихъ раздѣляютъ участье мое въ тѣхъ изъ нихъ для которыхъ жизнь еще стоитъ впереди; соединеніе силъ и стремленіе нѣсколькихъ лицъ возбудитъ можетъ быть и общее вниманіе родителей и наставниковъ.

Принявъ за цѣнтръ и двигатель дѣйствій нашихъ христіанскую и человѣческую добродѣтель, любовь къ ближнему, мы должны непремѣнно принять за цѣль ихъ добро, т. е. счастье ближняго, которое мы какъ по сердцу, когда оно не испорчено и чувствованія его не заглушены такъ и по предписаніямъ Евангельскимъ должны любить по меньшей мѣрѣ столько же сколько самихъ себя. По Христіанскому вѣрованію Христосъ любилъ насъ болѣе себя; но по несовершенству людей не требовалъ отъ нихъ не возможнаго и мы поставимъ здѣсь себѣ цѣлью только предписаніе а не примѣръ Его. Чтобы согласиться же въ смыслѣ слова счастья, требуется только чистая и искрѣнняя совѣсть, просто духовная честность, ее довольно чтобы признать, что человѣкъ тогда только истинно счастливъ когда имѣетъ сознаніе въ удовлетвореніи своихъ внутреннихъ требованій. Удовлетвореніе же это можетъ только существовать по мѣрѣ того какъ человѣкъ болѣе и болѣе *достигаетъ своего человѣческаго*

назначенія, болѣе и болѣе приближается, обработкою данныхъ ему отъ Бога способностей къ тому совершенству или верховному добру, которому онъ долженъ принадлежать по свидѣтельству души и совѣсти его, этихъ вложенныхъ въ него представителей Самаго Бога; это свидѣтельство одно и не измѣняемо есть святое; оно *одно* есть чистый, ясной законъ безъ примѣси выдумокъ и прихотей людскихъ, начертанный самимъ Творцомъ въ душѣ творенія своего; этотъ законъ должно человѣку учиться разбирать—и тутъ начинается для него работа. Чтобы сознать разумно для чего онъ живетъ, ему надобно мыслить; жить инстинктивно принадлежитъ и тварямъ низшей степени; мысль же развится можетъ только на просторѣ внѣ преградъ и границъ выдуманныхъ часто подъ предлогомъ сбереженья ей хорошаго направленія. Естественное направленіе души и разума человѣка, когда они не стесненны несчастьемъ или ложными наставленіями, *есть* къ добру и къ прекрасному; отрицать это значитъ отрицать Божественное и вѣчное добро; зло же происходитъ отъ страстей и слабостей, когда эти страсти и слабости хотятъ уничтожить притѣсненіемъ, вмѣсто того чтобы обратить ихъ въ добро чрезъ разумною и благотворную помощь. Все часто въ воспитаніи нашемъ ограничивается запрещеньемъ; зло, мы видимъ всюду и опасаемся его всюду, о добрѣ же забываемъ; все что къ нему ведетъ мы оставляемъ безъ помощи и наставленія или изъ страха зайти въ неизвѣстное для насъ, или изъ равнодушія къ внутреннимъ требованіямъ порученныхъ нашему попеченію молодыхъ сердецъ и умовъ. Никому кажется не ставится болѣе *препятствій*, какъ молодымъ нашимъ соотечественницамъ къ истинному и свободному образованію; ихъ какъ бы окружаютъ боязнею; большею частію имѣютъ въ виду не личное ихъ образованіе и счастье и судьбу тѣхъ, которыя должны когда нибудь отъ нихъ зависить а только внѣшній успѣхъ при вступленіи ихъ въ такъ называемый свѣтъ; эпоха эта настанетъ для нихъ въ восемьнадцать лѣтъ. Явиться въ свѣтъ ранѣе значитъ явится въ него безъ оконченнаго воспитанія, значитъ отдаться вопреки принятымъ законамъ естественному и потому въ мнѣніи этаго свѣта постыдному влеченью доставить дѣвушкѣ удовольствія общественной жизни. За преступленіе такого рода обвиняютъ или мать въ какой то провинціальной материнской слабости или укоряютъ отца, если бѣдная дочька оставлена его надзору, въ совершенномъ незнаніи свѣтскихъ непре-

клонныхъ законовъ. Въ послѣднемъ случаѣ молодая дѣвушка становится жертвою приговора отдѣляющаго ее отъ этаго лишеннаго *самостоятельныхъ мыслей* собранія людей; ее отвращаютъ отъ всѣхъ холоднымъ обращеніемъ, матери окружаютъ ее оскорбительною осторожностію въ пользу не погрешительныхъ и безжизненныхъ своихъ дочекъ; она бѣдняжка остается одна и вмѣсто прекраснаго союза человѣческой общественности, котораго ожидало ее юное и исполненное любви сердце, она находитъ одно только бездушное и машинальное движеніе человѣческихъ фигуръ. Если же бѣдная дѣвушка введена была прежде времяни въ столь чуждый для нее міръ матерью то приговоръ и неизбѣжное изгнаніе падаетъ на обѣихъ безъ пощады; онѣ удаляются, но къ несчастью рѣдко находятъ и дома то чего искали въ свѣтѣ, потомучто свѣтъ только имѣли цѣлью, къ нему только приготовлялись и лишаясь его они лишаются всего. Тѣ же молодыя дѣвушки, которыя при полномъ соблюденіи всѣхъ принятыхъ приличій вступили въ свѣтъ въ освященную его обычаями пору, находятъ въ немъ свойственную себѣ сферу; онѣ обречены на сохраненіе или распространеніе *ея* убійственнаго воздуха и о нихъ можно только молчать, какъ смертно молчатъ ихъ души, умы и сердца. Нѣкоторыя же впадаютъ въ эту сферу какъ въ непредвиденныя ими сѣти; болѣе богатая природа ихъ, вліяніе какихъ либо особыхъ обстоятельствъ или необыкновенныя силы души и мысли дѣлаютъ то что съ ними происходитъ неожиданный переворотъ отъ столкновенія ихъ съ тѣмъ свѣтомъ, которой долженъ былъ на всегда усыпить всѣ двигательные силы души и разума ихъ къ дѣятельности и добру; уничтоженіе духа человѣческаго въ тѣсной свѣтской жизни къ которому вело ихъ незамѣтнымъ образомъ воспитаніе, вызываетъ вдругъ неожиданную реакцію, подымаетъ всѣ усыпленные въ нихъ мысли и чувствованія, имъ вдругъ открывается, что мысль и сердце должны были вести къ чему то другому нежели въ этотъ свѣтъ въ которомъ онѣ ничего не находятъ и куда онѣ сами ничего не приносятъ; имъ вдругъ становится ясно, что духовные человѣческія потребности ихъ остались безъ развитія; онѣ требовали жизнь и дѣятельность для сердца и разума а ихъ вели къ призраку. Душа ихъ исполненная любви и жизни требовала сообщить другимъ богатство даровъ ея; но вмѣсто указанья достойнаго поля для ея дѣятельности, ее привели къ кладбищу на которомъ жизнь потухла и покрыта гладкимъ

и холоднымъ приличіемъ какъ полированнымъ мрамором; въ этѣхъ дѣвушкахъ старались заглушить всѣ признаки жизни уничтожительнымъ воспитаніемъ, умерщевляли все живое и можетъ быть все геніальное, ставя впереди всего и вмѣсто всего слова: послушаніе и приличіе.

Бѣдные Родители, какъ ладите вы съ сердцами вашими, когда покоряясь вѣрно безъ согласія родительскаго чувства вашего, принятымъ обычаямъ отказываете такъ жестоко духовную жизнь дѣтямъ вашимъ? Какъ шатко строите вы счастье ихъ, когда вмѣсто живаго корня истинны и добродѣтели мощнаго всегда и во всѣхъ случахъ бурной и трудной человѣческой жизни, вы только снабжаете ихъ слабыми способами одного послушанія, даете имъ только эту частную и зависящую отъ другихъ помощь. Эта помощь и въ лучшемъ своемъ вліяніи можетъ только лишать дѣтей вашихъ какъ возможности такъ и желанья развить способности свои и образовать въ себѣ ту дѣятельную твердость духа, которая одна можетъ поддержать человѣка на пути жизни, одна только можетъ научать его покоряться волѣ Божіей и быть дѣятельнымъ въ пользу ближняго. Чего можно ожидать отъ человѣка который привыкъ лѣниво во всемъ полагаться на другаго, котораго должна пугать мысль быть предоставлену однимъ своимъ силамъ! какой помощи могутъ ожидать дѣти отъ такихъ отцевъ и матерей? чѣмъ какъ не машинальной передачей той же ограниченности въ какой они были оставлены могутъ они служить въ пользу дѣтей своихъ? Гдѣ тутъ жизнь, гдѣ тутъ любовь, гдѣ тутъ назначеніе человѣческое? Для чего же раждаются и живутъ люди, для чего прошло надъ ними столько вѣковъ, для чего поколѣнія людскія слѣдуютъ одни за другими? Неужели для того что бы по окончанію индивидуальной или общей жизни ихъ, они явились бы къ Творцу своему съ безсовестнымъ отчетомъ, что они подобно бездушному растенію или безсмысленной твари неподвижно остались въ первобытномъ своемъ состояніи и что всѣ они не смотря на явную волю Творца, сотворившаго не однаго человѣка и ограничевшаго человѣчество не однимъ поколѣньемъ, не пріобрѣли болѣе и не произвели болѣе какъ бы то сдѣлалъ одинъ человѣкъ или одно поколѣніе. Безъусловный и отдѣльный законъ послушанья долженъ послѣдовательно вести къ такому результату. О приличьи же можно только сказать, что его самое существованіе такъ условно, что прежде нежели до него дойти надобно опредѣлить всѣ основанья

жизни и духа. Вопросъ приличья есть вопросъ мѣстной, вопросъ: гдѣ и когда? не говоря уже что оно находится само собою у благовоспитанныхъ людей и только служитъ внѣшнимъ выраженьемъ ихъ нравовъ и образованности; ставить же его въ особенное правило это можетъ вести къ ложному направленію и къ упущенію внутренняго содержанія образованности для одного внѣшняго вида ея. Впрочемъ какъ бы люди не старались втѣснить жизнь въ узкія границы своихъ остановленныхъ, неподвижныхъ понятій, она все таки изъ нихъ выступаетъ и уничтожать ее духовно человѣкъ безнаказанно не можетъ. Духовныя требованья жизни вопреки всѣхъ остановокъ продолжаются и человѣкъ въ наказаніе за не вниманіе къ нимъ всегда носитъ въ себѣ темное чувство упрека и неудовольствія. Каждая протекшая минута безъ принесенья по силамъ пользы другимъ и себѣ, безъ подвига въ сферѣ добра, истинны и распространенья ясныхъ понятій есть укоръ отъ котораго ничто не можетъ избавить и который дѣлаетъ жизнь болѣе и болѣе безполѣзною, темною, унылою. Такая жизнь въ полнѣ противорѣчитъ Божественному назначенью человѣка, противоположна Христіанскому ученью, по которому силы и способности дарованы человѣку не для сохраненія ихъ въ первобытномъ состояніи а еще менѣе для уничтоженія ихъ, но для обработыванья ихъ Священными и Божественными орудіями воли и разума. Только образованьемъ всѣхъ своихъ силъ и способностей человѣкъ можетъ стремится къ Высшему т. е. къ Богу, началу и концу его въ духовной жизни; оставляя же эти способности безъ воздѣлыванья, онъ можетъ только спускаться къ низшей степени тварей и чѣмъ ниже онъ будетъ падать тѣмъ болѣе будетъ въ немъ уничтожаться Духъ Божій и съ нимъ всякая радость. „Ищите Царствія Небеснаго въ самихъ себѣ“ говоритъ намъ Евангельское ученье, т. е. употребляйте данную вамъ жизнь къ достиженію всего того святаго и вѣчно добраго къ которому вы призваны, не умерщвляйте духъ, но напротивъ свято блюдите его, обрѣтая необходимую пищу для него—Свѣтъ.

Красивой образъ молодой дѣвушки, входящей въ гостинную, невольно представилъ намъ всю картину человѣческой жизни съ ея страданіями и возможными радостями. Бросимъ сперва взглядъ на годы дѣтства и перьвой юности протекшія уже для нашей милой красавицы; чѣмъ были они наполнены? собраны ли были въ нихъ та радость и внутреннее счастье, которыя по явному назначенію Про-

видѣнья такъ прямо принадлежатъ дѣтству и юности? развернуты ли были тѣ силы и способы, которые необходимы для исполненія человѣческаго призванія и истинная, и нѣжная любовь родителей или наставниковъ развили ли въ дѣтяхъ ту любовь къ ближнему, то вѣрованье въ прекрасное, которые одни могутъ во всѣхъ трудныхъ минутахъ и случаяхъ жизни сохранить въ человѣкѣ силу и твердость духа, удержать его отъ унынія и отчаянія? Къ прискорбію надобно сознаться, что еще по сію пору лѣта дѣтства и первой юности нашихъ молодыхъ дѣвушекъ проходятъ столько же безпомощно сколько и безотрадно.

Воспитаніе ихъ ограничивается отдѣльными и поверхностными уроками Религіи, исторіи, географіи, музыки, рисованья, иностранныхъ языковъ и т. д. Уроки эти вмѣсто того, чтобы питать жизнь ихъ, только изнуряютъ и отнимаютъ ее, потому что ихъ занимаютъ ими безъ моральнаго приготовленія къ умственнымъ занятіямъ, слѣдовательно безъ внутренняго ихъ требованья. Жизнь или время ихъ обыкновенно раздѣляютъ на три части; первую составляетъ внѣшняя религія или обряды церкви, которые нисколько не помогаютъ стремленіямъ ихъ сердца и души, вторую, скучные, тощіе уроки не имѣющія для нихъ никакой цѣли; третію, но эту признаютъ только украдкою, все то что должно бы природно составлять ихъ жизнь и существо т. е. стремленіе къ добру и прекрасному, къ пріятному для сердца, души и ума; противъ этой части вооружаются двѣ первыя и стараются уничтожить ее. Уничтоженіе уроковъ обѣщается въ восемьнадцать лѣтъ, но прекращеніе требованій одной внѣшней Религіи, никогда. Такой ложной Религіи святотатственно поручаютъ на всегда сохранить противорѣчіе и вѣчное несогласіе между всѣми простодушными, истинными и святыми чувствованіями, желаніями, дѣйствіями и правилами. Религія, вмѣсто того, чтобы по святому Божественному назначенію своему приносить и сохранять гармонію въ душѣ, вселяетъ въ нее только смущеніе отъмняющее разумъ и охлаждающее сердце. Она, стѣсненная въ одни узкія, наружные, матеріальные формы, не входитъ благотворно во всѣ части жизни, но стоитъ надъ ней безжизненно какъ послѣдній, вѣчный приговоръ. Жизнь въ своей дѣйствительности, со всѣмъ тѣмъ что въ нее вмѣщается труднаго, горестнаго и неудовлетворительнаго стоитъ отъ нее отдѣльно и не получаетъ отъ нее ни помощи, ни опоры, ни свѣта. Науки же и искуства имѣютъ также только отдѣльное значеніе; ими прилично

наполняется приготовительное время къ вступленію въ гостинной свѣтъ; послѣ того онѣ оставляются съ отвращеніемъ. Въ теченіи первой свѣтской зимы матери надѣются найти для дочерей своихъ выгодную партію; встрѣча же такой партіи и послѣдующій изъ нее союзъ на всю жизнь, должна случится обыкновенно на балахъ, гдѣ едва ли можно сказать другъ другу два слова; притомъ же хорошо воспитаннымъ молодымъ дѣвушкамъ не позволено говорить ни о чемъ составляющемъ внутренную жизнь: онѣ не должны касаться ни чувствованій сердца, ни требованій мысли, ни убѣжденій совѣсти; первое бы назвали сентиментальностью, второе педанствомъ, третіе во все не приличнымъ и даже вообще не понятнымъ; остается внѣшнее въ жизни, но и къ этому участіе такъ скудно и ничтожно когда все стесненно неподвижными границами принятыхъ обычаевъ и приличья. Да и могутъ ли быть живые интересы тамъ гдѣ уже изъ опытовъ дѣтства не вѣрится ни счастью, ни добру, ни истиннѣ, тамъ гдѣ значеніе всѣхъ предохранительныхъ, осторожныхъ, принятыхъ правилъ и формъ есть отдѣленіе людей отъ всякаго близкаго *сообщенія* и слѣдовательно отстраненіе ихъ отъ любви къ ближнему.—Къ тому же молчаніе называется въ молодыхъ людяхъ скромностію а въ старшихъ добродѣтелью и мертвая бездушность есть патентъ на благовоспитаніе. И такъ часто остаются для возбужденья интереса и разговора, красота *дѣвушки* или ловкость молодаго человѣка.

Молодой человѣкъ занимаясь своей бальной Дамой и влюбляясь въ красоту ея влюбляется въ то же время и въ свою ловкость, которая даетъ цѣну его похваламъ и вниманію. Молодая дѣвушка догадывается, что первыя, сладостныя и лестныя для сердца ея минуты принесены ей красотой и она для нее становится выше всего. Являются влюбленные; оставимъ неудачныхъ,—частная исторія несчастныхъ страстей и неудачной любви принадлежитъ не сюда, хотя и въ этомъ случаѣ покорное примиреніе съ волею Провидѣнья или отчаяніе часто зависятъ отъ того что до эпохи страстей было развернуто въ сердцѣ и умѣ. Послѣдуемъ за минутными счастливцами. Блескъ баловъ, модныхъ гуляній, прелесть неожиданныхъ встрѣчъ исполнили свое назначеніе и изъ влюбленныхъ сдѣлались супруги; но увы какъ скоро перестали они быть влюбленными. Ловкость нашего Героя все *еще* таже, но въ домашнемъ быту она остается не замѣтною; нуженъ балъ или скачька или парадъ или ка-

кое нибудь приключеніе съ экипажемъ, чтобы она бросилась въ глаза. Красота милой очаровательницы также еще не изчезла и утренній чепчикъ также къ ней присталъ какъ и бальная гирланда, но говорить о красотѣ хочется только тогда, когда для того ждешь балъ или свѣтлое утро для гулянья; общихъ же предмѣтовъ участья между ними нѣтъ.

Молодые супруги скоро начинаютъ удивляться зачѣмъ они обязаны жить вмѣстѣ, видѣться цѣлой день, зависить во многомъ другъ отъ друга, тогда какъ они другъ другу ничего не приносятъ, другъ отъ друга ничего не требуютъ, ничего не получаютъ, общаго ничего не ищутъ и слѣдовательно ничего не находятъ. *Они* спрашиваютъ *у себя, каждый* съ своей стороны, чего они искали и чего хотѣли когда желали соединить судьбу свою, когда думали, что имъ вѣчности не достанетъ для наслажденія взаимнымъ присудствіемъ; — на всѣ эти вопросы отвѣчаетъ имъ только пустота внѣшняя и внутренняя. Но вѣдь и прежде женидьбы были они безъ сомнѣнія тѣже и соединяясь они не измѣнились? Правда что другъ отъ друга они ничего не отняли, кромѣ—надѣжды. Прежде женидьбы они ожидали женидьбу, на нее полагались чтобъ избавиться отъ той безотчетной скуки, которая ихъ всюду преслѣдовала. Въ женидьбѣ они надѣялись найти готовымъ все то счастье, тотъ покой и ту жизнь на которые они чувствовали въ себѣ полное право. Но жнетъ человѣкъ только то что посѣялъ, находитъ духовнаго *только то что въ себѣ носитъ, видитъ* только то что освѣщенно для глазъ его; весь же міръ безъ внутренняго свѣта ясныхъ мыслей и возбужденнаго къ нему участья, остается не понятенъ, теменъ и печаленъ для духовнаго человѣка, какъ могутъ остатся непонятны и темны для глазъ его великолѣпныя картины природы или богато и пріятно украшенные комнаты, когда онъ находится посреди ихъ безъ свѣта.

Разлить же свѣтъ и возбудить участіе человѣка ко всему открывающемуся ему въ мірѣ можетъ только полно и свободно развившаяся въ немъ любовь къ человѣчеству; она одна только можетъ быть и довольно сильнымъ двигателемъ и достойною цѣлью для всегдашней дѣятельности его. Прочее же все шатко, потому что не истинно. Любовь же истинна какъ истинно и вѣчьно добро;—и то сердце въ которомъ не была подавлена эта любовь ложными и принужденными направленіями, то сердце всегда сохранитъ живительныя силы къ достиженію того добра которое есть связь человѣка съ Богомъ.

„Der Mensch verdient den Himmel nur wenn er ihn geniesst“ (человѣкъ тогда только достоинъ блаженства, когда онъ въ себѣ его носитъ) сказалъ одинъ немѣцкой писатель; простое и глубоко истинное слово, которое по приложенію словъ Христа можетъ быть понятно младенцамъ и остатся темнымъ для почитающихъ себя мудрыми. Дѣти достойны всякаго счастья и блага, они носятъ въ себѣ чистую радость, которая ведетъ къ нимъ. Обязанность родителей и наставниковъ свято и несмущено хранить ее какъ живительной источникъ тѣхъ духовныхъ и жизненныхъ силъ и той твердости воли которыя суть орудія каждаго человѣка къ принесенію пользы своимъ собратіямъ. Можетъ быть мы еще обращали мало вниманія на всѣ лишенья радостей и силъ, которымъ мы подвергаемъ дѣтей и воспитанниковъ нашихъ, затмѣвая для нихъ сладостную картину воспоминаній времяни и мѣста ихъ дѣтства и юности. Часто похищеньемъ *у нихъ* радостныхъ *и пріятныхъ* минутъ дѣлаемъ мы даже покушеніе на добрыя расположенія природнаго ихъ нрава; они безъ отчетно дѣлаются врагами человѣчества отъ котораго вмѣсто благорасположенія они получили только скуку и испытали только равнодушіе.

Нѣсколько начертанныхъ здѣсь словъ найдутъ можетъ быть отголосокъ въ сердцахъ родителей и наставниковъ, — можетъ быть возбудятъ они вниманіе и молодыхъ супруговъ начинающихъ впадать въ томительную скуку и чрезъ то будутъ способствовать къ разширенію *у насъ* дѣятельности такъ часто удушливо стесненной. Покуда существуютъ люди, по тѣхъ поръ существуетъ и призваніе каждаго человѣка къ дѣятельности.

Человѣкъ же только чрезъ человѣческое можетъ приближаться къ Богу, Который сотворя его человѣкомъ требуетъ отъ него только человѣческаго. Даровавъ ему способность любить, Богъ возложилъ на него обязаность сохранять эту способность и направлять ее къ высшимъ цѣлямъ, къ добру и счастью своихъ ближнихъ. Путь же къ этому добру мы всегда найдемъ когда отдадимся простымъ и естественнымъ чувствованіямъ души и сердца нашего, тому что Богъ вложилъ въ насъ прекраснаго и святаго.

Елизавета Фролова
урож. Галахова.

Флоренція.
Генварь. 1840.

X.

Дневникъ и письма Н. А. Герценъ.

Выше (стр. 221) указано, въ чемъ заключается цѣнность печатаемыхъ здѣсь дневника и писемъ. Наталья Александровна Герценъ была замѣчательная женщина, вполнѣ по-плечу Герцену; именно поэтому черты, характерныя для умонастроенія русской образованной женщины ея времени, выступаютъ въ ея духовномъ обликѣ особенно выпукло. Эти документы обнимаютъ значительнѣйшій періодъ ея жизни: отъ 1846 до 1850 или 1851 года, т. е. періодъ отъ разложенія московскаго кружка и отъѣзда Герценовъ за-границу, вплоть до тѣхъ семейныхъ событій, которыя повлекли за собою раннюю смерть Н. А. въ маѣ 1852 года; по этимъ документамъ можно прослѣдить, какъ медленно назрѣвавшій въ ней душевный переломъ былъ ею вполнѣ осознанъ и наконецъ сказался во-внѣ, въ ея неудачной попыткѣ выступить изъ рамокъ традиціи.

Какъ дневникъ, такъ и письма печатаются съ подлинниковъ, исключая второго и третьяго писемъ къ Огареву и послѣдняго письма къ Н. А. Тучковой, которыя печатаются съ копій, писанныхъ рукою А. И. Герцена. Помѣщаемыя здѣсь письма Н. А. къ Н. А. Тучковой (позднѣе Огаревой, второй женѣ Н. П. Огарева и второй же женѣ Герцена) были использованы Т. П. Пассекъ въ 3-мъ томѣ ея записокъ „Изъ дальнихъ лѣтъ“; но Пассекъ взяла изъ нихъ лишь многочисленные отрывки, и эти отрывки перемѣшала вполнѣ произвольно и напечатала крайне небрежно; здѣсь всѣ письма печатаются полностью, отчасти въ томъ порядкѣ, какъ они занумерованы Н. А. Огаревой-Тучковой.

[Дневникъ Н. А. Герценъ].

1846. Окт. 25.

Такъ много жилось и работалось, что мнѣ наконецъ жаль стало унести все это съ собою. Пусть прочтутъ дѣти, ихъ жизнь не дастъ имъ, можетъ быть столько опыта. Не знаю долго ли это будетъ, и что будетъ потомъ, но пока я жива—болѣе или мѣнѣе—они будутъ сохранены отъ этихъ опытовъ, хорошо ли это—не знаю, но какъ то нѣтъ силъ не отдернуть свѣчи когда ребенокъ протягиваетъ къ ней руку.

Не такъ было со мною, съ раннихъ лѣтъ или даже дней—отданная случайности и себѣ, я часто изнемогала отъ блужданія въ потьмахъ, отъ безъотвѣтныхъ вопросовъ, отъ того что не было точки подъ ногами на которой бы я могла остановится и отдохнуть, не было руки, на которуюбъ оперется.

Мое прошедшее интересно внутренними и внѣшними событіями, но я разскажу его послѣ какъ-нибудь, на досугѣ... Настоящее охватываетъ все существо мое, страшная разработка... до того все сдвинуто съ своего мѣста, все взломано и перепутано, что слова, имѣвшіе ярко опредѣленное значеніе цѣлыя столѣтія—для меня стерты и не имѣютъ болѣе смысла.—

30-е. Середа.

Сегодня я ѣздила съ Марьей Ѳедоровной [1] простится къ Огареву, онъ уѣзжаетъ въ свою Пензенскую деревню, и можетъ быть на долго [2]... горько разставатся съ нимъ, онъ много увозитъ съ собою. У Александра [3] изъ нашего кружка не осталось никого кромѣ его, я еще имѣю къ инымъ слабость, но только слабость... религіозная эпоха нашихъ отношеній прошла, юношеская восторженность, фантастическая вѣра, уваженіе—все прошло! И какъ быстро, шесть мѣсяцовъ тому назадъ, всѣ мы протягивая другъ другу руку, хотѣлось еще думать, что нѣтъ въ свѣтѣ людей ближе между собою,—или хотѣли думать, теперь даже и этого никому не хочется [4]. Какая страш-

[1] [М. Ѳ. Коршъ.]

[2] [Натальѣ Александровнѣ послѣ этого больше не пришлось увидѣться съ Огаревымъ; чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ она уѣхала за-границу, и тамъ въ 1852 г. умерла, а Огаревъ все оставался въ Россіи.]

[3] [„Александръ“ здѣсь и всюду дальше—мужъ Н. А., т.-е. А. И. Герценъ.]

[4] [Рѣчь идетъ объ извѣстной размолвкѣ между Герценомъ-Огаревымъ и Грановскимъ, о чемъ см. „Былое и Думы“ гл. 32-я, и нашу „Исторію Молодой Россіи“, стр. 232 и д.]

ная тоска и грусть была во всѣхъ, когда сознали, что нѣтъ этой близости, какая пустота, будто послѣ похоронъ лучшаго изъ друзей, и въ самомъ дѣлѣ были похороны не одного, а всѣхъ лучшихъ друзей. У насъ остался одинъ Огаревъ, у нихъ не знаю кто.—Однакоже, мало по малу силы возвращаются, проще, самобытнѣе становится, будто сошелъ со сцѣны и смотришь на нее изъ партера; игра была откровенна, все же было трудно, тяжело, не естественно. Разошлися по домамъ, теперь хочется уѣхать подальше, подальше...

Ноябрь 1-е.

Да, уѣхать,—мы уже нѣсколько лѣтъ собираемся въ чужіе края, здаровье мое разстроено, для меня необходимо это путешествіе; писала прозьбу къ Императрицѣ пять лѣтъ тому назадъ—все безполезно, Александръ ѣздилъ въ Петербургъ въ прошломъ мѣсяцѣ, хлопоталъ, хлопоталъ, Ольга Александровна Жеребцова расположена къ намъ какъ нельзя лучше, она много можетъ, и она хлопотала, Дуппельтъ, Орловъ желали этаго и не могли ничего сдѣлать. Прежде нужно освободится отъ надзора полиціи, который уже продолжается одиннатцать лѣтъ [1]. Пошла бумага объ этомъ въ Петербургъ — что то будетъ. Впрочемъ я какъ то спокойнѣе ожидаю теперь позволенье и отказъ. Что это,—равнодушіе или твердость? Но на все смотришь спокойнѣе, удовлетворенія все меньше и меньше и требовательности меньше... не резигнація ли это? Какое жалкое чувство, нѣтъ, лучше сердится или страдать. Отъ чего же я не сержусь и не страдаю, и не сознаю резигнаціи,—и не равнодушіе это,—стало твердость. Повременамъ я чувствую страшное развитіе силы въ себѣ, не могу себѣ представить нещастія, подъ которымъ бы я пала. Послѣдній припадокъ слабости со мною былъ въ Іюнѣ, на дачѣ, тогда какъ разорвалась цѣпь дружескихъ отношеній и каждое звѣно отпало само по себѣ. У меня поколебалась вѣра въ Александра, не въ него, а въ нераздѣльность, въ слитость нашихъ существованій, но это прошло какъ болѣзнь и не возвратится болѣе. Теперь я не за многое поручусь въ будущемъ, но поручусь за то, что это отношеніе останется цѣло, сколько бы не пришлось ему выдержать толчковъ. Могутъ быть увлеченія, страсть но *наша любовь* во всемъ этомъ останется невредима.

---

[1] [Со времени ссылки А. И. Герцена въ Вятку, весною 1835 г.]

2-е. Суббота.

Теперь далеко О. Какъ хорошо ему in's Freie!... Что за чудный человѣкъ. По фактамъ, по внѣшней жизни его — я никого не знаю нелѣпѣе; за то какая мощь мысли, твердость, внутренняя гармонія,— въ этомъ отношеніи онъ выше Александра, со мною никто въ этомъ не согласенъ, всѣ почитаютъ его слабымъ, распущеннымъ до эгоизма, избалованнымъ до сухости, до равнодушія,—никто его не понимаетъ вполнѣ, даже Александръ не совсемъ, оттого, что наружное слишкомъ противурѣчитъ съ внутреннимъ. И я не могу объяснить этаго, доказать, но довольно видѣть его наружность, чтобы понять, что этотъ человѣкъ не рядовой, что натура его божественна (выражаясь прежнимъ языкомъ). Въ наше время онъ не могъ ни чего изъ себя сдѣлать, и самое воспитаніе отняло у него много средствъ. Можетъ быть я и тутъ еще увлекаюсь, можетъ быть, но я не могу устоять противъ этаго влеченія. Разъ, просидѣвши со мной часа три онъ сказалъ, что еще не соскучился—пріятнѣе этаго комплимента я еще не отъ кого не слыхала въ мою жизнь, и это потому, что онъ сказалъ мнѣ его. Любишь его безкорыстно, какъ то и не думается, чтобъ онъ тебя любилъ, отъ другихъ требуешь любви, уваженья, требуешь покорности; отчего, почему все это такъ—незнаю. Отъ иныхъ не требуешь вовсе ни чего потому что не замѣчаешь ихъ — отъ него вовсе не потому. Ему не смѣешь ничего пожелать, такъ сильно сознаніе его свободы и воли.

4-е. Понедѣльникъ.

Какъ тяжело бываетъ съ нѣкоторыми изъ прежнихъ близкихъ, въ бесѣдѣ съ ними нѣтъ болѣе ни содержанья, ни смысла. Какъ тяжело притворятся, и притворяешся не для того чтобъ обмануть, а еще нѣтъ силы выказать насколько мы стали далеки, мнѣ объ этомъ трудно говорить даже съ Александромъ. И между тѣмъ есть полное убѣжденье, что мы не виноваты въ томъ, что отошли отъ нихъ далеко, что мы не можемъ быть близки,—нѣкоторыя благородныя черты не удовлетворяютъ настолько. Преждѣ это какъ то натягивалось внутри себя, не отдавая себѣ полнаго отчета,—теперь это невозможно. Какая то потребность, жажда, открывать во всемъ истинну насколько бъ это не было больно, хотябъ куски собственнаго тѣла вырывались съ ложнымъ убѣжденьемъ. Видно возрастъ такой пришелъ. Оттого и

разошлись мы, что они боятся всякой правды, еще имъ нравятся сказки и дѣтскіе игрушки а это возбуждаетъ негодованье и сожалѣнье. Иные это дѣлаютъ съ хитростью, желая обмануть самихъ себя—тутъ есть еще надежда; откровенное же ребячество—жалко.— До такой степени для меня измѣнило все свое значенье, что то, что преждѣ казалось трогательно и вызывало нѣжное, какое то неопредѣленное сочувствіе—теперь возмутительно и возбуждаетъ гнѣвъ. На примѣръ Сатинъ [1], мнѣ его долго было жаль, долго хотѣлось сохранить его, такая любящая натура — и онъ все хотѣлъ замѣнить любовью, но полнаго сочувствія, сознательнаго согласія никогда не было. Въ послѣдній мой разговоръ съ нимъ до того все натянулось что порвалось. Я молчу сколько можно и ужь не прикрою ни одиой правды когда нужно говорить—для меня это невозможно. Его нѣжность, его ласки, попечительная любовь, страданіе о томъ что никто не отвѣчаетъ на эту любовь вполнѣ, все это ни что иное какъ слабость, недостатокъ содержанія въ самомъ себѣ и ограниченность притомъ. Пять лѣтъ тому назадъ, уѣзжая за границу, онъ оставилъ меня идеаломъ женщины, такою чистою, святою, погруженную совершенно въ любовь къ Александру и Сашѣ [2], не имѣющую никакихъ другихъ интересовъ; возвратившись нашелъ холодною, жесткою, и совершенно подъ вліяніемъ Александра, распространяющаго теорію ложной самобытности и эгоизма. Я не пережила ничего (т. е. со мною не случилось никакихъ нещастій?) и потому не могу знать жизнь и понять истинну, выработать же это мыслью—не свойственно женщинѣ. Ну тутъ трудно возражать. Такое пониманье очень обыкновенно между людей но пока С. не высказалъ его вполнѣ, я ни когда бъ не повѣрила что онъ до такой степени тупъ. Въ немъ много благороднаго, много готовности на всякую услугу, я никогда не протяну ему руки безъ уваженья и холодно.

5-е. Середа.

Что это какъ нелѣпо устроена жизнь! и вмѣсто того, чтобы облегчить, прочистить себѣ какъ-нибудь дорогу—люди отдаются слѣпому произволу, идутъ безъ разбору, куда онъ ихъ ведетъ, страдаютъ, погибаютъ съ какимъ то самоотверженьемъ какъ будто не въ

---

[1] [Н. М. Сатинъ; о немъ см. выше, стр. 165].

[2] [Сынъ Нат. Алекс.—Александръ (А. А. Герценъ)].

ихъ волѣ существовать хорошо. Иные съ большимъ трудомъ выработали себѣ внутренную свободу, но имъ нельзя проявить её, потому что другіе оставаясь рабами въ самихъ себѣ—не даютъ имъ и другимъ воли дѣйствовать, и все это такъ безсмысленно, безотчетно, сами не понимая что дѣлаютъ, и за чѣмъ? Ну а тѣ, которые понимаютъ? Имъ трудно отстать отъ предразсудковъ, какъ отъ вѣрованія въ будущую жизнь, они добровольно оставляютъ на себѣ цѣпи, загораживаютъ ими дорогу другимъ и плачутъ о нихъ и о себѣ.— Иногда въ бѣдности есть столько жестокости, гордости, столько неумолимаго, какъ будто въ отмщеніе (но кому въ отмщеніе) за то что другіе имѣютъ больше средствъ, она казнитъ ихъ этими средствами не желая раздѣлить ихъ съ ними. И это истинная казнь! Сидѣть за роскошнымъ столомъ, покрытымъ драгоцѣнными ненужностями и *не смѣть* предложить другому самаго необходимаго. Тутъ сдѣлается противно все, и самъ себѣ покажешся такъ жалокъ и ничтоженъ. Я всегда была довольно равнодушна къ украшеніямъ, даже къ удобствамъ жизни, однако же иногда бывали желанія имѣть что нибудь, чего нельзя было; теперь мнѣ противно всякое излишнее удобство, такъ бы хотѣлось подѣлиться съ тѣми, у кого нѣтъ и необходимаго—единственное средство безъ угрызенія пользоваться самому богатствомъ, а тутъ не смѣешь предложить, или получаешь отказъ... не простительная жестокость!

11-е. Понедѣльникъ.

Получили письмо отъ Огарева. Онъ пишетъ что для него Ал., я и еще одно существо нигдѣ и никѣмъ не замѣнимы. У меня захватило духъ когда я прочла эту фразу. Онъ не лжетъ, но не ошибается ли, если же это правда, и если это долго не измѣнится — я не могу себѣ представить выше щастія. Такая полная симпатія... а мнѣ и прежде казалась иная симпатія полной, а наконецъ выходило изъ нее полное отчужденіе... Пусть, пусть это юношеская мечта, увлеченье, ребячество, глупость—я отдаюсь всей душой этой глупости, послѣ Алек. никого нѣтъ, кого бы я столько любила, уважала, никого, въ комъ бы было столько человѣчественнаго, истиннаго. Онъ грандіозенъ въ своей простотѣ и вѣрности взгляда. Мнѣ тяжело бы было существовать, еслибъ онъ пересталъ существовать и у Ал. это единственный человѣкъ вполнѣ симпатизирующій ему. Если все это мечта—такъ ужь навѣрное послѣдняя. И то она одна, въ чистомъ

полѣ, ничего нѣтъ, ничего нѣтъ кругомъ... такъ, кой гдѣ былинка... Дѣти—это естественная близость, ей нельзя не быть, общіе интересы тоже, и это наполняетъ ужасно много, не прибавляя къ этому ничего можно просуществовать на свѣтѣ, но я испытала большее, я отдавалась дружбѣ отъ всей души, и кто же этаго не знаетъ, что отдавая берешь вдвое болѣе, и все это исчезло, испарилось; и какъ грубо, какъ неблагородно разбудили и показали что все это *мнѣ* снилось... Разбудить надо было, горькое, реальное, всегда лучше всякаго бреда — это не естественная пища человѣку и рано или поздно онъ пострадаетъ отъ нее; но не такъ бы *безчеловѣчно* разбудить; меня оскорбляетъ только манера, въ ней было даже что то пошлое, а мнѣ хотѣлось бы, чтобъ память моего идеала осталась чиста и свята.

13-е.

О великая Сандъ, такъ глубоко проникнуть человѣческую натуру, такъ смѣло провести *живую душу* сквозь паденія и развратъ и вывести ее невредимую изъ этаго всепожирающаго пламени. — Еще четыре года тому назадъ Боткинъ [1] смѣшно выразился объ ней что она Христосъ женскаго рода, но въ этомъ правды много. Что бы сдѣлали безъ нее съ бѣдной Lucrezia Floriani, у которой въ 25 лѣтъ было четверо дѣтей отъ разныхъ отцовъ, которыхъ она забыла и не хотѣла знать гдѣ они; слышать объ ней щитали бъ за великой грѣхъ, а она становитъ ее передъ вами и вы готовы преклонить колѣна передъ этой женщиной. И тутъ же рядомъ вы смотрите съ сожалѣньемъ на выученую добродѣтель Кароля, на его узкую, корыстолюбивую любовь. О! если бъ не нашлось другого пути, да падетъ моя дочь тысячу разъ—я приму её съ такою же любовью, съ такимъ же уваженьемъ лишь бы осталась жива её душа, тогда все перегоритъ и все сгоритъ нечистое; останется одно золото.

Дочитала романъ, конецъ не удовлетворителенъ.

1847-го Января 10-е.

Уѣзжаемъ 16-го. Опять все симпатично и тепло... всѣхъ люблю, вижу что и они любятъ насъ. Съ большою радостью уѣзжаю, чувствую что съ радостью буду возвращатся. Настоящее хорошо, отдаюсь ему безотчетно.

---

[1] [Вас. Петр. Боткинъ.]

[Письма Н. А. Герценъ къ Н. П. Огареву.]

1.

(Декаб. 1846. Москва) [1]

24-е. Поздно вечеръ. Всѣ у Корша на елкѣ; я не совсемъ здарова и потому дома.

Прочла твое письмо къ М. Ѳ. [2], не понравилось оно мнѣ, я какъ то не привыкла тебя видѣть въ такомъ ровномъ, порядочномъ расположеніи. Не прими это за упрекъ тебѣ; нѣтъ, это мой недостатокъ и недостатокъ ужасный, потому что онъ мѣшаетъ мнѣ и другимъ жить со мною. Такъ много понимать и не имѣть силы сладить съ этимъ, не имѣть твердости пить равно горькое и сладкое, а останавливатся на первомъ—жалко! И это все я понимаю какъ нельзя больше и все таки не могу выработать себѣ не только наслажденья, ни даже снисхожденья. Мнѣ бы хотѣлось чтобъ ты понялъ какъ это все и почему,—объяснять лишнѣе, если самъ не понимаешь, да мнѣ же и трудно говорить и писать много—отъ непривычки. Хорошее я понимаю внѣ себя, отдаю ему должную справедливость, а въ душѣ отражается одно мрачное и мучаетъ меня и терзаетъ. Много тутъ вины людской, а моей еще больше. А что перемѣнитъ меня—не знаю... а жизнь идетъ, идетъ и прожито ужь много лѣтъ.

Сегодня долго мы говорили съ Гр. [3]—опять таже симпатія, теплая, возносящаяся выше убѣжденій, выше всего, и все это такъ искренно, такъ горячо, такъ нѣжно—и тутъ мой демонъ не допускаетъ меня отдатся безотчетно. Среди всего этаго встаетъ чудовищная мысль, что завтра будетъ снова отреченье и также искренно и отъ души какъ примиренье нынче—и такъ становится пусто и равнодушно; и чтожь за шашки люди, и что играетъ ими? и что за цѣль этой игры? Бывало еще лучше, за одно слово, за одну мысль готовъ распять человѣка или за него идти на крестъ. Теперь привыкъ *ко всему*, щеки не разгараются, сердце не рвется изъ груди, какой то ядъ переливается по всему существу, а лицо спокойно, и стра-

---

[1] [Написано сверху рукою Герцена.]

[2] [М. Ѳ. Коршъ.]

[3] [Грановскимъ.]

даешь спокойно, или какъ это сказать, лѣниво, тупо. И не хочется *спасать* и не хочется гибнуть.

Скажи пожалуста, понялъ ты что нибудь изъ того что я тебѣ говорила? Если нѣтъ, такъ лучше я и мучить тебя не стану попустому. Лучше я поговорю съ тобой пристойно и прилично какъ со всѣми, что мы собираемся въ дорогу, покупаемъ чемоданы, что какъ пріятно путешествовать и видѣть разныя рѣдкости и привезти много хорошихъ вещей за дешевую цѣну—и т. д. Дайже мнѣ твою руку и скажи со мною вмѣстѣ что тебя ничто не удовлетворяетъ, что ты ни чемъ, ни чемъ не доволенъ, а потомъ научи меня радоватся, веселится, наслаждатся, у меня все есть для этаго, лишь развѣй эту способность.

Вчера было рожденье Марьи Ѳ., мы его праздновали у насъ, и молча съ ней пили тостъ, который пьемъ всегда молча.—А какъ мнѣ жаль что вы не увидѣтесь съ Александромъ. У—какъ звонятъ колокола; заутреня.

Прощай, работай, работай. Я бъ сама работала кабы у меня не было столько дѣла.

2.

Съ дороги (къ Огареву).

Въ началѣ 1847.

Прощай Caro! Прощай, я жду много наслажденій, мнѣ и теперь не смотря на всѣ хлопоты съ дѣтьми хорошо. Наслаждайся, трудись и ты! Желаю чтобъ ты встрѣтился съ Москвою, такъ какъ мы простились съ нею, да кажется иначе и быть не можетъ. А какіе люди то всѣ дѣти! дѣти! Мнѣ жаль только М. Ѳ. Она ѣхала съ большимъ желаніемъ, а все плачетъ, скажу откровенно я этаго уважать не могу, это своего рода распущенность, а впрочемъ для меня большое счастье что она съ нами.

Руку—прощай!

3.

Изъ Парижа.

3 Августа 1847.

Твои письма имѣютъ такое дѣйствіе какъ будто, сидя долго въ душной, мрачной комнатѣ вдругъ отворишь окно—свѣтло, чистый воздухъ, живъ, да живъ въ самомъ дѣлѣ, а не такъ какъ плелося

въ мысляхъ пока лежалъ въ креслахъ въ лѣни, въ полудремотѣ, выглянувъ въ окно хочется умыться, одѣться и идти—куда не знаю, только идти, идти!... и вѣрится что будетъ хорошо, больше чѣмъ хорошо, что будешь дѣлать—и силы расправляются какъ крылья у птицы, когда она хочетъ летѣть. Да, другъ, какъ жить тяжело. И хорошо жить какъ, другъ! Я бы тебѣ написала многое что я чувствую и думаю еслибы это не было написано въ твоемъ письмѣ ко мнѣ, мнѣ смѣшно иногда читать какъ можно до такой степени сходно понимать, а ощющать иное. Я ужъ кажется разъ просила тебя необижаться этимъ, надѣюсь, ты исполнишъ мою просьбу?

Въ хозяйствѣ твоемъ я ничего не понимаю, а вѣрю что должно быть хорошо. А что же школа будетъ у тебя въ деревнѣ? Тогда мы привеземъ нашихъ дѣтей туда учить, и учителей, я сама буду учить чѣму умѣю, и М. Ѳ. привеземъ потому что вѣрно и Ѳедя [1] будетъ въ этой школѣ. Саша учится здѣсь гимнастикѣ, а тогда ужъ не надобно будетъ возлѣ лѣсъ и рѣка есть. Заводи же поскорѣе школу, а я здѣсь научюсь поскорѣе, да мы выпишемъ туда и Гр. преподавать исторію, твоего и нашего состоянія вмѣстѣ достанетъ, чтобъ учредить все и содержать всѣхъ хорошо, только вина не будемъ выписывать много, да вино и заниматься будетъ мѣшать. Составь выборъ книгъ, мы запасемся здѣсь чѣмъ нужно—и выростетъ юное поколѣніе и будетъ учить. Мы состаримся, умремъ и будемъ жить въ нихъ. А похоронятъ насъ въ твоей деревнѣ. Большіе люди какъ дѣти, которые заигрываются до того куклой что воображаютъ ее живою, а она изъ тряпочекъ, да только. Моя кукла не изъ тряпочекъ, а не умна она оттого что холодно.

[Письма Н. А. Герценъ къ Н. А. Тучковой.]

1.

[Римъ, зима 1847—48 г.]

Вотъ мнѣ и неловко сегодня отъ того, что я васъ невидала и не слыхала о васъ. Скажите мнѣ хоть здоровы ли вы?

Ваша Н. Герценъ.

---

[1] [Племянникъ М. Ѳ. Коршъ, здравствующій понынѣ академикъ Ѳ. Е. Коршъ.]

Александръ возмутился тѣмъ что я посылаю спрашивать о здоровьи—напомнило Русь и Русскую дворню, которую для разсѣянья и для занятія (праздность мать порока) разсылаютъ освѣдомляться о здоровьи здоровыхъ родственниковъ—чтобъ успокоить его и придать этому поступку Европейской видъ—посылаю очень хорошій гидъ, которымъ совѣтую занятся въ дурную погоду.

М. Ѳ. вамъ кланяется.

[На оборотѣ:] Mademoiselle Helene ou Natalie Toutchkoff.

2.

[Римъ, зима 1847—48 г.]

Вчера до послѣдней минуты 12-го часа мы не отчаявались васъ видѣть—что могло васъ остановить? Съ горя я принялась гадать для всѣхъ въ Гётѣ, вамъ вышло:

„Grün ist der Boden der Wonung, die Sonne scheint durch die Wände...

Да, милыя, юныя друзья мои grün ist der Boden, и die Sonne scheint durch die Wände и для васъ, повѣрьте мнѣ, лишь оглянитесь, вглядитесь—не принебрегайте настоящимъ, будущаго нѣтъ, вѣдь вовсе нѣтъ, подумайте хорошенько... есть только то, что *есть*—вы подумаете что я вамъ хочу мораль читать—совсѣмъ нѣтъ, я вамъ показать только, какъ безсовѣстно отнимать и у другихъ—настоящее, *можетъ* мы увидимся въ Акшинѣ [1], можетъ... но вѣдь что можетъ быть то можетъ и не быть, а что вы въ Римѣ—это вѣрно, и поэтому... (надоѣлъ кудрявый слогъ) поэтому вы должны непремѣнно уже пріѣхать къ намъ.

ваша Н. Герценъ.

А Алек. Ал. [2] скажите, что соловья баснями не кормятъ, онъ думаетъ, что я повѣрю, что я *прелестная дама*, да и забуду что онъ обѣщалъ вчера васъ привезти и не привезъ—нѣтъ, я не забуду ни того ни другого!—

---

[1] [Деревня Н. П. Огарева въ Пензенск. губ., Старое Акшено.]

[2] [Отецъ Нат. и Ел. Тучковыхъ, Алексѣй Алексѣевичъ.]

3.

[Римъ, зима 1847—48 г.]

Natalie, посылаю вамъ два гида, можетъ быть они вамъ пригодятся для нынѣшней прогулки. Нѣсколько словъ, недосказанныхъ вчера: если вы щитаете себя въ правѣ отнять жизнь у самаго ничтожного насѣкомого, у послѣдней былинки—безъ нужды и безъ пользы, если признаете въ себѣ право не потрудится даже обойдти ихъ если они встрѣтятся на вашей дорогѣ и раздавить—тогда я не отнимаю у васъ права пренебрегать вашимъ собственнымъ здоровьемъ. Не надо на себя брать такъ много, чтобъ щитать себя своею собственностью, въ этомъ слишкомъ много эгоизма; положимъ мнѣ жизнь тяжела, мнѣ легче не существовать—да какже я смѣю сломить звено изъ общей цѣпи?.. Какъ я смѣю оставить его заржавить или испортится отъ чего бъ то небыло?.. Безразсудное своеволіе вредно въ мѣлочахъ, а человѣкъ—цѣлый міръ. Это не мораль, я сообщаю мою мысль и вызываю васъ какъ гладіаторъ боротся.

Ваша Н. Герценъ.

Hélène жму руку до свиданья!

4.

[Вѣроятно, въ Римѣ, зимою 1847—48 г. или въ Парижѣ, весною 1848 г.]

Съ тѣхъ поръ какъ я тебя узнала, вопросъ о твоей жизни сталъ для меня на равнѣ съ самыми близкими, съ самыми необходимыми вопросами для меня; рѣдкой день и даже не знаю былъ ли онъ—я засыпала и просыпалась не думая о тебѣ, тревожное чувство, которымъ проникнута любовь моя къ дѣтямъ—проникнуло любовь мою къ тебѣ и сдѣлалось необходимымъ элементомъ моей жизни вѣроятно до конца ее.

Встрѣча съ тобой—внесла столько прекраснаго въ мою душу, сдѣлала меня на столько лучше... да, да, не смѣйся этому, я не въ припадкѣ дѣлать комплименты, а если это и припадокъ—такъ онъ такъ долго продолжается, что я признаю его за нормальное состояніе, и такъ я повторяю тысячу разъ, что твое явленіе, чувство возбужденное тобою во мнѣ дало мнѣ много наслажденья, часто, среди

самаго смутнаго состоянья, тяжелаго—воспоминанье о тебѣ успокаиваетъ, возвращаетъ силы и я съ новой энергіей принимаюсь жить... но зато также часто, точно холодная и жесткая рука сжимаетъ и останавливаетъ душу, вопросъ: но что я для нее сдѣлала? не потому чтобъ *я* хотѣла что нибудь сдѣлать, а потому что *для тебя* хотѣлось бы сдѣлать... Съ перваго и до послѣдняго разговора нашего у тебя ничего нѣтъ въ жизни... я даю тебѣ себя... но что же я, разумѣется лучше чѣмъ ни чего... но болѣе я не могу дать ни чего... Я бы хотѣла дать тебѣ самое тебя, какая бездна, бездна жизни!.. И какое произвольное самоуничтоженье! вотъ что мнѣ страшно больно, что ставитъ во мнѣ все верхъ дномъ... столько силы, развитія, глубины, пониманья—и все это бросается съ пренебреженьемъ зато что кто то, тотъ или другой—не въ состояніи понять и оцѣнить тебя... да начни съ того чтобъ понять и оцѣнить сама себя, что за строгость *къ другимъ?* И сколько въ этомъ дѣтства, *мѣлкаго* эгоизма, мѣлкаго говорю я, потому что эгоизмъ основаніе всему, эгоизмъ—любовь, эгоизмъ все, но *мѣлкое* пойми, что бы не было мѣлкое, сама любовь—жалка, унизительна, ненавистна для меня... и въ тебѣ эта черта раздираетъ мнѣ душу. Я знаю что *это* пройдетъ, многое пройдетъ, все пройдетъ... мнѣ оскорбительно предоставлять жизни сдѣлать изъ тебя то что она хочетъ, или что ей случится, я бы хотѣла чтобъ ты изъ жизни сдѣлала то что ты хочешь сдѣлать, но нѣтъ, это все слишкомъ неопредѣленно, произвольно, ты должна сдѣлать то что ты можешь сдѣлать *„кому болѣе дано, отъ того болѣе и потребуется“*—вникни въ глубочайшій смыслъ этихъ словъ Христа.—Наконецъ, какъ человѣкъ, во имя человѣчества, я требую отъ тебя не унижать его! Да какое ты имѣешь право, изъ за того, что *окружающіе тебя* не удовлетворяютъ тебя, бросать себя? Да что тебѣ до нихъ, развѣ ты не ты? Помоги имъ, состраданьемъ, снисхожденьемъ, если болѣе не чѣмъ, а бросать себя подъ ноги имъ... Но, довольно, дай руку, у меня слишкомъ много вѣры въ тебя, или лучше я слишкомъ много тебя знаю, чтобъ продолжать мое письмо.

Не знаю отдамъ ли я это письмо, страшная была потребность написать то что написано, за чѣмъ?.. А за чѣмъ солнце свѣтитъ, за чѣмъ дождь идетъ, за чѣмъ птица летитъ въ ту а не въ другую сторону, за чѣмъ? за чѣмъ? *Да зачѣмъ жизнь?* вотъ отвѣтъ.

5.

[Карандашемъ.—Вѣроятно въ Римѣ, зимою 1847—1848.]

Портниха сказала, что она не знаетъ гдѣ отдаются на прокатъ амазонки и думаетъ что въ Римѣ этаго найдти нельзя. Мнѣ досадна эта неудача, сколько за васъ, столько же за себя, потому что и мнѣ захотѣлось наконецъ покататся съ вами вмѣстѣ. — Съ горя пойдемте хоть пѣшкомъ гулять, если вамъ можно я зайду за вами въ пятомъ часу. Особенно мнѣ хочется увидѣтся съ Hélène, послѣднѣе время я еще болѣе полюбила ее, j'ai une solicitude infinie pour elle, и меня мучаетъ жестоко то, что cette même solicitude прибавила горечи въ ее жизнь. Впрочемъ, если смотрѣть на одни факты, на одни наружныя проявленія—и останавливатся на нихъ—то мы Богъ знаетъ до чего дойдемъ, смотрѣть на нихъ надо, но не останавливатся, пусть взоръ проникаетъ глубже, и да сопровождаетъ *довѣріе* его проницательность!—Обнимаю васъ обѣихъ крѣпко, крѣпко...

6.

[Вѣроятно въ Римѣ, зимою 1847—1848 г.]

Если M-elle Michel[1] такъ добра, что возметъ на себя трудъ купить и мнѣ на амазонку (полагаюсь на васъ выбрать цвѣтъ—хоть черный)—то посылаю для оной 100 фр.—

Natalie придетъ сегодня Рейхель?[2] *Попросите пожалуста* придти его ко мнѣ. Прошу у васъ *всѣхъ* позволенія брать Сашѣ уроки на вашихъ фортопіано, и подъ вашимъ глазомъ Natalie?

[На оборотѣ:] Hélène ou Natalie.

7.

[Римъ, зима 1847—48 г., или Парижъ, весна 1848 г.]

Совѣстно мнѣ поздравлять съ праздниками, съ имянинами, а съ днемъ вашего рожденья Алексѣй Алексѣевичь поздравляю отъ всей

---

[1] [Гувернантка Тучковыхъ.]

[2] [Пріятель Герцена, Бакунина и др., музыкантъ.]

души васъ, ваше милое семѣйство и всѣхъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ кому оно облегчило существованіе.

Саша здаровъ—и мы надѣемся имѣть удовольствіе отобѣдать у васъ со всѣми, кромѣ М. Ѳ. которая не рѣшается оставить дѣтей, а пріѣдетъ когда они улягутся.—Съ большого и до малаго Александра все наше семѣйство приноситъ вамъ и вашему семѣйству искреннія поздравленія

ваша Н. Герценъ.

8.

[Парижъ, весною 1848 г.]

Какъ бы хотѣлось хоть взглянуть на васъ, хоть дотронутся до васъ,—нельзя! и скороль будитъ можно?.. Но какъ далеко не увезутъ васъ отъ меня, вы всегда будите со мною. И пусть жизнь уноситъ васъ дальше, дальше, лишь бы вамъ было лучше, пусть будетъ лучше до того, чтобъ вы меня могли забыть, я не забуду васъ, какъ стволъ дерева живетъ одною жизнью съ его вѣтвями—такъ ваша жизнь сливается съ моею, во мнѣ.—Отняли тебя у меня моя Тата!.. [1] Будь тѣмъ, чѣмъ ты можешь быть.—

И ты мой милый пажъ, не унывай, мнѣ такъ отрадно думать, что вамъ будетъ хорошо, я такъ крѣпко въ это вѣрю!—Ваша Natalie.

Тургеневъ бываетъ у насъ, онъ все еще нездоровъ.

[На оборотѣ:] Тремъ голубымъ косыночькамъ.

9.

[1848 г.]

Теперь къ тебѣ моя Тата, моя чудесная, Consuello di mi alma! Мнѣ хотѣлось къ тебѣ писать послѣ всѣхъ, не знаю почему. Какъ я чувствую что тебя нѣтъ *возлѣ* меня! Но, также ясно чувствую, что ты есть. Насколько полнѣе, звонче, стала моя жизнь съ тѣхъ поръ какъ она слилась съ твоею, ты стала одна изъ самыхъ необходимыхъ ее струнъ. Многоцвѣтна, ты знаешь, моя жизнь, ну, и ты въ ней блестишь яркой, одной изъ самыхъ яркихъ струекъ. Да, читай мою записочку, писанную въ Римѣ и знай, что то, что сказано въ

[1] [Тата—Нат. Алексѣевна Тучкова; „мой милый пажъ"—ея сестра, Елена; Тургеневъ (ниже) — И. С.]

ней—я говорю тебѣ теперь, скажу тоже въ послѣднюю минуту моей жизни. О какой перемѣнѣ формъ говоришь ты, я этого не замѣчаю, да, можетъ формы перемѣнились, да это естественно; все имѣетъ время екзальтаціи и время разумнаго сознанья. Самая встрѣча наша залогъ безконечной симпатіи нашей, безконечной на столько на сколько безконечна наша жизнь. Да впрочемъ мнѣ и теперь какъ всегда, всѣ объясненія и увѣренія кажутся ненужными, ты сама должна чувствовать яснѣе чѣмъ я могу сказать что ты для меня. Послѣ твоего отъѣзда въ душѣ моей чувствуется тоже что чувствовалось бы въ тѣлѣ еслибъ отняли какой нибудь членъ, что то тупое, глупое, нелѣпое, нѣмое, ну отняли бы руку—привычка такъ велика дѣйствовать ею, что безпрестанно хочется пошевелить ею, а нѣтъ ничего... Но дѣло то въ томъ, что отъ души нельзя отнять ея членовъ вовсе, они умираютъ только съ нею вмѣстѣ. Да и Богъ знаетъ чего бы я тебѣ ненаговорила, какого вздора по случаю нашей симпатіи, оттого, что, что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ, но тороплюсь, пусть, хоть этотъ клочекъ застанетъ тебя въ Пет.—

Я передала Тур.[1] все что ты велѣла, онъ велѣлъ тебѣ сказать, что замѣчаніе твое о восьми дняхъ онъ принимаетъ за любезность. Для меня этотъ человѣкъ получилъ новый интересъ съ тѣхъ поръ какъ ты съ нимъ сблизилась, я любила его видѣть послѣ твоего отъѣзда, онъ мнѣ напоминалъ тебя, у меня даже было влеченіе поговорить съ нимъ о тебѣ, но онъ такъ вяло и томно смотритъ и отвѣчаетъ, что я опять ухожу въ себя, даже ухожу въ свою комнату. Онъ для меня какъ книга, разказываетъ,—интересно, но какъ дѣло дойдетъ до души—ни привѣту ни отвѣту, преждѣ это мнѣ было все равно, а теперь иногда бываетъ больно, оттого, что какъ будто есть точька гдѣ мы разходимся съ тобой, можетъ это пройдетъ, [его] здоровье лучше, на дняхъ собирается веселится въ деревнѣ. Да Natalie, я часто играю, и мнѣ это замѣняетъ отчасти разговоръ съ тобою.—Мы скоро будемъ вмѣстѣ! я это предчувствую. Пиши мнѣ все, все, что тебѣ хочется, я тоже буду писать больше въ Москву. Зови меня на словахъ такъ какъ бы ты звала меня въ душѣ. Да будь тверже, пройдетъ страстная недѣля, будетъ свѣтлое воскресенье.

---

[1] [И. С. Тургеневъ.]

[Дальше рукою А. А. Герцена.]

Тѣмъ тягостнѣе, тѣмъ очевиднѣе разлука—что писать становится трудно. Хочется говорить и то и то—а говорится бульонъ съ сахарцомъ.—Дайте вашу руку, помните меня, я это заслужилъ большой симпатіей.—Прощайте, въ другой разъ напишу больше.

10.

[Парижъ, 26 апрѣля н. ст. 1848 г.]

Mercі, mercі за ваши строки Natalie! Да, когда вы уѣзжали, какъ будто что то отдиралось отъ сердца; до сихъ поръ не могу привыкнуть не видать васъ, не говорить съ вами, иногда такъ бы хотѣлось!.. Хоть посмотрѣть въ твои глаза Natalie.—Не знаю что писать. Увидимся скоро, сегодня 26 апрѣля а послѣ завтра уѣзжаемъ. Живите полнѣе мои милые, живите безъ оглядки. Обнимаю васъ обѣихъ.

Ваша N. Herzen

Александръ дружески жметъ вамъ обѣимъ руки. Nos dames vous saluent. У меня какъ то убавилось и юности и энергіи съ вашимъ отъѣздомъ, мнѣ нужно васъ видѣть просто эгоистически. Natalie, и на форто-піано играю рѣже.

Ал. Ал. поцалуйте за меня обѣ. А другимъ скажите что хотите.—Читайте, играйте, гуляйте—живите, живите жизнью, а не мушинымъ сномъ. Быть мухой не хорошо.

[На оборотѣ:] Mesdemoiselles Toutchkoff.

11.

17 Октября 1848 Парижъ [1].

Давно я собиралась писать къ вамъ и не могла рѣшится, мнѣ кажется такъ глупо и нелѣпо писать, тогда какъ хочется говорить. Видѣть все теплое, горячее, всю любовь, словомъ видѣть себя *превращенную* въ эти маленькіе, черненкіе, плоскіе фигурки—жалко и смѣшно! Мнѣ это не помогаетъ, а мѣшаетъ быть съ вами; а я съ

[1] [Написано рукою А. И. Герцена].

вами часто, вы для меня иногда тоже что солнышко въ пасмурный день,—думаю, думаю о васъ и пригрѣетъ... такъ, что все, что раздѣляетъ насъ покажется ничего. И я начинаю васъ ждать, будто вы пріѣдете на дняхъ, войдете сей часъ въ комнату... А какъ подумаешь, какъ мы далеко другъ отъ друга... какъ можетъ еще долго не увидимся... подумаешь что вамъ не хорошо—такъ и руки опустятся, и точно среди чудной симфоніи оборвалась струна и задребезжала... Вотъ я вижу васъ—чувствую ваше дыханіе—хотѣлось бы обнять васъ и сжать крѣпко!.. Анъ это только листокъ бумажки передо мною, и въ рукѣ вмѣсто вашихъ рукъ перо—и я его жму, и ломаю и бросаю.

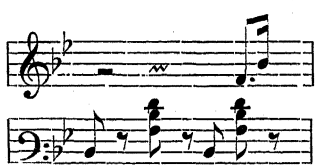
Давиче я слишкомъ дала себѣ волю—посмѣйтесь надо мною мои дѣти, мои милыя, да и отъ чегожь не дать себѣ воли, ктоже дастъ ее тебѣ,—коли самъ не дашь?—Вы не думайте что мнѣ все бываетъ дурно, часто бываетъ дурно и такъ, что взялъ бы весь міръ и разбилъ бы его въ дребезги какъ бокалъ, за то что въ немъ вмѣсто шампанскаго намѣшана какая то бурда, а *себя* никогда не хочется разбить, мнѣ со мной и въ себѣ хорошо, (вы понимаете что въ мое *я* входитъ все съ чѣмъ я симпатизирую) тутъ жизнь ни когда не изсякаетъ, тутъ безпрерывное возрожденіе, цвѣтъ, я даже не предвижу *вкусить плода*, да и не хочу! Плодъ—смерть.—За чѣмъ я не могу воззвать васъ къ жизни, подѣлится своей?..

Понимаю я Natalie, что значитъ въ твоемъ писмѣ „et puis—la vie donne tant de moyens, tant de ressources...“ Не хорошо! Не хорошо потому что я чувствую, что вопервыхъ ресурсъ долженъ быть въ себѣ, а потомъ въ жизни, во всемъ, да, это повтореніе, но я другого не могу сказать. Да въ васъ жизнь то очень кипуча, elle vous étourdie... подождемъ, я на васъ крѣпко надѣюсь, вамъ будетъ хорошо, потому что вы хороши. Глупо было бъ объяснять что это не комплиментъ.—Теперь мнѣ хотѣлось побыть съ обѣими вами, вмѣстѣ, потомъ напишу обѣимъ особо.—

Я и дѣти, и всѣ здоровы. Въ занятіяхъ Саши я тоже что ключикъ въ часахъ. Утромъ онъ читаетъ или пишетъ со мной по Русски, играетъ на фортопіано, потомъ Боке, старшій (вы знаете что онъ выздоровѣлъ) остается съ нимъ два часа, въ гимнастику онъ ходитъ ужъ одинъ, потомъ рисованье или Рейхель — а вечеромъ приходитъ къ нему нѣмецъ—созданье Ж. Ж. Руссо—говорить съ нимъ понѣмецки. Я свободна и покойна, и—еслибъ вы были со

мной—какъ бы мы погуляли!—Тата мила, весела и умна, она почти всегда со мной и почти никогда не въ тягость.—Коля [1] остается на зиму здѣсь. Мы живемъ все на тойже квартирѣ, можетъ перейдемъ въ тѣ комнаты гдѣ вы жили. Съ недѣлю тому назадъ мы собрались со всемъ въ Италію и—и остались. Ан. [2] давно уѣхалъ, онъ не привезетъ вамъ портретовъ, а привезетъ ихъ вамъ Селивановъ [3].—Тур. все время жилъ на дачѣ, пріѣзжалъ въ Парижъ на минуту и сей часъ занемогалъ. Недавно онъ былъ здѣсь, мы видѣлись съ нимъ въ театрѣ, и какъ то теплѣе чѣмъ преждѣ,—я передала ему все что ты поручала Natalie, онъ сказалъ что часто вспоминаетъ тебя, что „яркими краскими описалъ тебя тамъ гдѣ онъ находится"—онъ говоритъ что ему весело и хорошо. Emma [4] васъ помнитъ и много любитъ, мы видимся довольно часто и всегда говоримъ о васъ. За чѣмъ же вы не прислали вашего письма къ ней, мало женщинъ, съ которыми мнѣ такъ хорошо какъ съ ней; она похожа на свѣжую ключевую воду, бьетъ безъ пѣны, но енергично. Горасъ бываетъ часто у Наташи, они питаютъ другъ къ другу *болѣе* чѣмъ дружбу.—

Пишите мнѣ о себѣ подробнѣе, все, все, какъ вы встрѣтите даже вашу старую няню, ужь не говорю объ Ог., объ немъ каждая по листу, по цѣлому листу! — Чтоже M-elle Michel съ вами? Жестоко было съ вашей стороны оставить Александра въ неизвѣстности, впередъ должны описать все что до нее касается, особенно частоли и сколько нюхаетъ табаку? Ходите ли вы попрежнему гулять въ дремучіе лѣса и пьетель чай до поздней ночи какъ бывало?.. И что замѣняетъ теперь



да что вы мало написали мнѣ о томъ какъ кто вамъ *показался* изъ нашихъ, *показался* говорю я, оттого что узнать нельзя было въ такое короткое время.—О книгахъ пусть напишетъ вамъ Ал. я никогда ничего не читала и не знаю что *надо* читать, вообще вѣдь я

---

[1] [Тата и Коля — младшія дѣти Нат. Алекс.]

[2] [П. В. Анненковъ.]

[3] [И. В. Селивановъ.]

[4] [Жена нѣм. поэта Гервега; упоминаемый ниже Horace — ихъ сынъ.]

не знаю *что надо*.—Какъ вы нашли вашихъ мужичковъ, здоровы ли они и что школа??—Ахъ какъ иногда хочется васъ видѣть, такъ иногда нужно, нужно... ну да хочется, это то и значитъ нужно, до сихъ поръ я не могу привыкнуть къ тому что вы не со мною... выйду въ садъ, посмотрю на ваши окна—хочется закричать Natalie! Hélène! Посмотрю, посмотрю и голову опущу, и сложа руки пойду по дорожки, и покажется такъ глупо и смѣшно и слезы навертываются... Spi: [1] пишетъ „Quanto m'ha attristato l'udire il ritorno di M-elle Natalina in Russia, prima per quel caro Angelo, poi per Lei..." онъ убитъ всѣмъ тѣмъ что дѣлается въ Италіи.—

Объ общемъ—ни чего особенно новаго, особенно яркаго нельзя сказать. Старое зданіе все приближается болѣе и болѣе къ разрушенью, искуственные подпорки не долго поддержатъ его; камни падаютъ вокругъ, иные со всемъ превратились въ песокъ и сыпятся... Не только жить, даже участвовать въ созданіи новаго намъ не удастся, ну хоть помогать разрушенью стараго!.. Друзья мои, да за чѣмъ же васъ нѣтъ со мной, мой милой пажъ, и ты моя Consuella пріѣзжайте ко мнѣ, пріѣзжайте домой!

Ваша, ваша и тысячу разъ ваша Natalie.

Я буду ждать вашего отвѣта и получивши его напишу тотъ часъ.

[Дальше рукою А. И. Герцена.]

Дайте вашу руку и вы, и вы — мы много помнимъ васъ оттого что много любимъ. Мы мало пишемъ — оттого что хочется писать очень много. Здѣсь такая скука и тоска что я думаю скоро люди будутъ топится въ Сенѣ.

12.

1848, ноября 8-е.

Друзья мои давно нѣтъ вѣсти отъ васъ, не знаю когда дойдетъ до васъ это письмо. Селивановъ везетъ его, и портреты дѣтей. Вы щастливѣй меня, у меня нѣтъ вашихъ. А я все жду васъ, пріѣзжайте. Теперь вамъ хорошо пока, съ вами Огаревъ, а тамъ что? Я не воображаю что у меня ваше щастье, да воля будетъ, а ужъ это половина щастья, глупо! И я говорю щастье, а что такое щастье, какъ

[1] [Spini, итальянскій журналистъ, пріятель Герцена, сблизившійся въ Римѣ и съ Тучковыми.]

будто оно есть, какъ будто оно *что-нибудь*... Ну чтожь вамъ сказать новаго, живемъ мы теперь на бульварѣ Madelaine, cité vendu, 17,—новое знакомство у насъ Marie Ogareff и Воробьевъ [1]. Marie я знала и не знала, теперь я начинаю ее узнавать,—бездна хорошаго въ этой натурѣ, бездна—и что сдѣлала съ нею жизнь!.. я люблю её, и нельзя ее не любить, но мучительно её знать. Воробьевъ теплый, благородный юноша, мы часто видаемся.—Что дѣлается *въ Божьемъ мірѣ*—о томъ мнѣ говорить не хочется, както примѣлькались революція, возмущенія, опошлилось liberté egalité fraternité все это пустяки. На дняхъ мы читали съ Александромъ Monumens primitifs de l'église chrétienne — еслибъ перемѣнить chrétien и сказать socialiste такъ можнобъ принять письмо Плинія къ Траяну за статью въ нынешнемъ журналѣ—далеко ушло человѣчество! Точь въ точь такіе же преслѣдованія за человѣческое понятіе какъ семнадцать столѣтій тому назадъ, разница только въ томъ, что теперь не увлеченье въ другую крайность, не экзальтація, а простое человѣческое требованіе, естественное, и за него то также преслѣдуютъ въ 19-мъ столѣтіи какъ преслѣдовали за фанатизмъ въ 1-мъ!.. И какое слабое сопротивленіе. Чтожь что рѣки крови льются, большая часть не знаетъ за что умираетъ, большая часть не знаетъ *своихъ нуждъ*, а бѣгутъ какъ бѣгутъ бараны при удареніи кнутомъ пастуха. *Человѣкъ* становится человѣчественнѣе, а поколѣнія потребляются на выработку его безъ щета и безъ мѣры — кровавый, мучительный процессъ, да Богъ съ нимъ, тутъ помочь нельзя, сдѣлать его легче, сноснѣе—не возможно, и *сострадать* ему напрасно, хотя *не сострадать* тоже не возможно.

Хочу жить, жить своею жизнью, жить на сколько во мнѣ есть жизни; искать её внѣ—пустяки, хотѣть ее отдать — сдѣлать вкладъ т. е. какъ вдовица принесть два лепта—тоже пустяки; вообще друзья мои страдать пустяки, да и искать наслажденій — тоже, надо жить сколько живется. Дома у меня *хорошо* только васъ нѣтъ!..

Саша вмѣсто гимнастики зимой будетъ учится столярному мастерству, и можетъ физикѣ. Музыка идетъ хорошо, это меня утѣшаетъ. Что дѣлаете вы? Пишите, пишите. Обнимаю васъ обѣихъ и съ вами вмѣстѣ Огарева. Поклонитесь или засвидѣтельствуйте почтеніе кому надо. Алексѣя Алексѣевича вѣдь я люблю.—

---

[1] [Первая жена Огарева, Марія Львовна, жила въ это время въ Парижѣ съ русскимъ художникомъ С. Воробьевымъ, разойдясь съ мужемъ.]

Астракова[1] мнѣ писала, что она очень васъ полюбила и желала бы чтобъ вы пріѣхали зимой, ждетъ писемъ отъ васъ.

Прощайте мои милыя.

Ваша, ваша и тысячу разъ ваша N. H.

13.

[Вверху листка рукою Н. А. Тучковой-Огаревой написано: *Письмо Наталіи Герценъ къ М. Л. Огаревой.*—Писано вѣроятно въ Парижѣ, зимою 1848—49 г.]

Въ 10 часовъ кажется утра пришли Сократъ, Александръ и Гервегъ, не совсемъ довольные баломъ; пили кофе, потомъ завтракали, въ 1 часъ Александръ одѣлся, чтобъ идти съ Сократомъ къ вамъ Marie, но одѣвшись обернулся и увидѣлъ что Сократъ на его постелѣ спитъ сномъ праведныхъ, разумѣется будить пожалѣлъ, а чтобъ не тѣрять попустому время пока тотъ спитъ—онъ самъ легъ, и теперь еще продолжается самое гармоническое duo, вѣроятно продолжится долго, жаль будить—да жаль и васъ, чтобъ вы остались однѣ обѣдать, не знаю что дѣлать? Вчера я хотѣла быть у васъ—не удалось, сегодня собиралась къ вамъ вечеромъ—тоже не знаю удастся ли, погода скверная, а я все еще не совсемъ оправилась.

— Вы говорите о вашей ссорѣ съ Александромъ—да я не вѣрю ей Marie, не могу повѣрить, чтобъ люди разъ встрѣтившись и такъ искренно протянувши другъ другу руки—поссорились и отъ чего? Я не вхожу въ подробности вашей переписки, могу предположить одно, это (можетъ быть) жесткая форма въ которой выразилось самое искреннѣе и теплое участіе къ вамъ Александра, согласна, чѣмъ болѣе любимъ мы человѣка, тѣмъ больнѣе онъ можетъ оскорбить насъ, но Marie, оскорбитесь, и потомъ загляните поглубже, отбросте *форму* и вы увидите дружеское расположеніе, которое такъ истинно и самонадѣянно, что не боялось даже одѣтся въ форму, которая *съ перваго взгляда* должна была не понравится.

Что касается до меня — впрочемъ я считаю слова лишними, даже объясненіе мое объ Ал. вовсе лишнѣе, *вы сами можете судить вѣрно.*

---

[1] [Татьяна Александр. Астракова, другъ Герценовъ въ Москвѣ.]

Не придете ли обѣдать? Буду ждать до четверти седьмаго, боюсь выѣхать, а видѣть васъ хочется.—И такъ до свиданія. Обнимаю пока заочно.—

Natalie.

Подробно такъ писала о Сократѣ для того чтобъ успокоить васъ.

14.

21 Декаб. 1848 Парижъ [1].

Consuela di mi alma — мое милое дитя, мой другъ, моя Natalie... я это говорю такъ отъ души, со всею силою, со всею полнотою, со всею страстью... да я люблю тебя *ужасно*! Твои письма дѣлаютъ для меня яснѣе мою любовь къ тебѣ, и я ею щастлива, щастлива, еслибъ и ты меня такъ не любила. Въ Италіи было мое возрожденіе. Какъ хорошо это время, какъ я хотѣла бы пережить его! Хотѣла бы солнца, жара... чтобъ кругомъ были горы, даль, и море бы было... и я обняла бы тебя крѣпко и унеслась бы съ тобой далеко, и носилась бы долго, долго... а потомъ воротилась бы домой, и дома мнѣ хорошо бы было. Я въ бреду Natalie и пишу тебѣ мой бредъ, ты сидѣла же бы возлѣ моей постели еслибъ была здѣсь со мной. Я утомлена физически и морально: Наташа была больна, въ болѣзни ее была *минута опасная*, ты понимаешь что для меня должна была быть эта минута... Теперь Наташа выздоровѣла, только еще капризничаетъ, Саша занемогъ... у нихъ интересы такъ розны, отъ этаго ужасно трудно мнѣ одной удовлетворить ихъ обѣихъ вмѣстѣ, и при всемъ желаніи сдѣлать это, при всей любви, твердости, я не всегда этаго достигаю, что меня утомляетъ страшнымъ образомъ. Помощи искренной, изъ любви—нѣтъ, а она то меня только и могла бы удовлетворить, дать отдыхъ; помощь изъ денегъ—утомляетъ меня еще болѣе. Потомъ мнѣ надоѣли китайскіе тѣни, я не знаю за чѣмъ и кого я вижу, знаю только что слишкомъ много вижу людей; все хорошіе люди, и *иногда* мнѣ кажется я была бы съ ними съ удовольствіемъ, а такъ, слишкомъ часто, жизнь такъ похожа на капель вѣсною, капъ, капъ, капъ, капъ... все утро, какъ открываются глаза забота о Сашѣ, о Наташѣ—и весь день эта забота, я не могу сосредоточится ни на одну минуту, *разсѣяна* такъ что мнѣ становится

[1] [Написано рукою А. И. Герцена. — Это, конечно, день *отсылки* письма.]

иногда страшно больно; приходитъ вечеръ, дѣти укладываются, ну кажется отдохну... нѣтъ, пошли бродить хорошіе люди, и отъ этаго пуще тяжело что хорошіе люди, тогда бъ я была совсемъ одна, а тутъ и не одна, и присутствія ихъ *нечувствую*, будто дымъ кругомъ бродитъ, глаза естъ, дышать тяжело, а уйдутъ ни чего не остается... настаетъ завтра — все тоже; настаетъ другое завтра — все тоже... Никому другому я бъ этаго не сказала, примутъ за жалобу, подумаютъ „недовольна жизнью“... ты понимаешь меня, ты *знаешь* что я ни съ кѣмъ въ свѣтѣ не промѣнялась бы, ты понимаешь что это минутное негодованье, усталь... струя свѣжаго воздуха и я воскресаю во всей силѣ и переживаю цѣлую вѣчность въ одно мгновенье, и все кажется такъ ничтожнымъ передъ тѣмъ чѣмъ я живу. *A propos*, всѣ республики, революціи, все въ этомъ родѣ — мнѣ кажется наконецъ чулочнымъ вязаньемъ, и тоже дѣйствіе производитъ на меня, ну Кавеньякъ, Наполеонъ, тамъ еще не знаю кто — это спицы, на которыхъ нанизаны маленькія, маломалѣйшія петли, и вяжутся, и вяжутся... нитки тонкіе, гнилые, тамъ порвется петля, здѣсь порвется, всѣ ахаютъ, кричатъ, бросаются поднимать, а петли все рвутся и распускаются больше, узелъ на узлу—да какой грязной чулокъ-то! И какъ скучно смотрѣть на все это, и какъ скучно слушать — журналовъ въ руки не беру, развѣ только Ероса, и то чтобъ посмотрѣть есть ли Spini на концѣ—это мнѣ кажется самое умное и интересное. Много я наговорила тебѣ о себѣ, давно ни съ кѣмъ такъ не говорилось, да и долго не будетъ говорится, странно, я не щитаю себя лучше другихъ, вѣрь мнѣ, а всѣ меня не такъ понимаютъ, да и дѣла никому нѣтъ понять *такъ*, а ты—ну ты сама знаешь что ты. Такъ пока будетъ о себѣ, а захочется еще потомъ поговорить, я это чувствую. Пока дѣти здоровы — мнѣ не такъ тяжело, хотя и не легко; а это не законное, не правое, нелѣпое поглощенье существованья ужасно отвратительно. Вѣдь я не многаго хочу — нѣсколько часовъ въ день себѣ, себѣ—т. е. что бъ я могла и другому ихъ отдать, *какъ я хочу*, а не высасывала бы ихъ у меня нелѣпая сила, глупая, безсмысленная,—остальное время я готова служить пожалуй.—Перечитаю теперь твое письмо. За чѣмъ ты говоришь, что не все можно писать—все, все все непремѣнно!—Ахъ какъ это глупо что ты тамъ, а не здѣсь... мнѣ такъ нужно иногда обернутся и увидѣть тебя, хоть въ спину, лишь бы увидѣть. Мы бъ жили просто, такъ, безъ особенной нѣжности, безъ жертвъ другъ для друга и вотъ опять по-

мѣха! Я была одна дома, думала вечеръ провести съ тобою моя Тата, Бернадскій отнялъ его у меня—устала, ложусь спать. Хотѣлось бы увидѣть тебя во снѣ, ты знаешь я люблю сны, и живу иногда во снѣ болѣе чѣмъ на яву. Да, я хотѣла бъ чтобъ ты тутъ была, а я уснула бы возлѣ тебя. *8-е Дек.* Четвертый если не пятый разъ принимаюсь за этотъ листокъ. Докторъ былъ и сказалъ что Тата можетъ прогулятся, не болѣе 10 минутъ была она на воздухѣ—возвращаемся домой—у ней опять лихорадка, и я опять сижу у ее постели. Вотъ и жизнь—если бъ все говорить что проходитъ по головѣ — мнѣ иногда такъ страшно становится глядя на своихъ дѣтей—что за смѣлость, что за дерзость сдѣлать новое существо, *заставить* его жить, и не имѣть ни чего, ни чего для того чтобъ сдѣлать жизнь его щастливою... Это страшно, иногда я кажусь себѣ преступницей, легче отнять жизнь нежели дать, еслибъ это дѣлалось съ сознаньемъ. Я еще не встрѣчала ни кого, про кого могла бы сказать „вотъ еслибъ мой ребенокъ былъ такой“ т. е. еслибъ его жизнь была такая. Мой взглядъ упрощается все болѣе и болѣе; вскоре послѣ рожденія Саши я желала чтобъ онъ былъ великій человѣкъ, позже—чтобъ онъ былъ тѣмъ, другимъ... Наконецъ я хочу чтобъ — 15-е [1] — на этомъ словѣ Тата [2] меня позвала, ей сдѣлалось очень дурно, у нее была горячька и воспаленіе въ животѣ, докторъ пріѣзжалъ два раза въ день, а въ одинъ день 4 раза, она была очень въ опасномъ положеніи, Алек. и по перемѣнно Маменька, Марья Касп. и Елиза [3] сидѣли со мною надъ нею день и ночь, я смотрѣла на нее—и мнѣ было такъ тяжело, такъ не выносимо, что Natalie, я бы десять разъ умерла за нее; теперь она выздоравливаетъ. Въ продолженіи этаго время Саша былъ не здоровъ. Ну я тебѣ не прибавляю къ этому ни чего—я себя чувствую такъ усталою отъ жизни рукѣ тяжело держать перо.—Чтожь я тебѣ скажу еще—мнѣ хотѣлось въ это страшное время чтобъ ты была тутъ. — Ну, такъ я хотѣла сказать тогда — что теперь я ни чего не хочу сдѣлать изъ дѣтей, лишь бы имъ жилось весело и хорошо,—остальное все пустяки, все пустяки.

---

[1] [Далѣе—сильно измѣнившимся почеркомъ.]

[2] [Тата или Наташа — дочь Нат. Алекс.]

[3] [„Маменька“ — мать А. И. Герцена, Луиза Ив. Гаагъ. — Марья Касп. Эрнъ, русская дѣвушка, другъ Герценовъ, пріѣхавшая съ ними за-границу (позднѣе—жена упомянутаго Рейхеля). — Элиза — служанка.]

19-е. Я все ждала отсылать это письмо пока у насъ успокоится, и я хоть сколько нибудь приду въ себя — но кажется я этаго не дождусь долго... а мнѣ хочется чтобъ мое письмо пришло къ тебѣ къ новому году, это глупость, пустяки — но мнѣ хочется. Наташѣ лучше, но выздоровленіе еще долго будетъ продолжатся. Саша все не очень здоровъ, зима уничтожила все что склѣило лѣто. У него новый знакомый его лѣтъ, сынъ Листа, но они видаются рѣдко, оттого что Листъ въ пансіонѣ. Я тебѣ пишу о немъ потому что ты любишь его; и нельзя не любить его—кто его коротко знаетъ, благородная натура.—Трудно жить Natalie!—Тург. тебѣ кланяется, онъ у насъ всякой день, мы съ нимъ познакомились больше, я привыкла къ нему, талантъ его развивается все болѣе и болѣе. Онъ тебя помнитъ и любитъ, комедія его скоро будетъ напечатана. M-me Віардо живетъ здѣсь. Горасъ съ семѣйствомъ и всѣ тебѣ кланяются. Я начну скоро опять писать тебѣ. Мнѣ ужасно жаль что я не могу написать Еленѣ много, прочти ей или разкажи все почему. Прощай, пиши мнѣ всѣ малѣйшія подробности. Мы должны быть вмѣстѣ непремѣнно. — Какъ я хотѣла бъ быть здоровой и чтобъ было солнце и тепло, тепло... и ты бъ была тутъ и вдали Везувій... устала я Тата. Обнимаю и прижимаю тебя крѣпко. Пиши мнѣ все подробно объ Огар. обними его за меня крѣпко, крѣпко и скажи мой привѣтъ M-me Salias [1].

15.

Наташѣ.

12 Ян. 1849.

Я все жду хорошей погоды, хорошаго расположенья, покоя, простора, чтобъ писать тѣмъ кому хочется писать—и не дождусь, или это бываетъ такъ мгновенно что я не успѣваю уловить. Яркій лучь солнца освѣтилъ мое окно и я инстинктивно взялась за перо. Не знаю отчего Наташа, все болѣе и болѣе сливаюсь съ природой, все болѣе люблю жизнь её, и все болѣе и болѣе отрываюсь отъ жизни человѣческой и все болѣе ненавижу безобразіе ее и кажется — все болѣе страдаю; каждое мгновенье становится ребромъ а иногда и совсемъ вверхъ дномъ, и все кажется—не такъ бы надо, можно, жить;

[1] [Граф. Саліасъ де-Турнемиръ, Елиз. Вас., 1815—1892, извѣстная русская писательница. Она была дружна съ Н. П. Огаревымъ.]

авось ли бы ужо, завтра, черезъ годъ... а между тѣмъ глядя какъ совершается исторія, великія перевороты, тащишь себѣ, тащишь борону.... а вокругъ тебя, возлѣ тебя мышья бѣготня! И этотъ шорохъ маленькихъ лапокъ не выносимъ для меня, его заглушить не можетъ ни что, но многое за то можетъ совсемъ меня вырвать изъ среды мышей; и такъ не многое на это нужно; на дняхъ я купила себѣ цвѣтовъ, и мнѣ цѣлую недѣлю не хотѣлось выйдти изъ дома. Потомъ ваши письма, твое моя Consuela и О. мнѣ такъ хорошо, хорошо было когда я ихъ читала, но скоро захотѣлось еще писемъ и сдѣлалось нехорошо. А все это глупо, надо бы было вамъ быть здѣсь. Мнѣ такъ не много остается жить, я съ содраганьемъ смотрю на дѣтей — какъ еще долго, долго намъ не придется понять другъ друга... и какъ долго наши интересы будутъ розны... какая страшная разорванность съ тѣхъ поръ какъ я себя знаю, и не ужели ни на мигъ не будетъ покоя?.. Или покой смерть... смерти не хочу, отдохнуть, на мигъ быть *не нужной* ни на что, о какое наслажденье! Страничку эту я начала утромъ, а кончаю съ заходящимъ солнцемъ.

13-е.

Не буду ждать ничего, а буду писать когда случится. Сегодня у насъ (или лучше у васъ) новый годъ—вчера его у насъ встрѣчали—скучно, глупо, пусто. Наше общество теперь какъ арлекинъ, ужасная пестрота, я люблю разнообразіе, а арлекина не люблю. Двое, трое—ужь это много, съ кѣмъ хочется поговорить немного; съ другими у меня дѣлается насморкъ и удушье, въ ихъ присутствіи я чувствую только тягость существованья. Еслибъ я была—какъ М. Ѳ. себя называла—приживалка а не *хозяйка дома*,—я бы была въ тысячу разъ щастливѣе. Вотъ только Emma—отъ нее у меня носъ не залегаетъ, я люблю её, но въ ней много ненужнаго, ее мужъ—широкая натура, съ нимъ мнѣ даже хорошо молчать, мысль не задѣваетъ за него, не спотыкается. Тур. хорошій человѣкъ, съ нимъ легко, но ничего не остается послѣ него, можетъ оттого что ему слишкомъ до меня никакого нѣтъ дѣла, наше отношеніе легко какъ мыльный пузырь. Все пишу вздоръ, когда же будетъ дѣло—не знаю.—Какъ бы я хотѣла чтобъ ты была тутъ. Я не дивлюсь людямъ что они выносятъ Кавеньяка, Наполеона и т. д. дивлюсь какъ выносятъ скверную погоду.—У меня есть картинка, которая напоминаетъ тебя, я иногда долго смотрю на нее. Я тебя люблю, влюблена въ тебя,

всегда ли будетъ такъ или пройдетъ, не знаю, да и за чѣмъ?—Теперь люблю, теперь хочу тебя вотъ и все, и если теперь не исполняется то чего я хочу—мнѣ очень больно, у меня нѣтъ ни прежней твердости, ни самоотверженія, и глупѣе этаго я ни чего не знаю.—Natalie, Natalie какъ страшно вздумать какъ измѣняется человѣкъ, какая разница между тою жизнью, которою я жила прошлой вѣсной и теперь... я не знаю что лучше, хуже, что больше, меньше, знаю что совсемъ другое, только также мучительно и хорошо подъ часъ, тогда я была все, теперь все—почти—я. Наташа безпрестанно возлѣ меня и безпрестанно мѣшаетъ мнѣ. Послушай Natalie, какъ бы хорошо было съѣздить на Monte-Mario, иль въ Соренто... иль куда нибудь туда, туда!..

15-е.

Погода хороша, Тата поѣхала къ бабушкѣ, я бъ могла тебѣ писать, но я не хороша, все что напишу будетъ не хорошо, лучше не писать.—На дняхъ я была въ концертѣ, M-elle Milanollo необыкновенное явленье для меня, будто она за тѣмъ только пришла на свѣтъ чтобъ играть намъ, остальное ей все чуждо, ни до чего ей нѣтъ дѣла, ей аплодируютъ съ фуроромъ—она даже не улыбнется, печальна, холодна, не ловко и машинально кланяется, мила и деликатна, будто ни чему другому кромѣ звука въ ней нѣтъ мѣста. Слушая её я только вспомнила тебя и мнѣ хотѣлось чтобъ ты была возлѣ меня.—

16-е.

Да, жизнь давитъ, тѣснитъ, (т. е. *многое* въ жизни хотѣла я сказать), часто, будто босикомъ идешь по щебню или по саломѣ, саломинка гнется подъ ногою и колитъ её, часто насморкъ и даже тошнота, и что всего хуже—болѣе или мѣнѣе, а все хомутъ на тебѣ! Но посмотри *въ себя*—какая широкая и свободная жизнь, какъ смѣло смотритъ глазъ, въ темнотѣ и при свѣтѣ, какъ полно вздыхаетъ грудь, какъ ты могущь—подумай Natalie объ этомъ хорошенько, дай руку и поднимемся туда гдѣ и орелъ насъ не достанетъ!

23-е.

Вчера получили письмо отъ О. а отъ тебя *листокъ*. Я была рада и весела безконечно. И такъ тебѣ хорошо моя Consuela. Я

знала что будетъ хорошо. A force de vivre et d'aimer on acquiet le don de prophétie. Будь щастлива наслаждайся,—фу какъ глупо все что говорится, нѣтъ, не щастлива, и не наслаждайся, а гораздо лучше и больше этаго. Я видѣла изъ прежняго письма О. что тебѣ *должно* быть хорошо, ну пусть это будетъ *такъ* долго, долго, долго, долго, а тамъ—ну а тамъ не знаю что!—Мнѣ бы очень хотѣлось отъ тебя письма, и чтобъ ты написала мнѣ много, но, если не пишится—не пиши.—

Посылаю тебѣ этотъ листокъ, онъ завалялся и затаскался но нужды нѣтъ, прочти то что я хотѣла бы тебѣ сказать, глупо то что онъ долго не попадетъ тебѣ въ руки, но знай что когда ты будешь его держать въ рукахъ что не остыло то [что] писано въ немъ.

Саша тебя не забудетъ, онъ ужасно любитъ тебя, но писать все некогда.

Тург. бываетъ у насъ всякой день, иногда два, три раза въ день, также болѣнъ, вялъ и ни холоденъ не горячь... Я къ нему привыкла и кажется люблю не много. У насъ было съ нимъ нѣсколько искреннихъ разговоровъ, но онъ крѣпко держится за свою роль—indiference—сей часъ оправится и начинаетъ тянутся и зевать. Все что касается до него, т. е. до Віардо—покрыто мракомъ неизвѣстности. Микроскопическій его взглядъ не то взглядъ на одинъ носъ или на одну ногу или на одну часть одѣжды человѣка, а не на цѣлаго человѣка—обдаетъ меня холодомъ и отталкиваетъ невольно.—

Отъ Spini давно нѣтъ извѣстій, онъ посланъ въ Туринъ. Отославши это письмо—буду продолжать писать тебѣ, а ты мнѣ.—Да напиши мнѣ объ Hélène.—Да за чѣмъ M-elle Michel ѣдетъ къ вамъ.

Скоро весна, я жажду солнца и многого жажду, впрочемъ жизнь моя полна черезъ край и хороша да ты что жь не со мной? Впрочемъ *теперь* я не хочу.

Твоя—

16.

Январь 24-е Середа [1849 г.]

Нехорошій листокъ бумажки попался, да нужды нѣтъ, хочется писать тебѣ, мнѣ станетъ всегда пусто и тяжело отославши письмо, будто тотъ къ кому писалъ отдалился на тысячу верстъ. Ну вотъ я пишу тебѣ и думаю: можетъ теперь, тебѣ не нужно меня, такъ—тѣмъ лучше! Ты все таки остаешься самая близкая мнѣ женщина, останавливаясь на тебѣ я юнѣе, живѣе, свободнѣе и спокойнѣе, будто

опираясь на тебя я прыгаю выше—ты улыбаешся? Да, я прыгаю!— Впрочемъ мнѣ больно будетъ когда ты перестанешь меня любить, я опять буду сиротою между женщинъ, моя Тата (маленькая) только развѣ. Въ тебѣ Natalie только въ тебѣ я нашла товарища, только такой отвѣтъ на мою любовь какъ твоя—могъ удовлетворить меня, отъ того что я отдаюсь съ увлеченьемъ, страстно, а онѣ со мной такъ всѣ благоразумны—такъ гадки—отвратительно мѣлки...

Какъ бы я много хотѣла для тебя сдѣлать—но я думаю тебѣ ничего не нужно теперь, пусть тебѣ принесутъ хоть искру удовольствія эти строки дитя мое!—

25.

„Иль у сокола
Крылья связаны,
Иль пути ему
Всѣ заказаны??“...

Какъ бы я хотѣла иногда тоже бѣгать по мышиному и чтобъ эта бѣготня меня интересовала—а то быть такъ праздной, такъ праздной среди этой суеты, среди этихъ необходимостей... и занятся тѣмъ чѣмъ бы я хотѣла—нельзя, какъ мучительно чувствовать себя всегда въ такой дисгармоніи съ окружающимъ, съ существующимъ,— я не говорю о самомъ тѣсномъ, тѣсномъ кругѣ,—да еслибъ можно было въ немъ заключится, нельзя! Хочется далѣе, вонъ, но хорошо было идти вонъ когда мы были въ Италіи!—А теперь... Такъ чтожь это, тридцать лѣтъ и тѣжь стремленія, таже жажда, таже неудовлетворенность, да, это я говорю громко, та же неудовлетворенность?.. А Наташа подошла на этомъ словѣ и такъ крѣпко меня разцаловала,— неудовлетворенность,—я слишкомъ щастлива, la vie déborde... Но,

„Отчегожь на свѣтъ
Глядѣть хочется,
Облетѣть его
Душа просится?“

Наташа, только съ тобой я такъ могу говорить, ты меня поймешь отъ того что ты также слаба какъ я, но съ другими кто сильнѣе и слабѣе—я бъ не хотѣла *такъ* говорить, не хотѣла бъ чтобъ они *слышали* какъ я говорю. Для нихъ я найду сюжетъ другой. Потомъ меня пугаетъ мое равнодушіе, такъ немногое, такъ немногіе меня интересуютъ, природа—только не въ кухнѣ, исторія—только не въ камерѣ, потомъ семья, потомъ еще двое, трое—вотъ и все.

А вѣдь какіе все добрые, какъ занимаются моимъ здоровьемъ, Колиной глухотой (прекрасный случай показать участіе!)...

Странный человѣкъ Тур., часто глядя на него мнѣ кажется что я вхожу въ нежилую комнату, сырость на стѣнахъ и проникаетъ эта сырость тебя насквозь, ни сѣсть, ни дотронутся ни до чего не хочется, а хочется выйдти поскорѣе на свѣтъ, на тепло. А человѣкъ онъ хорошій.

27-е.

Наконецъ силъ не достаетъ смотрѣть на предсмертные судороги этаго старца,—слишкомъ продолжительны, а жизнь такъ коротка,—мною овладѣлъ эгоизмъ, оттого что самоотверженьемъ ничего не сдѣлаешь, развѣ только доказать пословицу „на людяхъ и смерть красна“,—но довольно умирать, хотѣлось бы пожить—я бъ бѣжала въ Америку. Natalie, чѣму мы повѣрили, что мы приняли существеннымъ то было только пророчество и пророчество очень раннѣе. Другъ, какъ тяжело, какъ безотрадно, мнѣ хочется плакать какъ ребенку. Что личное щастье, богатство, истинна жизни—личной, вѣдь общее какъ воздухъ обхватываетъ тебя, а этотъ воздухъ исполненъ только предсмертнымъ, заразительнымъ дыханьемъ. Какъ бы я хотѣла тебя здѣсь теперь, чтобъ позлится, пострадать съ тобою.—

1 Февраля.

Natalie, Natalie, еслибъ ты знала другъ мой какъ темно, какъ безотрадно за порогомъ личнаго, частнаго, о еслибъ можно было заключится въ немъ и забытся, забыть все, кромѣ этаго тѣснаго круга—душно—невыносимо! Невыносимо броженіе котораго результатъ будетъ черезъ нѣсколько вѣковъ, существо мое слишкомъ слабо чтобъ всплыть изъ этаго броженія и смотрѣть такъ вдаль, оно сжимается, уничтожается... „я птичкой быть желаю“... нѣтъ мѣнѣе, цвѣткомъ, нѣтъ еще мѣнѣе ароматомъ, только ароматомъ цвѣтка... я желаю имѣть такъ мало силы чтобъ не чувствовать своего существованья, когда я его чувствую—я чувствую всю *дисгармонію* всего существующаго. Хотя оно совсемъ *не нужно*, но я все таки выпишу тебѣ изъ письма Spini: Madamigella Natalina è per me un pensiero unicamente secondo ad un altro. Io vorrei rivederla, quell'anima larga e piena di concetti sublimi! Mancandomi il bene, sento che presso lei il men male l'atterei parendomi che tutto in essa collimi per disacerbare

gli affani di chi soffre, e sia quasi riflesso di uno Spirito che nella mia mente vagheggio, e adoro per l'eternità. Si piaccia di ricordarmele, e dirle che la stima, el'amicizia per lei sono in me somme e incancellabile."— Онъ посланъ въ Туринъ, можетъ вѣсной будетъ здѣсь. А ты когда будешь? Скоро годъ нашему путешествію въ Неаполь, я люблю вспоминать это время какъ вторую мою юность, которая ярче реальнѣе и богаче первой.—А знаешь я разъ подошла къ окну и увидѣла наши три звѣздочки,—я чувствовала что я покраснѣла.

$\frac{\text{6-е февраля}}{\text{22 янв.}}$ *Полдень.* Сей часъ получили ваши письма отъ 2-го февр.—Я держу перо въ рукахъ и думаю о васъ, и льются слезы, и хочетъ грудь разорвется, такъ тѣсно въ ней, тому что въ ней... дѣти смотрятъ на меня съ удивленьемъ и спрашиваютъ „что съ тобою мама?".. [1]

Понимаете ль вы, понимаете ль что я писать не могу? Что нечего писать, что все это глупость, я даже видѣть васъ не хочу, это было бъ слишкомъ! Мнѣ небо теперь кажется съ овчинку, все съ овчинку все темное, горькое, больное—все пустяки! все пустяки! Я щастлива друзья, щастлива безконечно — — —

Не смѣйтесь надъ этими чертами, въ нихъ не выразимая радость, любовь къ вамъ, въ нихъ горячія слезы, горячіе объятья... ну сами посудите, ну что же я скажу вамъ — — —

Вы два лучшія созданья, которыхъ я только знаю, два существа, которыхъ я люблю больше всѣхъ на свѣтѣ (да не оскорбится этимъ Ал. вѣдь о немъ говорить все равно что о себѣ)—и вамъ хорошо—ну и мнѣ хорошо, да какъ хорошо—такъ—что я не умѣю выразить вамъ. И какъ я глупа сдѣлалась въ одинъ мигъ, ваше письмо въ дребезги разбило мой великой умъ, ни чего не понимаю, ни чего, кромѣ того, что чувствую, а чувствую только то что люблю васъ и что намъ хорошо, а за послѣднѣе люблю и всѣхъ и все.

Мое здоровье такъ плохо что я не могу рѣшительно ѣхать къ вамъ, пріѣзжайте вы, непремѣнно. Не ужели это правда? А? И мы вмѣстѣ пойдемъ, помнишь по той темной аллѣи Natalie, гдѣ намъ предлагали пять франковъ? глупость! Плачу и смѣюсь, ну что вы

[1] [Осенью 1848 г. Огаревъ и Н. А. Тучкова, давно любившіе другъ друга, рѣшили соединиться, несмотря на то, что жена Огарева, Марья Львовна, была жива. Она жила въ это время съ Воробьевымъ въ Парижѣ. По просьбѣ Огарева Герценъ взялся вести переговоры съ нею о разводѣ.]

надѣлали со мной. Мы поѣдемъ еще вмѣстѣ въ Италію? Natalie, вѣдь поѣдемъ? Ни чего не знаю и не хочу, живите и наслаждайтесь.—Глупѣе всего въ этомъ женитьба, глупо и не нужно. А коли нужно—такъ пожалуй женитесь, позволяю. Ал. все сдѣлаетъ что только можно т. е. Ал. и я, но ты знай Огаревъ что М. Ль. послѣднѣе время вела себя не выразимымъ образомъ отвратительно, трезваго часа не было, Ал. ей замѣтилъ это, за что она разсердилась и возненавидѣла его и меня и перестала къ намъ ходить, и стала насъ поносить, это погибшее и не милое созданье. Не знаю что удастся. Пока прощайте, Огаревъ, Natalie.

17.

[Парижъ, февраль 1849 г.]

7-е Февр. Вы должны знать какъ я провела день, въ который получила ваше письмо. Оно меня не удивило, (я удивлялась что вы такъ долго не присылаете *этаго* письма), не удивило а потрясло ужасно,—день былъ чудесной, я одѣлась, надѣла бѣлыя чистыя перчатки, не могла другихъ, пошла гулять, накупила цвѣтовъ, отнесла ихъ Эммѣ, мнѣ хотѣлось весь свѣтъ усыпать цвѣтами, взяла съ собой Георга [1] и пошла съ нимъ по champs élisées. Это единственные люди, съ которыми *я не могла* не подѣлится тѣмъ что происходило во мнѣ. Ал. пока пошелъ было хлопотать *по вашему дѣлу*. Emma въ постелѣ, у нее родилась дочка Ада,—ну такъ вотъ мы и пошли съ Георгомъ, веселые какъ дѣти, дѣлали тысячу плановъ, шли, шли и прошли въ кабачекъ и выпили съ нимъ съ радости бутылочку.

Я смотрю на все съ гордостью, республика и публика мнѣ кажется вздоромъ, у меня почти нѣтъ желаній, хотѣлось бы погулять съ вами въ хорошемъ мѣстѣ только.—

Теперь о дѣлѣ, Огаревъ, *никакой нѣтъ надежды*, рѣшительно нѣтъ, что нибудь сдѣлать auprès de M-me, мозгъ ее разтроенъ окончательно, неудовлетворенное самолюбіе принимаетъ различныя формы, иногда весьма благородныя, наивныя даже, но остается все таки самолюбіемъ къ томужь ни минуты трезвой, она *кричитъ* о своей любви къ тебѣ, но не сдѣлаетъ ради ее ничего. Мнѣ больно писать тебѣ это, но не время нѣжничать, надо чтобъ ты зналъ то

---

[1] Эмма и Георгъ—Гервеги.

что есть, для того чтобъ знать какъ дѣйствовать. Если можно повредить въ этомъ дѣлѣ—такъ она можетъ повредить, это не излишняя недовѣрчивость къ ней, можетъ послѣ, когда ужь и не нужно будетъ, она будетъ упрекать зачѣмъ не обратились къ ней прямо, но ужь это будетъ послѣ, а теперь мнѣ кажется, что и трогать не надо ее. Повторяю, теперь она насъ ненавидитъ. Напиши же ты теперь, что, ты хочешь, все таки, чтобъ мы попробовали—тогда попробуемъ, а прежде не рѣшусь, боюсь повредить. Если можно ула-

[дальше листокъ оборванъ.]

Да ты ужасно глупо пишешь „ѣдимъ въ Петерб."—Когда, кто, зачѣмъ и пр. можно бъ подѣльнѣе написать; знаю что не хочется, а за чѣмъ же друзья, какъ не за тѣмъ чтобъ дѣлать иногда то что не хочется.—

Ну пора, несу письмо на почту. Обнимаю васъ. Живите и наслаждайтесь! Послѣднѣе то и лишнѣе, лишь живите этаго довольно.—

18.

Читать на досугѣ.

1849 [1].

15-е Марта. Съ тѣхъ поръ какъ мы получили ваше письмо, я чувствую постоянно удивительный bien être, кажется все лучше пошло съ тѣхъ поръ, я больше дома на этомъ свѣтѣ, да и умирать будетъ спокойнѣе,—одна изъ самыхъ живыхъ сторонъ моего бытія устроена!—

Смѣшно, а вѣдь я не могу писать—мнѣ такъ хорошо, что я не нахожу ничего лучше и нужнѣе этаго сказать. И досадно мнѣ на себя, что за ребячество, ну что подумаютъ обо мнѣ умные люди... но я хочу быть глупой *такъ*.—Когда я думаю что мы будемъ вмѣстѣ—мнѣ становится страшно, понимаете, такъ хорошо что страшно.—Но я не хочу васъ видѣть, хотѣть значитъ требовать. И такъ моя Consuella, посмотри на меня, дай и мнѣ посмотрѣть на тебя—и довольно!—

Тебя Огаревъ, я *всегда* любила ужасно, и думала что нельзя больше любить, и вотъ за нее полюбила еще больше.—

---

[1] [Дата написана рукою А. И. Герцена.]

19-е. Жизнь хороша, моя Natalie, не правда ли? Какъ бы я хотѣла *слышать* это отъ тебя.—Замутитъ, замутитъ на душѣ—вспомню о васъ и хорошо станетъ. Спасибо вамъ!—А ты помнишь Natalie, что мы назначили свиданье въ Неаполѣ?..

Wage du zu irren und zu treumen.

Жму тебя жестоко къ моей груди, моя Consuela, будь, будь щастлива, ни чего больше не хочу отъ тебя.

5-е Апрѣля. Вчера мы получили письмо отъ М. Ѳ. [1] она пишетъ, что видѣла О., тебя Natalie, и что ты весела, что ты ей говорила что хорошо жить на свѣтѣ,—хотѣла бъ я увидѣть тебя веселою, услышать отъ тебя что хорошо жить тебѣ, и только, разтатся потомъ, коли это *нужно*, а видѣтся хоть на одинъ часъ хотѣлось бы... Давно отъ васъ нѣтъ извѣстья, мнѣ это иногда такъ тяжело. Сегодня я видѣла О. во снѣ грустнымъ—и мнѣ отъ этаго стало грустно, но вѣдь это все пустяки.—Вы напишите мнѣ только иногда что вамъ продолжаетъ быть хорошо.

А что здѣсь дѣлается Natalie, чего и чего не перечувствовали мы здѣсь.

7-е Суббота, рано утро. Можетъ быть сегодня же можно будетъ послать это письмо,—вчера получили ваши, вчера же вечеромъ говорили съ Вороб. онъ вчера же долженъ былъ говорить съ ней, сегодня Ал. идетъ къ нему узнать можно ли надѣятся (Вор. не слишкомъ обнадеживалъ) и могу ли я идти къ ней, если да—сей часъ же отправляюсь и въ этомъ случаѣ надежды не тѣряю, лишь бы пустила меня къ себѣ. Я не думаю же чтобъ она захотѣла непремѣнно помѣшать тебѣ О., но это совершенно зависитъ отъ минуты, а не отъ нее, такъ поди же лови эту минуту—все, что только возможно—будетъ сдѣлано.—Вѣдь мнѣ жаль и Ал. Ал. жаль ужасно [2], я хотѣла бъ устроить такъ чтобъ и ему было хорошо, хотѣла бъ и не пожертвовала бъ этому желанію даже тѣнью вашего щастья. Ты глупа моя Natalie говоря о эгоизмѣ твоемъ, я не нахожу даже ни чего на это возражать, до такой степени это нелѣпо.—Уговаривайте его тоже ѣхать на воды для здоровья, бѣдный папа, за чѣмъ же онъ не больше твердъ, за чѣмъ умъ его не больше ясенъ?

---

[1] [М. Ѳ. Коршъ.]

[2] [Отецъ Н. А. Тучковой, Алексѣй Алексѣевичъ, былъ крайне огорченъ ея незаконнымъ сожительствомъ съ Огаревымъ.]

Ахъ милые мои! Какой чудный вечеръ я провела вчера,—была въ консерваторіи, въ антрактахъ читала ваши письма, все это слилось вмѣстѣ, Бетговенъ, ты моя Consuela, ты чудесный человѣкъ, и все что я люблю—черепъ и sternum ломились, было душно... кажется еще бъ не множко и стѣны консерваторіи раздвинулись бы и я съ звуками унеслась высоко, и разлилась бы во вселенной и залила бы вселенную—я перечитала это и мнѣ стало смѣшно, но чтожь дѣлать, *такъ* чувствовалось, смѣйтесь если хотите. И вечеръ былъ упоительный, полный мѣсяцъ, тепло. О друзья, сколько наслажденій предстоитъ намъ! Natalie, знаешь ли ты, ты страшно щастлива—но это не случай, это не внѣшнѣе что нибудь, твое щастье—ты сама, ты сама страшно хороша. Я начинаю чувствовать ревность къ О. онъ думаетъ что онъ лучше тебя знаетъ чѣмъ я, да, вѣроятно онъ правъ, но я все думала что лучше меня никто знать тебя не можетъ и что любить больше чѣмъ я нельзя... да оно и мудрено, правду сказать, а онъ и знаетъ и любитъ больше? тѣмъ лучше.

А знаете дѣти мои милые, что меня огорчаетъ во всемъ этомъ—это положеніе Hélène, похоронить её живую—страшно—большаго плаванья ей въ жизни конечно не предстоитъ, но ужь зачѣмъ же и гибнуть такъ? По мнѣ это было бы assassinat со стороны насъ всѣхъ, это же мнѣ будетъ вѣчно мѣшать наслаждатся вашимъ щастьемъ, я съ вами говорю и должна говорить откровенно,—взять вамъ ее съ собой—мнѣ жаль васъ, вы должны ѣхать одни, одни, вамъ *ни что* не должно мѣшать, но вы не должны ее оставить тамъ, устройте какъ знаете, доставте ее ко мнѣ, я ее люблю и постараюсь сдѣлать ее жизнь сколько можно пріятнѣе, если ей или кому придетъ въ голову мысль, что она будетъ мнѣ въ тягость—не справедливо, скорѣе она можетъ быть мнѣ полезна. А тамъ она зачахнетъ—нѣтъ, я не могу примирится съ этимъ. Да за чтожь это погибнетъ такъ мой милой Пажъ? Это слабое, нѣжное существо.

Такъ я жду тебя моя Тата!—Боже какъ много въ этомъ словѣ... ни одна женщина не была любима такъ женщиной какъ ты. Теперь я больше чѣмъ преждѣ люблю Емму, это благороднѣйшее существо, симпатизирующее всему хорошему, *отдающееся* всему хорошему безъ малѣйшей arière pensée, я забываю иногда вовсе немѣцкія черты ее характера и мнѣ бываетъ съ ней очень хорошо, а главное *свободно,* она радуется за тебя Natalie какъ ребенокъ.—Ну а съ пріятелемъ твоимъ Тург. мы все не пріятели, таланливая онъ

натура, я слушаю его съ интересомъ, даже люблю его, но мнѣ ни когда не бываетъ его *нужно* понимаешь ты это Natalie, ну и вѣдь это ни сколько не уменьшаетъ его достоинства. Помнишь ты наше прощанье? Тебѣ онъ можетъ не мѣшалъ, а мнѣ былъ не сносенъ его любопытный, ироническій взглядъ и насмѣшки. Я сношу его посѣщенія иногда три раза въ день, но не могу выносить его въ хорошія минуты. Мнѣ случалось увлекатся и говорить съ нимъ отъ души—я всякой разъ жалѣла потомъ объ этомъ. Но человѣкъ онъ очень, очень хорошій, интересный, иногда пріятный. Пишу о немъ такъ много отъ того что уважаю его и твою дружбу къ нему.

19.

[8 апрѣля 1849 г.]

8-е. Воскресенье. Вчера хотѣла было совсемъ отправить письмо, придумали еще отправить къ М. Георга, его не принимаютъ тоже, хочетъ опять идти съ запиской—не жду успѣха; упрямство безумія мудрено побѣдить, я знаю её, прощайте, и больно и тяжело за васъ друзья—ну да ужь поѣдемте жить вмѣстѣ въ Москвѣ... Пишите какъ можно скорѣе теперь, для насъ, умоляю васъ.

[Дальше рукою А. И. Герцена.]

Пять часовъ—Георгъ былъ два раза, она не принимаетъ. Можетъ послѣ завтра еще что нибудь.

Mille saluts.

20.

1849 Апр.[1] 9-е Понед.

Какъ я жалѣю, что мы не послушались нашего инстинкта, а твоей настойчивости Другъ;—тяжелый день, вчерашній день,—Георгъ былъ опять, отказъ, онъ оставилъ письмо и сей часъ же получилъ отвѣтъ—фу! Мнѣ не только было больно и тяжело за васъ, за *нее*—я была страшнымъ образомъ оскорблена за человѣка, нельзя предположить возможности подобной злобы, низости, грязи — безумія однимъ словомъ. Вечеромъ у нее была Emma... но къ чему подробности, маска спала и егоизмъ, одинъ жгучій, страшный эгоизмъ

[1] [Написано рукою А. И. Герцена].

явился во всей гидёзной формѣ своей. Не только осторожно, быстро, какъ можно быстрѣе надо дѣйствовать. Вѣрь мнѣ и слушайся, непремѣнно, непремѣнно. Мнѣ грустно, больно и страшно... мщеніе найдетъ вездѣ дорогу и средство повредить. Слышишь ты это. Все послѣднѣе время мы находимся подъ самыми тяжелыми впечатлѣньями. Въ Москву, скорѣе *домой*, и мы отдохнемъ въ той аллѣе гдѣ гуляли съ N и не будемъ бояться преслѣдованья пяти франковъ, въ тотъ лѣсокъ, куда мы ѣздили съ ней въ кабріолеткѣ въ двоемъ и гдѣ насъ подвезли къ кабачку, и гдѣ кучеръ принималъ одну изъ насъ за мущину.—Пишите, ради вашей любви, пишите туже минуту.

[Дальше рукою А. И. Герцена.]

Любезный Другъ, я начинаю рѣшительно убѣждатся что Мар. Льв. безумная, т. е. не par manière de dire, а всамомъ дѣлѣ. Она обругала M-me Георгъ, она даже тебя не пощадила, объ насъ и говорить нечего. Но что всего замѣчательнѣе она кое что знала и не черезъ насъ; мнѣ кажется что Авдот. Яковл. [1]—пописываетъ не одни романы. Впрочемъ Мар. Льв. притомъ такъ лжетъ, что не знаешь чему вѣрить.—Я постараюсь всемѣрно чтобъ она не вступала въ переписку съ тобой—но удастся ли не знаю. Какъ глубоко жаль что ты не послушался меня.—Я чувствовалъ что много дурнаго выйдетъ изъ этаго опыта,—но сію минуту я не вижу границы на чемъ она остановится, это грязная мессалина d'un carrefour, она говоритъ что разочтется за всѣ прошлые горести etc. etc.

— Прощай. Тяжело, грустно. Какой то чадъ, всѣ люди свихнулись.—

9 Апрѣля.

Сок. [2] слабъ и безхарактеренъ.

Я тебя ставлю въ обязанность тотчасъ отвѣчать, я только твоего отвѣта и буду здѣсь ждать, къ $\frac{1\text{ Маю}}{18\text{ Апр.}}$ я его долженъ получить.

Я старѣюсь не по днямъ, а по часамъ,—пожить бы съ вами, порадоватся на васъ—и вдали, вдали, вглуши.

[Опять рукою Нат. Алекс.]

Намъ *необходимъ* вашъ отвѣтъ, что, и какъ, и когда, и куда?—Сію минуту пишите.

---

[1] [А. Я. Панаева, жена И. И. Панаева, другъ Марьи Льв.]

[2] [Сократъ Воробьевъ.]

21.

Ville d'Avrais 1849, Іюня 6-е.

Давно не писала тебѣ моя Natalie, писать не хочется, глупо и недостаточно, — а думаю о тебѣ часто и много, а люблю тебя еще больше. И иначе быть не можетъ, ты одна изъ лучшихъ, живыхъ нитей бытія моего. Сплѣти нѣсколько шелковинокъ и выдерни потомъ одну изъ нихъ и ты увидишь что стало бы со мною еслибъ тебя, т. е. мою любовь къ тебѣ отнять у меня.

9. Суббота.

Тутъ мнѣ помѣшали, я была такъ хорошо расположена и расположилась было хорошо побѣседовать съ тобою. Я живу теперь à la Robinson,—маленькой домикъ, состоящій изъ одной маленькой комнатки, въ нее ведетъ лѣсенка сплетенная изъ вѣтвей древесныхъ, кругомъ цвѣты, а у входа три тополя достающіе небо стерегутъ меня отъ зноя солнца и отъ холода людей. Не шутя другъ, я никогда не жила такъ свободно и поэтично. Прислуги—ни души, фонтанъ не далеко, и иной разъ сама схожу за водой, чтобъ дала я за то чтобъ ты ты пробыла теперь со мной 24 часа!.. Я бы дала за это 24 часа жизни, болѣе нельзя дать *мнѣ* кажется. Видишь какъ это случилось (если интересуетъ прочти, а если нѣтъ пропусти) я пріѣхала съ визитомъ къ Луизѣ Ив. которая нанимаетъ здѣсь чуднѣйшій паркъ, — воздухъ, природа, словомъ все противуположное тому что въ Парижѣ — очаровало меня такъ что я не могла воротится въ него, взяла эту комнатку переночевать и живу въ ней,—ко всѣмъ прелестямъ пріятное разтояніе отъ родственниковъ, которое не мѣшаетъ однако исправлять всѣ нужды у нихъ, обѣдъ и прочее. Со мною Саша, Наташа и Александръ переѣхалъ къ намъ.—A Monte-Mario то Natalie, французы заняли... O Spini ни слуху ни духу. Холера здѣсь свирѣпствуетъ, жена Рейхеля пріѣхала къ Луизѣ Ив. въ гости, занемогла у нее и у нее же черезъ недѣлю умерла въ страшныхъ мученьяхъ. Тург. собирался въ Парижъ, передъ отъѣздомъ переѣхалъ къ намъ и занемогъ, но теперь внѣ всякой опасности и почти выздоровѣлъ; къ сожалѣнію ни ты, ни холера ни сблизили насъ. Остальные всѣ слава Богу живы и здоровы и кланятся не приказали.

Чувствую себя свѣжо, ярко и юно, мой другъ, не знаю чегобъ

особенно недоставало для полноты моего существованія, для удобства многое недостаетъ,—тысячу разъ удобнѣе бы было мнѣ склонить голову на твое плечо—какъ помнишь въ ту ночь—въ неудобномъ дилижансѣ? чѣмъ утонуть въ пуху, тысячу разъ удобнѣе бъ было еслибъ вообще перестроилось многое на свѣтѣ; и насколько бъ удобнѣе было моя Consuela посмотрѣть въ твои глаза, вмѣсто того чтобъ скрыпѣть перомъ по бумагѣ... До сихъ поръ я не назвала О. это отъ того что когда я говорю съ тобою, такъ думаю что говорю и съ нимъ. Такъ дайте же васъ обнять обѣихъ крѣпко, крѣпко! А отъ чего же вы не напишите намъ ни слова такъ долго? Это не хорошо.

Не могу не передать тебѣ пріятнаго чувства, которое я испытала вчера—была страшная гроза, дождь лилъ какъ изъ ведра,—Ал. былъ въ Пар. дѣти шаговъ въ стахъ, одна Наташа спала въ моей комнаткѣ, ну кто спитъ, тотъ тоже не ближе ста шаговъ отъ насъ, и такъ я была совершенно одна, это не часто случается мнѣ, почти никогда, и видно поэтому мнѣ это было безконечно пріятно, я сидѣла долго, долго у открытаго окна, когда я одна—я ничего не боюсь, я какъ то дышала полнѣй и шире отъ того что ни милое, ни постылое прикосновеніе не мѣшало мнѣ. Изъ этаго не значитъ что милая помѣха не пріятна никогда—совсѣмъ нѣтъ!

Обними за меня Hélène, прижми покрѣпче къ груди.—Да пишитежь.

[Дальше рукою А. И. Герцена.]

10 Іюня.

Я думаю для полнаго воспитанія моего скептицизма только недоставало этаго мора, и еще разъ Франція отличилась. Помнишъ холеру въ Москвѣ, въ 31 г., сколько было благородныхъ усилій, сколько мѣръ, временныя больницы люди шедшіе добровольно въ смотрители и пр. Здѣсь правительство не сдѣлало ничего, общество ничего, болѣзнь продолжалась два мѣсяца—вдругъ жары неслыханные (въ тѣни 30, 32°) и Парижъ покрылся трупами. Ни мѣстъ въ больницахъ, ни даже дрогъ для труповъ... трупы лежатъ въ домахъ два, три дня.—Мы переѣхали наконецъ на нѣсколько дней въ Ville d'Avray, у меня на квартирѣ Ив. Тург. занемогъ холерой, чуть не умеръ—однако отходился,—ахъ, братъ Огаревъ, какъ сохнетъ умъ и сердце, и какъ жирѣетъ тѣло отъ всего этаго. Мнѣ иногда ка-

жется только бы увидѣтся съ вами—а тамъ—будто не всё равно, всё глупо, всё безвыходно, всё безцѣльно.

Ты воображаешь что я по вкусу а не по необходимости всякой разъ обращаюсь къ древнему Риму въ эпоху его разложенія—нѣтъ сходство такъ велико что вмѣсто цѣлыхъ диссертацій стоитъ намекнуть на какое нибудь имя, событіе того времени—и мысль не только ясна, но конкретна. Такъ теперь мнѣ пришло въ голову положеніе философовъ въ III столѣтіи, у нихъ ускользнуло настоящее и будущее, съ прошедшимъ они были во враждѣ, они скорбно смотрѣли на разрушающійся міръ и на водворяемый. Я давно какъ то писалъ объ нихъ и заключилъ такъ „Кружокъ ихъ становился тѣснѣе и тѣснѣе, съ язычествомъ у нихъ ничего не было общаго кромѣ образа жизни; христіанство было недоступно ихъ свѣтской мудрости. Земля изчезала подъ ихъ ногами — и они утѣшались только мыслію что они правы; участіе имъ стыло—имъ оставалось гордо дожидатся пока разгромъ захватитъ и ихъ, они умѣли умирать не накупаясь на смерть и безъ притязанія спасти міръ или прославится они гибли безучастно къ себѣ; они умѣли пощаженые смертью завертыватся втогу и молча досматривать что станется съ Римомъ. Одно благо оставшееся этимъ иностранцамъ своего времени было утѣшительное сознаніе что они понявъ свою истину—остались вѣрными ей, не испугались ее. Ибо истина страшна.“ Спокойная совѣсть и два, три друга за неимѣніемъ однаго который бы стоилъ троихъ (это комплиментъ тебѣ) хорошее бургонское (a propos я изобрѣлъ и ввелъ здѣсь въ употребленіе пить огромное количество Nuit или Помаръ отъ холеры и очень удачно) вчера у меня Ник. Ив.[1] укралъ бутылку цѣлую—а здѣсь достать нельзя, я даже разсердился. Кстати займись его дѣлами, я вообще въ послѣднее время гораздо довольнѣе имъ.

Твое письмо втри строки разумѣется давно получено, какъ не стыдно что ты не написалъ ни строки потомъ о твоемъ дѣлѣ.

Кстати напиши и непремѣнно прислать ли микроскопъ, мы торопили, торопили мастера.

Natalie, дайте вашу руку или лучше просто позвольте васъ поцаловать.

---

[1] [Н. И. Сазоновъ, пріятель Герцена, эмигрантъ.]

22.

Хотѣлось бы Другъ, тебя видѣть, поговорить съ тобою, много поговорить, и отъ души.... Александръ пишетъ что онъ недоволенъ собою, и я недовольна собою, это тяжело. Боже мой, да неужели каждый шагъ въ жизнь только и долженъ приносить разочарованье, уяснять болѣе и болѣе наше несовершенство, — выводить насъ на чистую воду—этакъ можно уничтожится наконецъ... я въ какомъ то скептическомъ расположеньи, мнѣ не хорошо, обними насъ обѣихъ Другъ, прижми къ себѣ крѣпче, крѣпче, скажи какъ ты любишь насъ, скажи какъ мы хороши любовью, дружбой... Не хорошо то, что надо *забытся* для того, чтобъ было хорошо... не голосъ ли это только больной души?.. Хорошо быть ребенкомъ? животнымъ? растеньемъ? камнемъ наконецъ?.. О нѣтъ, страдать, страдать, страдать, будемъ страдать Другъ!—

Natalie.

[На этомъ же листкѣ рукою Нат. Алекс. переписаны стих. Лермонтова: „Утесъ“, „Выхожу одинъ я на дорогу“, „Сонъ“ и „Тамара“.]

23.

Ницца 1852 Марта 2.

Съ недѣлю я отправила къ тебѣ послѣднѣе письмо мое и снова непреодолимая потребность говорить, говорить съ тобой другъ мой, моя Natalie. Дойдутъ ли до тебя эти строки и когда.... можетъ сама отдамъ ихъ тебѣ. Я еще въ постелѣ, вставать и ходить нѣтъ силъ, а душа такъ жива и такъ полна.... не могу молчать. Послѣ страданій, которымъ можетъ ты знаешь мѣру—иныя минуты полны блаженства; всѣ вѣрованія юности, дѣтства не только совершились, но, прошли сквозь страшные, невообразимые испытанія не утративъ ни свѣжести, ни аромата—разцвѣли съ новымъ блескомъ и силой. *Я никогда не была такъ счастлива какъ теперь.* А. разсказалъ когда то въ маленькомъ фантастическомъ отрывкѣ, какъ онъ, мальчикъ шести лѣтъ, нервный и худой съ огненными, живыми глазами, рѣзвый вдругъ разъ присмирѣлъ и призадумался глядя на падающую съ неба звѣздочку... въ эту минуту вошла въ комнату его мать и сказала ему „у тебя родилась сестрица“. Это было 22 октяб. 1818 года. Съ той минуты мы не разлучны, я въ это вѣрю, я это чувствую. Родство съ нимъ

спасло меня съ раннихъ дней, не давало мнѣ ни погибнуть, ни заснуть въ душной, пустой жизни въ которую смерть отца бросила меня 7 лѣтъ. Мнѣ всё казалось что я попала въ нее ошибкой и что ворочусь скоро домой... но гдѣ же былъ мой домъ?.. Уѣзжая изъ Петерб. я видѣла большой сугробъ снѣга на могилѣ моего отца, и мать оставляя меня въ Москвѣ, скрылась изъ глазъ моихъ на широкой, безконечной дорогѣ... Послѣ того мнѣ всего отраднѣе было смотрѣть на небо усѣянное звѣздами, я горячо плакала и молила Бога взять меня скорѣй домой.

Перебираю воспоминанія... хотѣлось бы все передать тебѣ, зная какъ ты хотѣла бы ихъ слышать, но ни силъ, ни терпѣнья на это нѣтъ. Теперь я могу останавливатся только на тѣхъ гдѣ является онъ.

Марта 10.

...Грусть, страшная грусть... я не лѣлѣю ее, не предаюсь ей, но и боротся съ ней нѣтъ болѣе силъ, утомлена. Гдѣ *та* точка симпатіи на которой видишъ ясно въ родной душѣ, сознательно—какъ животный магнитизмъ видитъ въ другомъ безсознательно?... Или зачѣмъ она такъ мимолетна!.. вотъ, вотъ кажется достигъ—и снова въ бездну одиночества.

21.

Какъ медленно возвращаются силы, Іюль уже не далеко, перенесу ли?.. О, мнѣ бы хотѣлось жить для него, для себя, о дѣтяхъ уже и не говорю—жить для него чтобъ залечить всѣ раны, которыя я ему нанесла, жить для себя—потому что *я узнала* его любовь ко мнѣ какъ никогда, довольна ею какъ никогда.

22.

Всё лихорадка—если я не долго проживу... останусь незнакомою дѣтямъ, это ужасно мнѣ больно. Любовь мою они знаютъ и не забудутъ ее, но меня — хоть ты разкажи имъ тогда. Самолюбіе мое никогда не переходило круга людей симпатичныхъ, глубоко уважаемыхъ мною, до свѣта мнѣ дѣла не было; дѣтей моихъ я не только люблю какъ моихъ дѣтей—натуры ихъ мнѣ симпатичны, я уважаю ихъ, вѣрую въ нихъ какъ въ будущихъ людей. Какъ нибудь бы наскоро передать тебѣ жизнь мою. Рѣдкія минуты, въ которыя я получше себя чувствую нужны мнѣ на другое, то Наташу поучить по русски, то съ Олей поиграть, съ Сашей, съ Александромъ поговорить, придетъ навѣстить кто нибудь—вотъ ужъ я и утомлена совсемъ,—жаръ.

И такъ. 23.

Опять совсемъ больна—мой бѣдный, бѣдный Александръ! Какъ онъ мучается, когда же я дамъ ему хоть одну свѣтлую минуту?...

[Дальше приписка А. И. Герцена къ этой посылаемой копіи письма.]

Вотъ вамъ—Консуело, какъ она звала васъ—копію съ письма, я переписалъ безъ всякаго измѣненія, даже подчеркнутые слова и черта на концѣ всё вѣрно. Я его нашелъ три дни послѣ кончины,—въ маленькомъ бюварѣ. — Прощайте.

XI.

Вильямъ Фрей.

Свѣтлой памяти В. Фрея было суждено забвеніе; какъ всѣ, кто творилъ только духовно и не воплотилъ своего духовнаго творчества въ осязательныя формы, онъ пережилъ свою плоть только въ памяти своихъ личныхъ друзей. Онъ былъ однимъ изъ лучшихъ русскихъ людей недавняго прошлаго, а русское общество его почти вовсе не знаетъ. На его друзьяхъ (изъ нихъ многіе еще живы) лежитъ долгъ записать на память потомству, что̀ они знаютъ о немъ, мы же хотимъ сохранить отъ забвенія по крайней мѣрѣ нѣкоторыя его писанія, лежавшія до сихъ поръ подъ спудомъ.

Настоящее имя Фрея было Владиміръ Константиновичъ Гейнсъ. Онъ родился въ 1839 г.; его отецъ происходилъ изъ дворянъ Эстляндской губ., мать была гречанка по происхожденію; отецъ и дѣдъ по отцу были военные. Фрей учился въ кадетскихъ корпусахъ и девятнадцати лѣтъ былъ выпущенъ въ гвардію, но, не желая служить въ войскѣ, избралъ ученую карьеру; въ немъ еще на школьной скамьѣ обнаружились исключительныя способности къ математикѣ. Окончивъ Академію Генеральнаго штаба по геодезическому отдѣленію, онъ былъ назначенъ преподавателемъ высшей математики въ Академіи и одновременно прикомандированъ къ Пулковской обсерваторіи. 26-ти лѣтъ онъ былъ уже капитаномъ и предъ нимъ открывалось поприще, для многихъ завидное; „но внутренняя неудовлетворенность жизнію росла вмѣстѣ съ внѣшними признаками скорой и блестящей карьеры“ (его собственныя слова). Одно время онъ входилъ въ составъ тайнаго общества „Земля и Воля“. Въ 1866 году онъ рѣшилъ порвать со своимъ прошлымъ и начать новую жизнь; въ февралѣ 1868 г., только-что женившись, онъ уѣхалъ съ женою въ С. Америку, принялъ американское подданство и имя Вильяма Фрея.

Его цѣль была—примкнуть къ какой-нибудь коммунистической общинѣ, какихъ тогда въ Америкѣ было много. За короткій періодъ онъ перемѣнилъ ихъ нѣсколько (Union, Progressive, Investigatrice Community), но ни въ одной не нашелъ удовлетворенія; эти неудачные опыты убѣдили его въ томъ, что безъ *нравственнаго* возрожденія участниковъ общинная организація невозможна. „Послѣ этого [1] всѣ мысли Фрея (Гейнса) сосредоточились на означенной цѣли. Въ это время онъ услыхалъ о нѣкоемъ Hendersson, энергическомъ директорѣ кружка „Positivist Thinker", проживавшемъ въ городѣ Iowa. Желая познакомиться поближе съ передовымъ дѣятелемъ позитивизма, онъ отправился въ Iowa, взявъ съ собой жену и двоихъ дѣтей. Дорога въ этотъ городъ вела чрезъ Saint-Louis; прибывъ въ этотъ послѣдній, Фрей увидѣлъ, что ему не хватитъ денегъ на дальнѣйшій путь, вслѣдствіе чего долженъ былъ остановиться. Чтобы прокормить себя и свою семью, онъ сдѣлался извощикомъ, а жена его занялась шитьемъ. На его несчастье лошади околѣли, купить другихъ было не на что, а потому необходимо было продать экипажъ, что̀ онъ и сдѣлалъ, а затѣмъ поступилъ въ типографію наборщикомъ. Въ теченіе шести мѣсяцевъ пребыванія въ Saint-Louis Фрей изучилъ Герберта Спенсера и Огюста Конта... Не смотря на матеріальныя лишенія, не смотря на тяжелую трудовую жизнь, время въ Saint-Louis, посвященное изученію великихъ мыслителей, Фрей (Гейнсъ) впослѣдствіи считалъ однимъ изъ счастливѣйшихъ періодовъ своей жизни". Этотъ эпизодъ достаточно характеризуетъ и мужество, и пламенный идеализмъ Фрея.—Въ ученіи Конта, въ его „религіи человѣчества", Фрей нашелъ свою истину; отнынѣ онъ становится ея апостоломъ. Еще долго послѣ этого Фрей и его семья скитались по Америкѣ, мѣняя опыты и терпя крайнія лишенія въ поискахъ новой жизни, чистой и справедливой. Въ половинѣ 70-хъ годовъ онъ образовалъ коммуну въ Орегонѣ вмѣстѣ съ А. К. Маликовымъ, Н. В. Чайковскимъ и другими русскими выходцами; но и эта община вскорѣ распалась. Въ 1884 году Фрей съ семьею—въ Лондонъ; и здѣсь попытки завести типографію, потомъ пекарню, не удались, и жилось трудно. Лѣтомъ 1885 г. Фрей пріѣхалъ въ Россію и остался здѣсь до февраля 1886 г.; „цѣлью поѣздки было

---

[1] Я цитирую книжку Н. В. Рейнгардта о Фрѣ: „Необыкновенная личность", Казань, 1889.

распространеніе на родинѣ „религіи человѣчества“, т. е. моральныхъ основъ позитивизма, какъ ихъ понималъ Фрей“. Здѣсь онъ вступилъ въ переписку съ Л. Н. Толстымъ, а затѣмъ и посѣтилъ его въ Ясной Полянѣ. Его пребываніе въ Россіи не осталось безплоднымъ: онъ сблизился здѣсь съ небольшимъ, тѣсно-спаяннымъ кружкомъ молодежи, который и ранѣе одушевляли тѣ же стремленія къ моральному совершенству и соціальной справедливости; изъ этого кружка вышло потомъ нѣсколько человѣкъ высокаго духа, благородныхъ дѣятелей на поприщѣ науки и общественности, и вліяніе, несомнѣнно оказанное на нихъ Фреемъ въ ихъ молодые годы, должно быть поставлено ему въ общественную заслугу. Фрей умеръ въ Лондонѣ 5 ноября 1888 г. н. ст. Какъ бы ошибочны ни были взгляды Фрея, онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которыми растетъ человѣчество, о которыхъ поэтъ сказалъ:

То люди первородные,
Избранники судьбы,
Въ скитаніяхъ свободные,
Въ мечтаніяхъ рабы.

Изъ написаннаго Фреемъ напечатаны за-границею два его письма къ Л. Н. Толстому, по-русски, и двѣ брошюры по-англійски — одна о религіи, другая—о вегетаріанствѣ; о немъ см., кромѣ названной брошюры Н. В. Рейнгардта, болѣе подробныя статьи *его же*, подъ тѣмъ же заглавіемъ („Необыкновенная личность“) въ журналѣ „Наука и жизнь“ 1905 г., февраль, мартъ, апрѣль; статью В. Батуринскаго въ „Русскомъ Біографическомъ Словарѣ“ подъ словомъ „Гейнсъ, В. К“., стр. 355—359; А. И. Фаресовъ „Семидесятники“, Спб., 1905, стр. 304—323; П. И. Бирюковъ „Л. Н. Толстой и Вильямъ Фрей“ въ „Минувшихъ Годахъ“ 1908 сентябрь, стр. 69—91; „Знакомые“, альбомъ М. И. Семевскаго, 1888, стр. 247 (автобіографическая замѣтка, подписанная: 28-го декабря 1886 г., очевидно присланная въ письмѣ изъ Англіи, если только это не описка вмѣсто *1885*). См. еще „Источники Словаря русскихъ писателей“ С. А. Венгерова, т. I, Спб., 1900, стр. 718—719. Въ письмахъ Л. Н. Толстого нѣсколько разъ говорится о Фреѣ. Онъ произвелъ на Толстого сильное впечатлѣніе. Толстой писалъ о немъ: „Онъ пробылъ [въ Я. Полянѣ] 4 дня и мнѣ жаль было и тогда, и теперь всякій день жалко, что его нѣтъ. Во-первыхъ, чистая, искренняя,

серьезная натура, потомъ, знаній не книжныхъ, а жизненныхъ, самыхъ важныхъ, о томъ, какъ людямъ жить съ природой и между собой—бездна". А послѣ смерти Фрея Толстой писалъ, что хочетъ просить у его вдовы „свѣдѣній о жизни ея мужа, глубоко уважаемаго и горячо любимаго мною человѣка, о которомъ, если буду живъ, напишу, какъ умѣю, съ тѣмъ, чтобы познакомить русскихъ людей съ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей нашего и не только нашего времени по нравственнымъ качествамъ". Мы печатаемъ здѣсь три писанія В. Фрея: „Дополненіе" къ первому письму Л. Н. Толстому воспроизводится съ копіи, „Третье письмо къ Л. Н. Толстому"—съ подлинника, и письма къ русскимъ друзьямъ—также съ копіи; всѣ эти три рукописи хранятся въ Отдѣленіи рукописей И. Академіи Наукъ. Первыя два письма Фрея къ Л. Н. Толстому были изданы, какъ сказано, самимъ Фреемъ (у Элпидина, въ Женевѣ, въ 1887 г.). „Дополненіе" и „Третье письмо" были вкратцѣ изложены въ упомянутой статьѣ П. И. Бирюкова, гдѣ приведены и нѣкоторыя выдержки изъ нихъ. Онѣ вполнѣ самостоятельны по содержанію и могутъ быть поняты безъ предварительнаго знакомства съ изданными (и предшествовавшими имъ) двумя письмами.

1.

[Дополненіе къ письму (первому), написанному Льву Толстому отъ В. Фрея.]

I.

Вскорѣ послѣ полученія моего письма, Левъ Толстой написалъ мнѣ братское приглашеніе пріѣхать къ нему, чтобъ словесно разобраться въ недоразумѣніяхъ всегда сопровождающихъ сжатое изложеніе новаго мнѣнія. Я поспѣшилъ воспользоваться его приглашеніемъ и провелъ съ нимъ пять незабвенныхъ для меня дней (отъ 7—12-го Октября), въ теченіи которыхъ мы ясно поняли другъ друга и отчетливо увидали, что большая часть нашихъ несогласій имѣетъ временный несущественный характеръ. Немногія различія, стоящія до сихъ поръ какъ бы препятствіемъ къ полному духовному объединенію, должны быть приписаны только индивидуальнымъ качествамъ и свое-

образнымъ ходамъ развитія мысли у каждаго изъ насъ; и вовсе не представляютъ тѣхъ несоизмѣримостей, которыя происходятъ отъ различія въ преобладающемъ мотивѣ.

Да послужитъ наше свиданіе урокомъ на будущее время — какъ для насъ самихъ, такъ и для тѣхъ, которые принуждены полемизировать не для выказыванія своихъ, якобы блестящихъ, талантовъ и глубокихъ знаній, а для распознаванія истинъ. Такіе люди должны помнить, что большая часть недоразумѣній, по поводу которыхъ исписываются цѣлые трактаты и враждебно обостряются чувства полемизаторовъ, обращаются въ ничто послѣ нѣсколькихъ дней дружеской бесѣды, гдѣ каждый со смиреніемъ и терпимостью выслушиваетъ мнѣніе брата, безъ предвзятаго рѣшенія отстоять во что бы то ни стало свое...

Изъ массы кажущихся несогласій всегда, послѣ такихъ бесѣдъ, выясняются лишь немногія существенныя различія и уже эти послѣднія могутъ впослѣдствіи разбираться публично съ соучастіемъ всѣхъ интересующихся ими.

Если бы Л. Н. поспѣшилъ письменнымъ отвѣтомъ на мое письмо, ему пришлось бы поднять противъ меня много такихъ возраженій, которыя послѣ личныхъ объясненій оказались вовсе ненужными, да и я съ своей стороны прочитывая подобныя возраженія вывелъ бы изъ нихъ ложное представленіе о міросозерцаніи своего оппонента, приписалъ бы ему то, чего нѣтъ въ дѣйствительности и наши разногласія, вмѣсто того чтобы уменьшиться въ числѣ, только разростались бы, все больше и больше производя разъединеніе и горькія чувства тамъ, гдѣ должны быть братская любовь и дружная работа надъ разрѣшеніемъ однѣхъ и тѣхъ же задачъ жизни.

Благодаря приглашенію Л. Н., ничего подобнаго не случилось между нами. Пять дней было достаточно, чтобы разъяснить наши сходства и различія по религіозно-нравственнымъ вопросамъ. Мы не только поняли другъ друга, но разстались скрѣпленные духовнымъ родствомъ, взаимнымъ уваженіемъ и глубокою симпатіей, при которой разница въ мнѣніяхъ не только перестаетъ раздражать другъ друга, но напротивъ признается естественнымъ и необходимымъ факторомъ въ усиліяхъ Человѣчества разрѣшить жизненные вопросы нашего времени.

II.

Прежде всего, для меня разъяснилась исходная точка всѣхъ выводовъ Л. Н. Т. До личнаго свиданія съ нимъ я не могъ сказать, употребляетъ ли онъ теологическій, метафизичеекій или позитивный методъ мышленія. Бесѣдуя съ нимъ, я убѣдился, что онъ одинаково со мной далекъ отъ теологическаго міросозерцанія (*), не признаетъ откровенія и божественнаго происхожденія Христа. Мы оба одинаково пользовались тѣми пріемами здраваго смысла, обогащеннаго фактами науки, которыми исключается всякая возможность основывать все на сверхъестественномъ началѣ или на авторитетѣ личности; и если Л. Толстой смотритъ на этическую сторону Христа, какъ на лучшую схему жизни, то онъ пришелъ къ такому заключенію при помощи анализа ничѣмъ неотличающагося отъ моего анализа, заставившаго меня предпочитать этическое ученіе Конта.

Мы оба одинаково признаемъ что все, входящее въ сферу науки и научныхъ изслѣдованій очевидно дѣлится на двѣ части.

Одна часть состоитъ изъ истинъ всѣми принятыхъ, для всѣхъ неоспоримыхъ, и потому одинаково обязательныхъ для каждаго при всѣхъ дальнѣйшихъ построеніяхъ и выводахъ. Но за сферою безспорныхъ положеній находится сфера вопросовъ, подлежащихъ еще разслѣдованію. Работа въ этой сферѣ полна еще неопредѣленности.

Люди, исходя изъ общихъ началъ и пользуясь тѣми же методами мышленія, очень часто приходятъ къ различнымъ часто противоположнымъ заключеніямъ; и, пока существуютъ еще разногласія, всѣ они одинаково полезны и необходимы для вывода безспорной истины въ будущемъ; ни одно изъ нихъ не можетъ считать себя абсолютно истиннымъ относительно другого и присвоивать себѣ монополію научности. Мысль эта, высказанная мною нѣсколько разъ въ письмѣ къ Л. Толстому, (см. стр. 23 и въ особенности стр. 62—63), и составляетъ основной тонъ Позитивизма. Тѣмъ не менѣе, въ томъ мѣстѣ, гдѣ я, ссылаясь на „несоотвѣтствіе его ученія съ выводами науки“— прошу его пріостановить пропаганду Христіанства, я очевидно впадаю въ какое-то странное противорѣчіе. Разумѣется—я могу просить дорогого мнѣ человѣка видоизмѣнить или вовсе прекратить свою

(*) Выраженіе: „воля Бога“, по его словамъ, есть не болѣе какъ синонимъ и замѣна словъ: законы природы.

дѣятельность, если таковая кажется мнѣ не особенно полезною или вредною; но если онъ употребляетъ одинаковый со мной методъ мышленія, я не могу, не долженъ прикрываться именемъ науки и тѣмъ какъ бы выдавать свои мнѣнія за непогрѣшимыя. Неудивительно, что этотъ одинъ промахъ съ моей стороны послужилъ источникомъ не малыхъ недоразумѣній, пока не былъ выясненъ и исправленъ.

Неудивительно—что Л. Толстой, къ которому я обращался, прикрываясь авторитетомъ науки, былъ вправѣ думать, что и позитивисты способны производить давленіе на другихъ, если не именемъ Бога, не ради метафизической свободы, братства и равенства, то во имя науки. Но я съ удовольствіемъ и радостью отказываюсь отъ выше приведеннаго выраженія.

Кажущееся противорѣчіе слѣдуетъ объяснить только тѣмъ, что я, нигдѣ и ни въ комъ не встрѣчая серьезнаго научнаго [?] противъ Человѣчества, какъ органическаго существа, поторопился включить это положеніе въ число научно-доказанныхъ. Дѣло въ томъ, что позитивное понятіе о Человѣчествѣ далеко не похоже на то, которымъ пичкаютъ насъ либеральные писатели и лицемѣры, прикрывающіе свои грязненькія жизни возгласами о благѣ Человѣчества.

Большинство людей, особенно изъ образованныхъ, озадаченное новымъ для нихъ толкованіемъ уже знакомаго слова, выдвигаетъ вначалѣ цѣлый дождь возраженій; но вслѣдъ за первымъ изумленіемъ начинается распаденіе возражателей на два лагеря. — Эгоисты и лицемѣры, видя въ новомъ представленіи погибель темному царству, молча и съ пренебреженіемъ отворачиваются отъ него, какъ отъ вымысла больного мозга; да возраженія альтруистовъ ослабѣваютъ по мѣрѣ того—какъ они углубляются въ самихъ себя, и, очарованные великою идеей и массою добра, вытекающаго изъ нее, все болѣе убѣждаются въ существованіи прекраснаго и могучаго Существа. И вотъ—до сей поры не появлялись еще ни изъ одного лагеря серьезныя возраженія противъ основнаго положенія Позитивизма. Напр.— въ продолженіи всего 1884 года гремѣла полемика между Гаррисономъ, главой англійскихъ позитивистовъ и Гербертомъ Спенсеромъ. Послѣдній отлично знаетъ, на чемъ основана Позитивная Религія и Нравственность и однако, стараясь изъ всѣхъ силъ оправдать теорію индивидуализма, не могъ ни единымъ словомъ опровергнуть факта о существованіи общественныхъ организмовъ, имъ же самимъ такъ блистательно развитаго во 2-мъ томѣ „Основъ Соціологіи“.

Неудивительно, что я, имѣя съ одной стороны лишь голословное отрицаніе фактовъ, не опирающееся ни на одинъ серьезный доводъ; а съ другой стороны — вѣсскія подтвержденія его помощію строго научныхъ аналогій и индукцій, имѣлъ нѣкоторое основаніе утверждать, что фактъ этотъ уже признанъ наукой. Въ сущности я поступилъ также, какъ поступаютъ всѣ люди.

Вѣдь говорятъ же всѣ о научности теорій Коперника, хотя милліоны людей держатся стараго предположенія о вращеніи солнца вокругъ земли, и, вѣроятно, при встрѣчѣ съ новымъ для нихъ мнѣніемъ, будутъ высказывать немало возраженій. Тѣмъ не менѣе я сознаю ошибочность подобной постановки вопроса, такъ какъ при этомъ упускаютъ изъ вида массу людей, которые будучи одинаковаго съ нами развитія и одинаковыхъ стремленій даже употребляя тѣже позитивные пріемы мышленія, отрицаютъ фактъ существованія общественныхъ организмовъ только потому, что еще не успѣли провѣрить его, не освоились со всею массою положительныхъ доказательствъ въ пользу его. Такихъ людей не слѣдуетъ ставить внѣ покровительства науки; они такъ же послѣдовательны въ своихъ сомнѣніяхъ и также строго научны въ своихъ возраженіяхъ какъ и тѣ, которые пережили эти сомнѣнія и твердо убѣждены въ существованіи Человѣчества какъ органическаго Существа.

III.

Объясненіе моей ошибки вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ объясненіемъ почему Л. Толстой не могъ сразу усвоить основнаго положенія Позитивизма. Я самъ, проработавши цѣлые годы надъ этой мыслью, менѣе всего расположенъ ожидать отъ другихъ скораго принятія на вѣру того, что должно быть провѣрено долгимъ и серьезнымъ изученіемъ.

Впрочемъ—наше разногласіе по этому поводу далеко не такъ радикально, чтабы терять надежду на болѣе тѣсное сближеніе въ будущемъ.

Во-первыхъ — вопреки нѣкоторымъ мнѣніямъ, высказываемымъ другими соучастниками нашихъ бесѣдъ, Л. Н. сразу высказалъ и до конца оставался при томъ мнѣніи, что идея Человѣчества—какъ живого органическаго цѣлаго, велика по своимъ благимъ послѣдствіямъ и что, вмѣсто того, чтобы служить интересамъ консерваторовъ и насильниковъ, какъ думали иные, она будетъ способствовать развитію

лучшихъ инстинктовъ человѣка и можетъ служить импульсомъ въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго возрожденія людей. Съ чуткостью художника онъ проникъ въ самую сущность этой идеи и сразу отдѣлилъ ее отъ тѣхъ, такъ называемыхъ, научныхъ теорій Мальтуса, Дарвина, Спенсера, которые идутъ на защиту и оправданіе существующей нищеты, конкуренціи, индивидуализма.

Не зная подробностей біографіи Конта, Л. Толстой постигъ тѣ особенности его ученія, которыя подвергли Конта преслѣдованіямъ, лишеніямъ и насмѣшкамъ со стороны нашей интеллигенціи въ то время [какъ] Мальтусы, Дарвины и Спенсеры пользуются такой широкой славой и почетомъ.

Во-вторыхъ—не готовый еще признать Человѣчество—какъ матеріальное цѣлое Л. Н. съ большимъ сочувствіемъ относится къ тому, что по аналогіи съ душею человѣка — можетъ быть названо душею Человѣчества. Совокупность всего великаго, прекраснаго и истиннаго, что было пережито и добыто въ прошломъ, что сохраняется до нынѣ, несмотря на безпрерывную смѣну атомовъ, участвующихъ въ этой работѣ; что служитъ въ настоящемъ для блага живущихъ съ тѣмъ, чтобы они увеличивали сумму добра и истины для будущаго; такая идея такъ грандіозно выражаетъ собою принципъ единства людей и необходимость любви и поддержки другъ друга въ общей работѣ, что не могла не очаровать великой души полной божественнаго стремленія къ братскому общежитію со всѣми людьми.

Разумѣется—что и мы позитивисты, одинаково съ Л. Толстымъ, преклоняемся передъ великой душой Человѣчества; въ ней одной (а вовсе не въ ее матеріальной оболочкѣ) мы видимъ существо, способное сдерживать нашъ эгоизмъ и подчинить его соціальнымъ инстинктамъ. Разница наша лишь въ томъ, что мы, преклоняясь передъ духовной силой Человѣчества, признаемъ, что душѣ должно соотвѣтствовать тѣло (т.-е. органическое соединеніе всѣхъ живущихъ въ данное время людей) и мы можемъ поэтому сказать, что наши альтруистическія стремленія суть проявленія инстинкта общественнаго самосохраненія (*); тогда какъ люди, не признающіе еще Человѣчества органическимъ существомъ, должны довольствоваться признаніемъ факта существованія этихъ стремленій въ душѣ каждаго человѣка и

(*) Такъ какъ главное и самое общее свойство всякой органической жизни заключается въ инстинктѣ само-сохраненія.

подобно Эмануилу Канту считать ихъ какою то врожденною категоріей человѣческаго духа.

Здѣсь не мѣсто говорить—насколько идея о Человѣчествѣ—какъ о матеріальномъ органическомъ существѣ необходима для дополненія идеи о существованіи души Человѣчества и насколько сильны научные доводы въ пользу этого положенія. Окончательное рѣшеніе этого вопроса—дѣло совѣсти и ума каждаго человѣка. Мы не должны тревожить своими аргументами работу человѣка, когда онъ самъ ищетъ рѣшенія этихъ вопросовъ.

Если время и размышленія помогутъ Льву Толстому усвоить позитивный взглядъ на человѣчество,—намъ останется только безконечно радоваться—что такой великій учитель нравственности пріобрѣтаетъ такое сильное средство для пробужденія людей отъ нравственной спячки. Если же онъ не согласится съ нами, то тогда намъ понадобятся его возраженія, такъ какъ его мѣткій и сильный умъ лучше всякаго другого укажетъ намъ на слабыя стороны нашего ученія.

Теперь достаточно сказать—что Л. Н. дошелъ самостоятельной работой духа, до такихъ положеній, при которыхъ разница между нимъ и позитивистами становится почти ничтожною. Онъ и теперь видитъ въ ученіи позитивистовъ великое пособіе для нравственнаго возрожденія людей, онъ и теперь отъ всей души одобряетъ и соглашается съ великимъ изрѣченіемъ Конта, когда тотъ, въ противность общераспространенному мнѣнію сказалъ: „Существованіе Человѣчества есть реальный фактъ; существованіе же отдѣльнаго человѣка есть не больше какъ абстракція“.

И вотъ за такое сочувственное, братское отношеніе къ позитивизму, за согласіе въ самыхъ существенныхъ чертахъ нашего ученія, мы должны быть навсегда и глубоко признательны Л. Толстому, еслибы онъ и не пошелъ далѣе по пути сближенія съ нами.

IV.

Когда отъ разбора основныхъ положеній религіи мы перешли къ разбору ея этики, то, понятно, и тамъ нашли нѣкоторыя разногласія, хотя, изъ нашей дружеской бѣсѣды я вынесъ глубокое и искреннее убѣжденіе, что существенныхъ разногласій между нами нѣтъ.

Въ практикѣ жизни мы оба будемъ поступать одинаково почти во всѣхъ случаяхъ жизни (да и тѣ немногія различія въ поступкахъ должны быть приписаны скорѣе разности характеровъ и темперамента, чѣмъ убѣжденію) и если мы не согласны еще на словахъ, то потому только, что каждый изъ насъ съ особенною силой обрисовываетъ одну сторону вопроса, оставляя другую какъ бы въ тѣни.

1) Напр.,—при обсужденіи вопроса о безусловномъ непротивленіи злу Л. Н., имѣя въ виду по преимуществу уничтоженіе существующаго насилія боится, чтобы подъ предлогомъ защиты слабаго не упрочилось бы царство насилія и не явилась снова непослѣдовательность и противорѣчіе въ поступкахъ людей (такъ какъ по мнѣнію Толстого уничтоженіе насилія посредствомъ насилія—есть очевидная несообразность). Я же, имѣя въ виду по преимуществу выработку возможно большей суммы добра въ настоящемъ, боюсь, что съ допущеніемъ обще-признанныхъ формъ насилія надъ слабымъ, мы разовьемъ злые инстинкты притѣснителей и увеличимъ массу злыхъ дѣяній (такъ какъ совершеніе общепризнаннаго всѣми насилія надъ слабымъ есть бо́льшій вредъ Человѣчеству, чѣмъ совершеніе насилія надъ злымъ).

Замѣчательно, что при этомъ каждый изъ насъ не признавалъ за своей теоріей тѣхъ дурныхъ послѣдствій, которыя приписывались ей возражателемъ. Л. Толстой не согласенъ—что абсолютное непротивленіе злу должно развить лютые инстинкты злыхъ людей; я же несогласенъ, что защита слабаго упрочитъ царство насилія, если необходимость защиты будетъ ограничена случаями нарушенія всѣми признанныхъ правилъ общежитія и не будетъ ни местью за совершенное злодѣяніе, ни физическимъ противодѣйствіемъ, такъ называемому нравственному вреду.

Предоставимъ же времени,—этому великому разрѣшителю всѣхъ недоразумѣній, сдѣлать свое дѣло. Можетъ быть впослѣдствіи выяснится, что мы говоримъ объ одномъ и томъ же, и стремимся къ одной цѣли, хотя и облекаемъ свои мысли и стремленія въ различныя формы.

2) Другое различіе относится къ спеціализаціи занятій, къ существованію различныхъ классовъ общества, выполняющихъ спеціальныя отправленія и къ раздѣленію общественныхъ отправленій на безусловно вредныя и безусловно полезныя.

Различіе по этимъ вопросамъ оказалось гораздо менѣе условнымъ,

въ особенности послѣ моего объясненія, что подъ спеціализаціей занятій въ будущемъ мы вовсе не понимаемъ то узкое раздѣленіе труда, которое существуетъ теперь въ фабрикахъ и академіяхъ, а тѣ различія въ дѣятельности людей, которыя вытекаютъ изъ ихъ индивидуальныхъ свойствъ, хотя каждый человѣкъ будетъ одинаково приготовленъ ко всякому занятію и будетъ жить нормальною жизнію, требующею отъ каждаго и физической, и умственной, и духовной дѣятельности.

Понятно, что какъ бы одинаково ни былъ поставленъ каждый членъ общества по своей подготовкѣ и образу жизни, всегда будутъ обнаруживаться тонкія, но многознаменательныя особенности: одинъ пойдетъ дальше другихъ въ сферѣ отвлеченнаго мышленія и, слѣдовательно, будетъ наиболѣе полезенъ какъ ученый; другой разовьется въ даровитаго поэта или художника; третій будетъ имѣть склонность къ ручному труду; четвертый, обладая даромъ предвидѣнія, находчивости и распорядительности, можетъ быть превосходнымъ администраторомъ и организаторомъ труда.

Отрицать такую спеціализацію въ будущемъ не можетъ самый ярый поклонникъ безусловнаго равенства. Позитивисты не говорятъ въ какую форму выльется эта спеціализація, они только утверждаютъ, что и на будущее время должно произойдти раздѣленіе людей по сферамъ ихъ наибольшей полезности. Многіе высказываютъ опасенія, что съ допущеніемъ органическаго существованія общества, позитивисты какъ бы упрочиваютъ существующія уже и крайне нежелательныя для насъ формы жизни. Но подобное опасеніе не основательно.

Во-первыхъ: понятіе объ общественномъ организмѣ необходимо включаетъ понятіе о прогрессѣ; съ каждою формой настоящаго естественно ассоціируется необходимость ея измѣненій къ лучшему; при чемъ, нормальный процессъ измѣненій идетъ не перемѣжающими скачками отъ застоя къ революціонной ломкѣ, а путемъ мелкихъ, незамѣтныхъ, но постепенныхъ перемѣнъ подъ нравственнымъ давленіемъ со стороны людей уже сознавшихъ несоотвѣтствіе прежнихъ формъ съ высшими требованіями жизни и вносящихъ новый смыслъ и новую пользу въ то, что становится вреднымъ. А потому сознаніе, что общество есть организмъ, вмѣсто освященія застоя, только сильнѣе побуждаетъ къ немедленной и энергической работѣ улучшенія.

Во-вторыхъ—хотя бы мы не знали точно формъ, въ которыя выльется общественная жизнь будущаго, мы можемъ, на основаніи законовъ органическаго развитія, впередъ сказать что они будутъ наилучшимъ образомъ удовлетворять цѣлесообразному существованію организма и проявленію возможно большей энергіи отдѣльныхъ атомовъ. Взглядъ позитивистовъ на общество вовсе не мѣшаетъ имъ видѣть въ современномъ раздѣленіи труда и классовъ лишь крайне несовершенный зародышъ того, что должно быть въ будущемъ; и я, одинаково съ Л. Толстымъ, сознаю что въ существующихъ формахъ жизни есть много препятствій для полнаго проявленія нравственной жизни.

Можно было опасаться, что вопросъ о раздѣленіи занятій на абсолютно вредныя и абсолютно полезныя приведетъ насъ, подобно вопросу о непротивленіи злу, къ непримиримымъ пока противорѣчіямъ. Но мы какъ-то обошли прямую постановку этого вопроса. Мы знали, что въ силу нашихъ индивидуальныхъ особенностей, одинъ—хорошо знакомый съ изнанкой въ жизни верхнихъ классовъ, будетъ энергически протестовать противъ занятій, которыя до нынѣ составляютъ ихъ исключительную привилегію; а другой, знакомый съ дурными сторонами жизни нисшихъ классовъ и ихъ участіемъ въ злѣ—практикуемомъ сверху, будетъ утверждать, что всякое занятіе представляетъ въ настоящее время смѣсь добра со зломъ, что во всякой сферѣ дѣятельности мы встрѣчаемся съ неодолимыми препятствіями для безусловно нравственной жизни и что некуда бѣжать отъ этихъ препятствій, пока они еще полезны или необходимы для эгоистическаго большинства. Но если мы обошли прямое обсужденіе этого вопроса, мы одинаково смотримъ на него практически; такъ какъ мы оба признаемъ, что полное выполненіе законовъ нравственности *невозможно* въ настоящее время при какомъ бы то ни было занятіи, и что нравственная чуткость каждаго, подкрѣпляемая духовнымъ общеніемъ съ единовѣрцами,должна намѣтить тѣ границы въ предѣлахъ которыхъ законы нравственности должны быть выполнены безусловно, при всѣхъ обстоятельствахъ жизни, въ виду самыхъ лютыхъ, повидимому, послѣдствій. Въ этой посильной дѣятельности людей, стойко отстаивающихъ свои нравственныя обязанности, заключается лучшее средство для расширѣнія сферы дѣятельности послѣдующихъ поколѣній, для увеличенія количества счастія на землѣ.

Мы оба одинаково одушевлены надеждой на скорое измѣненіе къ лучшему. Наибольшее различіе, остающееся при этомъ между нами, естественно вытекаетъ изъ разности нашихъ взглядовъ на общество. Л. Толстой, опираясь на субъективный анализъ, считаетъ существующія препятствія не существенными, искусственно привитыми къ обществу и долженствующими уступить нравственнымъ усиліямъ отдѣльныхъ людей. Я, хотя и соглашаюсь съ возможностью быстрыхъ перемѣнъ въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ—когда люди, проснувшись отъ долгаго летаргическаго сна, захотятъ сразу избавиться отъ путъ и плесѣни прежней жизни,—я все таки утверждаю, что эти препятствія и есть та инерція, то стремленіе всего существующаго отстоять себя, которое составляетъ неизбѣжную принадлежность органическаго роста и что косность органическихъ измѣненій, вмѣсто того, чтобы приводить въ отчаяніе сознательно нравственнаго человѣка ставитъ ему въ обязанность напрягать всѣ силы своего духа для преодолѣнія этой инерціи.

3. Мы одинаково признаемъ всю важность этической схемы способной придать смыслъ въ жизни человѣка и руководить имъ во всѣхъ деталяхъ жизни. Но мы не говорили о томъ въ какихъ формахъ долженъ быть выраженъ нравственный кодексъ людей. Не говорили потому, что *во-первыхъ* каждый изъ насъ двухъ имѣетъ уже схему для своей жизни; *во-вторыхъ*—именно въ силу своей важности, схемы эти не могутъ быть навязаны извнѣ, а должны быть выработаны каждымъ человѣкомъ для самого себя. Если при выборѣ схемы человѣкъ не руководится ни откровеніемъ отъ Бога, ни убѣжденіями въ абсолютную истинность своихъ положеній, ни ссылками на авторитетъ, то онъ остается въ предѣлахъ позитивнаго изслѣдованія совершенно независимо отъ того найдетъ ли онъ наилучшую для себя схему жизни въ ученіи Будды или Конфуція, Христа или Конта. Я убѣдился—что этическое ученіе Л. Н. составлено именно такимъ путемъ и потому стоитъ выше опасеній, высказанныхъ на стр. 55 и 56 моего письма къ нему.

До какой степени оно отличается отъ общепринятаго Христіанства, какъ далеко оно отъ узкой исключительности и нетерпимости теологическихъ и метафизическихъ системъ, какъ сильно бьется въ его истолкователѣ живая потребность критически и научно относиться ко всему окружающему и постоянно совершенствоваться, можно видѣть изъ того, что Л. Толстой почти съ первыхъ словъ нашего сви-

данія заявилъ свою признательность Конту за этическое правило „жить открыто“; такъ какъ имъ (далѣе я почти буквально приведу слова Толстого) превосходно пополняется пробѣлъ въ нравственномъ ученіи Христа и потому послѣдняя заповѣдь позивитизма должна стоять рядомъ съ пятью заповѣдями Христа. Человѣкъ, который съ готовностью пополняетъ свое ученіе изъ другихъ источниковъ, который видитъ въ духовномъ общеніи людей высшій контроль частной жизни и лучшее средство для опредѣленія границы возможно полнаго осуществленія законовъ нравственности, который признаетъ въ братскомъ общежитіи вѣрующихъ лучшую школу для самоусовершенствованія — такой человѣкъ не можетъ быть упрекаемъ въ попыткѣ воскресить прежнее іерархическое окаменѣлое Христіанство. Л. Толстой называетъ свою этическую систему Христіанствомъ, чтобы показать изъ какого источника онъ бралъ большую часть своей этики; но это названіе не мѣшаетъ ему открыто и искренно признавать себя слугой Человѣчества, обязаннымъ выбирать лучшую схему для своей жизни изъ всего, что выработано Человѣчествомъ, а потому (говоря его словами) его ученіе можетъ назваться Религіей Человѣчества съ такимъ же правомъ, съ какимъ называется ученіе послѣдователей Конта.

Великія слова, достойныя великаго сердца!

Отъ нихъ уже не вѣетъ инквизиціей, ни метафизическимъ абсолютизмомъ. Словами этими выводится его ученіе изъ узкихъ рамокъ прежнихъ религій въ широкую по разнообразіямъ и безпредѣльную по прогрессу Религію Человѣчества.

Еслибы онъ съ самаго начала окрестилъ свое ученіе этимъ именемъ, какъ много недоразумѣній, двусмысленности и сбивчивости было бы избѣгнуто!

На сколько сильнѣе очаровалъ бы онъ людей, которые не могутъ отрѣшиться отъ горькихъ чувствъ къ христіанству, обманувшему массы и ставшему пособникомъ въ насиліяхъ всякаго рода. Вѣдь какъ бы не была сильна въ людяхъ потребность къ лучшему исходу изъ противорѣчій жизни, большинство людей едвали согласится на вливаніе вина новаго въ старые мѣха; они не захотятъ смѣшивать себя съ защитниками казеннаго православія. Когда же его ученіе, не имѣя ничего общаго съ православнымъ Христіанствомъ станетъ подъ великое знамя Человѣчества, тогда и ихъ сердца радостно откликнутся на призывъ уважаемаго учителя. Только тогда сможетъ

это ученіе безупречно повторить величіе словъ Христа и снова обѣщать помощь всѣмъ труждающимся и обремененнымъ.

V.

Но тутъ роковая необходимость снова поднимаетъ все сказанное мною прежде относительно важности Человѣческаго (поэтическаго) элемента религіи.

Религія—эта самая энергическая движущая сила людей, стоитъ выше простого нравственнаго кодекса и никакое совершенство въ составленіи нравственныхъ законовъ не можетъ замѣнять Религію.

Религіи были такою страшною силою въ исторіи, потому-что будили людей поэтическими образами боговъ и посредниковъ и затѣмъ, съ помощію этихъ образовъ запечатлѣвали въ сердцахъ людей тотъ или другой нравственный кодексъ. Чрезвычайно важно приготовлять полныя и послѣдовательныя схемы жизни, чтобы при помощи ихъ люди научились бы сознательно относиться къ своимъ поступкамъ и избавились бы отъ гнусной и позорной привычки жить какъ всѣ живутъ. Но въ настоящее время—когда милліоны людей, (и часто очень хорошихъ людей) лежатъ въ тинахъ индивидуализма, не хотятъ приняться за обчистку и обработку нравственнаго поля, обращаются въ нравственныхъ паразитовъ, не признаютъ ничего выше своего я, да и на себя смотрятъ какъ на животное, которое все равно должно „околѣть“ — въ настоящее время гораздо важнѣе пробудить сначала въ людяхъ желаніе стать на ноги и начать нравственную жизнь; и уже послѣ говорить имъ о разумности схемы Христа или Конта.

Не схемами жизни слѣдуетъ будить ихъ. Они ужъ переслышали всѣ схемы; отъ множества системъ у нихъ ужъ набилась оскомина, и они, продолжая лежать въ своемъ болотѣ, отдаютъ предпочтеніе своей позорной схемѣ: „пить—умрешь и не пить умрешь“,— говорятъ они—„такъ лучше пить и умереть“.

Чтобы поднять такихъ людей—надо прожечь ихъ сердца могучимъ образомъ Человѣчества, которое такъ поругано ими. Надо показать имъ великаго искупителя, который кормитъ, защищаетъ и несетъ съ собой даже дѣтей—вампировъ, сосущихъ его кровь, ничего не дѣлающихъ для облегченія его тяжелой работы и послѣ того удивляющихся, что прогрессъ такъ медленъ, что такъ плохо живется на свѣтѣ. Нужны трубные звуки поэта и огненныя краски художника, чтобы пробудить

ихъ отъ нравственной спячки и показать имъ великое значеніе ихъ жизни и вызвать въ нихъ чувство стыда за ихъ бездѣятельность. Разъ они придутъ въ себя, разъ въ нихъ появится желаніе работать, можно быть увѣреннымъ, что они сами начнутъ отъискивать наилучшія орудія труда т.-е. наилучшія схемы жизни. Они имѣютъ для этого достаточно умственной подготовки и достаточно матеріала.

Тогда они сами пойдутъ и къ Толстому, и къ Конту: одни примутъ одну схему, двугіе—другую; но не смотря на различіе своихъ орудій будутъ всѣ одинаково добросовѣстно работать—какъ истинные и вѣрные слуги одного и того же Человѣчества.

Повторяю—когда сердца людей черствѣютъ подъ корой индивидуализма, пробужденіе ихъ благородныхъ инстинктовъ должно стоять на первомъ планѣ, аналитическій разборъ законовъ нравственности—на второмъ.

Вотъ почему, несмотря на глубокое уваженіе, даже удивленіе передъ силой и мѣткостью ума Льва Николаевича, я все таки утверждаю, что его художественность, его способность дѣйствовать непосредственно на сердце читателя, остается его самымъ драгоцѣннымъ качествомъ въ дѣлѣ нравственнаго возрожденія людей. Я откровенно говорилъ ему, что онъ будитъ современное общество не тѣмъ, что дороже всего для него лично, т.-е. разумностью своей схемы нравственности, а силою и образностью своего слова. Его Исповѣдь даетъ интеллигентнымъ людямъ самое точное зеркало ихъ нравственныхъ пытокъ; она заставляетъ ихъ въ ужасѣ отшатнуться отъ, такъ называемой, „приличной жизни“; а его усилія найдти новый исходъ жизни перемѣшаны съ такими живыми, захватывающими душу образами, которые лучше всякихъ разсужденій поднимаютъ угрызенія совѣсти и пробуждаютъ желаніе быть лучше. И вотъ безъ всякихъ преднамѣренно-начертанныхъ эгоистическихъ цѣлей, вопреки своему желанію остаться въ тѣни, чтобы полнѣе отдаться внутренней работѣ самоулучшенія, стремясь выяснить столь необходимую для него схему жизни, Левъ Толстой, въ силу рѣдкой комбинаціи художественнаго таланта съ религіозными стремленіями, противъ своей воли, выдвигается великимъ учителемъ нравственности. Такіе люди обыкновенно не знаютъ своей силы, занятые борьбой съ своими слабостями они не могутъ знать о своихъ достоинствахъ, а потому ихъ роль и значеніе въ жизни могутъ быть гораздо вѣрнѣе опредѣлены со стороны.

И я закончу суммировку нашего, столь дорогого для меня, свиданія тѣмъ же сердечнымъ пожеланіемъ, тою же искреннею молитвою, которые кипѣли въ моей душѣ въ часъ разлуки. Да воспользуется Л. Толстой своею рѣдкою способностью художника, чтобы пробудить въ людяхъ сознаніе ихъ вѣчнаго неоплатнаго долга передъ Человѣчествомъ, ихъ неразрывной связи другъ съ другомъ, ихъ чувства сыновняго долга и нѣжной, глубокой привязанности къ тому Великому Цѣлому, въ которомъ каждый изъ насъ будетъ жить вѣчно. Пусть вырветъ онъ дорогое для него знамя Человѣчества изъ рукъ лицемѣровъ, журналистовъ, насильниковъ, которые искажаютъ его, для лучшаго прикрытія своихъ грязныхъ дѣлишекъ. Пусть онъ подниметъ это знамя такъ высоко, какъ только онъ можетъ это сдѣлать, чтобы всѣ увидали великій смыслъ и чарующія силы, заключающіеся въ образѣ Человѣчества, чтобы всѣ хорошія сердца отозвались на призывъ долга, самоулучшенія и любви, чтобы по возможности болѣе людей принялись за очистку нравственнаго мусора, который накопляется въ нашей жизни въ теченіи 300 лѣтъ и грозитъ намъ задушеніемъ и погибелью.

Инстинктъ общественнаго самосохраненія уже проявляется въ усиліяхъ отдѣлаться отъ яда. Уже приближается болѣзнь долженствующая изгнать нечистоты.

Уже по всей Европѣ слышатся глухіе раскаты приближающагося катаклизма; появляются всѣ признаки общественной горячки и скоро люди въ безуміи еще разъ начнутъ рѣзать другъ друга во имя свободы, братства и равенства. Только религія можетъ остановить распространеніе заразы. Не отворачиваться отъ интеллигенціи надо теперь, а помогать ей еще болѣе, чѣмъ массамъ.

Лишенная поддержки религіи, она несчастнѣе массъ, но въ ней еще не погибла жизненность. Если одна, большая часть, коснѣетъ въ эгоизмѣ и развратѣ, то другая—лучшая ея часть, ставитъ бойцевъ революціи—при чемъ часто не знаешь—чему болѣе удивляться: геройскому ли самоотверженію этихъ людей или ихъ глубокому невѣдѣнію лучшаго средства для осуществленія нашего общаго идеала.

Только Религія Человѣчества можетъ спасти современную интеллигенцію отъ засасывающаго болота индивидуализма, только она можетъ смягчить ожесточенныя, но честныя сердца ея лучшихъ представителей, и направить ихъ энергію отъ разрушительной сферы къ сферѣ созидающей.

Съ новымъ пониманіемъ братства и равенства, съ усиленною любовью къ ближнему они отклонятся отъ участія въ наступающей кровавой расправѣ; за то они внесутъ въ трудное дѣло самоисправленія туже смѣлость и самоотверженное геройство, которое дѣлало ихъ грозою хищниковъ. Они не остановятся на полъдорогѣ при выполненіи своихъ обязанностей; они не испугаются никакихъ послѣдствій; они станутъ самыми энергическими и неустрашимыми послѣдователями Религіи Человѣчества; своею обыкновенною жизнью и, если нужно, мученичествомъ—они будутъ лучшими продолжателями великаго дѣла нравственнаго возрожденія общества.

Найдти такихъ людей и соединить ихъ подъ однимъ знаменемъ религіознаго служенія Человѣчеству — задача роковымъ образомъ выпадающая на долю Л. Толстого.

Будемъ надѣяться, что онъ съумѣетъ разрѣшить ее.

В. Фрей.

Симферополь.
15 Ноября (3 Ноября)
1885 года.

2.

[Третье письмо къ Л. Н. Толстому]. [1]

Левъ Николаевичъ

Нашъ первый рядъ свиданій въ Ясной Полянѣ окончился моимъ полнымъ примиреніемъ съ вашимъ ученіемъ, но для того я долженъ былъ убѣдиться, что вы чужды міра теологіи и абсолюта. Нашъ второй рядъ свиданій въ Москвѣ окончился вашимъ полнымъ примиреніемъ съ религіей Человѣчества, послѣ того, какъ вы убѣдились, что это ученіе не только чуждо высокомѣрнаго преувеличенія значенія науки, но даже борется съ этимъ заблужденіемъ, считая развитіе и усиленіе нравственныхъ и религіозныхъ импульсовъ неизмѣримо выше и важнѣе развитія ума или образованія.

Мы оба поняли другъ друга; мы оба стремимся къ одной цѣли;

---

[1] [Напечатанныя на поляхъ короткія строки представляютъ собою замѣтки Л. Н. Толстого, писанныя имъ собственноручно карандашомъ на подлинной рукописи. Слова, напечатанныя курсивомъ въ текстѣ, подчеркнуты въ подлинникѣ Л. Н. Толстымъ].

одинаково работаемъ за реформу изнутри и противъ реформы насильно прививаемой извнѣ. Наше духовное объединеніе, одинаковость взглядовъ на жизнь, даже личная дружба, крѣпко установившаяся между нами,—все повидимому показываетъ, что намъ остается только одно: разставшись другъ съ другомъ, продолжать каждому свою работу еще съ бо́льшею бодростью и вѣрою въ скорое торжество нашихъ идей, потому что каждый изъ насъ видитъ въ другомъ пособника тому же святому дѣлу нравственнаго возрожденія, на которомъ построены всѣ надежды на улучшеніе будущаго. Въ одной изъ нашихъ послѣднихъ бесѣдъ вы даже высказались о *пользѣ, вытекающей изъ разнообразія методовъ, которыми мы доходимъ до почти тождественныхъ выводовъ;* такъ какъ выводы эти будутъ приняты и людьми симпатизирующими методу предложенному Контомъ и людьми предпочитающими методъ прежнихъ учителей нравственности.

Справедливо.

Казалось, что послѣ этого излишни и напрасны всякія попытки сойтись еще ближе; но наши отношенія другъ къ другу такъ исключительны, что выводъ этотъ примѣнимъ къ намъ только отчасти. Поясню свою мысль аллегорически:

Будь мы оба одинаково рядовыми людьми, обязанными только выполнять обыкновенныя, выпадающія на нашу долю задачи жизни, для насъ было-бы достаточно повѣрить другъ друга въ элементарномъ знаніи ариѳметики жизни и повѣрить ровно на столько, на сколько оно необходимо для полученія одинаковыхъ результатовъ.

Признаніе себя или другого—не рядовымъ ложно по существу.

Вы, испытавши меня, сказали: „ну, теперь пусть каждый изъ насъ работаетъ по своему, благо, результаты одинаковы“.

Я благодаренъ вамъ за вашу оцѣнку моей работы; думаю, что приговоръ вашъ вѣренъ относительно меня, какъ рядового работника, но самъ не могу сказать того же относительно васъ. Я вижу въ васъ способности великаго учителя и знаю, что для учителя, кромѣ зауряднаго знанія ариѳметики жизни, надо еще знать, какъ учить другихъ. Я имѣю нѣкоторыя основанія думать, что прошлый опытъ раскрылъ мнѣ секретъ успѣшнаго учительства; и я не могу такъ легко и просто разстаться съ вами, какъ вы разстаетесь со мной. Я считаю себя обязаннымъ передать свой секретъ тому, кто можетъ воспользоваться имъ гораздо лучше меня.

Секретъ Христа М. Arnold.

Я не съумѣлъ или не смогъ выяснить вамъ этотъ секретъ словесно, и потому долженъ сдѣлать еще одну послѣднюю попыт-

ку, чтобы разъяснить его письменно. Начну нѣсколько издалека, нѣкоторыми общими положеніями.

I.

Постройка жизни, прогрессъ, ростъ общественнаго организма (называйте какъ хотите) всегда создавался совокупною дѣятельностью всѣхъ людей. Большая часть людей содѣйствуетъ общественному прогрессу безсознательно, служа повидимому только своимъ личнымъ интересамъ. Личные интересы, какъ болѣе ясные въ нашемъ сознаніи, кажутся намъ сильнѣе общественныхъ, но на дѣлѣ они гораздо слабѣе безсознательной, но могучей потребности служить обществу. Это преобладаніе общественнаго инстинкта подтверждается и примѣромъ безчисленныхъ войнъ, когда люди жертвуютъ своими выгодами и жизнію, ради сохраненія своего племени, или народа; оно проявляется въ чувствѣ невольнаго ужаса и состраданія, которыя охватываютъ иногда все общество, не исключая даже самихъ крайнихъ эгоистовъ, при видѣ какого нибудь крупнаго общественнаго бѣдствія, хотя бы и не касающагося до нихъ; оно болѣе всего замѣчается въ мирной дѣятельности людей, гдѣ каждый какъ будто движется личными разсчетами, а на самомъ дѣлѣ всѣ повинуются могущественной, хотя безсознательной силѣ, строющей всѣ общества по одинаковому для всѣхъ типу, несмотря на разницу времени и окружающихъ обстоятельствъ.

Очень хорошо, вѣрно.

Большая или меньшая напряженность прогресса зависитъ отъ большей или меньшей степени преобладанія альтрюистическаго инстинкта. Хотя извѣстная намъ исторія, взятая во всемъ ея объемѣ, есть одна безпрерывная картина постепеннаго (хотя и медленнаго) торжества высшихъ, общественныхъ, духовныхъ потребностей человѣка надъ нисшими,—эгоистическими, животными его потребностями,—тѣмъ не менѣе въ памяти людей сохранились періоды временнаго ослабленія нравственнаго инстинкта, и періоды эти всегда совпадали съ упадкомъ религіозныхъ ученій. Такое совпаденіе не есть простая случайность. Самая страстность, съ которою массы привязываются къ религіознымъ ученіямъ съ силою, затмѣвающею собою привязанности ко всѣмъ другимъ произведеніямъ человѣческаго ума, воображенія и воли—есть лучшее указаніе на то, что религіозныя ученія, несмотря на все разнообразіе въ деталяхъ, предпочтительнѣе передъ другими удовлетворяютъ потребностямъ общественнаго инстинкта.

Почемъ вы знаете что это такъ и что такое религія?

Опредѣлимъ же теперь, что такое религія, каковы существенные свойства тѣхъ чудныхъ ученій, которые, какъ стихійная сила, охватывали собою милліоны сердецъ, давали людямъ почти сверхестественныя силы для геройскаго выполненія своихъ обязанностей, производили громадные перевороты въ исторіи, и радикально измѣняли домашнюю, общественную, политическую и экономическую жизнь людей.

Сильно ошибется тотъ, кто скажетъ, что религія есть схема жизни, т. е. послѣдовательная, гармоническая система правилъ, способная придать цѣлостность и смыслъ всѣмъ поступкамъ человѣка. Сказать это значитъ идти въ разрѣзъ съ обще-принятыми опредѣленіями и называть религіями всякую схему, хотя бы направленную къ наживѣ и насилію. Тогда появились бы религіи Ротшильда и Наполеона. Религіями пришлось-бы назвать тогда всякое измышленіе эгоистическаго ума, которому можетъ слѣдовать тотъ или другой индивидуумъ, но которое никогда не будетъ принято массами, именно потому, что подобное ученіе поведетъ къ уничтоженію общественной жизни.

Многимъ лучше мнѣніе тѣхъ, которые вводятъ небольшую поправку къ предъидущему опредѣленію и говорятъ, что религія есть схема жизни, основанной на альтрюизмѣ. Но и подобное опредѣленіе недостаточно объясняетъ историческія явленія. Если религія былабы только альтрюистическою философіею, то какъ объяснить упадокъ религіознаго энтузіазма, характеризующій и періодъ распаденія Римской Имперіи и періодъ разложенія нашей хищнической цивилизаціи, несмотря на то, что альтрюистическія философіи не погибали, а всецѣло сохранились въ памяти и книгахъ людей? Очевидно, что въ каждой религіи заключается еще одно специфическое свойство, въ силу котораго она можетъ въ одно время очаровывать и увлекать людей, въ другое время—обратиться въ постылую, ничего не значущую формальность. И если глубже вникнуть въ сущность и характеристическія особенности всѣхъ религіозныхъ ученій міра, то нельзя не увидѣть, что всѣ они, безъ исключенія, воплощали альтрюистическую философію въ живые и яркіе образы богоподобныхъ людей или человѣко-подобныхъ боговъ, которые подчиняютъ и увлекаютъ послѣдователей своими совершенствами, способствуютъ, въ силу симпатическихъ вліяній подъему альтрюистическихъ инстинктовъ и, рядомъ прекрасныхъ и ясно сознаваемыхъ

Узнать религію и сдѣлать ее внѣшними путами-нельзя, какъ нельзя человѣку лишенному половаго инстинкта сдѣлаться мужемъ жены.

людьми побужденій, осмысливаютъ безсознательную работу всѣхъ и каждаго для общества. Не стану говорить много о монотеистическихъ религіяхъ. Всѣмъ извѣстна чарующая сила еврейскаго, христіанскаго и магометанскаго представленія о Богѣ, какъ объ отцѣ всѣхъ живущихъ, какъ объ обладателѣ всѣми высшими идеалами знанія, добра и возвышенныхъ чувствъ, которые были только доступны сознанію людей соотвѣтственнаго времени. Извѣстно также, что легендами о посредникахъ между Богомъ и людьми опредѣлялись главнымъ образомъ особенность и характеръ развитія каждой изъ этихъ религій. Въ данномъ случаѣ гораздо вѣрнѣе вспомнить, что сила и живучесть потребности въ живыхъ, конкретныхъ образахъ особенно рельефно выражается въ религіозныхъ ученіяхъ, неимѣвшихъ ни миѳологіи, ни личнаго Бога, ни откровенія. Напр. въ древнѣйшей по времени и до сихъ поръ еще крѣпкой религіи фетишизма (у китайцевъ) нѣтъ даже слова Богъ. Она основана на непосредственномъ поклоненіи небу и землѣ, и наполнялась цѣлымъ рядомъ практическихъ, житейскихъ правилъ. И вотъ недостатокъ симпатическаго (человѣческаго) элемента въ религіи немедленно заполняется поклоненіемъ великимъ учителямъ народа, великимъ героямъ, правителямъ, и общественнымъ дѣятелямъ (*). Къ громадному пантеону людей, стоящихъ передъ глазами всего общества, и составляющихъ, такъ сказать, основу для общественнаго культа, каждая семья, въ домашнемъ культѣ, прибавляетъ еще рядъ своихъ предковъ. Поэтому религія китайцевъ полна человѣческимъ элементомъ еще въ бо́льшей степени, чѣмъ другія. Возмемъ другой примѣръ: первоначальное ученіе Будды было чисто *атеистическимъ* ученіемъ. Оно ставило передъ людьми необъяснимую, всепоглощающую, безстрастную и безличную Нирвану. Но теперь Буддизмъ есть безспорно самая распространенная религія (**) и она не могла бы стать таковою, если бы въ ней не обоготворялась личность Будды.

Невѣрно.

Нравственнымъ.

Кто знаетъ, что человѣкъ движется не умомъ, а чувствомъ; что чувство воспитывается не философіей, а симпатическими вліяніями также чувства, горящаго въ живомъ, подобномъ намъ человѣческомъ

(*) Одному Конфуцію воздвигнуто нѣсколько тысячъ храмовъ. Храмы воздвигаются и теперь, между прочимъ, англичанину Гордону, недавно убитому въ Суданѣ, за его заслуги при усмиреніи Тайпиговъ.

(**) Она исповѣдуется почти половиною всѣхъ живущихъ. Христіанство исповѣдуется почти одною третью.

существѣ, и что чѣмъ выше и прекраснѣе это существо, тѣмъ сильнѣе и шире оно вліяетъ на людей—тотъ легко согласится съ нами, что воплощеніе альтрюистической философіи въ высокіе и чарующіе образы есть не только общій, но и необходимый элементъ для всѣхъ религій. Безъ этого воплощенія нравственныя правила не могли бы привиться къ людямъ.

Будь религія только нравственною философіею, то, вліяя только на умъ людей, она сохранилась-бы только въ небольшомъ кружкѣ ученныхъ, и имѣла бы только второстепенное значеніе въ исторіи. Она стала энергическою силою въ жизни массъ потому только, что облекала философію въ поэтическіе, живые образы.

Религія отличается отъ философіи такъ же какъ чудная картина или поэтическое произведеніе отличается отъ идеи ими выражаемой. Вліяніе религіи можно сравнить съ вліяніемъ нагляднаго обученія, когда вмѣсто сухой номенклатуры всѣхъ признаковъ и свойствъ извѣстнаго предмета, показываютъ самый предметъ, и онъ сразу и всесторонне охватывается познавательными способностями нашихъ чувствъ. Религія не описываетъ въ длинныхъ сухихъ изрѣченіяхъ обязанности жизни; она прямо ставитъ передъ людьми напр. поэтическій образъ Христа въ терновомъ вѣнцѣ, и одинъ взглядъ на глубоко симпатическій ликъ великаго страдальца сразу передаетъ сердцу великое нравственное ученіе и служитъ одобреніемъ и поддержкою для хорошихъ дѣлъ, укоромъ—когда поступаютъ дурно. И такъ, вводя послѣднюю поправку, мы должны сказать, что религія есть совокупность образовъ, воплощающихъ собою жизнь, основанную на альтрюизмѣ. Понятно, что чѣмъ интенсивнѣе вліяютъ на людей такіе образы, тѣмъ сильнѣе пробуждается въ нихъ альтрюизмъ, а тѣмъ болѣе силы пріобрѣтаютъ люди для выполненія своихъ обязанностей. И обратно: какъ только образы эти перестаютъ вліять на людей, теряется симпатическая связь, существовавшая между ними прежде, и общественный инстинктъ (альтрюизмъ) снова переходитъ въ сферу безсознательныхъ влеченій. Тогда, для пополненія пустоты, образовавшейся въ сознаніи, снова появляются теоріи индивидуализма (теоріи основанныя на преобладающемъ значеніи эгоизма), и это хотя-бы временное послабленіе альтрюизма всегда сопровождается упадкомъ нравственности, со всѣми ужасными симптомами разврата, насилія, погони за богатствами и почестями. И такъ, въ симпатическомъ (поэтическомъ) элементѣ всякой религіи заключается раз-

Нисколько.

Обученіе скопца семейной жизни.

гадка не только ея сильнаго вліянія на людей, но и ея упадка въ тотъ періодъ, когда ея образы теряютъ свое очарованіе надъ людьми.

Потребность страстно привязаться къ чему нибудь высшему, болѣе сильному и прекрасному, составляющая главную характеристику религіознаго чувства, не должна быть причисляема къ тѣмъ искуственно подогрѣваемымъ потребностямъ, которыми можно пренебречь въ настоящее время. Это есть только высшее обобщеніе чувства, которое всегда было, есть, и будетъ въ людяхъ, въ силу котораго каждый человѣкъ естественно ищетъ сближенія съ тѣмъ кто сильнѣе, лучше, выше его, чтобы пріобрѣтать отъ него, путемъ чисто симпатическихъ вліяній, силу и поддержку для самоулучшенія. Какъ распутный человѣкъ становится чище отъ сближенія съ нравственною женщиною, такъ и милліоны людей, привязавшись къ одинаково для нихъ высокому и конкретному существу, находятъ въ подобной привязанности средство для поднятія своей нравственности, а въ этомъ существѣ—звѣно, связующее во едино всѣхъ людей, духовно одинаково настроенныхъ. Потребность эта, повторяю, не можетъ быть искоренена изъ сердецъ людей. Во время упадка религіи, она проявляется только въ обыденной жизни; когда же чувство это, отъ частныхъ проявленій восходитъ къ общественному, т.-е. когда всѣ люди одинаково видятъ предъ собою прекрасный и сильный образъ, способный освѣтить и осмыслить для нихъ безсознательныя влеченія альтрюизма—тогда наступаетъ эра новой Религіи.

Оно то и разрушило вѣру. Откинь его и будетъ вѣра.

Для всѣхъ уже открытый секретъ, что настоящее время есть время упадка Христіанской религіи и не потому, что люди забыли великія слова Христа, а потому что потеряна вѣра въ Бога, какъ идеальнаго отца, потеряна вѣра въ *сверхестественное*, и Христосъ сведенъ съ высоты божественной непогрѣшимости и силы въ разрядъ обыкновенныхъ смертныхъ. Упадокъ религіи естественно начался вмѣстѣ съ возрожденіемъ наукъ и началомъ протестантизма. Нравственное объединеніе людей, которое хотя въ уродливой формѣ поддерживалось папствомъ, было подорванно ученіемъ, дающимъ каждому право по своему толковать слово Божіе. Появилось множество враждующихъ между собой сектъ, поселившихъ рознь между людьми, которая, усиливаясь вмѣстѣ съ прогрессированіемъ науки и образованіемъ исключающихъ другъ друга точекъ зрѣнія, выразилась наконецъ въ торжествѣ безвѣрія, въ господствѣ индивидуализма и нетерпимости. Личное счастіе служитъ теперь исходнымъ пунк-

томъ для нравственности не только изверговъ и поклонниковъ мамоны, но и людей, движимыхъ альтрюизмомъ. „Мы заставимъ всѣхъ жить по нашему идеалу“, кричатъ одинаково, какъ консерваторы, защитники Алтаря и Трона, такъ и соціалисты, преклоняющіеся предъ метафизическимъ принципомъ Братства, Равенства и Свободы. „Рѣжь, бей, вяжи всякаго, кто не согласенъ съ нами“, слышится отовсюду. Невольный ужасъ охватываетъ всякаго, кто очутившись въ этомъ разбойничьемъ вертепѣ, видитъ, что обѣ враждующія стороны одинаково нетерпимы, одинаково стремятся къ преобладанію посредствомъ насилія, одинаково обязанны удерживать за собою власть при помощи террора. Гдѣ же исходъ изъ этого кромѣшнаго ада? Что излечитъ насъ отъ разврата, ожесточенія, сумасшествія, братоубійства? Что можетъ спасти людей въ эту темную годину, тождественную съ послѣдними временами римскаго язычества? Философія или Религія? Понятно, что какъ тогда такъ и на этотъ разъ развитіе науки и сознательное пониманіе альтрюистической философіи не сдѣлаютъ людей нравственными и не дадутъ намъ возможности жить и развиваться спокойно. Уже сорокъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ наука въ лицѣ Огюста Конта впервые дошла до пониманія Человѣчества, какъ органическаго цѣлаго. Всѣ дальнѣйшія изслѣдованія даже противниковъ Конта, только подтверждаютъ и разъясняютъ это понятіе. Казалось-бы, что на основаніи факта, выработаннаго индуктивною наукою, можно легко и наглядно показать другимъ почему альтрюизмъ долженъ преобладать надъ эгоизмомъ. Несмотря однако на то, что теоріи индивидуализма нанесенъ повидимому смертельный ударъ, жизнь людей не только не поправляется, но становится все хуже и хуже. Къ открытому разгулу эгоистовъ прибавляется еще тонкое, но гнусное и въ высшей степени растлѣвающее лицемѣріе. Слово „человѣчество“ теперь у всѣхъ на устахъ. Появляются люди съ особымъ усердіемъ говорящіе о необходимости спасти Человѣчество (будто Человѣчество маленькій ребенокъ, нуждающійся въ ихъ отеческомъ руководительствѣ!), а подъ покровомъ сладкихъ фразъ они же совершаютъ часто возмутительно-грязныя дѣла.

Вы сказали однажды въ разговорѣ со мною, что положеніе дѣлъ такъ безнадежно-плохо, что одного отчаянія совершенно достаточно, чтобы человѣкъ, ради своего спасенія, отошелъ отъ толпы, неистово подгоняющей себя къ погибели. Я испыталъ и потому понимаю это

чувство; я вѣрю, что оно можетъ повліять на нѣкоторыхъ людей, но рѣшительно не вижу почему оно поведетъ всѣхъ людей непремѣнно въ хорошую сторону. Если отчаяніе, охватившее душу сильнаго римлянина, могло создать изъ него стоика, то вѣдь то же чувство дѣлало другихъ римлянъ эпикурейцами... Нѣтъ! Не мрачное отчаяніе, а свѣтлое чувство любви, вносимое христіанскою религіею, спасло разлагающійся міръ. Стоики, несмотря на свою ученость и высоту нравственнаго ученія (Маркъ Аврелій) погибли безслѣдно, такъ какъ одна философія не дѣлаетъ людей лучшими, а вотъ невѣжественные назареи, преклонившіеся передъ Христомъ, могли овладѣть чувствами милліоновъ людей, и стали руководящею силою исторіи въ теченіи девятнадцати вѣковъ. Тоже самое прилагается къ современному разложенію нравственности. Не отчаяніе и не философія спасутъ наше общество, а новый приливъ любви и терпимости, вызванный новою религіею, болѣе соотвѣтствующею нашему развитію.

Контъ отлично понималъ это, и вмѣсто учителя философіи сталъ апостоломъ религіи. Величайшая заслуга его была не въ томъ, что онъ первый доказалъ законъ органическаго развитія Человѣчества, а въ томъ, что онъ, силою своего геніальнаго ума, прозрѣлъ, въ какую форму должна вылиться религія будущаго. Онъ немедленно облекъ сухой выводъ науки въ живой поэтически прекрасный образъ и создалъ изъ него предметъ для религіознаго поклоненія. На окончательномъ выводѣ позитивной философіи онъ построилъ религію Человѣчества и показалъ въ ней спасеніе для нашей разлагающейся цивилизаціи. Въ этомъ случаѣ Контъ только подвелъ итоги тѣмъ истинамъ, которые признаны были до него. Изслѣдованіями сущности религій, не исключая и христіанской, было установленно, что тѣ идеалы правды и добра, которымъ люди поклонялись въ лицѣ созданнаго ими Бога, были не болѣе какъ только воплощеніемъ идей правды и добра, принадлежавшихъ Человѣчеству, въ соотвѣтствующія времена. Потому люди, думая поклоняться Богу, всегда поклонялись Человѣчеству и его лучшимъ свойствамъ. Это символическое, замаскированное поклоненіе Человѣчеству Контъ замѣнилъ открытымъ признаніемъ Человѣчества, какъ Учителя, Спасителя и Искупителя людей, какъ Высшаго Существа, которое было во всѣ времена и будетъ до своего конца хранителемъ и создателемъ всего прекраснаго, истиннаго и добраго.

Въ замѣнъ поблекшаго образа Христа подымается теперь образъ

Человѣчества, который, не нуждаясь въ миѳическихъ преувеличеніяхъ и ярко освѣщенный наукой, затмѣваетъ своимъ блескомъ всѣ бывшія до того религіозныя представленія. Въ немъ живетъ не только Христосъ съ его чарующими, исторически упроченными вліяніями, но и всѣ другіе двигатели человѣческихъ сердецъ, всѣ извѣстные намъ дѣятели всѣхъ временъ и народовъ, вмѣстѣ съ билліонами тѣхъ невѣдомыхъ намъ героевъ и тружениковъ правды, которые внесли свою лепту въ сокровищницу Человѣческой жизни. Кто разъ съумѣлъ направить свой умъ и воображеніе на вѣрное пониманіе идеи Человѣчества, тотъ уже знаетъ какъ много привлекательности и правдивости въ этомъ чудномъ образѣ, тотъ уже не въ состояніи оторваться отъ него, и все болѣе будетъ любить его. И въ самомъ дѣлѣ, кто не почувствуетъ обаянія передъ живымъ Прометеемъ прикованнымъ къ землѣ и постоянно берущимъ съ неба божественный огонь, чтобы спасать своихъ дѣтей, неисключая даже тѣхъ, которые рвутъ его тѣло, пьютъ его кровь, живутъ жизнію паразитовъ? Чье сердце не устыдится эгоизма, при видѣ могучаго Существа, вся безпредѣльная жизнь котораго даетъ намъ высочайшій примѣръ отплаты добромъ за зло? Какъ не проникнуться умиленіемъ передъ тѣмъ, кто мучится за насъ, проливаетъ потоки слезъ и крови, чтобы открыть намъ глаза, разъяснить намъ законы жизни, внести рай въ наши души? Какъ не сознать величіе и силу бытія, начало и конецъ котораго стоитъ внѣ нашего сознанія, и въ которомъ мы находимъ свое безсмертіе?

Не нужно никакого образа — ни Христа ни Человѣчества для религіи.

Нельзя говорить что за насъ мучатся всѣ люди.

Человѣкъ, пораженный такими образами, уже не смѣетъ говорить хлесткія фразы о спасеніи Человѣчества, третируя его сверху внизъ, онъ можетъ только преклониться передъ тѣмъ, что неизмѣримо выше, сильнѣе, лучше его. Въ виду постоянной связи со всѣмъ прошлымъ и настоящимъ, онъ перестаетъ кичиться своею эфемерною независимостью въ зарабатываніи средствъ къ жизни. Онъ знаетъ теперь, что работой цѣлой жизни онъ не въ состояніи заплатить даже за одинъ кусокъ хлѣба, возможность полученія котораго обусловливается культурною работой многихъ поколѣній. Онъ не смѣетъ болѣе говорить о своемъ п р а вѣ распоряжаться с в о е ю собственностью. Все, что онъ имѣетъ въ видѣ всяческаго матеріальнаго или умственнаго богатства, есть даръ Человѣчества, данный ему для болѣе полнаго и лучшаго исполненія его обязанностей, и чѣмъ болѣе одаренъ онъ, тѣмъ сильнѣе его обязательство „жить для другихъ“.

Онъ перестаетъ говорить о правахъ вообще; за нимъ остается только одно право: добросовѣстно исполнять свои обязанности. Не на словахъ только, но и въ сердцѣ своемъ онъ почувствуетъ себя сыномъ Человѣчества; и, когда въ немъ заговоритъ религіозное чувство, ему ясно станетъ, почему во всѣхъ отношеніяхъ къ себѣ и къ другимъ онъ долженъ руководиться не разсчетами личнаго счастія, а безпредѣльнымъ чувствомъ долга и любви къ Человѣчеству въ его настоящемъ, вмѣстѣ съ благодарностію за его прошлое, и самоотверженнымъ служеніемъ для его будущаго.

По мѣрѣ того какъ волна религіознаго чувства будетъ поднимать человѣка все выше и выше, между нимъ и живымъ обладателемъ всѣхъ человѣческихъ совершенствъ все прочнѣе устанавливается симпатическая связь. Безусловное братство всѣхъ людей; полнѣйшее равенство всѣхъ занятій; отрицаніе матеріальной и умственной собственности; любовь и снисходительность къ другимъ, вмѣстѣ со строгостію къ самому себѣ; терпимость по нерѣшеннымъ вопросамъ, вмѣстѣ съ религіознымъ уваженіемъ къ наукѣ; энергія въ выполненіи задачъ жизни, вмѣстѣ съ терпѣніемъ при выжиданіи результатовъ—все это, не нуждаясь въ длинныхъ разсужденіяхъ, естественно, почти само-собой, вытекаетъ изъ представленія о Человѣчествѣ для всякаго, кто съумѣетъ понять и представить себѣ великое и прекрасное цѣлое. Въ этомъ перечнѣ психическихъ настроеній заключается начало и конецъ Религіи Человѣчества, какъ системы нравственности, обязательной для всѣхъ исповѣдующихъ ее. Въ дальнѣйшихъ выводахъ и въ практическихъ примѣненіяхъ общепризнанныхъ нравственныхъ обязанностей, всякій исповѣдующій религію Человѣчества долженъ руководиться религіознымъ уваженіемъ къ коллективному уму Верховнаго Существа *(т.-е. къ Наукѣ)* и къ тому методу изслѣдованія, которымъ Человѣчество открываетъ намъ законы Природы (Бога).

Гдѣ она? какъ церковь.

Прежде, въ пору теологическаго и метафизическаго развитія, считалось возможнымъ сплеча рубить самые сложные вопросы жизни и, во имя Бога или съ помощію субъективнаго міра идей, давать дешевые и простые рецепты для излѣченія зла. Такіе методы вмѣсто пользы вносили только разладъ между религіей и наукой, между чувствомъ и умомъ. Теперь, когда Человѣчество выходитъ изъ поры юношескихъ увлеченій и самомнѣнія, оно учитъ насъ, что разборъ сложныхъ и запутанныхъ вопросовъ соціологіи можетъ про-

исходить не иначе какъ съ большею осторожностію и при основательномъ знаніи математическихъ, естественныхъ, *біологическихъ* и *психологическихъ* законовъ. И если человѣкъ не можетъ удовлетворить этимъ условіямъ, онъ долженъ воздерживаться отъ дѣтскихъ пріемовъ при рѣшеніи сложныхъ вопросовъ, и учиться у людей достойныхъ довѣрія и болѣе его способныхъ разобраться въ массѣ темныхъ и перепутанныхъ явленій. Даже индивидуалисты люди, не признающіе и въ области ума никого выше отдѣльной личности, даже они подчиняются авторитету науки и сознаютъ преимущества позитивнаго метода изслѣдованія... Тѣмъ естественнѣе ожидать тогоже отъ людей исповѣдующихъ религію Человѣчества, такъ какъ они видятъ въ наукѣ результаты изслѣдованій своего Великаго Учителя, а въ позитивномъ методѣ—его лучшее орудіе для распознаванія истинны. Ихъ нѣтъ.

Но изъ этого не слѣдуетъ, что всякій, пользующійся позитивнымъ методомъ, можетъ рѣшить изслѣдуемый вопросъ. Часто люди, исходя изъ общихъ положеній и пользуясь позитивнымъ методомъ, приходятъ, въ силу чрезвычайной запутанности и неопредѣленности явленій, къ различнымъ выводамъ. Тогда, эти различія указываютъ что разбираемый вопросъ принадлежитъ еще къ числу нерѣшенныхъ Человѣчествомъ; тогда никто не можетъ выдавать свое частное рѣшеніе, за общее—иначе выходило-бы что часть можетъ стать умнѣе цѣлаго. Возводя Человѣчество на высоту верховнаго учителя, позитивная Религія не можетъ поэтому предлагать что либо свыше законовъ уже выясненныхъ наукою, да нравственныхъ обязательствъ, вытекающихъ изъ религіознаго представленія о Человѣчествѣ; она не предрѣшаетъ никакихъ доктринъ, не создаетъ неизмѣнныхъ правилъ, не выдумываетъ „абсолютно вѣрныхъ“ принциповъ. Въ нерѣшенныхъ вопросахъ она предоставляетъ каждому человѣку свободу изслѣдованія, свободу выбора того или другого частнаго рѣшенія, и широкій просторъ въ осуществленіи своего идеала. Въ вытекающей отсюда терпимости она указываетъ лучшее средство помочь Человѣчеству отыскать вѣрное рѣшеніе; но говоритъ, что въ этомъ содѣйствіи къ познанію законовъ Бога, человѣкъ приноситъ пользу ровно на столько, на сколько его нравственная свобода освящается и сдерживается импульсами для чистаго, безкорыстнаго и само-отверженнаго служенія Человѣчеству, основаннаго на любви и терпимости ко всѣмъ людямъ. Религія Человѣчества даетъ такимъ

образомъ, только импульсы, но ими опредѣлится характеръ всей будущей исторіи; подъ давленіемъ ихъ рухнетъ все живущее насиліемъ.

„Найти разумное удовлетвореніе религіозному чувству, значитъ разрѣшить задачу изъ задачъ нашего вѣка", говоритъ Тиндаль, и мы, позитивисты, чувствуемъ въ глубинѣ души, что задача эта уже рѣшенна для насъ. Опираясь на прошлую исторію и на выводы современной науки, мы убѣждены, что все большее число людей будутъ притянуты магнетическою силою новаго представленія о Человѣчествѣ. Работа въ этомъ направленіи уже растетъ; усилія эти должны увѣнчаться успѣхомъ. Потребность въ страстной и сильной привязанности къ тому, что сильнѣе насъ, что можетъ очистить насъ, и придать намъ силу для нравственной борьбы со зломъ, потребность эта не умираетъ въ людяхъ. Она только временно заснула, пока не было ничего способнаго замѣнить поблекшее христіанство. Но теперь, когда 300-лѣтній режимъ индивидуализма приводитъ только къ разочарованію и крови, когда новое понятіе о Человѣчествѣ, уже окрѣпшее въ сознаніи людей, начинаетъ облекаться въ поэтически-чарующій образъ, религіозное чувство готово вспыхнуть съ удвоенной силой. Мы живемъ въ великое время зарожденія новой религіи. Передъ силою наступающаго религіознаго возбужденія померкнутъ всѣ предъидущіе порывы, и тѣ истины альтрюизма, которыя вы находите въ ученіи Христа, будутъ прививаться къ сердцамъ людей вліяніями болѣе широкихъ, болѣе симпатическихъ для нихъ образовъ.

(См. приложеніе I.)

II.

Я старался объяснить, что должно понимать подъ словомъ религія, почему религія играла такую важную роль въ жизни народовъ, почему пало Христіанство и почему теперь, послѣ 300-лѣтняго господства, индивидуализмъ долженъ замѣниться религіей Человѣчества. Выводъ этотъ былъ сдѣланъ объективно, посредствомъ обобщенія всѣмъ извѣстныхъ фактовъ и научныхъ положеній. Теперь, опираясь на личный опытъ, пріобрѣтенный долгимъ участіемъ въ соціалистическихъ и коммунальныхъ попыткахъ въ Америкѣ, я попытаюсь подтвердить этотъ выводъ субъективно.

Но, чтобы сдѣлать понятнымъ дальнѣйшее изложеніе, я долженъ напомнить, что каждый человѣкъ живетъ и дѣйствуетъ подъ вліяні-

емъ двухъ прямо противоположныхъ инстинктовъ: эгоизма (самосохраненіе индивидуума, забота о самомъ себѣ) и альтрюизма (самосохраненіе семьи, народа, Человѣчества, часто съ пожертвованіемъ личности). Относительная сила этихъ инстинктовъ бываетъ различна у различныхъ людей. Тѣ, у которыхъ эгоизмъ преобладаетъ надъ альтрюизмомъ будутъ мною для краткости называться дурными людьми, такъ какъ они больше вредятъ, нежели приносятъ пользу въ постройкѣ жизни обществъ и Человѣчества. Тѣ же, у которыхъ альтрюизмъ преобладаетъ надъ эгоизмомъ будутъ называться хорошими людьми, потому что они приносятъ болѣе пользы, чѣмъ вреда. Индивидуалистами же буду называть людей не сознающихъ еще существованія того высшаго живаго существа, въ которомъ они живутъ, и отъ котораго все получаютъ.

Очевидно, что между индивидуалистами могутъ быть и хорошіе и дурные люди, но каждый индивидуалистъ, независимо отъ своихъ качествъ и убѣжденій, долженъ, по необходимости, считать свое я высшею инстанціей для рѣшенія вопросовъ духа и жизни. Онъ долженъ полагать, что нравственные правила налагаются на него исключительно его же собственною совѣстью, что онъ господинъ самого себя и царь земной природы. Сознаніе своего царскаго величества естественно развиваетъ въ каждомъ индивидуалистѣ нетерпимость и злыя чувства къ ближнему, несогласному съ нимъ (*); да и нравственныя правила его не имѣютъ должной устойчивости и легче измѣняются подъ вліяніемъ различныхъ настроеній такъ какъ его собственное я декретируя извѣстный законъ можетъ во всякій данный моментъ измѣнить или отмѣнить его.

Если индивидуалистъ, кромѣ этихъ общихъ всѣмъ имъ качествъ, еще дурной человѣкъ и держится теоріи личнаго счастья; то онъ несомнѣнно пріобрѣтаетъ необыкновенную цѣлостность и силу для свершенія зла. Его теорія не только не противорѣчитъ его преобладающимъ инстинктамъ (честолюбія, корыстолюбія, чувственности, нетерпимости и т. п.), но холитъ и лелѣетъ ихъ. Въ такихъ людяхъ

(*) Сродство между индивидуалистомъ и нетерпимостью лучше всего обнаруживается изъ общепринятаго предразсудка, будто всякій человѣкъ долженъ быть убѣжденъ въ правотѣ и истинности своихъ мнѣній. Предразсудокъ этотъ основанъ на само-мнѣніи и гордынѣ свойственной индивидуализму; а вслѣдствіе этаго предразсудка каждый индивидуалистъ непремѣнно долженъ смотрѣть на всѣхъ людей, несогласныхъ съ нимъ какъ на заблуждающихся и вредныхъ.

нѣтъ раздвоенности, сомнѣній, раскаянія; поэтому они достигаютъ блестящихъ успѣховъ въ дѣлѣ осуществленія своихъ эгоистическихъ цѣлей.

Къ счастію, большинство индивидуалистовъ состоитъ изъ хорошихъ людей. Я самъ былъ индивидуалистомъ, тѣсно жилъ съ ними и могу сказать кое-что о метаморфозахъ, которые они неизмѣнно проходятъ тамъ, гдѣ никто не мѣшаетъ имъ осуществлять ихъ жизненные идеалы.

Возмемъ сначала то множество хорошихъ индивидуалистовъ, которые держатся теоріи личнаго счастія или заражены не менѣе отвратительнымъ убѣжденіемъ нашего развратнаго вѣка, будто улучшеніе жизни должно начаться съ улучшенія матеріальной обстановки людей. Всѣ соціалисты (какъ политическая партія) и всѣ революціонеры принадлежатъ къ этому типу индивидуалистовъ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ чувство нетерпимости и вражды къ людямъ съ ними несогласнымъ, доходитъ иногда до самой послѣдней степени, до полнаго забвенія альтрюистическихъ инстинктовъ любви и состраданія къ ближнему. Но даже въ томъ случаѣ, когда дѣло не доходитъ до подобной крайности, нетерпимость и вражда такъ присущи индивидуализму, что ими часто парализируется весь тотъ альтрюизмъ, который несомнѣнно побуждалъ хорошихъ людей къ принятію ложныхъ теорій.—Отсюда та раздвоенность, нерѣшительность, противорѣчія, часто отчаяніе въ которыя впадаютъ подобные люди; отсюда ихъ безсиліе въ борьбѣ съ цѣльными ни въ чемъ не сомнѣвающимися и никогда не колеблющимися эгоистами.

Иногда такіе индивидуалисты, уставши отъ противорѣчій революціонной дѣятельности, кидаются со всею страстностію и искренностію хорошихъ людей на осуществленіе обществъ и коммунъ, основанныхъ на болѣе раціональныхъ принципахъ производства и распредѣленія богатствъ. Такіе люди могутъ по праву быть названы мирными соціалистами потому что они желаютъ вліять на другихъ своимъ примѣромъ, не прибѣгая ни къ какимъ революціоннымъ, насильственнымъ или законодательнымъ мѣропріятіямъ. Я живалъ въ группахъ такихъ индивидуалистовъ въ странѣ, гдѣ ихъ дѣятельность не стѣснялась извнѣ. Мой личный опытъ и обстоятельное знакомство съ исторіею всѣхъ многочисленныхъ попытокъ такого рода въ Америкѣ одинаково убѣдили меня, что общинники-индивидуалисты тоже не могутъ осуществить свой идеалъ. Ихъ предпріятія неизмѣнно

приходили и должны приходить къ погибели. Ихъ неудачи, часто сопровождаемые отвратительными сценами глубокаго паденія нравственности, останутся навсегда лучшимъ доказательствомъ, что одна экономическая реформа еще недостаточна для улучшенія людей, что собственность не есть корень зла, а только о д н о изъ многочисленныхъ проявленій эгоизма, что съ уничтоженіемъ собственности еще остается гордыня само-мнѣнія, нетерпимость, зависть, честолюбіе, чувственность, лѣнь... И если люди вѣрятъ, что всѣ эти качества должны уничтожится сами собою, отъ одного измѣненія ихъ матеріальныхъ условій, то практическій опытъ всегда опрокидываетъ на ихъ же голову такое предубѣжденіе; такъ какъ недостатки людей, отъ тѣснаго сожительства только увеличиваются, становятся замѣтнѣе и рѣзче. Въ результатѣ экспериментаторы неизмѣнно плотятъ горькимъ разочарованіемъ и обыкновенно расходятся съ проклятіями противъ „преждевременныхъ“ попытокъ.

Только немногіе спасаются отъ этихъ крушеній и сохраняютъ еще вѣру въ возможность осуществленія братской жизни; но они уже знаютъ по опыту, какъ дѣтски слабы теоріи соціализма, возлагающіе всѣ надежды на уничтоженіе собственности. Они уже смотрятъ на общину какъ на школу жизни, въ которой каждый изъ участвующихъ долженъ пріучаться подчинять свои эгоистическія инстинкты альтрюизму; они кооперируютъ для развитія нравственныхъ богатствъ, а не матеріальныхъ; вмѣсто теоріи личнаго счастія, они держаться теоріи долга и служенія другимъ. Нравственныя теоріи подобныхъ индивидуалистовъ уже не парализируютъ избытокъ ихъ альтрюизма; вслѣдствіи чего у нихъ меньше раздвоенности и много болѣе цѣлостности и твердости. Такіе люди, въ обыкновенной жизни, несомнѣнно принадлежатъ къ числу самыхъ лучшихъ; они возвышаются головой надъ окружающею ихъ обстановкою; но стоитъ только имъ собраться вмѣстѣ и недостатки, присущіе ихъ индивидуализму, высказываются очень рельефно и приводятъ къ весьма назидательному уроку.

Я долго жилъ въ братствахъ съ такими индивидуалистами. Характеристическая черта ихъ, какъ и вашихъ послѣдователей, заключается въ томъ, что они придаютъ исключительное значеніе только схемѣ нравственности. Стараясь жить согласно съ этою схемою, они не считаютъ необходимымъ да и не могутъ культивировать свои чувства въ желательномъ направленіи, такъ какъ не видятъ то Вы-

сокое и Прекрасное Существо, которое могло-бы симпатически вліять на нихъ и расширить ихъ альтрюистическія инстинкты. Въ этой стадіи индивидуализма я замѣчалъ и на самомъ себѣ и въ другихъ существованіе чего-то отталкивающаго. Люди вмѣсто того, чтобы находить удовольствіе въ общинной жизни, какъ бы тяготяться ею; въ общежитіи такихъ людей царитъ какая-то сухость жестокость и требовательность какъ относительно себя, такъ и относительно другихъ. Иные становятся фанатиками идеи и, будучи безжалостны къ самимъ себѣ, теряютъ чувство сожалѣнія къ другимъ. „Благодарю тебя Боже, что я лучше другихъ"—выражается, безъ словъ, ихъ жизнію, и отталкиваетъ отъ нихъ все, что хочетъ любить. Индивидуализмъ кладетъ такимъ образомъ печать проклятія даже на жизнь лучшихъ своихъ адептовъ. Онъ усиливаетъ даже въ самыхъ хорошихъ людяхъ чувство нетерпимости и вражды къ несогласнымъ съ ними; онъ не уничтожаетъ раздвоенности въ ихъ натурахъ; онъ часто губитъ ихъ хорошія начинанія, потому что недаетъ имъ возможности развить силы, (т.-е. чувства) необходимыя для выполненія ихъ широкихъ задачъ. Даже работа самоусовершенствованія, полезность и необходимость которой сознается въ теоріи, не можетъ идти успѣшно, такъ какъ центръ нравственной тяжести у каждаго индивидуалиста въ немъ самомъ, и онъ можетъ только благосклонно снисходить къ содѣйствію другихъ, на сколько впрочемъ позволяетъ ему его царское величество.

Люди, находящіеся на такой ступени индивидуализма, могутъ еще жить вмѣстѣ, въ небольшомъ кружкѣ, тѣсно связанномъ чувствами личной дружбы и любви; тогда отсутствіе религіознаго чувства какъ-бы возмѣщается у нихъ избыткомъ чисто личныхъ симпатій. Но когда эти лучшіе индивидуалисты собираются въ бо̀льшія группы только во имя долга и общаго дѣла, они неизбѣжно должны отравлять другъ другу жизнь и—измучивши и себя и другихъ—разойтись съ недоумѣніемъ отчего не могли устроить лучшей жизни;—съ тайною радостію, что могутъ, наконецъ, отдохнуть отъ добровольно подъятой пытки.

Нѣкоторые изъ этихъ отличныхъ людей такъ и остаются въ недоумѣніи всю свою жизнь. Другіе отгадываютъ причину своихъ тяжелыхъ разочарованій, когда умственная завѣса падаетъ съ ихъ глазъ, и они начинаютъ сознавать бытіе Высшаго Существа, воплощающаго въ себѣ ихъ лучшія стремленія. Изъ индивидуалистовъ они стано-

вятся тогда людьми религіи. Альтрюизмъ ихъ расширяется путемъ чисто симпатическихъ вліяній. Эгоистическій инстинктъ, не поддерживаемый болѣе индивидуализмомъ, отходитъ на второе, подчиненное мѣсто. Ихъ нравственность можетъ вовсе не измѣниться при этомъ внутреннемъ переломѣ, но она согрѣвается самымъ сильнымъ (религіознымъ) чувствомъ и пріобрѣтаетъ больше устойчивости. Въ подобныхъ людяхъ возстановляется и цѣльность и сила къ добру. Только они могутъ „унаслѣдовать землю“, потому что только цѣльные, религіозные альтрюисты смогутъ одолѣть цѣльныхъ же эгоистовъ.

Когда религіозные люди собираются въ братство, они легко создаютъ гармоничное и прочное цѣлое, потому что ихъ ученіе любви и терпимости переходитъ изъ сферы сухихъ отвлеченій въ дѣйствительно-горящее чувство любви и терпимости;—центръ нравственной тяжести у подобныхъ людей переходитъ отъ индивидуума къ коллективу, а работа самоисправленія становится поэтому немыслимою безъ содѣйствія другихъ. Каждый изъ нихъ жаждетъ объединенія съ другими, ищетъ ихъ помощи, и, разъ испытавши прелесть истинно-братской жизни, не захочетъ возвращаться къ жизни изолированной. Вотъ гдѣ разгадка почему религіозные люди могутъ жить вмѣстѣ и находить силу и отраду въ общинной жизни, даже въ томъ случаѣ, когда, по другимъ умственнымъ и душевнымъ качествамъ, они стоятъ ниже индивидуалистовъ. Вотъ почему одни искренно вѣрующіе послѣдователи всѣхъ религій могли устраивать прочныя и многолюдныя братства, но братствъ нѣтъ и не можетъ быть между индивидуалистами! Года три тому назадъ мнѣ случилось наблюдать рѣдкое явленіе, когда индивидуалисты образовавши коммуну во имя облегченія жизни каждаго, водворили въ ней какой-то адъ кромѣшный, что-то безусловно несовмѣстимое съ самыми ограниченными требованіями нравственности; но, послѣ того какъ въ нихъ пробудилось религіозное чувство, тѣже люди проявили способность исправлять свои недостатки, начали спаивать распадающее цѣлое, придали коллективной жизни въ высшей степени нравственный и облагораживающій характеръ. Таково вліяніе религіи даже на хорошихъ людей. О томъ же, что она способна вызывать альтрюизмъ въ людяхъ безцвѣтныхъ или ослаблять эгоизмъ въ дурныхъ, я считаю совершенно лишнимъ говорить, считая этотъ фактъ очевиднымъ и исчерпаннымъ для всѣхъ.

Такимъ образомъ, изъ всего сказаннаго въ этомъ отдѣлѣ я дѣлаю

одинъ выводъ: чтобы сдѣлать людей нравственно сильными и цѣльными, чтобы умъ и чувство находились въ должной гармоніи, необходимо уничтожить въ людяхъ индивидуализмъ, т.-е. необходима проповѣдь религіи.

Опираясь на этотъ выводъ, мнѣ будетъ легче пояснить и разницу между нами. Я, ставши религіознымъ, долженъ стремиться къ осуществленію добра и любви въ тѣсномъ кружкѣ моихъ друзей и знакомыхъ. Эта медленная, но прочная работа воздѣйствія на другихъ своею жизнію обязательна и по плечу всѣмъ религіознымъ людямъ. Выполняя ее, я выполняю свою задачу жизни. Но на васъ, какъ на великаго художника и серцевѣда падаетъ еще одно обязательство. Вы можете, а потому должны вліять на другихъ силою вашего слова. Лишнее обязательство падаетъ на васъ потому, что, кому больше данно Человѣчествомъ, съ того больше и требуется. Вотъ почему я не могу разстаться съ вами, какъ вы со мной; вотъ почему мнѣ приходится разбирать вашу общественную дѣятельность какъ писателя и учителя въ русскомъ обществѣ и заявить къ вамъ серьезныя требованія.

Очевидно, что ваша обязанность какъ художника распадается на двѣ части. Во первыхъ, вы способны пробуждать въ людяхъ нравственное чувство помощію горячаго и поэтическаго слова; во вторыхъ, опираясь на ваше тонкое художественное чутье, вы въ силахъ разъяснять сокровенные тайники человѣческой души, переводить безсознательныя инстинкты людей въ область сознательнаго, и тѣмъ намного облегчить работу духа.

Что касается до вашей дѣятельности по пробужденію въ людяхъ нравственнаго чувства, то я, ознакомившись съ нею, могу только съ почтеніемъ и глубокою сердечною симпатіею склониться передъ вами. Какъ свѣчи зажигаются не иначе какъ отъ соприкосновенія съ чѣмъ либо горящимъ, такъ и альтрюизмъ людей разгорается отъ соприкосновенія съ чистымъ, нелицемѣрнымъ чувствомъ любви и симпатіи къ несчастнымъ, — горящимъ въ вашей любвеобильной душѣ. Потому каждая строка написанная вами въ послѣдніе годы была неоцѣненнымъ вкладомъ въ исторіи духовнаго прогресса Россіи.

Вторая часть вашей дѣятельности, въ которой вы говорите, что нужно дѣлать, чтобы удовлетворить пробужденныя вами нравствен-

ныя чувства, гораздо слабѣе первой, и только потому, что въ ней вы уклоняетесь отъ пути художника и беретесь за чуждую вамъ роль мыслителя. Суммируя общее мнѣніе вашихъ почитателей и зная, что я говорю съ человѣкомъ чуждымъ мелкаго самолюбія, я повторяю вмѣстѣ со всѣми, что въ вашихъ изслѣдованіяхъ существуетъ что-то недосказанное, неопредѣленное, что-то до нѣкоторой степени не вполнѣ гармонирующее съ вашими же чувствами. Читатели, нравственныя потребности которыхъ вы настраиваете на самый высокій діапазонъ, остаются въ состояніи недоумѣнія и неудовлетворенности, когда вы указываете на средства удовлетворенія этихъ потребностей.

Они ждутъ отъ васъ окончательнаго приговора; вамъ необходимо высказаться съ бо́льшею опредѣленностію.

Вы желаете найти ученіе, которое могло бы с в я з а т ь всѣхъ людей въ одно духовное цѣлое. Вы, слѣдовательно, одинаково со мною человѣкъ р е л и г і и (*); но въ поискахъ за нею вы остановились на перепутьи двухъ дорогъ.

Одинъ путь—это путь мыслителя, когда онъ всѣми силами своего ума, всѣми пособіями науки, отстаиваетъ разумность извѣстной нравственной схемы и убѣждаетъ всѣхъ людей принять ее.

Другой путь, болѣе соотвѣтствующій вашему таланту, есть путь художника, когда, подмѣтивши то общее, что безсознательно живетъ въ душѣ современниковъ, понявши возможность дать хоть нѣкоторые отвѣты на вопросы чувствъ и мнѣній, онъ создаетъ прекрасные образы, воплощающія общій для всѣхъ типъ хорошаго, и учитъ людей вліяя на ихъ чувство.

Одинъ путь поведетъ васъ къ образованію небольшой группы индивидуалистовъ согласныхъ съ вашею схемою жизни; другой путь—къ объединенію всѣхъ хорошихъ людей, посредствомъ пробужденія въ нихъ религіознаго чувства.

Мои симпатіи очевидно стоятъ за то, чтобы вы пошли по второму пути. Но въ вашихъ сочиненіяхъ не видно еще чтобы вы окончательно остановились на какомъ нибудь выборѣ. Въ иныхъ мѣстахъ высказывается предпочтеніе къ ученію Христа; но тамъ, игнорируя обаятельную силу личности великаго учителя, вы, какъ мыс-

(*) Что слово религія вовсе не означаетъ связь человѣка съ Богомъ—мы видимъ изъ того, что словомъ этимъ обозначаются и ученія, вовсе неимѣющія представленій о личномъ Богѣ.

литель, обращаете вниманіе только на догматическую сторону его ученія: занимаетесь разборомъ и составленіемъ схемы нравственности. Зато есть и другія мѣста въ вашихъ сочиненіяхъ, гдѣ вы, еще гораздо раньше встрѣчи со мною, высказываете высоко-прекрасныя мысли о нашихъ обязательствахъ и чувствахъ къ Человѣчеству (*). Вы, какъ художникъ, оцѣнили нравственное величіе этаго представленія много раньше, чѣмъ познакомились съ его научными подтвержденіями. Отчего же теперь, послѣ нашихъ долгихъ и дружественныхъ бесѣдъ, послѣ моихъ усиленныхъ просьбъ продолжать уже начатое вами, вы все еще стоите на прежнемъ перепутьи? Этотъ мучительный вопросъ задаю не я одинъ. Тысячи людей одинаково со мною томятся неопредѣленностію вашихъ взглядовъ.

Чтобы доработаться наконецъ до разрѣшенія этихъ сомнѣній, я снова обращаюсь къ вамъ съ откровеннымъ словомъ. Въ искренности руководящихъ мною побужденій пусть будетъ порукой мое глубокое уваженіе къ вамъ, и сознаніе, что слова мои будутъ услышанны и провѣрены лучшими и честными русскими людьми.

III.

Положимъ, что доводы, изложенные мною въ I и II отдѣлѣ, не убѣдительны для васъ, и вы все таки видите главный смыслъ религіи не въ ея симпатической (художественной) сторонѣ, а въ ея нравственной философіи, и потому считаете дѣломъ первостепенной важности разработку и пропоганду извѣстной схемы нравственности.

Никакой схемы нравственности. А откинуть соблазны.

Но, какъ я уже говорилъ, въ дополненіи къ моему первому письму, предлагать нравственные схемы людямъ, неимѣющимъ еще желанія жить нравственно, значитъ полагать, что люди могутъ сдѣлать второй шагъ раньше перваго. Единственная поддержка такой несообразности заключается въ заблужденіи, такъ сильно распространенномъ въ обществѣ, будто изученіе нравственной философіи можетъ сдѣлать людей нравственными.

Заблужденіе это, хотя и поддерживаемое половинчатыми позитивистами школы Литре, не имѣетъ никакихъ серьезныхъ основаній: оно одинаково опровергается и практикою жизни и изученіемъ человѣческой души. Даже маленькій ребенокъ легко укажетъ на людей, отлично сознающихъ вредъ того или другого поступка, и, все

(*) Въ Исповѣди.

таки, не имѣющихъ силъ не совершить его. Заблужденіе это есть отголосокъ идолопоклонства передъ умственнымъ образованіемъ, которымъ зараженно все современное общество (*). Если исходить изъ такой точки зрѣнія, то слѣдуетъ допустить вѣрность очевидно невѣрнаго, но столь же распространеннаго, мнѣнія будто законами можно сдѣлать людей лучше. Вы сами боретесь противъ этаго заблужденія, а между тѣмъ какъ будто не доходите до конца въ этой борьбѣ. Вы видите, что наука, въ популярномъ смыслѣ этого слова (т.-е. математическій, естественный и соціальный отдѣлъ ея) не дѣлаетъ людей нравственными, и въ тоже время ставите на первый планъ изученіе другой, высшей, науки, какъ ряда изрѣченій, вытекающихъ изъ принципа любви. Въ неизданныхъ главахъ „Что же намъ дѣлать“ вы даже называете наукою ученія Конфуція, Будды, Христа и Магомета, и ставите ихъ за образцы научнаго метода, позабывая, что они воспитывали людей путемъ симпатическихъ вліяній, и извѣстны подъ именемъ религій. Но тутъ вы снова запутываетесь въ безъисходныя противорѣчія.

Прежде всего нельзя не замѣтить, что ваше опредѣленіе науки внесетъ путаницу въ умы читателей, безусловно вѣрящихъ въ вашъ авторитетъ. Обыкновенно подъ наукой понимаютъ систематическое, связное изложеніе законовъ Природы, которое начинается съ изслѣдованія самыхъ общихъ и потому самыхъ простыхъ законовъ (законовъ численныхъ отношеній) и проходитъ по убывающей прогрессіи общности и по возрастающей прогрессіи сложности явленій—чрезъ естествознаніе, біологію и психологію, до изслѣдованія законовъ общественной жизни, и вытекающихъ оттуда законовъ нравственности. Называть же наукой рядъ догматическихъ и бездоказательныхъ изрѣченій—значитъ вводить новое, совершенно произвольное понятіе; это значитъ—игнорировать лучшимъ пріобрѣтеніемъ нашей цивилизаціи и возобновлять предразсудокъ будто общественныя явленія не имѣютъ никакой законности, будто всякій воленъ видоизмѣнять ихъ такъ точно, какъ вольны были Боги прежнихъ религій или люди стоящіе у власти.

Эту то я отрицаю, убѣдившись что въ ней нѣтъ ничего кромѣ словъ.

Напротивъ на той (на моей наукѣ) строилась вся жизнь.

Вѣдь всякій знаетъ теперь, что оцѣнка явленій въ сферѣ про-

(*) Я хочу подтвердить эту мысль сославшись на авторитетнѣйшаго индивидуалиста, и, вслѣдствіи позорнаго приказа, стѣсняющаго обращеніе и чтеніе книгъ, я вынужденъ приложить къ этому письму найболѣе рельефные выписки изъ Спенсера „Изученіе Соціологіи“, глава „Психологическая подготовка“. (См. приложеніе II.)

стѣйшихъ наукъ, напримѣръ астрономіи или механики, невозможна безъ основательнаго знакомства съ этими науками. Тѣмъ обязательнѣе становится тщательная и серьезная подготовка для всякаго желающаго оцѣнить общественныя явленія или выводить законы нравственности. Съ этой точки зрѣнія—самая простота и легкость, съ которыми рѣшаются вопросы общественной жизни, служатъ несомнѣнными доказательствами несостоятельности тѣхъ проэктовъ, которыми такъ настойчиво и упорно хотятъ спасать людей. Не видѣть этаго могутъ только люди, которымъ пріятно принимать грезы своего духа за дѣйствительность, которые думаютъ, что все, кажущееся имъ легкимъ и простымъ, должно также легко и просто примѣняться къ жизни.

Напротивъ.

Но помимо ошибокъ, свойственныхъ этому метафизическому предположенію, ваша наука о нравственности, основанной на любви, не представляется серьезною и по существу дѣла. На самомъ дѣлѣ, она можетъ быть или: 1) повтореніемъ тѣхъ общихъ требованій альтрюизма, которыя излагаются всѣми религіями или 2) попыткой создать схему нравственности, охватывающей жизнь человѣка въ ея практическихъ подробностяхъ, каковы были философскія ученія Моисея, Конфуція, и (нѣсколько въ меньшей степени) Христа и Магомета.

Въ первомъ случаѣ, одно лишнее повтореніе того, что повторялось и повторяется такъ много разъ,—повтореніе, не подкрѣпляемое новыми соображеніями и доказательствами,—по меньшей мѣрѣ безполезно. Во второмъ случаѣ ваша наука, представляющая готовую схему нравственности для всѣхъ людей, должна опираться на вѣру въ свою безошибочность, на убѣжденіе, что правила въ ней заключающіеся абсолютно вѣрны и неизмѣнно истинны.

Есть вѣчныя истины—онѣ то забыты.

Въ послѣдней четверти девятнадцатаго столѣтія *не приходится доказывать*, что понятіе людей о правдѣ, о добрѣ и злѣ, не представляютъ чего-то вѣчно точнаго, опредѣленнаго и неизмѣннаго, и что, на оборотъ, это понятіе измѣняется вмѣстѣ съ развитіемъ людей и обостреніемъ ихъ познавательныхъ и нравственныхъ способностей. Вѣра въ абсолютную неизмѣнность нравственныхъ правилъ возможна для теолога, исповѣдующаго, что Богъ, чрезъ посредство откровенія, установилъ разъ навсегда правила, хотя бы не отвѣчающія человѣческимъ пониманіямъ, но обязательныя для руководства во всѣхъ дѣйствіяхъ. Подобное же мнѣніе о томъ, что понятіе о добрѣ и злѣ прирождены человѣческой душѣ, проповѣдуется врагами вся-

Не только приходится доказывать, но нельзя доказывать ни въ какомъ столѣтіи.

кой религіи—метафизиками; но ихъ ученіе опровергнуто и исторіей и добросовѣстными изслѣдованіями въ сферѣ психологіи и соціологіи. Вы не теологъ, потому что отрицаете божественную натуру Христа; вы не должны быть и метафизикомъ; а потому, признавая, что понятія о добрѣ и злѣ подчиняются, какъ и всѣ другія идеи, закону постепеннаго совершенствованія,—вы должны также признать, что схема абсолютной нравственности несовмѣстима съ идеей высшей правды, и принесетъ только несчастія въ будущемъ.

Можетъ быть, однако, вы скажете, что вы никогда не признавали абсолютную вѣрность понятія о добрѣ и злѣ, но что вы предлагаете схему евангельской нравственности, какъ лучшей изъ всѣхъ извѣстныхъ кодексовъ. Такіе ваши слова, еслибъ они были произнесены, предполагаютъ слѣдующую мысль: дайте мнѣ что либо лучшее христіанской морали, и я приму ее. Но и въ послѣднемъ случаѣ вы не можете и думать, что всѣ люди пріимутъ въ руководство вашу схему нравственности. Допуская, что понятія о добрѣ и злѣ условны, и что они прогрессируютъ въ зависимости отъ развитія людей, необходимо допустить, что напримѣръ въ Россіи, въ данное время, существуютъ мнѣнія о правдѣ всѣхъ временъ и народовъ, начиная отъ ея пониманія людьми каменнаго періода, и кончая людьми XIX вѣка. И, конечно, нѣтъ никакой возможности удовлетворить одною и тою же схемою разнородныя и часто исключающія другъ друга понятія о правдѣ. Такимъ образомъ ваша аудиторія можетъ быть составлена только изъ людей, которымъ хоть сколько нибудь понятна христіанская мораль; но однимъ, пережившимъ христіанство, ваша схема нравственности представляется недостаточной и узкой; другимъ, искреннимъ христіанамъ, она безполезна; а всѣмъ остальнымъ—совершенно непригодна.

И для всѣхъ неизбѣжно обязательна какъ 2×2=4.

Послѣ сказаннаго станетъ понятно, что нравственный кодексъ, способный удовлетворить всѣхъ людей, не можетъ быть выраженъ готовою схемою нравственности, хотя бы за составленіе ее принимались самые геніальные индивидумы. Кодексъ этотъ будетъ постепенно рости по мѣрѣ того, какъ Человѣчество будетъ открывать мало по малу законы нравственности при помощи тщательныхъ научныхъ изысканій. Когда же, вопреки вышесказанному, кто либо подымаетъ скрижали новыхъ заповѣдей, и, пренебрегая сложными побочными обстоятельствами, могущими видоизмѣнить ихъ, увѣряетъ, что счастіе всѣхъ людей заключается въ повиновеніи имъ—тотъ, какъ по-

добаетъ истинному индивидуалисту, считаетъ возможнымъ для отдѣльнаго человѣка рѣшить задачу не разрѣшенную еще Человѣчествомъ, тотъ долженъ быть убѣжденъ въ условной вѣрности этихъ заповѣдей для всѣхъ людей въ данное время. Посмотримъ къ чему приводитъ эта двойная ошибка. Представимъ себѣ, что предлагаемая схема нравственности включаетъ между прочимъ заповѣдь: не суди ближняго. Вѣдь приверженцы такой схемы, исходя даже изъ условной вѣрности ея, не могутъ отрѣшиться отъ мысли, что выполненіе ея заповѣдей непремѣнно приведетъ къ добру, а нарушеніе ихъ безспорно ведетъ ко злу; они не могутъ не дѣлить людей на двѣ группы: на исповѣдующихъ и на неисповѣдующихъ эти заповѣди, на приносящихъ добро и творящихъ зло, на добрыхъ и злыхъ, на овецъ и козлищъ. Такимъ образомъ, въ самомъ фактѣ превозглашенія общихъ для всѣхъ заповѣдей, кроется уже осужденіе людей, не идущихъ по предлагаемому пути истины и добра. Извѣстно также, что безповоротный, хотя бы и не сопровождаемый физическими наказаніями, приговоръ, произнесенный въ совѣсти одного человѣка надъ другимъ, бываетъ часто безмилосерднѣе жестокаго, но кратковременнаго физическаго наказанія, послѣ котораго наступаетъ прощеніе и забвеніе прошлаго. И вотъ первое и очевидное психическое противорѣчіе, въ которое впадаютъ приверженцы такой схемы. Говоря о неосужденіи ближняго, они, роковымъ образомъ, обязанны осуждать его; говоря о любви къ ближнему, они наносятъ ему самыя больныя раны.

Такого закона: „не суди ближняго“ нѣтъ.

Кромѣ того, всякой схемѣ нравственности, построенной интуитивнымъ путемъ, т. е. вытекающей прямо изъ души человѣка, присуще еще другое зло. Приверженцы такихъ системъ, не имѣя критеріума для оцѣнки относительной важности различныхъ положеній, способны, подъ вліяніемъ чисто личныхъ и временныхъ соображеній, придавать громадную важность второстепеннымъ правиламъ, имѣющимъ лишь ничтожное значеніе въ жизни. Отсюда тотъ споръ о мелочахъ, которымъ характеризуется наше сектанство, и который уже начинаетъ замѣчаться между послѣдователями вашего ученія. Они, напр., возвели принципъ непротивленія злу въ основной догматъ своей секты, и стараются доказывать разумность невмѣшательства даже въ томъ случаѣ, когда, напр., для спасенія человѣка отъ смерти достаточно сдѣлать нѣсколько шаговъ. „Добрыя послѣдствія непротивленія злу нельзя отвергать страданіями отдѣльныхъ людей;

эти послѣдствія обнаружатся быть можетъ чрезъ сотню лѣтъ"— это сказалъ мнѣ одинъ изъ честнѣйшихъ и чистѣйшихъ послѣдователей вашего ученія. Для меня въ этихъ словахъ почудилось доктринерство и, слѣдовательно, смертный приговоръ по крайнѣй мѣрѣ одной части вашей схемы. Для меня эти крайніе выводы показались также антипатичны, какъ доктрина: Fiat justitia, et pereat mundus! (Да торжествуетъ справедливость, хотя бы отъ этаго погибалъ міръ.) Но при всемъ томъ я отлично сознавалъ, что разница въ нашихъ поступкахъ будетъ всегда ничтожною. Разногласіе наше, именно потому, что мы оба исходимъ изъ чувства любви, и одинаково стараемся быть послѣдовательными, показываетъ только, что вопросъ этотъ еще спорный по примѣненію къ нѣкоторымъ частнымъ случаямъ. Каждый изъ насъ долженъ способствовать разрѣшенію его въ будущемъ, посильно осуществляя свою личную схему нравственности; но никто не долженъ считать свою схему обязательною даже для людей, имѣющихъ одинаковыя точки отправленій. Никто, поэтому, и ни въ какомъ случаѣ, не долженъ раздувать мелкія несогласія въ лозунгъ, по которому отдѣляютъ своихъ отъ чужихъ. Таковъ выводъ людей, не признающихъ абсолютной истины, и аппелирующихъ къ Человѣчеству для разрѣшенія высшихъ вопросовъ нравственности. То ли бываетъ съ людьми, движимыми только своими симпатіями, и безусловно вѣрящими въ истинность своихъ положеній? Не способны ли будутъ и ваши послѣдователи забывать серьезныя стороны дѣла и поднимать такой же споръ изъ-за мелочей, каковъ споръ, напр., о двуперстномъ сложеніи, о хожденіи посолонь, и т. под.? Увидимъ, что скажетъ недалекое будущее...

Позитивная нравственность совершенно противоположна вашей. Она признаетъ законность факта, когда общество защищаетъ себя отъ нарушенія тѣхъ условныхъ понятій о добрѣ, которыхъ придерживается огромное большинство людей въ этомъ обществѣ. Она не можетъ поэтому отрицать ни полицейско-предупредительныхъ мѣръ, ни даже суда, пока общество не выростетъ изъ необходимости того и другого. За то она съуживаетъ сферу общественнаго самоуправства, отвергая безусловность въ понятіяхъ о добрѣ и злѣ, отрицая разумность какой-бы то не было общей для всѣхъ схемы нравственности, говоря, что въ каждомъ поступкѣ, въ каждой формѣ общественной жизни, зло переплетается съ добромъ, и проповѣдуя полнѣйшую свободу совѣсти, которая только возможна при подчи-

неніи законамъ Бога (т. е. безпорнымъ выводамъ науки). Такая нравственность будетъ прививать къ правящему большинству терпимость и снисходительность къ поступкамъ людей самобытныхъ и не подчиняющихся общепринятымъ понятіямъ; она убьетъ въ корнѣ духъ сектанства, и будетъ болѣе способствовать водворенію мира и любви между людьми, чѣмъ ваше ученіе—такъ много говорящее о любви, и такъ жестоко сортирующее людей, при помощи своей схемы нравственности, на козлищъ и овецъ.

До сихъ поръ я старался разбирать пригодность или вредъ вашей схемы нравственности, исходя изъ вашей же точки отправленія, т. е. считая схемы важнѣйшимъ факторомъ въ дѣлѣ нравственнаго возрожденія людей. Теперь я могу снова вернуться къ своей точкѣ зрѣнія, и еще разъ сказать, что люди воспитываются не схемами нравственности, и не сухимъ сборникомъ хотя бы прекраснѣйшихъ правилъ, а симпатическими вліяніями нравственнаго лица или обстановки, вліяніями поэтическихъ образовъ и, всего сильнѣе, вліяніями образныхъ религіозныхъ представленій. Когда нѣтъ этихъ вліяній и спитъ чувство — всегда будутъ скептики, вопрошающіе почему они должны слѣдовать тому или другому правилу, и ваше голословное утвержденіе, что „такъ лучше“, разумѣется, не будетъ убѣдительно для нихъ. Пора понять, что все, что одинаково дорого и для васъ и для меня, можетъ привиться только посредствомъ пробужденія хорошихъ чувствъ, что даже ваша нравственная схема принимается людьми не въ силу доводовъ (логика, какъ видѣли [1], приводитъ къ противорѣчіямъ), а въ силу вашего искренняго и честнаго желанія помочь ближнему. Вы всегда дѣйствовали какъ художникъ; вамъ остается только признать совершившійся фактъ, да измѣнить свою терминологію. Вмѣсто того, чтобы называть религію наукой, вы сдѣлаете много лучше, если возведете свою науку въ религію. Вмѣсто того, чтобы тратиться въ спорахъ о той или другой мелочи, ищите образы, воплощающіе собою тѣ главныя и существенные черты вашей нравственности, которыя дѣлаютъ васъ такимъ дорогимъ и близкимъ мнѣ братомъ, хотя, въ глазахъ фанатиковъ и сектантовъ, мы кажемся очень далекими другъ отъ друга. Прекратите работу мыслителя, ищущаго невозможнаго, и, вмѣсто составленія общей для всѣхъ схемы нравственности,—учите людей какъ художникъ.

Нигдѣ нѣтъ „такъ лучше“ а вездѣ сводится къ простой, понятной и несомнѣнной для каждаго истинѣ какъ н. п. та что если я буду дѣлать зло я пострадаю отъ этаго зла—оно вернется на меня.

Никакой схемы, а только указаніе на то что если человѣкъ бьется головой объ стѣну, у него будутъ шишки на головѣ.

[1] [Надъ словами „какъ видѣли“ рукой Л. Н. Толстого: „не видалъ“.]

Разъ ставши на путь художника, вы не ограничитесь мелкими, хотя и хватающими за сердце образами, которыми богаты ваши послѣднія сочиненія. Они хороши для пробужденія чувства состраданія къ несчастному; но не таковы бываютъ образы, когда сильный талантъ прививаетъ къ людямъ всѣ разнообразныя проявленія альтрюизма. Художникъ тогда долженъ поэтизировать религіозныя представленія; и вы поэтому должны или стать открытымъ и рѣшительнымъ проповѣдникомъ религіи Христа, или сдѣлаться поборникомъ религіи Человѣчества.

Если бы я видѣлъ въ васъ человѣка признающаго божественность Христа; если бы любовь къ Христу была такъ сильна, что въ вашемъ сердцѣ не было бы мѣста для другого образа — я долженъ бы былъ почтительно отойти отъ васъ, не мѣшая вамъ преклоняться передъ предметомъ своего обожанія. Да и вы тогда не скрывали бы своего религіознаго чувства, а нравственная схема, вмѣсто перечня сухихъ правилъ, вытекала бы сама собой изъ чистой вѣры въ боготворимаго Христа. Конечно, и тогда я не довѣрялъ бы безпристрастію вашего анализа Евангелія и доказательствъ будто все тамъ дурное—привито позднѣйшими толкователями; но я понималъ бы тогда мотивы, которыми подсказаны эти доказательства, и радовался бы, что вы, проповѣдуя исправленное христіанство, будете улучшать нравственность и жизнь людей еще преклоняющихся передъ Христомъ.

Я не скрываю, а всѣми силами обнаруживаю.

Зачѣмъ вамъ нужно, чтобъ тамъ было дурное?

Но я не замѣчалъ христіанскаго религіознаго чувства въ вашихъ сочиненіяхъ; не слыхалъ его и въ частной бесѣдѣ съ вами. Напротивъ того, вы много разъ говорили мнѣ, будто вамъ дѣла нѣтъ до личности Христа, что вы ставите высоко его нравственное ученіе, но всегда готовы принять и другое ученіе, если оно будетъ лучше его. Этотъ индиферентизмъ какъ-то не вяжется въ моемъ умѣ съ вашими стараніями выгородить во что бы то не стало Христа отъ соучастія въ дурныхъ изрѣченіяхъ Евангелія. Гораздо вѣроятнѣе, что вы любите Христа, любите какъ учителя дорогой вамъ схемы нравственности. Да и я самъ люблю Христа, какъ типъ, по которому формировалась моя юность; но такая любовь, подобно любви къ Сократу и Марку Аврелію, есть любовь къ обыкновенному смертному; она не удовлетворяетъ религіозной потребности привязаться къ тому, что лучше и выше всѣхъ отдѣльныхъ людей.

Отрицаніе божественнаго происхожденія Христа, отрицаніе всякой

авторитетности, сопрягаемой съ его именемъ — все, что сближаетъ меня съ вами—должно непремѣнно отдалять васъ отъ религіозныхъ христіанъ: они не будутъ васъ слушать. Ваше слово можетъ дѣйствовать развѣ на ту небольшую группу интеллигенціи, которая не можетъ еще оторваться отъ очарованія Христомъ, хотя и перестала вѣрить въ него какъ въ Бога. Но и въ этихъ людяхъ уже ослабѣваетъ религіозное чувство; самая склонность ихъ къ умственному анализу той или другой схемы показываетъ, что они входятъ въ ряды индивидуалистовъ и начинаютъ раздѣлять ихъ заблужденіе, будто системы нравственности или философіи дѣлаютъ людей лучше. Вамъ легко поднять альтрюизмъ въ такихъ людяхъ. Разъ вы смогли обособить то общее, что двигаетъ всѣми людьми, несмотря на разнообразіе ихъ дѣятельности и стремленій; разъ вы увидали одно великое связующее звѣно, одну роковую обязанность, одинаковую для всѣхъ людей, независимо отъ ихъ высшихъ религіозныхъ представленій (*)—обязанность служить Человѣчеству,—и вы, какъ альтрюистъ и художникъ, не можете не облагородить, и *не выразить въ чудной картинѣ это общее и объединяющее начало.* Вы непремѣнно переведете безсознательныя стихійныя силы, все крѣпче и крѣпче спаивающія насъ въ одно цѣлое, въ понятное для каждаго чувство долга любви и благодарности Человѣчеству, отъ котораго мы ежеминутно зависимъ и физически, и умственно, и нравственно. Вы прольете свѣтъ на связь и взаимопомощь людей, на общія чувства и правила, вытекающія изъ физическаго ихъ объединенія, и тѣмъ облегчите и ускорите трудный процессъ ихъ нравственнаго объединенія. Вы должны пріучать людей къ мысли, что вся достижимая для насъ мудрость заключается не въ той или другой личности, а въ Человѣчествѣ. Когда вамъ понадобятся чарующіе образы, чтобы смягчить сердца людей и сдѣлать ихъ болѣе воспріимчивыми къ добру, вы не можете не пользоваться великимъ *образомъ Человѣчества,* какъ самымъ лучшимъ средствомъ, чтобы сломить гордыню индивидуализма и снова привить людямъ „духъ смиренномудрія, терпѣнія и любви“. А выбрать такой путь—значитъ проповѣдывать религію Человѣчества.

Да но выражаю ихъ такъ, какъ они умно и убѣдительно поставлены въ ученіи Будды Сократа и послѣдняго Христа, а не такъ, какъ они очень не умно и не основательно выражены у Конта.

Такого образа нѣтъ.

Я уже говорилъ, что вы человѣкъ религіи потому, что ищете

(*) Подъ высшими религіозными представленіями понимаются отношенія человѣка къ міровой Тайнѣ: они должны оставаться частнымъ дѣломъ каждаго.

ученія, могущаго связать всѣхъ людей. Вашъ чуткій художественный инстинктъ уже подсказалъ вамъ, что ничто не въ состояніи такъ сильно связать современную интеллигенцію теперь, и всѣхъ людей впослѣдствіи, какъ *образъ* Человѣчества, отъ котораго мы все получаемъ, которому должны все отдавать. Сопоставьте же вмѣстѣ эти двѣ идеи и вы согласитесь, что, какъ художникъ, вы должны стать апостоломъ Религіи Человѣчества, и вы не испугаетесь ни этой необходимости, ни этихъ словъ. Князья тьмы, поклонники мамоны, жрецы науки для науки, всегда избѣгаютъ говорить о всякой религіи кромѣ развѣ казенной религіи, прикрывающей ихъ привиллегіи. Они въ особенности усердно смѣются надъ религіей Человѣчества; и .. вполнѣ понимаю положеніе такихъ людей. Они строго послѣдовательны въ своей оппозиціи, потому что разъ вспыхнетъ въ интеллигентномъ классѣ религіозное чувство, и ихъ темному царствію наступитъ конецъ. Но антипатія и боязнь, естественная у индивидуалистовъ и насильниковъ, не можетъ быть въ человѣкѣ уже движимомъ глубокою и искреннею преданностію и служеніемъ Человѣчеству. *Отчего же вы не идете по единственно-возможному для васъ пути съ рѣшимостію и послѣдовательностію достойными вашихъ талантовъ?*

Оттого что не могу лепетать подѣтски когда умѣю говорить почеловѣчески.

Быть можетъ, ваша медлительная осторожность и молчаливая уклончивость передъ неотразимыми доводами, происходятъ отъ вашей деликатности. Мнѣ кажется, вы не хотите говорить о религіи Человѣчества только потому, что въ вашемъ умѣ есть еще серьезныя возраженія противъ моихъ объясненій и доказательствъ, что Человѣчество есть органическое живое существо. Вы полагаете, быть можетъ, что, исходя изъ своего представленія о Человѣчествѣ, вы не имѣете нравственнаго права говорить о религіи Человѣчества. Но если это такъ, то я почту за величайшее счастье снять съ васъ эту послѣднюю задержку.

Мое понятіе о Человѣчествѣ есть результатъ моихъ позднѣйшихъ размышленій; оно выработалось главнымъ образомъ подъ вліяніемъ соціологическихъ изслѣдованій самаго сильнаго противника Конта, Герберта Спенсера. По многимъ причинамъ, о которыхъ незачѣмъ распространятся, оно мнѣ въ высшей степени дорого и придаетъ моимъ нравственнымъ воззрѣніямъ чрезвычайную устойчивость; но оно не составляетъ необходимаго условія для религіи Человѣчества. Даже Огюстъ Контъ не старался подтверждать свое понятіе о Че-

ловѣчествѣ подробными біологическими изысканіями. Онъ признавалъ Человѣчество живымъ органическимъ цѣлымъ, основываясь только на очевидномъ и всѣмъ извѣстномъ различіи между органическимъ и неорганическимъ соединеніемъ частицъ, по которому частицы оторванные отъ механическаго цѣлаго (напр. камень отбитый отъ скалы) продолжаютъ свое прежнее существованіе, тогда какъ частицы, оторванные отъ органическаго цѣлаго (напр. атомы оторванные отъ человѣческаго тѣла, или человѣкъ оторванный отъ общества) должны непремѣнно умирать и разлагаться. Когда же, при помощи этаго новаго для того времени представленія, Контъ разобрался въ хаосѣ кажущихся противорѣчій, привелъ въ стройную систему факты исторіи и психологіи, создалъ соціологію, разъяснилъ наилучшимъ образомъ наши обязательства къ самимъ себѣ и къ другимъ людямъ, тогда, разумѣется, это представленіе поразило не только его умъ но и его воображеніе. Онъ увидалъ въ Человѣчествѣ не только живое цѣлое, растущее по законамъ органической жизни, но и носителя всего прекраснаго, истиннаго и добраго. Религіозно преклоняясь передъ Великимъ Существомъ (Grand Etre) Контъ, въ тоже время, силою своего генія, показалъ намъ, что новое понятіе о Человѣчествѣ должно стать основою для будущей религіи.

Однако и въ сочиненіяхъ Конта можно найти уклоненія отъ строго научнаго понятія Человѣчества какъ цѣлаго, включающаго всѣхъ людей жившихъ, живущихъ и долженствующихъ жить. Напримѣръ, вездѣ гдѣ Контъ говоритъ объ Человѣчествѣ, какъ объ предметѣ поклоненія, онъ строитъ въ своемъ воображеніи идеальное Человѣчество, составленное только изъ хорошихъ людей. Разумѣется, кто приметъ въ расчетъ, что зло въ Человѣчествѣ постоянно отсыхаетъ и отпадаетъ, а добро сохраняется, растетъ и крѣпнетъ,— тотъ и легко согласится, что идеальное представленіе Человѣчества, непримѣнимое къ его настоящему и прошлому, можетъ быть вполнѣ примѣнимо къ его будущему. Здѣсь важно замѣтить, что даже такія уклоненія не вліяютъ ни на силу религіознаго чувства, пробуждаемаго новымъ ученіемъ, ни на энергію въ работѣ само-улучшенія, ни на способность вызывать и укрѣплять въ другихъ альтрюистическіе инстинкты.

Также не существенна разница между моимъ и вашимъ представленіями о Человѣчествѣ. Она могла разъединять насъ до тѣхъ

поръ, пока въ васъ было предубѣжденіе противъ позитивизма, т. е. пока вы, изъ сношенія съ половинчатыми позитивистами, выносили впечатлѣніе будто признаніе Человѣчества какъ органическаго цѣлаго ведетъ къ защитѣ существующаго зла. Но, послѣ нашего свиданія въ Москвѣ, вы прямо и категорически сознали невѣрность такого предположенія; и теперь, слѣдовательно, ничто не мѣшаетъ вамъ видѣть въ одухотворенномъ представленіи Человѣчества лучшее средство для усмиренія строптивыхъ, для увеличенія добра. Даже то блѣдное понятіе о Человѣчествѣ, которымъ такъ часто и фразисто прикрываются лицемѣры и насильники, даже оно, не нуждаясь въ научной провѣркѣ, можетъ послужить въ вашихъ рукахъ превосходнымъ средствомъ для пробужденія въ людяхъ религіознаго чувства и для привитія имъ высокихъ идеаловъ соціализма, чтобы тѣмъ ускорить конецъ современной безнравственности и современному строю жизни.

Если вы не можете представить себѣ Человѣчество въ видѣ реальнаго, дѣйствительно живущаго существа, вы тѣмъ болѣе должны дорожить этимъ представленіемъ какъ самою лучшею гипотезою, какъ превосходнымъ пособіемъ въ дѣлѣ нравственнаго возрожденія людей. Вѣдь поэтическія представленія другихъ религій были тоже гипотезами, съ точки зрѣнія науки; но это не мѣшало прошлымъ религіямъ укрѣплять и развивать альтрюизмъ въ людяхъ. Разумѣется, желательно, чтобы въ основу будущей религіи была бы положена несомнѣнная, безспорная истина; но желательное не есть еще необходимое. Для насъ довольно и то, что понятіе о Человѣчествѣ, какъ объ органическомъ цѣломъ, находитъ все болѣе научныхъ подтвержденій, не встрѣчая до сихъ поръ ни одного серьезнаго опроверженія. И если иной хорошій человѣкъ остановится передъ сомнѣніями въ дѣйствительномъ существованіи органическаго Человѣчества, то, находясь въ необходимости выбирать между механическою и органическою связью, онъ не станетъ сомнѣваться, что послѣднее предположеніе гораздо вѣроятнѣе перваго и, принимаемое даже въ видѣ гипотезы, становится рядомъ съ самыми геніальными пріобрѣтеніями человѣческаго ума. Подобно Коперниковой гипотезѣ обращенія земли вокругъ солнца, подобно Ньютоновой гипотезѣ о тяготѣніи, эта новая гипотеза не только разъяснитъ соціологическія путаницы въ прошломъ и настоящемъ, но сама, еще раньше чѣмъ станетъ безспорною истиною, послужитъ пособіемъ для дальнѣйшаго

Никакъ не могу, да и никто не можетъ, потому что это есть только слово.

прогресса науки, и въ особенности вѣнца ея: этики. Подобное же воздѣйствіе совершится и въ сферѣ чувствъ. Хотя принятіе этой гипотезы будетъ обусловленно главнымъ образомъ степенью нравственной подготовки человѣка, но разъ принятая, она будетъ постоянно переплетаться съ самими дорогими его убѣжденіями, контролировать его чувства, вводить большее единство міросозерцанія и, чрезъ то, усиливать полезную работу его альтрюизма. Оставаясь даже научною гипотезою, она, чрезъ нѣкоторое время, становится неотдѣлимою частію его душевнаго строя, и затѣмъ, она легко можетъ, при посредствѣ даже слабыхъ образовъ, даже незамѣтно для человѣка повліять на его религіозное чувство, сдѣлаться руководящимъ началомъ всей его жизни.

Никакъ не можетъ.

Не опасайтесь, что религія Человѣчества измѣнитъ вашу схему нравственности. Та часть схемы, которая или совпадаетъ съ безспорными положеніями науки, или представляется логическимъ выводомъ изъ научнаго понятія о Человѣчествѣ,—будетъ высшимъ и безспорнымъ закономъ, одинаково обязательнымъ для всѣхъ исповѣдающихъ религію Человѣчества. Все же остальное, какъ произведеніе вашего ума и симпатій и обязательное поэтому только для васъ и согласныхъ съ вами, будетъ освященно религіей Человѣчества какъ драгоцѣнный вкладъ въ жизнь, который не можетъ быть насильно измѣненъ или *отмѣняемъ людьми* несогласными съ вами.

Т. е. то что вамъ нравится.

Онъ и такъ не можетъ быть отмѣненъ людьми для к. обязателенъ разумъ.

Религія Человѣчества привлекаетъ сердца людей къ Прекрасному и Великому Существу; она, такъ сказать влюбляетъ ихъ въ Человѣчество; и, разумѣется, чѣмъ болѣе человѣкъ поглащенъ страстнымъ желаніемъ служить высшему существу, тѣмъ менѣе въ немъ индивидуализма, т. е. мнѣній и поступковъ основанныхъ на предположеніи, что нѣтъ ничего выше отдѣльнаго человѣка. Религія Человѣчества, наравнѣ съ другими религіями, убиваетъ индивидуализмъ, за то она рѣзко отличается отъ другихъ религій необыкновеннымъ подъемомъ индивидуальности людей т. е. всего необходимаго для выработки сильной и самобытной личности. Особенность эта вытекаетъ изъ самой сущности новаго ученія. Въ прежнихъ религіяхъ, погибель индивидуализма была равносильна обезличенію людей потому, что Высокое Существо, привязывавшее людей къ себѣ, вовсе не нуждалось въ ихъ помощи. Тогда, человѣкъ, движимый религіознымъ чувствомъ, могъ доказать свою преданность Богу только само-

уничтоженіемъ; отсюда факиры, и люди кидающіеся подъ колесницы у Индусовъ; отсюда же умерщвленіе плоти и у Христіанъ и Буддистовъ—и ихъ пренебреженіе къ земной жизни. Не то бываетъ когда люди отдаются всецѣло служенію Человѣчества. Смиряя свою гордыню, отказываясь безусловно отъ индивидуализма, они знаютъ, въ тоже время, что само Человѣчество нуждается въ содѣйствіи каждаго изъ своихъ атомовъ. Каждый атомъ, вслѣдствіи того, долженъ быть наиболѣе годенъ для своей работы. Дать каждому человѣку матеріальное обезпеченіе и умственное развитіе, на сколько они способствуютъ нравственной жизни—есть основной догматъ религіи Человѣчества; потому что каждый человѣкъ, повинуясь безспорнымъ выводамъ науки, долженъ быть энергическимъ пособникомъ Человѣчеству въ трудномъ процессѣ дальнѣйшаго раскрытія законовъ Бога (Природы).

Вмѣсто пассивныхъ просителей молящихся о помощи, такіе люди становятся энергическими работниками сознающими необходимость самимъ заработать все благо свыше. Не имѣя ни увѣренности въ безусловной правотѣ, ни откровенія, ни папъ, они, при разрѣшеніи спорныхъ вопросовъ, естественно должны руководиться своими симпатіями подчиняя ихъ только религіозному чувству любви и преданности Человѣчеству, уваженію *къ научнымъ методамъ* мышленія, да совѣтамъ людей одинаково работающихъ для осуществленія того же идеала. Отсюда вытекаетъ то разнообразіе въ стремленіяхъ, схемахъ и практикѣ жизни, которое уже не карается анафемой, какъ въ прежнихъ религіяхъ, а считается лучшимъ залогомъ для вѣрнаго, скораго и мирнаго разрѣшенія сомнѣній по всѣмъ спорнымъ вопросамъ. Такихъ нѣтъ.

Не опасайтесь же проповѣдывать религію Человѣчества. Она закрѣпитъ наукой и расширитъ тѣ положенія нравственности, которыя проповѣдывались религіями откровеній; она вызоветъ и укрѣпитъ въ людяхъ ихъ лучшіе инстинкты; она дастъ имъ самые сильные импульсы для борьбы со зломъ, но не дастъ никакой общей программы въ вопросахъ еще нерѣшенныхъ. Изъ рабовъ Божьихъ она дѣлаетъ людей сынами Человѣчества и широкая терпимость становится ея лучшимъ украшеніемъ.

Ученіе, долженствующее обнять весь міръ, признающее всѣхъ людей братьями, черпающая силы для прогресса изъ всѣхъ источниковъ свѣта и знанія, способная охватить сердца всѣхъ людей, *не насилуя ихъ склонностей, ихъ схемъ жизни, не прививая къ нимъ* Если она не будетъ разру-

шать ихъ схемъ жизни и не будетъ приводить ихъ къ живящему единству—то она ни на что не нужна.

мертвящаго однообразія, не врываясь въ ихъ личныя отношенія къ Тайнѣ—такое ученіе есть ваша религія; ее вы исповѣдуете; ее вы стремитесь показать другимъ. Но она должна быть названна религіей Человѣчества. Только этимъ именемъ можно связать въ одно духовное цѣлое людей идущихъ различными путями, но одинаково искренно и самоотверженно посвятившихъ свою жизнь на служеніе Человѣчеству. И вы, Левъ Николаевичъ, должны не только открыто признать себя сыномъ Человѣчества, но какъ художникъ, показать другимъ все величіе и прелесть такого признанія.

IV.

Какія схемы?

Въ предъидущемъ отдѣлѣ я старался доказать, что путь составленія *нравственной схемы* полонъ ошибокъ и противорѣчій и что, обратившись на путь художника, вы естественно становитесь открытымъ и рѣшительнымъ проповѣдникомъ религіи Человѣчества. Теперь я постараюсь подкрѣпить свои прямые доводы другимъ пріемомъ, извѣстнымъ въ логикѣ подъ названіемъ „способа приведенія къ нелѣпости“. Я постараюсь уяснить тотъ существенный вредъ, который вы принесете, если, по прежнему, будете называть свое ученіе религіей Христа.

Религію не дѣлаютъ; а религіей живутъ.

Начать съ того, что попытка слить всѣ религіозныя ученія въ одно частное ученіе отдѣльнаго человѣка напр. Христа представляется мнѣ такою же неразрѣшимою задачею, какъ попытка слить во едино различныя дроби когда за общій знаменатель преднамеренно берется частный знаменатель одной изъ этихъ дробей. Даже въ томъ исключительномъ случаѣ, когда, предпочитаемый другимъ, частный знаменатель есть число кратное всѣмъ другимъ знаменателямъ—даже тогда онъ перестаетъ называться частнымъ знаменателемъ, а становится для всѣхъ знаменателемъ о б щ и м ъ. Тоже самое приложимо къ усиліямъ тѣхъ исключительныхъ людей, которые думаютъ что въ словахъ Христа заключается все что было, есть и будетъ выработанно хорошаго на свѣтѣ. Даже при такомъ узкомъ взглядѣ на прогрессъ, даже при такомъ грубомъ искаженіи очевидныхъ фактовъ—подобные люди не могутъ называть свое „всеобъемлющее“ ученіе—христіанствомъ: оно становится тогда общечеловѣческимъ ученіемъ. Впрочемъ, для такого фанатическаго пониманія ученія Христа необходима безусловная вѣра въ него какъ въ Бога. Вы не принадлежите къ числу подобныхъ людей. Я живо помню ваши слова,

сказанные въ Ясной Полянѣ въ первый день нашего свиданія, что ученіе Христа имѣетъ пробѣлы и *должно быть дополненно нѣкоторыми положеніями Конта.* Но именно потому, для васъ вдвое грѣшнѣе называть свою эклектическую философію христіанствомъ.

Тоже да не то. Я сказалъ что положеніе Конта есть религіозное и могло бы быть присоединено къ положеніямъ Христа.

Пойдемъ далѣе. Вы, такъ искренно ненавидящій все, что ведетъ къ національной исключительности, лучше всякаго другого должны понять, что называя религію будущаго христіанствомъ, вы только усиливаете тотъ духъ религіозной исключительности, который, отвергая все хорошее заключающееся въ другихъ религіяхъ, будетъ воспитывать въ христіанахъ самодовольную косность и духовное невѣжество. Подобно тому, какъ „квасной патріотизмъ“ основывается только на слѣпотѣ или недобросовѣстности людей, не знающихъ или не желающихъ видѣть ничего хорошаго въ жизни другихъ народовъ, такъ точно христіанская исключительность можетъ основываться только на полномъ непониманіи духа другихъ религій. Между тѣмъ факты доказываютъ, что напримѣръ буддизмъ рѣшительно выше христіанства, относительно правилъ самой широкой и всесторонней любви ко всему сущему т. е. въ той сферѣ, которая, по мнѣнію христіанъ, составляетъ какъ бы монополію ученія Христа. Вмѣсто множества доказательствъ, подтверждающихъ такое убѣжденіе, приведу выдержки изъ сочиненія русскаго санскритиста Минаева „Путешествіе по Цейлону и Индіи“. Описывая буддисткій Серебрянный Монастырь на Цейлонѣ, Минаевъ говоритъ слѣдующее: „Монахи, придя домой, стали совершать вечернее моленіе. Человѣкъ шесть собралось въ кельѣ по просторнѣе и разсѣлись по полу, на цыновкахъ. Одинъ изъ нихъ по старше и по бойчѣе другихъ, читалъ на распѣвъ извѣстный буддійскій молитвенникъ (pirit). Какъ во всѣхъ древнѣйшихъ буддійскихъ памятникахъ, такъ и въ этомъ молитвенникѣ въ каждой главѣ сказывалась необыкновенно широкая любовь ко всему сущему. И какъ просто, но вмѣстѣ съ тѣмъ поэтично изливалось молитвенное настроеніе... Въ началѣ говорилось: видимыя и невидимыя существа, что близь меня и тѣ, что вдали — да будутъ всѣ счастливы. Да будетъ радостно все сущее!

Не вредите одинъ другому; нигдѣ, никого не презирайте, и одинъ другому не пожелайте зла.

Какъ мать, жертвуя жизнію, охраняетъ свое дитя, такъ и ты безгранично возлюби все сущее!“

Заканчивая свое моленіе буддистъ говорилъ: „Въ лѣсу-ли, подъ

тѣнью-ли дерева, въ пустынѣ ли, о братья! помните Вѣщаго (Будду), и не будетъ вамъ страха".

Этотъ Вѣщій учитъ въ другомъ мѣстѣ молитвенника: „Я возлюбилъ змѣя и птицу. И звѣря и насѣкомое я возлюбилъ. Ни змѣй, ни птица не обидѣли меня; ни звѣрь, ни насѣкомое не обидѣли меня".

Эти любвеобильныя слова, обращенныя не только къ одному человѣку но и ко всему „сущему", навѣрное превосходятъ евангельскую проповѣдь любви къ „ближнему" какъ къ самому себѣ. Мало того, комментаріи къ завѣту любви, преподанному Буддой, почти совершенно тождественны съ коментаріями сдѣланными вами на евангеліе. Напримѣръ тотъ же Минаевъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія слѣдующее: „Толпа взошла на дворъ святаго древа и поднялась на вторую терассу. Музыканты остановились у дверей; а богомольцы расположились кругомъ на всей терассѣ. Два монаха взобрались на третью терассу и оттуда стали читать молитвы. Богомольцы повторяли за ними слова молитвы... Затѣмъ монахи стали читать:

Что за турниръ между будизмомъ и христіанствомъ. Точно споръ между тѣмъ кто лучше математикъ: 2+2=4, или 4—2=2.

Я пріемлю заповѣдь:—воздержусь отъ убіенія всего сущаго.
Я пріемлю заповѣдь:—воздержусь отъ присвоенія неданнаго.
Я пріемлю заповѣдь:—воздержусь отъ прелюбодѣйства.
Я пріемлю заповѣдь:—воздержусь отъ лжи.
Я пріемлю заповѣдь:—воздержусь отъ пьянства.

Двухъ приведенныхъ выдержекъ достаточно чтобы осадить хоть немного само-мнѣніе христіанъ, и показать имъ почему узкіе буддисты имѣютъ болѣе основаній утверждать, что только о*д*инъ буддизмъ способенъ вывести всѣхъ людей на путь чистой любви и вѣчной правды.

Чтобы еще яснѣе показать ошибки религіозной исключительности, я попрошу васъ допустить на одну минуту, что я назвалъ религію будущаго контизмомъ. Понятно, какъ бы я при этомъ ни оговорился, какіе бы извороты ни находилъ для оправданія и смягченія такого притязательнаго названія—всякій пойметъ мою тайную мысль: будто въ ученіи Конта предусмотрено все, что будетъ выработано людьми по вопросамъ религіи и нравственности. Попытка назвать религію контизмомъ было-бы невѣрною, смѣшною, антипатичною въ вашихъ глазахъ; она была бы по праву осужденна всѣми хорошими людьми какъ стремленіе вернуться къ прежнему сектанству и исключительности. Но, исходя изъ нашего мнѣнія о Хри-

стѣ, въ силу той же логики и чувства справедливости, вы должны примѣнить подобный же выводъ къ попыткѣ представить религію будущаго христіанствомъ. Она также смѣшна и еще болѣе возмутительна потому что кромѣ духа сектанства, она вноситъ, въ силу историческихъ условій, самую прискорбную путаницу въ понятіяхъ людей. Новое христіанство не можетъ строго разграничиться отъ стараго и, вслѣдствіи мѣшанины двухъ христіанствъ вы—борецъ противъ нетерпимости и насилія—невольно играете въ руку насильникамъ!

Это справедливо.

Чтобы слова эти не казались странными для васъ, я долженъ лучше объяснить ихъ.

Только немногіе имѣютъ случай читать всѣ ваши рукописи и изъ числа этихъ немногихъ далеко не всѣ такъ обстоятельно знакомы съ вашимъ ученіемъ или вашею личностью, чтобы вынести твердую увѣренность въ отсутствіи въ васъ теологическихъ или метафизическихъ вѣяній. Я знаю нѣкоторыхъ, которымъ дорого всякое ваше слово, которые глубоко цѣнятъ и уважаютъ васъ и, съ болью въ сердцѣ, втихомолку, высказывали мнѣ свои опасенія, что ваши чрезмѣрныя симпатіи къ христіанству показываютъ присутствіе какихъ-то таинственныхъ, безсознательныхъ влеченій, которые сдерживаются пока силою вашего ума, но, если не будутъ сломанны окончательнымъ и рѣшительнымъ отказомъ отъ христіанства, могутъ повести васъ прямо въ объятія казенной церкви.

И это говорятъ лучшіе люди, съ уваженіемъ относящіеся къ вашей дѣятельности! А что говорятъ насильники, лицемѣрные защитники существующаго христіанства, и вообще люди, которые въ душѣ ненавидятъ васъ и желаютъ нарочно путать все сказанное вами, чтобы сдѣлать васъ по возможности смѣшнѣе и непослѣдовательнѣе въ глазахъ другихъ. Эти люди—а ихъ имя легіонъ, зная кое что объ васъ по наслышкѣ, со вторыхъ рукъ, усердно убѣждаютъ другъ друга, что вы возвратились къ православію, васъ ставятъ наравнѣ съ Гоголемъ. Мнѣ пишутъ изъ Америки, что даже тамошніе проповѣдники пользуются вашимъ ученіемъ какъ тэмой для своихъ проповѣдей и, разумѣется, вовсе не для того, чтобы подкапываться подъ существующее христіанство дающее имъ и деньги, и почетъ, и положеніе въ обществѣ, а чтобы вашимъ авторитетнымъ именемъ еще болѣе закрѣпить свои привиллегіи, говоря, что вотъ-де самые лучшіе и даровитые писатели Россіи неизмѣнно, послѣ ряда заблужденій, ищутъ спасенія въ лонѣ христіанства.

На одного человѣка правильно понимающаго васъ, да и то съ тайнымъ предчувствіемъ возможнаго для васъ возврата къ старому— приходятся тысячи людей, тѣмъ нагляе искажающихъ ваше ученіе, что вы сами не разъ называли его христіанствомъ. Не говорите, что перемѣна названія есть чисто внѣшняя перемѣна, не измѣняющая сущности дѣла, и потому неважная. Вы знаете, что огромное большинство даже самыхъ образованныхъ людей судитъ по внѣшнимъ формамъ, по словамъ. И если вы говорите совсѣмъ не то, что говорятъ бывшіе до васъ и современные вамъ проповѣдники христіанства, то вы д о л ж н ы, во избѣжаніе путаницы, окрестить свое ученіе инымъ болѣе соотвѣтствующимъ именемъ и вліять на сердца людей иными, болѣе чарующими образами такъ какъ имя и образъ Христа идутъ теперь на защиту существующаго зла и насилія.

Не могу, п. ч. все что знаю, все отъ Христа и постоянно узнаю новое отъ него же. И потому думаю что еще узнаю.

Попытка сохранить старое названіе за новымъ ученіемъ могла-бы быть оправдана до нѣкоторой степени желаніемъ привить это ученіе къ массамъ простого народа. Но подобное желаніе принадлежитъ къ числу самыхъ эфемерныхъ. Народъ принимаетъ только такую философію, которая облеченна въ мистическія образы и ставитъ надъ людьми и міромъ правящую волю или, вѣрнѣе, произволъ Бога. Массамъ, стоящимъ на нисшей степени умственнаго развитія, болѣе, чѣмъ интеллигентнымъ людямъ извинительно придавать громадное значеніе нравственнымъ схемамъ. Они обсуждаютъ ихъ тѣмъ съ большею страстностію, что пренія эти служатъ средствомъ для развитія умственныхъ способностей, замѣняютъ для нихъ наше школьное образованіе. Но, выше всѣхъ этихъ споровъ о мелочахъ у всѣхъ стоитъ одинаково крѣпко и незыблемо вѣра въ личнаго (человѣкоподобнаго) Бога, въ Христа, какъ божественнаго спасителя, въ безсмертіе души въ загробныя блаженства или наказанія. А потому, ваша голая философія, разбивающая ихъ любимѣйшія грезы, никогда не будетъ принята теологически настроеннымъ народомъ.

Неправда. Въ народѣ сильно—нравственное ученіе.

Выходите же изъ подъ знамени, которое вело въ свое время людей къ прогрессу, а теперь стало знаменемъ или дѣтей или лицемѣровъ. Вы сами знаете какъ сильно оно запачканно, и если вы полагаете, что оставаясь подъ нимъ вы съумѣете его очистить — вы жестоко ошибаетесь. Плесѣнь сектанства и исключительности навсегда останется на знамени поднятомъ во имя Христа. Возмите другое незапятненное знамя, болѣе соотвѣтствующее вашимъ широкимъ взглядамъ. Пусть всѣ увидятъ, что вы идете во имя Человѣчества;

тогда вы не только выгородите себя изъ сообщества съ людьми діаметрально противоположныхъ стремленій, но, своимъ примѣромъ, ускорите процессъ нравственнаго объединенія всѣхъ людей желающихъ служить Человѣчеству.

Быть можетъ, когда мнѣ удастся показать вамъ всю важность и великое значеніе этаго объединенія, вы лучше оцѣните мотивы, заставляющіе меня писать это письмо; вы лучше поймете, почему я такъ сильно желаю видѣть въ васъ открытаго проповѣдника религіи Человѣчества.

Начать съ того, что усилія, направленныя на нравственное возрожденіе людей, не произведутъ и сотой доли своей полезной работы, если люди, охваченные новыми вѣяніями, будутъ считать себя солидарными съ защитниками старыхъ порядковъ. Многіе, даже въ настоящее время приносятъ массу добра и полны самыхъ чистыхъ и возвышенныхъ стремленій, но, пока они держаться міросозерцанія, въ которомъ выросли и съ которымъ свыклись, вовсе не замѣчая противорѣчій между своею жизнію и жизнію логически вытекающею изъ ихъ міросозерцанія—до тѣхъ поръ ихъ дѣятельность скорѣе послужитъ поддержкою существующаго зла, чѣмъ творчеству лучшей жизни. Есть, напр., много хорошихъ людей, которые не полагаются уже на мольбы къ Богу, не придаютъ никакого значенія ни безсмертію души, ни божественному происхожденію Христа, гнушаются злоупотребленіями церкви, а между тѣмъ, въ силу нравственной инерціи все еще считаютъ себя исповѣдующими православную вѣру. Понятно, что внося добро въ жизнь, они только поддерживаютъ собою гнилое и долженствующее разрушиться зданіе. „Вотъ какихъ хорошихъ людей имѣемъ мы въ числѣ своихъ собратій“, говорятъ насильники, „слѣдовательно церковь наша еще вовсе не такъ плоха, какъ полагаютъ наши недоброжелатели“.

Не нашедѣло Се сатана [?] чтобы сѣять васъ какъ пшеницу...

Точно также, есть масса отличныхъ людей, которые по своимъ инстинктамъ не могутъ не жить для другихъ; но не имѣя возможности или силъ оформить свои стремленія, они продолжаютъ держаться теоріи индивидуализма и своею чистою жизнію прикрываютъ грязненькія дѣлишки своихъ единомышленниковъ. „Вотъ какіе хорошіе люди могутъ держаться теоріи индивидуализма“, говорятъ ловкіе эгоисты, „слѣдовательно наша теорія вовсе не ведетъ ко вреду, какъ утверждаютъ проповѣдники альтрюизма“.

Если вы обратитесь къ такимъ людямъ съ именемъ Христа или съ принципомъ личнаго счастія, вы только усилите ихъ умственную слѣпоту и заставите ихъ еще крѣпче держаться старыхъ формъ, съ которыми они привыкли ассоціировать свои хорошіе стремленія. Вмѣсто того чтобы имъ идти за вами, они будутъ радоваться, что вы подходите къ ихъ міросозерцанію, и, какъ это не смѣшно со стороны, напрягутъ всѣ усилія, чтобы привлечь васъ окончательно на лоно православной церкви или индивидуализма. Но обратитесь къ ихъ лучшимъ инстинктамъ, говоря совершенно инымъ языкомъ; станьте рѣшительнымъ проповѣдникомъ религіи Человѣчества и тогда эти, въ сущности хорошіе люди, симпатично откликнутся на вашъ призывъ. Они увидятъ, что религія свободная отъ ада, рая, безсмертія души болѣе соотвѣтствуетъ ихъ благородной и безкорыстной жизни для другихъ, что ученіе взывающее къ чувству долга, благодарности и любви гораздо выше теоріи личнаго счастія. Они легко поймутъ тогда, что нетерпимость, исключительность, неравенство и всякія насилія, присущія современному христіанству или индивидуализму не могутъ быть освящены или оправдываемы новою для нихъ религіею, и, съ паденіемъ умственной завѣсы съ ихъ глазъ, у нихъ появится нравственное мужество, чтобы признать это лучшее т.-е. открыто исповѣдать религію Человѣчества.

Исповѣданіе это не будетъ пустымъ словомъ. Его трудно вырвать у современнаго человѣка при его антипатіи къ религіи; за то, разъ высказанное, оно навсегда отдѣлитъ новообращеннаго отъ защитниковъ существующаго порядка. Даже если бы онъ и допускалъ возможность быть судьей или воиномъ, онъ не можетъ быть имъ въ силу существующей религіозной нетерпимости, требующей отъ него лжи или лицемѣрія, а за открытое и честное исповѣданіе своей религіи карающей его исключеніемъ изо всѣхъ государственныхъ учрежденій. Самый актъ исповѣданія религіи Человѣчества—актъ будничный въ Европѣ—есть въ Россіи крещеніе мученичествомъ, которое закалитъ ново-обращенныхъ и сразу поставитъ ихъ на надлежащій путь. Они не станутъ тогда чинить гнилое зданіе. Старыя государственныя и экономическія формы, лишенные своей лучшей поддержки, могутъ еще нѣкоторое время, по внѣшности, казаться прочными; но они рухнутъ при первомъ же вѣяніи новой жизни, рухнутъ гораздо скорѣе, чѣмъ полагаютъ ихъ, наиболѣе пессимистически-настроенные защитники.

Но для этаго надо создать новую жизнь—новую нравственную силу, долженствующую побѣдить міръ.

Многіе полагаютъ, что разъ человѣкъ пересталъ ожидать реформъ извнѣ и приступилъ къ осуществленію ихъ внутри самаго себя,—то вся дальнѣйшая дѣятельность его зависитъ отъ него одного. Это мнѣніе вѣрно, только до нѣкоторой степени. Каждый человѣкъ, избѣгая по мѣрѣ силъ и возможности практику насилія, лжи, корыстолюбія, будетъ, мало по малу, видоизмѣнять къ лучшему какъ самаго себя, такъ и окружающую его обстановку и людей. Но при этомъ забываютъ, что такой дѣятель, затерявшійся среди океана индивидуализма, будетъ содѣйствовать улучшенію жизни ровно въ такой же степени, въ какой капля дождя, упавшая на море, способна опрѣснить его воды. Очевидно, что при такомъ методѣ дѣйствій прійдется ждать очень долгое время, пока усиліями разрозненныхъ людей видоизмѣнится жизнь всего общества. Прійдется долго ждать потому еще, что, и работа изолированныхъ людей не будетъ достаточно энергичною, и результаты работы не будутъ особенно замѣтны, да и самое число работниковъ будетъ увеличиваться очень медленно, а при иныхъ, неблагопріятныхъ, обстоятельствахъ даже уменьшаться. Совѣтъ разрозненнаго дѣйствія можно уподобить приказу начальника, когда, въ виду многочисленнаго врага онъ приказываетъ солдатамъ дѣйствовать въ одиночку, расчитывая только на личную храбрость. Исходъ такой борьбы очевиденъ. Многіе окажутъ чудеса доблести, но всѣ будутъ подавленны громаднымъ превосходствомъ силъ: иные погибнутъ, другіе сдадуться. Геройская борьба можетъ остатся навсегда памятникомъ въ честь бойцовъ, но тотъ вредъ, который произойдетъ отъ ихъ погибели, та апатія и реакція, которыя могутъ наступить послѣ пораженія, должны всецѣло пасть на предводителя давшаго пагубный приказъ. Не такъ поступитъ *начальникъ*, когда съ желаніемъ одержать побѣду, онъ соединяетъ способности полководца. Онъ сомкнетъ солдатъ вмѣстѣ, сконцентрируетъ ихъ усилія, будетъ направлять ихъ удары на слабыя мѣста противника; и если этотъ противникъ, при всей многочисленности, не имѣетъ ни организаціи, ни единства; если орды хищниковъ, несмотря на присутствіе стройнаго и дисциплинированнаго войска будутъ еще и рѣзаться другъ съ другомъ, то даже самая небольшая армія можетъ побѣдить и одолѣть ихъ, не дожидаясь подкрѣпленій и, сравнительно, съ очень небольшою потерею.

Опять забота о мірѣ. Кто?

Избави Богъ отъ генеральства.

Сила организаціи, доказанная до очевидности безчисленными примѣрами физической борьбы, должна быть понята и осуществленна въ нравственной борьбѣ. Организація въ послѣднихъ случаяхъ даже нужнѣе чѣмъ въ первыхъ. Стремленіе къ организаціи всегда, хотя и безсознательно, высказывалось въ прежнихъ религіяхъ, несмотря на парализирующее ученіе будто человѣкъ можетъ получить силы для борьбы непосредственно отъ Бога. Тѣмъ сильнѣе и сознательнѣе должно быть это стремленіе къ организаціи у людей, которые не могутъ ожидать сверхестественной помощи и должны завоевать все сами.

Сыны Человѣчества, обязанные бороться со зломъ, имѣютъ своимъ оружіемъ: любовь къ ближнему, улучшеніе самаго себя, да энергію въ отстаиваніи своихъ религіозныхъ убѣжденій. Усилить въ себѣ первое; опредѣлить границы для второго такъ, чтобы внутри ихъ не было компромиссовъ; регулировать третье—все это сложныя задачи зависящія и отъ степени религіознаго энтузіазма и отъ тысячи внѣшнихъ обстоятельствъ. Для нихъ не можетъ быть однообразнаго рѣшенія; они всегда будутъ рѣшатся личною совѣстію человѣка, подкрѣпленною совѣтами единовѣрцевъ.

Поэтому, всѣ исповѣдующіе религію Человѣчества, въ каждомъ данномъ мѣстѣ, будутъ сходится для обсужденія общихъ вопросовъ, для взаимнаго критицизма и улучшенія своей жизни, для взаимопомощи матеріальной, умственной и нравственной. Появятся такимъ образомъ, кружки, церкви (*); а различныя церкви непремѣнно войдутъ въ сношеніе другъ съ другомъ, чтобы организировать правильную пропаганду своей религіи, чтобы лучше концентрировать усилія при отстаиваніи человѣческаго достоинства и свободы совѣсти.

Даже изъ этаго бѣглаго очерка легко понять на сколько сильнѣе будетъ работать каждый, сознавая, что онъ не одинъ, что куда бы

(*) Слово братство лучше бы выразило мою мысль, но оно всегда ассоціируется съ понятіемъ о коммунальной жизни; а послѣдняя, для своей прочности и гармоніи, требуетъ отъ своихъ членовъ не только признанія общихъ положеній религіи Человѣчества, но и согласія по многимъ спорнымъ вопросамъ жизни. Такія братства будутъ, вѣроятно, рѣзко отличаться другъ отъ друга по типу своей внутренней жизни; но всѣ будутъ связанны единствомъ религіи, предписывающей полнѣйшую терпимость, даже признательность къ людямъ, иначе живущимъ. Братства могутъ образовываться только послѣ долгаго и обстоятельнаго знакомства лицъ, стремящихся осуществить одинъ и тотъ же идеалъ жизни. Недаромъ въ Америкѣ называютъ такіе братства расширенною и улучшенною семьей.

онъ не былъ заброшенъ, у него вездѣ будутъ друзья и со-работники; на сколько бодрѣе будутъ идти мученники новой религіи, зная, что на нихъ смотрятъ братья, что всякое поруганіе надъ ними не пройдетъ безслѣдно, но послужитъ примѣромъ для другихъ, придастъ имъ мужество. Какъ больно становится при мысли о силахъ тратящихся теперь почти напрасно, о людяхъ гибнущихъ безъизвѣстно! Какую мощь они могли-бы проявить, если бы организовались въ одно духовное цѣлое!

Нравственная мощь вырабатываемая такой организаціей поведетъ, лучше всѣхъ революціонныхъ мѣропріятій, къ рѣшительной и *скорой побѣдѣ соціализма.* Нравственная борьба будетъ тѣмъ легче, что противъ небольшой, но однородной и крѣпкой духовнымъ единствомъ арміи сыновъ Человѣчества, будутъ боротся разнузданныя, недисциплированныя, непонимающія другъ друга и взаимно-истребляющія толпы индивидуалистовъ. Понятно, что для побѣды религіи Человѣчества надъ множествомъ противорѣчивыхъ и другъ друга исключающихъ ученій вовсе не надо большинства голосовъ; и всѣ, которые теперь смѣются надъ нами, а вскорѣ будутъ преслѣдовать насъ—всѣ они отбросятъ насиліе въ виду возрастающаго долга и, преклоняясь предъ Человѣчествомъ, сольются съ побѣдителями въ дѣйствительно единую, дѣйствительно нераздѣльную церковь Человѣчества. Зачѣмъ?

Исторія сохранила намъ примѣръ одной блистательной побѣды въ этомъ родѣ. Христіане одолѣли своихъ противниковъ, составляя лишь незначительное меньшинство. Когда Константинъ былъ вынужденъ признать Христіанство господствующею религіею—христіане составляли только одну седьмую часть населенія Римской Имперіи. Они побѣдили своихъ мучителей, не прибѣгая ни къ заговорамъ, ни къ революціи, но организуясь въ церкви и братства.

„Смотрите какъ христіане любятъ другъ друга“ говорилось изъ конца въ конецъ обширной имперіи, и этою любовью они побѣдили міръ въ триста съ небольшимъ лѣтъ, несмотря на тогдашнюю трудность общенія людей и мысли. Мы точно также изживаемъ время, когда насиліе и развратъ поютъ свою лебединую пѣсню, но мы живемъ быстрѣе въ вѣкъ печатнаго станка, паровой машины и электричества; мы можемъ одолѣть зло гораздо скорѣе христіанъ, если будемъ воодушевленны тѣмъ же религіознымъ энтузіазмомъ, если съумѣемъ организовать свои силы.

Здѣсь не мѣсто распространяться о будущей организаціи. Намъ

достаточно знать, что подъ ея вліяніемъ выработается страшная нравственная мощь, которая, подобно урагану, смететъ все, что живетъ насиліемъ. Намъ достаточно увѣренности, что всегда найдутся люди и по свѣжѣе и по энергичнѣе насъ, которые съумѣютъ лучше насъ проводить великія истинны нравственности, будутъ лучшимъ примѣромъ геройскаго самоотверженія и любви, въ предстоящей борьбѣ со зломъ. Въ хорошихъ организаторахъ тоже недостатка не будетъ. Обращаясь къ вамъ, я желаю поставить на видъ, что начало будущей организаціи должно состоять въ выводѣ хорошихъ людей изъ лагеря христіанъ и индивидуалистовъ. Для этаго необходимо и знамя, могущее соединить ихъ, и герольдъ, способный созвать ихъ. Знамя уже поднято—знамя религіи Человѣчества;—но оно въ слабыхъ рукахъ. Необходимъ человѣкъ, который, въ силу своихъ талантовъ, могъ-бы выше другихъ поднять это знамя, легче другихъ преодолѣть боязнь религіи у однихъ, нерѣшительность у другихъ, нравственную инерцію почти у всѣхъ. Вы удовлетворяете всѣмъ этимъ условіямъ—вы должны поэтому стать нашимъ знаменосцемъ.

Понятно ли теперь почему я обращаюсь къ вамъ, а не къ кому нибудь другому? Почему я не могу такъ легко отойдти отъ васъ, какъ вы отошли отъ меня? Понятно ли вамъ, что всякая нерѣшительность съ вашей стороны пагубно отразится на организацію нравственныхъ силъ въ Россіи и надолго задержитъ желанный исходъ борьбы?

Помните, что ваша сила и вліяніе на русскую интеллигенцію есть результатъ соединенія вашей честности и искренности съ художественнымъ талантомъ. Отнимите послѣднее и ваша проповѣдь обновленнаго христіанства потеряла-бы всякое значеніе въ глазахъ нашей искренней и честной молодежи. Васъ слушаютъ потому, что вѣрятъ въ васъ и надѣются, что вы сойдете съ своего перепутья и твердо двинетесь по единственному пути, могущему привести къ объединенію и группировкѣ всѣхъ хорошихъ людей, къ ускоренію побѣды надъ зломъ. Помните также, что вы ведете пропаганду нравственной философіи подъ упрекомъ, отчасти заслуженнымъ: вы взялись за работу, которая можетъ также хорошо выполнится другими; а бросили работу художника, въ которой вы незамѣнимы. Разумѣется, вы не напишете другую Анну Каренину, но вы можете проповѣдывать религію Человѣчества—для этаго одного потребуется вся ширь и мощь вашего таланта. Тогда вы не только отбросите упрекъ въ за-

рываніи своего таланта, но и оправдаете надежды людей все еще ожидающихъ найти въ васъ своего герольда и предводителя. Скажу болѣе, разъ ступивши на этотъ путь, вы найдете полное удовлетвореніе для самого себя потому, что проповѣдь религіи Человѣчества есть воплощеніе нравственныхъ правилъ въ поэтическія образы и вы, въ этой работѣ, соедините излюбленное вами изслѣдованіе нравственной философіи съ неменѣе настоятельною потребностію дать разумный исходъ вашему художественному инстинкту. Отдайтесь этому инстинкту; онъ вамъ подскажетъ какъ вести дѣло нравственнаго возрожденія людей и самъ, подъ вліяніемъ вашего религіознаго настроенія, загорится дивнымъ блескомъ, еще небывалымъ въ нашъ вѣкъ индивидуализма. Пользуйтесь же рѣдкимъ и счастливымъ сочетаніемъ альтрюизма съ художественностію; пользуйтесь и своимъ вліяніемъ и современнымъ настроеніемъ общества, начинающаго извѣряться въ успѣхѣ революціи и ищущаго исходъ въ удовлетвореніи религіознаго чувства. Вы не можете не видѣть возвратнаго теченія чистыхъ струй воды въ мутномъ потокѣ индивидуализма, несущагося къ погибели. Мало людей откликнутся вначалѣ на вашъ призывъ, за то велика ихъ нравственная сила. Организируйте же ее, ведите ее къ побѣдѣ. Заявите себя послѣдователемъ религіи въ которой служеніе Человѣчеству не прикрывается болѣе служеніемъ той или другой легендарной личности (какъ въ Христіанствѣ) перестаетъ быть красивой но безсмысленной фразой (какъ у индивидуалистовъ), а становится неотъемлемою и существенною частію нашего существованія. Станьте апостоломъ религіи Человѣчества; въ этомъ ваше призваніе, вашъ священный долгъ, въ этомъ заключается моя братская просьба къ вамъ.

Пишите мнѣ отвѣтъ, Левъ Николаевичъ. Чтобы облегчить вамъ трудъ, я сведу существенныя положенія этаго письма въ рядъ тэзисовъ.—

1) Нравственность не прививается къ людямъ, ни наукой вообще, ни той наукой, которая изслѣдуетъ законы нравственности.

1) Мнѣ дѣла нѣтъ какъ она прививается; а кстати же я и не могу этого знать.

2) Нравственные инстинкты пробуждаются въ людяхъ чисто симпатическими вліяніями: въ частной жизни вліяніями нравственныхъ людей и обстановки; въ жизни массовой вліяніями существа (реальнаго или фиктивнаго, все равно) которое Религія облекаетъ въ кон-

2) Религія совсѣмъ не то дѣлаетъ.

кретныя формы и ставитъ по силѣ, высотѣ и яркости нравственныхъ совершенствъ неизмѣримо выше отдѣльныхъ людей.

3) Такого существа нѣтъ.

3) Человѣчество есть единственное существо (все равно, будетъ ли оно фиктивнымъ, гипотетическимъ или реальнымъ органическимъ) способное вызвать въ передовыхъ, по умственному развитію, классахъ Европы, религіозное чувство, такъ какъ оно одно безспорно обладаетъ всѣми человѣческими совершенствами.

4) Дай Богъ имѣть религію, а какая она будетъ— не знаю. Знаю только что религіи прогресса, науки, соц. и терпим. быть не можетъ.

4) Религія будущаго есть поэтому религія Человѣчества; она сохраняетъ все хорошее прежнихъ религій, (т. е. любовь и само-улучшеніе), но свободна отъ ихъ недостатковъ, будучи религіей Прогресса, Науки, Соціализма и Терпимости.

5) Такихъ особенныхъ людей называемыхъ художниками, не знаю и потому и обязанностей ихъ не знаю. Знаю обязанность каждаго жить разумно.

5) Художникъ обязанъ дѣлать людей воспріимчивыми къ добру и потому не можетъ пренебрегать ихъ религіознымъ чувствомъ.

6) Побочное соображеніе, рѣшеніе вопроса неподлежащаго.

6) Здравый смыслъ и практика жизни одинаково требуютъ, чтобы желающіе радикальныхъ перемѣнъ обособляли свое ученіе и дѣятельности людей поддерживающихъ существующій порядокъ.

7) А потому постараюсь прожить до смерти какъ можно меньше грѣша, т. е. отступая отъ разума.

7) А потому вы, Левъ Николаевичъ, и какъ человѣкъ, и какъ художникъ обязанны стать открытымъ проповѣдникомъ религіи Человѣчества, предоставляя себѣ и каждому ея послѣдователю полную свободу въ опредѣленіи пути, въ сферахъ невполнѣ или вовсе неизслѣдованныхъ наукой.

Пишите мнѣ отвѣтъ *на каждый* изъ этихъ тэзисовъ. Какъ я много не говорилъ съ вами, какъ я хорошо не запечатлѣлъ васъ въ своей душѣ, я рѣшительно недоумѣваю, чтобы вы могли сказать въ опроверженіе моихъ положеній. Мы такъ близко подошли другъ къ другу, что я потерялъ всякую способность видѣть какое либо серьезное основаніе для дальнѣйшихъ разногласій. Очень можетъ быть, что вы согласны со всѣми моими положеніями; тогда я уѣду въ добровольную ссылку съ радостною мыслію, что нашъ учитель останется въ Россіи, въ странѣ болѣе другихъ нуждающейся въ проповѣди нравственнаго возрожденія. Если же вы замѣтите разницу въ нашихъ взглядахъ, то разъясните ее, разбирая письменно каждый тэзисъ. Для меня недостаточна словесная передача вашихъ словъ; мнѣ надобно видѣть ихъ, чтобы я могъ перечитывать ихъ по нѣскольку разъ, подолгу вдумываться надъ ними, чтобы я могъ разгадать, наконецъ, то непонятное для меня, что еще можетъ стоять между нами. Я не прошу большаго письма; да и писать вамъ гораздо легче, чѣмъ мнѣ: вы съумѣете безъ растянутости сразу и мѣтко опре-

дѣлить свое положеніе. Отвѣчая мнѣ, вы окажете громадную услугу тысячамъ людей, ожидающихъ отъ васъ разъясненія гложущихъ ихъ сомнѣній. Вашъ отвѣтъ, поэтому, не есть только личное обязательство ко мнѣ, но и ваша обязанность передъ лучшими людьми Россіи, мнѣніемъ которыхъ вы не можете пренебрегать.

С.-Петербургъ.
26 Февраля (10 Марта) 1886 г.

Вильямъ Фрей.

Въ подлинникѣ здѣсь слѣдуютъ два *Приложенія;* изъ нихъ второе представляетъ нѣсколько выписокъ изъ „Основъ соціологіи“ Г. Спенсера въ русск. переводѣ (стр. 543—554), первое-же, весьма пространное, принадлежитъ перу самого Фрея и озаглавлено: „Религіозные аффекты позитивнаго представленія о Человѣчествѣ“. Послѣднее полностью не можетъ быть напечатано по цензурнымъ соображеніямъ, печатать же его съ пропусками мы не считаемъ себя въ правѣ. Приводимъ только помѣтки, сдѣланныя Л. Н. Толстымъ на первыхъ двухъ страницахъ этого Приложенія. Тамъ, гдѣ Фрей опредѣляетъ условія, которымъ должно удовлетворять существо, становящееся *предметомъ поклоненія* въ религіи, Толстой написалъ: „Христосъ откинулъ поклоненіе—самарянка. На сколько вы назади его“. И вслѣдъ за тѣмъ, когда Фрей подробнѣе разсматриваетъ эти условія, Толстой замѣчаетъ: „Рецептъ какъ составить религію полезную для употребленія“. Наконецъ, тамъ, гдѣ Фрей указываетъ на первостепенное значеніе, какое имѣла во всѣхъ религіяхъ идеализація личности ихъ основателей, Толстой написалъ: „Да личности то сами на чемъ строили религію? Не на поклоненіи же себѣ?“

Къ рукописи приложено нижеслѣдующее заключеніе Л. Н. Толстого въ копіи неизвѣстной руки.

Все недоразумѣніе зиждется на томъ, что вы, говоря о религіи, совсѣмъ не то понимаете подъ нею, что понимаю я, и что понималъ Конфуцій, Лаодзи, Будда, Христосъ. У васъ религію надо выдумать или, по крайней мѣрѣ, придумать—и такую, которая бы хорошо дѣйствовала на людей и сходилась бы съ наукой и к. бы совокупляла и обнимала все, согрѣвая людей, поощряя ихъ къ добру, но не нарушала бы ихъ жизни. Я же понимаю (льщу себя надеждой, что я не одинъ) религію совсѣмъ не такъ. Религія есть сознаніе тѣхъ истинъ, которыя общи, понятны всѣмъ людямъ, во всѣхъ положеніяхъ, во всѣ времена, и несомнѣнны, какъ $2\times2=4$. Дѣло религіи есть нахожденіе и выраженіе этихъ истинъ и когда истина эта выражена, то она неизбѣжно измѣняетъ жизнь людей. И потому то́, что вы называете схемой—не есть вовсе произвольное утвержденіе кого-нибудь, а есть выраженіе тѣхъ законовъ, которые всегда неизмѣнны и чувствуются всѣми людьми. Дѣло религіи подобно

дѣлу геометріи. Отношеніе катетовъ къ гипотенузѣ всегда было и люди знали, что есть какое-то, но когда Пифагоръ указалъ и доказалъ его, то оно стало достояніемъ всѣхъ.—И говорить, что схема нравственности не хороша, п. ч. она исключаетъ другія схемы, все равно, что говорить, что теорема отношенія катетовъ къ гипотенузѣ нехороша, п. ч. она нарушаетъ другія ложныя предположенія.—

Оспаривать схему (какъ вы называете) истину (какъ я называю) Христа нельзя тѣмъ, что она не подходитъ къ выдуманной религіи Человѣчества и исключаетъ другія схемы (по вашему) ложь (по моему), а ее надо оспаривать, прямо показавъ, что она не истина. Религія слагается не изъ набора словъ, к. можетъ хорошо дѣйствовать на людей, религія слагается изъ простыхъ, очевидныхъ, ясныхъ, несомнѣнныхъ нравственныхъ истинъ, которыя выдѣляются изъ хаоса ложныхъ и обманныхъ сужденій, и таковы истины Христа.

Еслибы я нашелъ такія истины у Каткова, я сейчасъ же невольно ихъ принялъ. На этомъ вашемъ непониманіи того, что я да и всѣ люди религіозные считаютъ религіею и на желаніи поставить на мѣсто этого извѣстную форму пропаганды — зиждется недоразумѣніе.

3.

[Письма В. Фрея къ русскимъ друзьямъ.]

Понедѣльникъ 4 Октября 1886.

4, Canning Road, Highbury, New Park, N. London.

Дорогіе друзья.

Ваши письма, хотя и непростительно короткіе послѣ такого долгаго молчанія, были переданны мнѣ К. тотчасъ же по пріѣздѣ въ Лондонъ и разумѣется были прочитанны съ радостію; я откладывалъ отвѣтъ къ вамъ до послѣдней возможности т. к. былъ очень занятъ все время и полагалъ что къ отъѣзду К. у меня будетъ болѣе свободнаго времени.—Но я жестоко ошибся. Не только остались у меня прежніе работы но прибавилась еще одна, каторжная работа—переборка съ одной квартиры на другую. Послѣ завтра я

перебираюсь на новое мѣсто (адресъ поставленъ на верху письма), вещи упаковываются, все въ хаосѣ, голова идетъ кругомъ п. ч. приходится думать и работать во много разъ сильнѣе, чѣмъ при нормальномъ теченіи жизни... а откладывать письма нельзя т. к. въ Четвергъ или Пятницу К. уѣзжаетъ въ Россію—и я нехочу потерять случай подружески побѣсѣдовать съ вами нерискуя, что письмо пропадетъ или попадетъ въ другіе руки. Кромѣ того, во мнѣ говоритъ (отчасти нехорошее) желаніе отплатить вамъ добромъ за зло и показать вамъ возможность писать большое письмо даже когда человѣкъ очень и очень занятъ и, въ эти дни, навѣрное занятъ посильнѣе васъ...

Благодарю васъ, дорогой Ольденбургъ за свѣдѣнія объ нашихъ общихъ знакомыхъ, и, въ особенности, за свѣдѣнія о вашемъ кружкѣ. Я вполнѣ сочувствую и отъ души одобряю какъ прелиминарныя положенія Ш. выставленные имъ чтобы показать необходимость братства такъ и тѣ немногія принципы которые уже выработанны и приняты вами (и я надѣюсь практикуются вами покрайней мѣрѣ настолько что тотъ изъ васъ кто побѣднѣе или нуждается побольше, навѣрное не стыдится просить помощи у болѣе достаточныхъ и менѣе нуждающихся братьевъ и сестеръ хотя бы своего братства). Жаль одного, что только одинъ Ш. дошелъ до яснаго сознанія, что недостаточно имѣть правила, нравственность, даже, когда за этими правилами стоитъ честное, искреннее доброе сердце... Мнѣ кажется что вы всѣ (не только одинъ Ш.) должны сознавать необходимость религіи, такъ какъ при содѣйствіи религіознаго чувства, самаго сильнаго изъ всѣхъ человѣческихъ чувствъ, каждый изъ васъ гораздо легче выполнитъ столь желаемыя правила братской любви и самоусовершенствованія. Я часто говорилъ вамъ объ этомъ; особенно помню нашу послѣднюю бѣсѣду у К., когда я съ особенной настойчивостію проводилъ мысль о необходимости религіи тогда какъ почти всѣ вы говорили, „да зачѣмъ же мнѣ религія когда я и безъ того хочу и буду поступать согласно съ ученіемъ Религіи Человѣчества“. Очевидно, что всѣ вы находились подъ вліяніемъ того заблужденія что религія нужна (пожалуй) для людей, чтобы научить ихъ разумной жизни; а кто самъ дошелъ до принциповъ разумной жизни тому религія вовсе не нужна. Это печальное заблужденіе есть остатокъ той интеллектуальной гордыни, которою зараженъ нашъ вѣкъ думающій что сознать что либо и совершить это—есть

одно и тоже дѣло, (т.-е. будто сознаніе даетъ силы для свершенія дѣла). Вѣдь какъ бы ясно я не сознавалъ необходимость сдвинуть тяжелый камень, какъ бы настоятельно не хлопоталъ бы возлѣ него—но если у меня не хватаетъ силъ для этого—мое сознаніе не можетъ прибавить силы физическія. Силы прибавляются только разумнымъ упражненіемъ мускуловъ (и не потому что я *сознаю* необходимость разумнаго упражненія, а потому что имѣю *страстное желаніе* развить свои силы и *энергію* въ осуществленіи этого желанія). И когда я говорилъ вамъ: не бойтесь слова религіи,—не думайте, что она не нужна вамъ—я говорилъ это не какъ пропагандистъ, желающій во чтобы то нестало пріобрѣсть послѣдователей—(такое впечатлѣніе я кажется произвелъ на Черткова) а какъ любящій братъ, ясно понимающій, что одни ваши сознанія—еще недостаточны, что работа предначертанная вами слишкомъ трудна, не по силамъ даже вамъ—лучшимъ изъ индивидуалистовъ (т.-е. лучшимъ изъ всѣхъ тѣхъ, которые не хотятъ признать существованіе Верховнаго Существа,—не хотятъ религіи). Я говорилъ и буду говорить вамъ о необходимости религіи п. ч. только давши просторъ затаенному чувству, закипающему въ васъ, только сознательно исповѣдуя и развивая и укрѣпляя *чувство* служенія Человѣчеству—вы съумѣете выработать силы для легкаго выполненія своей тяжелой задачи. Я немогу въ короткомъ и наскоро писанномъ письмѣ выразить ясно свои мысли, но думаю, что нѣкоторые изъ васъ (въ особенности Шаховской) поймутъ меня даже по этимъ короткимъ намекамъ. Вотъ почему когда меня спрашиваютъ, что намъ дѣлать? какъ жить?—Я считаю совершенно излишнимъ догматизировать какъ подходить съ какой стороны взяться, и какъ и куда сдвигать тяжелыя препятствія, громоздящіе нашу дорогу. На основаніи позитивной философіи я могъ-бы написать объемистый трактатъ по этимъ вопросамъ и трактатъ на много серьезнѣе „Что же намъ дѣлать“ Толстого, но не дѣлаю этого по тому самому по чему вы считаете излишнимъ говорить о тонкихъ техническихъ пріемахъ каменьщика или плотника, маленькому ребенку не умѣющему держать еще инструмента въ своихъ рукахъ. Да, всѣ нерелигіозныя люди (независимо отъ ихъ лѣтъ—или знаній) суть маленькіе дѣти въ моихъ глазахъ и я считаю совершенно излишнимъ говорить имъ „Что дѣлать“ когда заранѣе убѣжденъ, что они не смогутъ выполнить своей задачи и только повозятся, побьются надъ нею—пока она еще пред-

ставляетъ интересъ новинки, а потомъ махнутъ на все рукой и заживутъ по старому. Не хотите вернуться къ прежнему—такъ будьте религіозны. Дорожите тѣмъ чувствомъ, которое уже пробивается въ васъ, лелѣйте его, раздувайте религіозные искорки въ большое пламя—тогда только,—согрѣтые имъ, вы съумѣете безповоротно идти по желаемому пути, очищая его отъ препятствій и силою своего чувства, зажигая такой же огонь въ сердцахъ другихъ и тѣмъ все болѣе и болѣе усиливая не толпу говорильщиковъ только, а дѣйствительно—рабочій авангардъ Человѣчества, пролагающій новый и лучшій путь жизни...

Другое дѣло, если и въ Россіи найдутся люди, настолько чуткіе нравственно, чтобы понять меня и настолько нравственно мужественные чтобы не только самому открыто исповѣдать Религію Человѣчества но и говорить другимъ сколько скрытой силы освобождается при этомъ въ человѣкѣ—какъ легко ему работать въ направленіи столь жалаемомъ для всѣхъ хорошихъ русскихъ...

Вотъ когда появятся такіе люди,—я, да и всякій изъ насъ, не долженъ отмалчиваться на вопросы „Что дѣлать“. Къ тому времени, будте увѣренны, не мною такъ другими, еще получше меня, будутъ разработанны всѣ тѣ вопросы, которые преждевременно тревожатъ васъ.

Въ ожиданіи этого желаннаго момента, я начну понемного, исподволь приготовлять свой варіантъ на вопросъ поставленный Чернышевскимъ и Толстымъ—Къ будущей осени—онъ вѣроятно будетъ готовъ. Къ томуже времени у насъ здѣсь уже будетъ прочно устроенно первое позитивное братство, и я быть можетъ снова пріѣду къ вамъ на короткое время. А теперь вся моя дѣятельность, должна главнымъ образомъ идти на устройство и сементировку той колоніи о которой пишетъ Александра Михайловна. Дѣло въ томъ что здѣсь въ Лондонѣ у меня теперь вдвое болѣе работы чѣмъ можетъ выполнить человѣкъ съ моими ограниченными силами (п. ч., замѣтьте какъ физическое упражненіе не можетъ сдѣлать тщедушнаго человѣка Геркулесомъ—такъ и мое религіозное чувство не можетъ сдѣлать изъ меня нравственнаго исполина; оно только выработываетъ во мнѣ тотъ maximum который вложенъ во мнѣ природою). Русскіе позитивисты въ Америкѣ начинаютъ сознавать необходимость группироваться вмѣстѣ—нѣкоторые уже пріѣхали сюда, другіе пріѣдутъ немного погодя—и очень можетъ быть что къ будущей веснѣ у насъ будетъ здѣсь небольшая колонія—въ человѣкъ 10—12. Отъ

этого мы не только усилимъ позитивное движеніе въ Лондонѣ, но, своимъ примѣромъ, будемъ прививать къ нему по-болѣе соціализма; и въ то время какъ такіе высокіе таланты какъ Бриджесъ, Гаррисонъ, Конгривъ, Бизли,—будутъ прививать Религію Человѣчества къ интеллигентнымъ (или вѣрнѣе къ привиллигированнымъ) классамъ Англіи, мы будемъ прививать ее между простыми рабочими... Разумѣется, что бы жить вмѣстѣ надо имѣть средства, надо организировать работу которая могла-бы дать занятіе тѣмъ изъ нашей братьи, которые не будутъ имѣть работы на здѣшнихъ фабрикахъ—надо обезпечить незатѣйливую но здоровую жизнь для женщинъ и дѣтей. Все это задачи въ высшей степени трудныя для такихъ бѣдняковъ каковы всѣ русскіе позитивисты.—Я еще будучи въ Россіи рѣшилъ работать съ цѣлію устройства типографіи (*). Мой братъ и одинъ изъ моихъ старыхъ Канзаскихъ друзей съ радостію откликнулись на эту мысль и дали мнѣ возможность начать это дѣло ровно на столько, что я пріобрѣлъ уже немного англійскаго шрифта, небольшой ручной прессъ, и всѣ принадлежности необходимые для печатанія небольшихъ брошюръ. Теперь остановка 1) изъ-за рукъ способныхъ выполнять *хорошую* типографскую работу.—(Двое русскихъ уже учатся наборному дѣлу, но разумѣется еще не могутъ сдѣлаться сразу опытными работниками). 2) изъ-за средствъ—т. к. даже имѣя возможность выполнять работы, у насъ нѣтъ еще ни русскаго шрифта, ни достаточно англійскаго, нѣтъ и тѣхъ побочныхъ улучшеній, и приспособленій (въ родѣ переплетныхъ бумаго-рѣжущихъ машинъ—переплетныхъ прессовъ и проч.. и проч. и проч. которыя, значительно сокращаютъ ручную работу и иные таки просто безусловно

(*) Которая кромѣ средствъ для жизни давала-бы намъ возможность: 1) пропагандировать позитивизмъ между русскими—2) удешевить позитивныя изданія на англійскомъ языкѣ и вслѣдствіи того 3) побудить англійскихъ позитивистовъ приступить къ изданію позитивнаго органа, и наконецъ 4) мы хотимъ осуществить первую рабочую ассоціацію между позитивистами; первое общество которое начало-бы жить согласно съ самыми радикальными требованіями соціализма не потому что такъ нужно, или такъ слѣдуетъ а естественно, по влеченію религіознаго чувства. Первую рабочую ассоціацію въ которой, при сохраненіи современнаго раздѣленія труда, всѣ участники ассоціаціи остаются братьями; живутъ одинаково, отвергаютъ въ корнѣ нелѣпую идею о заработной платѣ и благодарятъ Человѣчество усиленной и добросовѣстной работой—если имѣютъ только возможность жить... Такое братство навѣрное произведетъ сильное впечатлѣніе на Лондонскихъ позитивистовъ и намного измѣнитъ то направленіе котораго они держались до сихъ поръ и которое и было причиной медленнаго распространенія Религіи Человѣчества.

необходимы для мало-мальско серьезной работы.—Тѣмъ [не] менѣе, мы уже теперь можемъ (при моемъ участіи въ работѣ) печатать небольшіе брошюры и для начала рѣшились печатать брошюру которую я уже началъ составлять „о Вежетаріанизмѣ въ связи съ религіей Человѣчества". Когда брошюра будетъ составленна, и хорошо изданна, тогда только мы сможемъ заявить о себѣ какъ объ хорошихъ работникахъ способныхъ выполнять заказы со стороны. Я думаю, что заказы у насъ будутъ; и что наше дѣло пойдетъ на ладъ, не такъ скоро разумѣется, какъ обыкновенно предполагаютъ въ проэктахъ;—но достаточно скоро чтобы не истощить ни нашего терпѣнія, ни нашей способности легко и весело выносить самую горькую нужду.

Изъ этого легкаго абриса вы уже яснѣе видите, какъ мало я гожусь для такой гигантской работы. Приходится быть и *организаторомъ колоніи.* (Организировать такіе колоніи въ Россіи невозможно п. ч. правительство непремѣнно разгонитъ участниковъ по разнымъ угламъ) и *типографщикомъ* (т. к. многіе работы въ печатномъ дѣлѣ до сихъ поръ исключительно дѣлаются мною и тысячи мелкихъ хлопотъ по обзаведенію и расширенію типографіи) и *писателемъ серьезнаго трактата* (напр. писать о Вежетаріанизмѣ въ Англіи передъ такой плеядой умныхъ и толково образованныхъ позитивистовъ—задача очень не легкая) и въ тоже время вести обширную кореспонденцію—на массу заявленій, вопросовъ и просьбъ которые идутъ ко мнѣ и съ Америки и съ Европы и изъ Россіи. (A propos. Мои письма къ Толстому съ моего вѣдома и согласія начали печататься въ Общемъ Дѣлѣ, и эти напечатанныя статьи поднимаютъ еще новый контингентъ корреспондентовъ). Всѣ эти письма пишутся съ такимъ теплымъ чувствомъ—съ такою искренностію что и я не могу отвѣчать на нихъ сухо,—и корреспонденція моя (въ особенности теперь когда приходится переписываться съ женой и дѣтьми) отнимаетъ у меня за частую по 3 дня въ недѣлю. Мало того, живя въ Англіи приходится скрѣплять связи съ различными кружками людей въ особенности съ тѣми, которые, подобно вамъ, противъ своей воли влекуться къ исповѣданію Религіи Человѣчества. Приходится присутствовать на различныхъ митингахъ, не только 2-хъ позитивныхъ обществъ (*), но и другихъ обществъ. Затѣмъ у

(*) Кстати, К. былъ вчера вмѣстѣ со мною на публичной лекціи Бриджеса. Она ему очень понравилась.

меня есть хорошіе русскіе знакомые, которые хотя и принадлежатъ къ лагерю соціалистовъ революціонеровъ и анархистовъ—въ сущности очень хорошіе люди, съ которыми иногда хочется отвести свою душу... А на все это нужно время! Откуда его взять? Вотъ и за этимъ письмомъ я уже сижу около $3^1/_2$ часовъ по среди вещей на половину увязанныхъ, на половину разбросанныхъ и напоминающихъ мнѣ, какіе ужасно хлопотливые дни приходились на мою долю въ прошлой недѣли и займутъ всю эту недѣлю, пока мы наконецъ не устроимся на новой квартирѣ.

Должно быть я уже усталъ писать п. ч. начавъ съ жалобъ на хлопоты и недосугъ времени, я кончаю тѣмъ-же. А между тѣмъ есть болѣе важные вопросы которые задаетъ мнѣ Александра Михайловна но на которыя я попытаюсь отвѣтить завтра. Сегодня уже поздно и голова моя ходитъ кругомъ точно у пьянаго. У насъ 10 часовъ, у васъ полночь. Спокойной ночи.

Вторникъ 5 Октября.

Сажусь за письмо съ очень тяжелымъ сердцемъ. Только что получилъ отъ своей жены два номера „Недѣли“ со статьей „У графа Толстого“, изъ которой видно что онъ попрежнему считаетъ Позивитизмъ только выдумкой людей желающихъ оправдать насилія общества. Удивительно, какъ упрямъ и упоренъ онъ въ своихъ даже очевидно-ошибочныхъ предположеній — удивительно съ какою настойчивостью онъ, проповѣдующій христіанскую любовь и смиреніе, продолжаетъ кидать грязью въ Конта, за то только что тотъ не признаетъ за христіанствомъ преобладающаго значенія,—и продолжаетъ кидать грязью вопреки и словеснымъ и письменнымъ просьбамъ воздерживаться отъ такой непростительной—ни для личности Толстого, ни для его развитія—несправедливости. Несправедливость эта, понятная со стороны индивидуалистовъ, извинительная у Толстого, пока онъ не зналъ настоящаго характера позивитизма и его основателя,—становится теперь просто *недобросовѣстной клеветой.*

Мнѣ было противно читать то искаженіе истины, которое такъ характеризуетъ Катковыхъ и Мещерскихъ и Сувориныхъ съ компаніей. Неужели не найдется между русскими людей болѣе чистыхъ—болѣе способныхъ понять и оцѣнить и съ *уваженіемъ относиться* къ дѣятельности и понятіямъ противника?—На примѣрѣ Толстого мы видимъ съ поразительною ясностію что всякое ученіе основан-

ное на какихъ-то вѣчныхъ и непреложныхъ истинахъ всегда ведетъ къ нетерпимости, (разумѣется не къ той нетерпимости которая сажаетъ въ кутузку—а той *гораздо худшей и болѣе опасной* нетерпимости, которая вытекаетъ изъ сознанія что истинна только здѣсь, (у Христа, или Магомета, или Будды) и что всякій непринимающій ее вреденъ обществу.) Берегите себя, мои друзья, отъ подобной нетерпимости и высокомѣрія. Религія Человѣчества сохранитъ чистоту вашей души, не позволитъ вамъ окунуться въ Катковщину, и дастъ вамъ средство открывать ее даже, если она будетъ прикрываться личиной христіанской любви и смиренія. Но довольно объ этомъ. Перейду къ нашей бѣсѣдѣ или вѣрнѣе къ отвѣтамъ на запросы заданные Ал. Мих. Надо замѣтить что я получалъ и получаю очень частые и очень хорошіе письма отъ Елизаветы Петровны (это опять таки идетъ и вамъ не въ бровь а прямо въ глазъ), они производятъ на меня чрезвычайно отрадное освѣжающее вліяніе; и я будучи въ постоянной перепискѣ съ нею, часто поднималъ и обсуждалъ разные общіе вопросы. Когда вы увидитесь съ нею, она вѣроятно согласится показать вамъ мои письма—въ нихъ вы найдете кой какой матеріалъ для дальнѣйшаго размышленія. По многимъ вопросамъ, которые затронуты въ вашемъ письмѣ, я буду отвѣчать Свѣшниковой—т. к. я у ней въ долгу, вотъ уже двѣ недѣли какъ получилъ отъ нее славное письмо и до сихъ поръ не отвѣчалъ ей отчасти по крайнему недостатку времени, отчасти п. ч. расчитывалъ что Клейберъ отвезетъ и ей мое письмо.—Остаются только вопросы Ал. Михайл. о моемъ мнѣніи относительно Кавказскихъ коммунъ.—Я знаю Коганъ,—она превосходная женщина, имѣлъ частыя и продолжительныя бѣсѣды съ Еропкинымъ... онъ гораздо лучше и симпатичнѣе чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Знаю и Орлова, съ которымъ познакомился у Толстого да еще 2—3 человѣкъ которые принадлежатъ къ ихъ кружку. Народъ все очень добропорядочный; но я скажу вамъ тоже что говорилъ имъ лично прощаясь съ ними въ Мюнхенѣ... Безъ религіи они сами погубятъ свое дѣло—съ религіей и правдивою жизнію, (безъ обмана и взятокъ) они возбудятъ противъ себя правительство и ихъ разгонятъ, можетъ быть не особенно далеко не дальше Макаровыхъ телятъ; но во всякомъ случаѣ коллективная жизнь (честная и открытая) еще невозможна въ Россіи; въ Россіи могутъ дѣйствовать только одиночныя люди, связанные между собою духовнымъ единеніемъ

(какъ церковь), и взаимною помощію и поддержкой, но, ни въ какомъ случаѣ не живущіе вмѣстѣ (какъ братство.)

Затѣмъ Ал. Мих. пишетъ чтобы я писалъ болѣе о своей жизни, съ ея чисто внѣшней, матеріальной стороны.—Чертковъ былъ у меня и—вѣроятно былъ испуганъ моей бѣдной обстановкой такъ точно какъ, въ Петербургѣ, былъ испуганъ роскошною обстановкою комнатъ гдѣ я жилъ (на Адмиралтейской площади). Вы, Александра Михайлов., часто любовавшаяся моими комнатами въ Петербургѣ (говоря только что они хороши для коллектива, для общества, но не для одиночнаго человѣка) вы тоже испугались бы моей обстановки... Но я, дошелъ до состоянія полнѣйшаго равнодушія къ матеріальной обстановкѣ, зная что хорошія и дурныя люди есть и между богатыми и между бѣдными. Какъ индѣйскій фикиръ безучастно относится къ физическимъ страданіямъ такъ я отношусь къ той или другой обстановкѣ. Я не стыдился роскоши въ Петербургѣ *потому что* не стыжусь бѣдности въ Лондонѣ... Жизнь наша дѣйствительно ниже жизни средняго англійскаго рабочаго. Тѣмъ не менѣе будучи воздержанными, вежетаріанцами, и здоровыми настолько что вмѣсто ѣзды по Лондону, ходимъ изъ конца въ конецъ города—мы можемъ жить здоровою жизнію при самомъ маломъ затратѣ. Съ тѣхъ поръ какъ я пріѣхалъ изъ Россіи я веду строгую и точную отчетность всего касающегося до нашей жизни. Изъ отчетныхъ книгъ оказывается что за 10 недѣль—когда я жилъ вмѣстѣ съ женой и дѣтьми (3 взрослыхъ 1, 17-ти лѣтняя дочь и 10 лѣтній сынъ) мы тратили въ день—среднимъ числомъ на съестные припасы—немного менѣе 3 пенсовъ въ день (2.97); а въ теченіи 14 недѣль (когда жена и дѣти уѣхали) и я оставался здѣсь съ однимъ русскимъ собратомъ то каждый изъ насъ тратилъ въ день среднимъ числомъ 3,21 пенса въ день. Чтобы имѣть болѣе наглядное понятіе объ этихъ цыфрахъ скажу что наша жизнь (ѣда) обходится на каждаго человѣка дешевле чѣмъ цѣна $3^1/_2$ фунтовъ булочного хлѣба... а мы за эти деньги кромѣ хлѣба ѣдимъ разныя разности—и фрукты составляютъ непремѣнную принадлежность какъ нашего завтрака такъ и обѣда (мы ѣдимъ два раза въ день).

На будущій годъ, когда сюда пріѣдутъ болѣе русскихъ, мы намѣреваемся опубликовать всѣ статистическія данныя относящіеся къ нашей жизни чтобы 1) оказать серьезную услугу тѣмъ изъ физіологовъ которые занимаясь вопросомъ о діэтѣ, жалуются на от-

сутствіе цыфровыхъ данныхъ, относительно количества и рода потребляемой пищи въ частныхъ семьяхъ—2) чтобы зажать рты тѣмъ которые все еще кричатъ будто вежетаріанская пища требуетъ большого количества пищи... 3) чтобы показать хотя въ слабой степени, какое благодатное значеніе для будущихъ поколѣній могутъ имѣть коммуны изъ коихъ каждая можетъ жить по своему, (одни вежетаріанскіе, другіе мясоѣдные) но всѣ будутъ служить какъ бы соціальными лабораторіями для переработки и практическаго разрѣшенія тѣхъ вопросовъ которые до сихъ поръ тщетно разбираются въ ученныхъ трактатахъ. Коммуны дадутъ ту прочную и фактическую опору для теоретическихъ изслѣдованій безъ которыхъ самый геніальный умъ способенъ говорить только свои фантазіи. Начиная съ вопросовъ діэты и кончая вопросами воспитанія, и брака—все что до сихъ поръ пряталось отъ свѣта, будетъ ясно твердо и открыто для всѣхъ разбираться въ коллективной семьѣ т. е. въ коммунахъ... И нашъ скромный экспериментъ не пройдетъ даромъ; покажетъ нашимъ братьямъ позивитистамъ все великое значеніе словъ Конта: жить открыто,—и въ то же самое время несомнѣнно пробудитъ въ вежетаріанцахъ интересъ къ Религіи Человѣчества...

А пока еще подробный отчетъ не опубликованъ—съ васъ я думаю довольно и того что я уже сказалъ. Скажу откровенно намъ нужны средства, но не для того чтобъ улучшить нашу частную жизнь; а чтобы имѣть возможность довести до конца начатое дѣло по устройству типографіи, остановившейся на половинѣ своего развитія, для печатанія русскихъ книгъ, и брошюръ... для болѣе прочной и болѣе активной пропаганды Религіи Человѣчества. Откуда прійдутъ эти средства сказать трудно; т. к. теперь страшная безработица; большинство моихъ собратьевъ по религіи и коммунисты сами сидятъ безъ работы да и я занятый работами непосредственно относящимися къ пропагандѣ религіи не имѣю возможности и досуга чтобы писать изъ-за денегъ,—и, пока есть кусокъ хлѣба, я всегда предпочту свою теперешнюю дѣятельность,—писанію изъ-за столькихъ-то рублей за страницу, и съ опаской что всякій редакторъ, въ прибавку къ правительственной цензурѣ присоединитъ еще и свою собственную... Ну однако пора кончить. Хочется еще поболтать кое о чемъ—но узлы, укладка перевозка... требуютъ чтобы я былъ по благоразумнѣе и кончилъ-бы во время.—Завтра буду писать къ Елизаветѣ Петровнѣ. Крѣпко любящій васъ всѣхъ

W. Frey.

Пятница 8 Октября.

Прочиталъ письмо къ вамъ и нѣсколько испугался общаго тона его. Мнѣ кажется вамъ особенно не понравится мое сравненіе всѣхъ нерелигіозныхъ людей съ маленькими неумѣлыми дѣтьми, которымъ вовсе не нужно заниматься никакими „вопросами“ пока не пріобрѣтутъ достаточно силъ (т. е. религіи) для выполненія серьезныхъ задачъ этики. Вамъ непонравится потому что изъ общаго хода письма какъ-будто выходитъ что и вы принадлежите къ такимъ малымъ дѣтямъ.—*Но это невѣрно и все что можетъ вести васъ къ подобному заключенію*—я беру назадъ. Вы индивидуалисты, это правда, и будете таковы ровно до тѣхъ поръ пока будете сомнѣваться въ необходимости и пользы для васъ религіи; но вы уже не маленькіе дѣти п. ч. вы религіозны; хотя и не хотите сознаться въ этомъ, подобно тому какъ религіозны и тѣ соціалисты которые смѣются надъ религіей и въ тоже время идутъ на смерть и висѣлицу—только въ силу несознаваемой непризнаваемой ими религіозной потребности служенія Человѣчеству... Вы уже не маленькія дѣти, но вы еще не дошли до того состоянія когда ваши силы могутъ развернуться во всю мочь; а я—былъ неправъ говоря что вамъ вовсе не нужно заниматься рѣшеніемъ вопросовъ жизни на тему „Что дѣлать“;—но я все таки правъ въ томъ общемъ выводѣ который я старался рельефно выставить въ письмѣ... (и выставилъ уже такъ рельефно что испортилъ общее впечатлѣніе) а именно что вопросы непосредственно относящіеся до развитія религіознаго чувства должны у васъ стоять на первомъ планѣ предпочтительно передъ практическими вопросами жизни, тѣмъ болѣе, что я почти увѣренъ, что ваши выводы будутъ совершенно тождественны съ моими... (такъ сходны мы по характеру нашего главнаго движущаго элемента жизни); и послѣ того какъ вы доработаетесь до этихъ рѣшеній вопросъ опять останавливается на томъ, откуда же взять силъ для выполненія этихъ прекрасныхъ рѣшеній—когда все кругомъ насъ такъ много ниже нашего идеала... т. е. вопросъ опять таки останавливается на томъ откуда и какъ сознать и выработать въ себѣ религіозное чувство...

Въ письмѣ къ Елизаветѣ Петровнѣ я еще подробнѣе распространяюсь по этому послѣднему вопросу такъ какъ она тоже поднимаетъ тоже возраженіе какъ и вы хотя ставитъ свои возраженія въ другой

формѣ. Она вѣроятно не откажется дать вамъ на прочтеніе письмо—которое я пошлю къ ней по почтѣ (если не успѣю дописать въ эти 4 часа которые остаются до послѣдняго свиданія съ Клейберомъ). А теперь пока я долженъ закончить и эту приписку. Надѣюсь, что вы не разсердитесь на меня за мое письмо—простите всѣ шероховатости, и недосмотры которые неизбѣжны во всякомъ спѣшномъ трудѣ, особенно когда приходится писать его во время укладки и разборки вещей и устройства на новой квартирѣ, (что беретъ по крайней мѣрѣ недѣлю въ общей сложности).

До свиданья же дорогіе... Будете въ Европѣ, заѣзжайте къ намъ.—Ужъ какъ мы будемъ рады видѣть васъ! До свиданья, не сердитесь-же на меня.

W. Frey.

Письмо В. Фрея къ Елизаветѣ Петровнѣ Свѣшниковой 5-го октября (годъ не указанъ).

Вторникъ—5 октября.

4. Canning Road; Highbury New Park; N.; London.

Дорогая Елизавета Петровна.

Только что окончилъ письмо на 12 страницахъ (6 страницъ большого формата) къ Ольденбургу и Александрѣ Михайловнѣ. Хотѣлъ было сдѣлать для себя передышку; но вспомнилъ что завтра день переѣзда на новую квартиру (адресъ на верху; замѣтьте его, чтобы писать ко мнѣ уже по новому адресу) и что едвали успѣю написать много вамъ; потому окончивши одно письмо сейчасъ же принимаюсь за другое.

Ваше послѣднее письмо, такое любящее, полное сочувствія ко мнѣ и въ тоже время откровенное — было еще болѣе чѣмъ ваши прежнія письма—цѣлебнымъ бальзамомъ для моей, повременамъ изнывающей отъ чрезмѣрныхъ усилій, души. Нѣтъ словъ выразить вамъ мою братскую признательность за ваши письма. Они мнѣ дороги не потому только что живо напоминаютъ васъ, и наши бесѣды въ С.-Петербургѣ, а, главное, потому что въ нихъ я вижу вѣрный отголосокъ или, лучше сказать, вѣрную обрисовку современной россійской интеллигенціи. Мое послѣднее письмо къ вамъ было написано въ одномъ изъ тѣхъ мучительныхъ настроеній духа, — когда люди подобно Іисусу въ Гефсиманскомъ саду плачутъ „кровавыми слезами“. Я задалъ вамъ тогда рядъ такихъ вопросовъ, которые

могли яснѣе другихъ сформулироваться въ слова... и вы нетолько добросовѣстно и откровенно отвѣтили мнѣ, все что могли, но старались какъ бы успокоить меня, смягчить ту боль, которую и вы кажется почувствовали въ моемъ письмѣ. Спасибо вамъ, моя добрая сестра за ваши намѣренія; но они напрасны. Я сохраню туже братскую любовь и тоже уваженіе къ вамъ, носмотря на то будете ли вы залечивать или растравливать мои раны говоря правду. Въ одномъ мѣстѣ письма говоря о томъ, что если люди не принимаютъ Религіи Человѣчества значитъ они могутъ жить безъ нее вы прибавляете „это значитъ [?] очень жестоко, хотя я не хочу быть жестокой", и стараетесь загладить свое правдивое замѣчаніе—говоря далѣе и объ свѣтлой сторонѣ того же вопроса. Но, если въ вашемъ письмѣ была жестокость; то не тамъ, гдѣ вы дѣлаете оговорку, а гдѣ спрашиваете: зачѣмъ непремѣнно стоять на томъ, чтобы не на сей горѣ а въ Іерусалимѣ поклоняться Богу? Когда я прочелъ это во мнѣ шевельнулись слова Цезаря: и ты Брутъ, противъ меня.—Къ счастію, я еще не убитъ на смерть: мнѣ незачѣмъ молча заворачиваться въ свою тогу—я еще могу надѣяться что мой Брутъ во время опомнится—и не нанесетъ мнѣ удара... Въ самомъ дѣлѣ, оставивши всѣ аллегоріи всторонѣ и разбирая только сущность дѣла не могъ ли я предполагать въ вашихъ словахъ намекъ на мое какъ бы стремленіе къ сектантству.—Будь я по обидчивѣе, я разумѣется написалъ бы въ отвѣтъ что религія Человѣчества не обязываетъ человѣка молиться непремѣнно на „Іерусалимской" горѣ; и что если прежніе религіи (религіи абсолютной истины) имѣли каждая свою „Гору"—Религія Человѣчества, освящаетъ всякое—поклоненіе Богу (т.-е. дѣланіе добра) на какой-бы то не было Горѣ и что никто, изъ знакомыхъ съ сущностью и духомъ Р. Ч. не можетъ приписать ей стремленіе къ сектантству... Но я не обидчивъ; я увѣренъ что вы не захотите повторить то выраженіе которое мнѣ такъ часто приходится выслушивать отъ людей или незнакомыхъ съ Р. Ч. или враждебно расположенныхъ къ ней. Дѣло очевидно не въ томъ: я спрашивалъ васъ отчего не принимаютъ религію Человѣчества — а вы мнѣ вѣроятно хотѣли отвѣтить тоже что я такъ часто слышалъ отъ хорошихъ людей, и что проскальзываетъ и въ письмѣ Ольденбурга: зачѣмъ непремѣнно настаивать на признаніи религіи, если человѣкъ и безъ того поступаетъ хорошо, говорили вы всѣ во время нашего послѣдняго свиданія (у — —).—Будь я метафизикъ Толстой, я бы разумѣется

не могъ ничего отвѣтить на подобное возраженіе; но я какъ позитивистъ, не ограничиваюсь только субъективнымъ анализомъ; я анализирую объективные законы нравственности и религіи, на сколько они познаваемы въ настоящее время и вижу въ религіозномъ чувствѣ *силу*, которой недолжно пренебрегать даже и хорошему человѣку п. ч. при сильно настроенномъ религіозномъ чувствѣ даже и хорошій человѣкъ способенъ стать еще лучше, и работать еще энергичнѣе.

Когда я спрашивалъ васъ, зачѣмъ русскіе люди не принимаютъ религіи Человѣчества, я вовсе не предполагалъ пріема или исповѣданія извѣстныхъ догматовъ. Я спрашивалъ, отчего въ нихъ не пробуждается религіозное чувство... Мнѣ всѣ равно на какой горѣ они поклоняются Богу, я только желаю чтобы они *начали* „поклоняться Богу“ хоть какъ нибудь, и кто уже поклоняется Ему, чтобы поклонялся бы еще сильнѣе (т.-е. дѣлалъ добро съ еще большею энергіей). Поймите, моя дорогая Елизавета Петровна, что люди могутъ жить безъ религіи (ужъ мнѣ ли не знать этого). Но хороша-ли такая жизнь? Не происходитъ ли отъ этого страшная потеря полезныхъ силъ? Для меня по крайней мѣрѣ такъ ясенъ вредъ проистекающій отъ нерелигіозности нашего времени, что я вмѣсто того чтобы сгонять людей на одну гору, радуюсь когда они всходятъ хоть на какую-нибудь Гору. Христіанинъ, еврей, фетишъ — по моему ближе къ поклоненію Бога, (т.-е. къ служенію Человѣчеству) чѣмъ современная интеллигенція Европы. Тамъ—можетъ быть громадные ошибки въ цѣлой церкви, за то есть большая возможность вырабатывать альтрюизмъ въ отдѣльной личности—а здѣсь—обратно, нѣтъ можетъ быть поражающихъ ошибокъ прошлыхъ религій — въ цѣломъ обществѣ, за то личная жизнь такъ измельчала, такъ опошлилась; стала такою эгоистичною, высокомѣрною, нетерпимою... что сумма всѣхъ одиночныхъ мерзостей — приноситъ теперь гораздо болѣе вреда— чѣмъ обще-массовыя ошибки, прошлыхъ религій, и—(доказательство тому видимъ въ насиліяхъ и висѣльницахъ правительства—и въ таковыхъ же насиліяхъ и динамитѣ революціонеровъ).

Пятница. 8-го Октября.

Опять таки не подумайте что я считаю людей не признающихъ религію никуда не годными; нѣтъ—многіе между ними уже религіозны, вопреки своимъ же собственнымъ убѣжденіямъ,—и по сколько сильно въ нихъ это не сознаваемое чувство по-стольку они все-

гда дѣлали и дѣлаютъ добро. Но даже и къ нимъ я прилагаю общую мѣрку. Нужды нѣтъ что они уже дѣлаютъ добро они должны дѣлать его больше, п. ч. способны къ гораздо большему развитію альтрюизма и, хотя они не вѣрятъ мнѣ теперь, какъ только они изъ безсознательнаго религіознаго состоянія перейдутъ въ сознательное—они сейчасъ же почувствуютъ въ себѣ ту цѣльность, и силу, при которой ихъ полезная (и до тѣхъ поръ) дѣятельность станетъ во много разъ полезнѣе.

Поэтому я не могу согласиться съ вашими заключительными словами: „лишь бы только люди откидывали всякую гордость лишь бы они старались быть хорошими, лишь бы и т. д.—и затѣмъ, пусть они молятся или не молятся, читаютъ Евангеліе или читаютъ Конта,—стремятся къ неясному идеалу или къ ясному служенію Человѣчества, право вѣдь это все къ одной точкѣ сходится". Нѣтъ, далеко не все сходится къ одной точкѣ... Я могу допустить что дѣятельность христіанина можетъ ни въ чемъ не уступить по своей энергіи дѣятельности сознательно религіознаго позитивиста (и поэтому и для меня безразлично читаетъ ли онъ Евангеліе или Конта)—потому что въ обоихъ ясно и отчетливо горитъ одно, (и самое сильное) религіозное чувство; но, извините, служеніе неясному идеалу никогда не можетъ сравнится съ яснымъ служеніемъ Человѣчеству и часто (о, какъ часто) тѣ люди, которые начинаютъ свою жизнь со служенія „неясному идеалу" кончаютъ ее очень пошло и неразумно, махая рукой на все прекрасное и утѣшаясь тою пошлою поговоркою, что мы де еще не развились достаточно для выполненія высокихъ требованій альтрюизма...

Нѣтъ, дорогая Елизавета Петровна—люди толкующіе о неясныхъ идеалахъ—и о принципахъ—всѣ эти метафизики—народъ очень красивый на словахъ, но очень хрупкій въ жизни; и часто при слабомъ даже сопротивленіи въ жизни—они разбиваются въ дребезги—Ихъто мнѣ жаль,—ихъ-то мнѣ и хочется образумить... и сознавая всю безполезность даже вредъ обращенія христіанина къ Религіи Человѣчества я убѣжденъ—что спасеніе этихъ метафизиковъ лежитъ не въ движеніи назадъ къ Христіанству а въ движеніи впередъ къ Религіи Человѣчества. Ихъ нужно толкать впередъ—иначе они пропадутъ топчась на мѣстѣ въ мірѣ неясныхъ идеаловъ—и вмѣстѣ съ ними пропадетъ та масса добра которую они могли бы внести—когда станутъ религіозными.

Вотъ этихъ-то людей я называю умниками. Между ними могутъ быть и образованные и необразованные люди,—между ними есть и эгоисты и отличные люди—но всѣ они связаны одною общею чертою—черезъ чуръ сильнымъ увлеченіемъ передъ интеллигентною сознательной стороной человѣческой жизни и пренебреженіемъ къ ея религіознымъ и часто безсознательнымъ влеченіямъ.—

И вотъ нашъ общій другъ К. М. (вѣдь я очень его полюбилъ за его славныя письма) онъ тоже *умникъ*.—Другой человѣкъ (Газенвинкель изъ Вильны) тоже пишущій мнѣ хорошія и теплыя письма тоже *умникъ*, и оба по одной и той же причинѣ: они не хотятъ отдаться тому чувству которое уже кипитъ въ нихъ и все еще резонируютъ, дѣлаютъ возраженія, находятъ недостатки, т.-е. поступаютъ относительно Р. Ч. совершенно также какъ поступаютъ и эгоисты, только съ тою разницею что послѣднимъ это умничаніе идетъ къ лицу; они, ради сохраненія своей цѣлостности, должны поступать такъ—а эти, уже пылающіе сильнымъ религіознымъ чувствомъ—это М. и—они вызываютъ во мнѣ страшное состраданіе п. ч. они не только не выигрываютъ отъ этого резонерства въ цѣлостности—а напротивъ только усиливаютъ разладъ между своимъ умомъ и чувствами... длятъ свое безсиліе. И посмотрите какъ одинаковы всѣ эти умники (нетолько эгоисты но и хорошіе умники). М. пишетъ: „Я могу понять въ Р. Человѣчества—чувство долга но никакъ не чувство любви и благодарности... Я могу любить и быть благодарнымъ только къ тѣмъ свѣтлымъ личностямъ, которые *сознательно* работали на благо прогресса, и тѣмъ сильнѣе мои чувства къ нимъ *чѣмъ менѣе они обязанны обществу* своей выработкой“.—пишетъ: Знаете ли, я боюсь инстинктивныхъ стремленій, и до сихъ поръ полагался только на сознательныя проявленія человѣческаго духа.—Вѣдь если я буду полагаться на инстинктивныя стремленія я могу также легко утѣшиться что существуетъ въ силу тѣхъ же инстинктивныхъ стремленій и масса зла и самому стать злымъ...

И Газенвинкелю и М. скажу что если не только они но и большинство людей отдались бы не резонируя своимъ безсознательнымъ стремленіямъ—то они навѣрно были бы лучше чѣмъ теперь, когда портятъ свою жизнь разными софизмами и метафизическими увертками... Затѣмъ оба они (да и всѣ умники) должны знать что въ жизни каждаго человѣка—какъ бы высоко онъ небылъ развитъ—*безсознательныя стремленія значительно преобладаютъ надъ со-*

знательными и что всякій человѣкъ, поступаетъ ли онъ по сознательнымъ или безсознательнымъ влеченіямъ всегда и во всемъ обязанъ обществу. Впрочемъ относительно М. (который гораздо болѣе думалъ о Р. Ч. и гораздо болѣе знакомъ съ нею чѣмъ—) есть одно серьезное извиненіе. Онъ еще не видитъ въ Человѣчествѣ Живого, *Органическаго* цѣлаго, не можетъ облечь его въ поэтическій образъ и потому (справедливо считая нравственныя системы неспособными замѣнить религію) онъ отказывается (надѣюсь что *пока*) отъ Религіи Человѣчества.

Передайте же ему отъ меня, дорогая Елизавета Петровна, ту программу дѣйствій которые онъ долженъ пройдти для того, чтобы прійдти къ ясному служенію Человѣчества, вмѣсто неясныхъ стремленій, т. е. чтобы стать вполнѣ и сознательно религіознымъ. Первое что онъ долженъ сдѣлать это серьезно познакомиться съ выводами Соціологіи, ну хоть Герберта Спенсера, тогда онъ увидитъ лучше что Человѣчество, хотя не имѣетъ ни головы ни желудка (т.-е. такой головы и желудка какъ у человѣка) есть организмъ въ которомъ частицы связаны не механически, а физіологически.

Затѣмъ, онъ можетъ дойдти до этого и всетаки остаться не религіознымъ какъ остается напримѣръ Гербертъ Спенсеръ или Гексли; и чтобы стать религіознымъ онъ долженъ совершить надъ собой цѣлый рядъ психическихъ процессовъ очень неуловимыхъ и незамѣтно переходящихъ изъ одного въ другое,—а именно 1) почаще думать объ обществѣ какъ объ организмѣ—чтобы лучше уяснить для себя и укрѣпить этотъ еще новый и не общепринятый выводъ науки 2) затѣмъ, когда М. станетъ уже не пугаться этого понятія—и оно станетъ фамильярно и обыкновенно ему (*): тогда 3) пусть онъ задастъ мысленно всѣ тѣ высокіе качества которые такъ плѣнительны для него въ сознательныхъ индивидуальныхъ личностяхъ и онъ увидитъ что всѣ они, эти качества только въ гораздо большей степени, принадлежатъ и Человѣчеству — и такъ какъ Человѣчество ужъ перестанетъ быть для него тогда механическимъ сцѣпленіемъ людей—то послѣ ряда умственныхъ усилій въ этомъ направленіи онъ вдругъ увидитъ что и Человѣчество (даже если оно

(*) пусть онъ искоренитъ у себя (хотя бы собственнымъ размышленіемъ надъ самимъ собою, если не изученіемъ Психологіи) мысль что хорошій человѣкъ движется по преимуществу сознательными импульсами. Онъ увидитъ что игра безсознательныхъ влеченій и ощущеній гораздо сильнѣе чѣмъ кажется съ перваго раза.

болѣе безсознательно, чѣмъ отдѣльный индивидумъ) есть не только живое но и *прекрасное* Существо.—И вотъ тогда то онъ станетъ сознательно религіознымъ. Тогда то онъ почувствуетъ въ себѣ новаго человѣка съ новыми силами для работы—тогда онъ лучше поймѣтъ и Фрея—; а теперь онъ при всей своей честности, добросовѣстности и скромности (качество *весьма рѣдкое* у умниковъ) все-таки еще не совсѣмъ вѣрно понимаетъ меня—п. ч. мои разсужденія идутъ отъ сердца—а онъ же, вопреки своимъ собственнымъ влеченіямъ, все еще хочетъ строить все на сознательно-разумныхъ принципахъ.

Процессъ этотъ съ одной стороны какъ видите очень простъ. Это есть тотъ же самый процессъ по которому маленькій ребенокъ—боясь незнакомаго человѣка, сначала прячется отъ него—потомъ начинаетъ изрѣдка поглядывать на него—и убѣждаясь мало по мало что онъ не страшенъ—смотритъ все чаще и чаще, подходитъ все ближе и ближе пока наконецъ не дотрагивается до него—затѣмъ садится на его колѣни—играетъ съ нимъ и чѣмъ болѣе узнаетъ его хорошіе качества тѣмъ крѣпче любитъ его... Съ другой стороны, процессъ этотъ въ высшей степени затруднителенъ если человѣкъ работаетъ одинъ, безъ поддержки со стороны...

Я самъ работалъ такъ, совершенно безсознательно правда, не имѣя передъ собой даже программы начертанной дружеской рукой; не имѣя ни въ комъ поддержки—и всюду встрѣчая только насмѣшку или равнодушіе... Я знаю по собственному горькому опыту что на подобный процессъ приходится тратить по нѣсколько по многу лѣтъ... Совсѣмъ другое дѣло когда люди нуждающіеся въ нравственномъ обновленіи приходятъ въ столкновеніе съ людьми у которыхъ уже горитъ религіозное чувство... тогда у нихъ этотъ процессъ совершается гораздо скорѣе...

Въ примѣръ я могу поставить нѣсколько русскихъ которыя изъ того только что жили вмѣстѣ со мною, и моимъ семействомъ—стали очень сильными и сознательными послѣдователями Р. Ч.

Еще скорѣе совершается этотъ процессъ тамъ гдѣ уже есть общества, собранія и церкви во имя Человѣчества... какъ напр. въ Лондонѣ.—Тутъ уже весь напущенный скептицизмъ,—всѣ эти ходульные возраженія—разлѣтаются сразу—въ пухъ и прахъ—и то что казалось прежде самимъ серьезнымъ и несокрушимымъ доводомъ—становится попросто—только тѣмъ что оно есть на самомъ дѣлѣ

т.-е. послѣднимъ усиліемъ индивидуализма отстоять себя—передъ напоромъ новой жизни и новой религіи.

Бѣдный М. долженъ работать при очень неблагопріятныхъ обстоятельствахъ не имѣя въ окружающихъ его отклика и сочувствія. Но ему все-таки много легче, чѣмъ было напр. для меня—(когда я переходилъ изъ умниковъ въ религіознаго человѣка). У него будетъ такой личный другъ какъ вы—у него все таки будетъ человѣкъ уже прошедшій его фазисы развитія и слѣдов. способный помочь ему если не личнымъ знакомствомъ то хоть бы письменно.

Извините дорогая Е. П.; приходится оторваться отъ письма и я едвали буду въ состояніи приписать что либо—до отъѣзда—. Пусть онъ отвѣзетъ и это письмо.—Оно можетъ идти дополненіемъ къ письму написанному для—и—.

[Копія письма Вильяма Фрея къ русскимъ друзьямъ 2-го ноября (21 октября) 1888 г.]

Черезъ нѣсколько дней я сольюсь съ человѣчествомъ и теперь глядя на добрыхъ услужливыхъ друзей моихъ, я не могу не подѣлиться съ ними тѣми мыслями, которыя рано или поздно будутъ выяснены ими и гораздо легче усвоены ими, чѣмъ если бы каждый добивался ихъ въ одиночку. Не велика группа Русскихъ въ Лондонѣ, за то она представляетъ собой самыя разнообразныя стремленія. Анархисты, Соціалъ-Демократы, люди мирной пропаганды желающіе своей личной жизнью поднять уровень русской жизни. Разумѣется трусовъ (и ихъ не мало) я исключаю. Я буду говорить съ тѣми, которые искренне желаютъ работать для Россіи, которые одушевлены гражданственностью и готовы потерять свое положеніе скорѣе, чѣмъ сдаться на унизительныя требованія Русскаго Гражданства (или, что все равно—Русскаго интеллегентнаго общества). Отвоевать свободу лицъ, свободу религіи, свободу мнѣній—есть первая и существенная задача каждаго честнаго гражданина.

Оставляя пока въ сторонѣ революціонныя фракціи, а имѣя въ виду гораздо большее число людей, готовыхъ вести моральную борьбу съ правительствомъ, я утверждаю, что и для нихъ одиночное сопротивленіе не принесетъ должныхъ плодовъ. Имъ необходимо организоваться, найти то общее, что можетъ быть одинаково удобно принято всѣми, не нарушая того разнообразія въ раздѣленіи неизвѣстныхъ еще законовъ природы. И вотъ теперь я чувствую, что

умираю нѣсколько преждевременно. То положеніе, что только религія человѣчества способна связать во едино всѣхъ хорошихъ людей, усилить нравственную и гражданственную борьбу и скорѣе повести ихъ къ побѣдѣ—эти положенія все еще смутны въ умахъ даже лучшихъ Русскихъ. — Одни запуганые старыми религіями не могутъ отрѣшиться отъ скептицизма. Другіе, хотя способные стать на болѣе возвышенную точку, но не испытавшіе на себѣ всю силу религіознаго чувства, считаютъ Религію Человѣчества чѣмъ-то искуственнымъ и безполезнымъ въ дѣлѣ будущаго улучшенія Россіи. Особенно обидно слушать такія возраженія отъ людей, которые ближе другихъ подошли подъ требованія единственно возможной нравственной борьбы. Члены одной русской группы отлично сознаютъ необходимость группировки для взаимной поддержки, но какъ только имъ удалось найти сотоварищей, связанныхъ личными привязанностями они и руками и ногами отшибаются отъ Религіи Человѣчества и становятся большими проповѣдниками ея, чѣмъ другіе. Мы имѣемъ помощниковъ и безъ Религіи Человѣчества—стало быть религія не нужна. Съ другой стороны вся группа молодыхъ профессоровъ суть чистые представители чистаго метафизическаго воспитанія. Они могутъ напр. признавать органическое развитіе Человѣчества въ прошломъ и въ тоже время отрицать, что Человѣчество есть организмъ. Это continuity у нихъ плаваетъ въ воздухѣ и можетъ пожалуй повліять на такіе же испорченные умы (академическимъ образованіемъ), но вообще умы чисто позитивные никогда не станутъ на ихъ сторону, потому что одинъ изъ основныхъ принциповъ позитивизма говоритъ, что, гдѣ есть функція, тамъ есть и органъ, или другими словами, что гдѣ признается уже continuity of Race, такъ должно признаваться и существованіе человѣчества, какъ живущаго организма. Люди, которые остаются слѣпыми и нечувственными къ этому факту—суть метафизики чистой крови. Имъ труднѣе понять позитивизмъ, чѣмъ людямъ только что вышедшимъ изъ теологическаго настроенія. Но не всѣ въ Россіи таковы.

Вотъ почему я такъ сильно желалъ побыть въ Россіи, чтобы еще до своей смерти найти двухъ, пожалуй одного человѣка, способнаго и вѣрно понять мои идеи и съ большой энергіей проводитъ ихъ въ жизнь.

Люди могутъ группироваться во имя сильныхъ, но простыхъ религіозныхъ представленій гораздо успѣшнѣе, чѣмъ во имя какихъ-нибудь отвлеченностей: братства, равенства и свободы.

Религія Человѣчества и есть тотъ синтезъ, который, затрагивая религіозное чувство, включаетъ какъ бы въ фокусѣ разрѣшеніе всѣхъ современныхъ вопросовъ. Вся суть только въ умѣніи представить Человѣчество какъ одно органическое цѣлое и это представленіе распространяется все болѣе и болѣе, не смотря на оппозицію эгоистовъ, индивидуалистовъ и метафизиковъ. Я не могу писать больше, но я могу попросить всѣхъ, которые любили меня, прочесть мое второе письмо къ Толстому. Тамъ собраны всѣ аргументы, почему только Религія Человѣчества можетъ быть собирательною и организующей силой для всѣхъ людей, готовыхъ вести гражданскую борьбу съ Правительствомъ. Пусть кто любитъ меня прочтетъ это письмо. Оно можетъ не произвести никакого вліянія на читателя—тоже помочь этому нельзя. Мы должны искать своихъ послѣдователей не между тѣми, которые съ одного намека охватываютъ сами всю суть дѣла. Ну, а можетъ быть, что усиленная просьба дорогого и умирающаго брата раскроетъ имъ нѣсколько общее вліяніе Религіи, ея смыслъ, ея значеніе. А разъ взглянувши на дѣло, они легко поймутъ почему я придаю такое громадное значеніе Религіи Человѣчества.

XII.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Забытыя стихотворенія Я. П. Полонскаго.

Въ студенческомъ кружкѣ 1840—42 гг., о которомъ выше была рѣчь (стр. 210 и д.), однимъ изъ главныхъ объединяющихъ интересовъ было, какъ сказано, увлеченіе поэзіей; стихи писали не только будущіе поэты—Фетъ, Полонскій, А. Григорьевъ,—но и многіе другіе члены кружка, вовсе не одаренные поэтическимъ талантомъ,—Студитскій, Карелинъ и др. Памятникомъ этого повальнаго стихотворства остался альманахъ „Подземные ключи", изданный въ 1842 году пріятелемъ Полонскаго, кн. Н. Мансыревымъ [1]. Этотъ альманахъ теперь, разумѣется, совершенно забытъ, и по заслугамъ. Онъ содержитъ 69 поэтическихъ пьесъ и 7 разсказовъ въ прозѣ; *всѣ* эти произведенія подписаны только иниціалами своихъ авторовъ, среди которыхъ легко узнать Фета, Карелина, двоихъ Мансыревыхъ (Ѳ. и Н.), Полонскаго. За исключеніемъ стихотвореній Полонскаго и Фета, все остальное крайне слабо. Фетъ представленъ тремя пьесами: „Безмолвныя поля одѣлись темнотою", „Когда кичливый умъ, измученный борьбою" и „На дворѣ не слышно вьюги"; всѣ три перепечатаны позднѣе самимъ Фетомъ, отчасти въ исправленномъ видѣ. Полонскій о своемъ участіи въ альманахѣ писалъ въ своихъ „Студенческихъ воспоминаніяхъ" [2]: „Князь Мансыревъ... сошелся со мной потому, что задумалъ издать студенческій сборникъ, который и вышелъ подъ заглавіемъ (мною придуманнымъ) „*Подземные ключи*"; тамъ подъ буквою П. были и мои еще крайне не зрѣлыя стихотворенія. Между ними было помѣщено и начало какой-то испанской драмы подъ заглавіемъ „*Ханизаро*".—Полонскій оказался однимъ изъ

---

[1] *Подземные ключи.* Издалъ Кн. Н. Мансыревъ. Москва. Въ типографіи Августа Семена. 1842. [Ценз. помѣта Н. Крылова: Октября 1-го дня, 1842 года.]

[2] „Нива", Ежемѣс. Литер. Приложенія, 1898, декабрь, стр. 668.

самыхъ усердныхъ сотрудниковъ альманаха: онъ доставилъ не менѣе *десяти* лирическихъ стихотвореній и обширный драматическій отрывокъ. Изъ этихъ пьесъ четыре были имъ позднѣе перепечатаны („На могилѣ“, „Здѣсь, или тамъ“, „Жницы“ и „Послѣ ужина“); остальныя шесть и отрывокъ изъ драмы болѣе никогда не увидѣли свѣта и остаются погребенными въ альманахѣ, откуда мы ихъ и перепечатываемъ.

Сердце.

У сердца сокровищъ такъ много!
Какъ въ море, въ открытую грудь
Они такъ обильно отъ Бога
Живыми струями текутъ.

И жаждетъ душа подѣлиться
Въ избыткѣ съ другою душой,
И сердцу влюбленному биться
Привольно въ груди молодой.

Но что? говорятъ, неизбѣжно
Придетъ, злое время придетъ,
И все, что люблю я такъ нѣжно,
Какъ призракъ вдали пропадетъ.

И будто въ груди благородной
Изсякнутъ живыя струи!
И сердцу разсудокъ холодный
Предпишетъ законы свои!

И сердца богатства я взвѣшу,
На рынокъ пойду ихъ мѣнять!
Кого-же я этимъ утѣшу?
Что̀ будетъ меня утѣшать?

Увы! говорятъ, неизбѣжно
Придетъ, злое время придетъ,
И все, что люблю я такъ нѣжно,
Какъ призракъ вдали пропадетъ.

Ея окно.

По кровлямъ, падая, стучитъ,
Ручьями подъ гору бѣжитъ
Холодный дождь; и вѣтеръ злой
Крутитъ мой плащь во тьмѣ ночной—
Бѣгу, завернутый плащемъ,
Бѣгу.—Все сумрачно кругомъ:
Погасли звѣзды: лунный свѣтъ
Погасъ; но я найду мой слѣдъ;
Я отыщу высокій домъ,
Я стану предъ ея окномъ:
Тамъ сквозь невѣрное стекло
Порой, какъ во́рона крыло,
Чернѣетъ локонъ: тамъ, порой,
Передъ пылающей свѣчей
Сидитъ она—и бѣлизна
Ея лица озарена.—
И стану я въ окно глядѣть,
Глядѣть, молчать, благоговѣть,
Благоговѣть, когда она
Склонилась на́ локоть, блѣдна,
Задумчива; но если ей
Тамъ весело въ семьѣ своей,
И если нѣтъ слѣда любви—
Господь ее благослови!
Я стану въ темнотѣ ночной
Молиться скорбною душой.

Бѣгу, плащь вѣетъ; грудь кипитъ;
Глаза горятъ; лице горитъ;
Бѣгу.— Вонъ домъ! вонъ, вонъ оно—
Ея высокое окно!—
Теперь пускай шумитъ и льетъ,
И хладомъ члены обдаетъ
Осенній дождь, и вѣтеръ злой
Крутитъ мой плащь во тьмѣ ночной!

Упрекъ.

Когда-бъ я зналъ, какое ремесло
Ты выбрала, и что глухой порою
Тебя въ мои объятья привело;
Когда-бъ я зналъ!... повѣрь передъ тобою
Я-бъ никогда колѣнъ не преклонялъ,
Я-бъ не высказывалъ себя такъ много,
Въ свидѣтели не призывалъ бы Бога,
И бѣлыхъ рукъ твоихъ бы не лобзалъ!

Твой поцѣлуй и огненный и влажный
Моей души тогда-бъ не возмутилъ.
Дешевле бы... дешевле я купилъ
Бряцаньемъ золота, иль наглостью отважной
И эту ночь, и твой восторгъ продажный!

Не говори-жь мнѣ о любви—не говори!
Отъ словъ твоихъ я для любви хладѣю;
Слѣды румянъ съ лица платкомъ сотри,
Я за тебя... и за себя краснѣю.

Старый рыцарь.

Подъ сводами замка лежалъ на постелѣ
Больной, старый Рыцарь. Безмолвно всю ночь
Сидѣла въ ногахъ его юная Берта;
И такъ утѣшалъ Рыцарь добрую дочь:
„Нѣтъ, милая Берта, не будетъ мнѣ смерти
Отъ ранъ, отъ печали, отъ старости лѣтъ:
Господь присудилъ мнѣ быть громомъ убиту,
А ночь молчалива, какъ смерть,—грому нѣтъ.
Когда воевать мы за дѣло святое
Пошли, и я край мнѣ родной покидалъ,
Велѣлъ я позвать старика звѣздочета,
Мудреный старикъ!—онъ мнѣ правду сказалъ:
„Тебя не задушитъ восточное солнце;
Тебя ураганъ не засыплетъ степной;
Каленая сталь не пробьетъ твой нагрудникъ,
Но будешь убитъ ты грозою ночной.“—

Я вѣрю—такъ вѣрь-же и ты предсказанью.
Мнѣ смерти не будетъ отъ старости лѣтъ:
Господь присудилъ мнѣ быть громомъ убиту,
А ночь молчалива, какъ смерть,—грому нѣтъ."

Живетъ старый Рыцарь въ готическомъ замкѣ,
Едва движетъ ноги отъ старости дней,
На трость опираясь, онъ ходитъ, и въ креслахъ
Сидитъ, принимая заѣзжихъ гостей.
Онъ любитъ ихъ рѣчи про годы былые,
Стукъ чаши объ чашу въ обѣденный часъ,
Но самъ онъ молчитъ, но съ гостями не пьетъ онъ,
Лѣниво за чашу рукой ухватясь.

Когда-же случится, что ясныя звѣзды
На небѣ холодномъ начнутъ потухать,
И тучи пойдутъ по холодному небу,
И море начнетъ тяжелѣе дышать;
Когда въ узкихъ окнахъ, по крашеннымъ стекламъ,
Вдругъ вспыхнетъ и вдругъ пропадетъ алый блескъ:
Встаетъ онъ, какъ будто отжившія силы
Назадъ отдаетъ потрясающій трескъ.
Спѣша, надѣваетъ онъ мѣдныя латы,
Одною рукой поднимаетъ свой щитъ,
Другой со стѣны мечь тяжелый срываетъ,
И, молча, на верхъ старой башни спѣшитъ.
И тамъ—высоко—въ мутномъ сизомъ туманѣ,
Гдѣ вѣтеръ и треплетъ и мочитъ дождемъ
Его посѣдѣлыя кудри,—спокойно
Стоитъ онъ, какъ тѣнь, съ величавымъ челомъ.
Онъ долго стоитъ; роковаго удара,
На мечь опираясь, безъ трепета ждетъ;
А молнія блещетъ, а буря несется,
А море, все въ пѣнѣ, сверкая, реветъ.

А въ замкѣ, въ окно, сквозь туманъ, что-то свѣтитъ:
Тамъ въ сумракѣ залы, лампада горитъ,
Лампада горитъ предъ святою Мадонной.—
Мадонна съ унынiемъ въ сумракъ глядитъ.
Тамъ молится дочь передъ образомъ Дѣвы,
Склоняя колѣна къ чугуннымъ плитамъ.

„Храни его Дѣва! Храни Богоматерь!“
Взываетъ къ ней Берта, давъ волю слезамъ.

Пѣснь вакханки.

Если сердце вдругъ полюбитъ,
И огонь обхватитъ грудь,
Хоть на мигъ да мой онъ будь!
Иль онъ вѣкъ ни чей не будетъ!
Га! да, да!
Хоть на мигъ да мой онъ будь!
Иль онъ вѣкъ ни чей не будетъ!

Притаясь къ груди моей,
Чьи во снѣ онъ видитъ очи?
Кто ему меня милѣй?—
Я развѣдаю въ три ночи!
Га! да, да!
Кто ему меня милѣй,
Я развѣдаю въ три ночи.

Духъ смерти.

Духъ смерти надъ моремъ незримый леталъ,
И, полный великой печали,
Онъ громко на вѣчнаго Бога ропталъ,
Ему же, въ природѣ, никто не внималъ,—
Слова его въ даль, безъ отзыва, звучали:

„Творецъ! знойной грудью надъ моремъ лежалъ я,
Все море, до дна, я хотѣлъ изсушить,
Къ нему припадая, его выпивалъ я,
Чтобъ вѣчную жажду мою утолить;
Надъ моремъ носился я бурей жестокой,
И въ брызги дробилъ я волну за волной,
Бросая ихъ злобно на берегъ высокій,
Чтобъ всѣ ихъ разбить,— всѣ разбить до одной.
И что-жь? О, Творецъ! въ лучезарномъ просторѣ,
Все такъ-же бездонно своей глубиной,
Все такъ-же шумитъ безконечное море,
Все такъ-же подъемлетъ волну за волной.

Отрывокъ изъ драмы: Ханизаро.

ДѢЙСТВІЕ I.

(Комната въ домѣ Дона-Гивероса.—Большія двери на террасу.—Видна аллея).

ВЫХОДЪ I.

Перилло и Хозе

Перилло.

За чѣмъ онъ сюда ѣдетъ?

Хозе.

Не знаю.

Перилло.

Для чего проклятый павильонъ непремѣнно нужно убирать проклятыми цвѣтами—и мучить насъ съ утра и до́ ночи.—А?

Хозе.

Не знаю.

Перилло.

Ты ничего не знаешь — а вотъ, видишь ли, мы для того и убираемъ павильонъ, чтобъ онъ пріѣхалъ—а онъ отъ того и ѣдетъ, что мы убираемъ павильонъ.

Хозе.

Какъ?

Перилло.

Ты ничего не понимаешь.—Донъ-Гиверосъ напишетъ письмо къ своему возлюбленному сыну: Сынъ мой возлюбленный! непремѣнно пріѣзжай, потому что глупый мой Хозе и мой умный Перилло—дуракъ да умный—убрали въ саду павильонъ удивительнымъ образомъ. А намъ скажетъ: Убирайте павильонъ цвѣтами да виноградными лозами, потому что ко мнѣ ѣдетъ сынъ, котораго я люблю и почитаю—а не то я прибью васъ...

Хозе.

Скажетъ? — прибьетъ, а не скажетъ, потому что давно ужь сказано... Уйдемъ-ка лучше отсюда.

Перилло.

Ты настоящій заяцъ, и рожа-то у тебя заячья. Кого ты тамъ слышишь?

Хозе.

Смѣйся, Перилло, Донъ-Гиверосъ, пожалуй, опять придетъ сюда.—Сохрани и помилуй меня Варвара мученица!...

Периллo.

Экой заяцъ!... У тебя есть огниво въ карманѣ? —Дай-ка закурить сигару. А что? развѣ ты Варварѣ мученицѣ обѣдню служишь?

Хозе.

Да, братъ, всегда Варварѣ мученицѣ.

Периллo.

Дѣло. А вотъ видишь ты эту веревку у меня на шеѣ?

Хозе.

Это обрывокъ, а не веревка.

Периллo.

Гм. обрывокъ! — за этотъ обрывокъ я и тебя убью, да и жену твою убью, да и дѣтей твоихъ перебью. Этотъ обрывокъ отъ пояса св. Фабриція. Понимаешь ли ты?

Хозе.

А!... поясъ св. Фабриція?! Позволь, братъ, мнѣ поцаловать поясъ св. Фабриція.

Периллo (съ презрѣніемъ).

Погоди, братъ, сперва ротъ вымой... Видишь ли, я вѣдь сказалъ, что идетъ Фернандо, и вышло что Фернандо идетъ. Давай, Хозе, не поклонимся.

Хозе.

Нѣтъ, братъ, какъ хочешь, я—поклонюсь.

Периллo.

Ну, такъ и я поклонюсь.—Экой заяцъ!

ВЫХОДЪ II.

Тѣ же и Фернандо.

Фернандо, (разстроенъ).

Здравствуйте.

Хозе, (униженно кланяясь).

Добрый вамъ день, Г-нъ Фернандо.

Фернандо.

Хозе, ты свободенъ нынче вечеромъ?

Хозе.

Когда-жь я свободенъ? Клянусь Варварой мученицей! я какъ волъ долженъ работать до самой полночи.

Перилло.

Мы и до самой полночи ничего не сдѣлаемъ, будь онъ и въ самомъ дѣлѣ волъ, а не заяцъ: Донъ-Гиверосъ далъ намъ такую работу, что хоть умирай, ничего не сдѣлаешь.

Фернандо.

Такъ, кто-жь перенесетъ мои пожитки?
Неужели я самъ?—Послушай, Хозе!

Хозе.

Что-жь дѣлать, Г-нъ Фернандо! не могу:
Донъ-Гиверосъ—вы сами знаете—
Не то чтобъ золъ, однако ходитъ съ палкой;
А палка у него, чертъ знаетъ что за вещь,
Проклятая, ужасно любитъ спину.

Фернандо, (тихо).

Неужели-жь...

Перилло.

Перетащите сами
Свои пожитки. Это покривитъ
Немного спину... Ну, такъ что-жь?
Бѣднякъ смѣшенъ, когда его спина
Не гнется...

Хозе, (дергая руку Перилло).

Эй, пойдемъ скорѣй, Перилло!

Перилло.

А что?

Хозе.

Ты вѣрно нагрубилъ, Перилло:
Онъ измѣнился весь—пойдемъ скорѣй!

Перилло.

Пойдемъ.

(уходятъ).

Фернандо.

Какъ будто сговорились всѣ
Меня бѣсить... Желѣзное терпѣнье

Мнѣ далъ Господь, однако и желѣзо
Огню и молоту уступитъ.

Я иду

Сегодня вечеромъ.—Прощайте навсегда,
Знакомыя аллеи и фонтаны.—
Иль мнѣ васъ жаль? иль въ самомъ дѣлѣ
Такъ тяжело разстаться съ вами? но
Мнѣ кажется, какъ будто бы мои
Глаза заплаканы, когда я знаю,
Что ни одна слеза еще не бороздила
Моихъ ланитъ увядшихъ... Какъ я блѣденъ!—
Напрасно я стараюсь эту блѣдность
Согнать съ лица... Они пожалуй вѣдь
Подумаютъ, что мнѣ и въ самомъ дѣлѣ
Жаль было покидать богатый домъ
Патрона.—Нѣтъ, я вызову улыбку
На блѣдныя уста мои; взволную,
Взволную кровь, чтобы она румянцемъ
Въ лице мнѣ бросилась; притворное
Спокойствіе я долженъ сохранить,
Иль даже встрѣчи избѣгать съ патрономъ.

Еще не знаетъ онъ, мнѣ ненавистный
Старикъ, что я хочу оставить домъ
Его... онъ думаетъ—чтобъ онъ ни думалъ,
Я не могу сносить его рѣчей,
Исполненныхъ какого-то намека,
И взглядовъ, на меня бросаемыхъ такъ косо—
Я не могу сносить...

Еще до вечера я здѣсь пробуду;
Но прежде, чѣмъ оставлю этотъ домъ,
Я долженъ передать по обѣщанью
Письмо Бенволіо влюбленной Доннѣ
Розаліи.—О, какъ-бы я хотѣлъ
Уйти и не видать Розаліи...
Но дѣлать нечего...

Она всегда проходитъ въ это время
Чрезъ эту комнату на тотъ балконъ,
Откуда въ первый разъ она его
Увидѣла, и гдѣ онъ въ первый разъ
Ее замѣтилъ... О, я постараюсь,
Чтобъ этотъ день былъ долго памятенъ
Розаліи; къ ея воспоминаньямъ
Я прикую мой образъ; постараюсь
Все тайное души ея наружу вызвать—
Пусть съ болью выскажетъ она передо мною
Все то, чего-бъ она родному брату
Не смѣла высказать... Но не она-ли
Идетъ?—

ВЫХОДЪ III.

Фернандо и Розалія.

Фернандо (дѣлаетъ шагъ назадъ)

Розалія!... вообразите—мнѣ...
Смѣшно сказать—мнѣ показалось, что
Вы духъ.

Розалія.

Вы все шалите.

Фернандо.

Нѣтъ, ей-Богу!...
Я только что сей-часъ о привидѣньяхъ думалъ,
Какъ вдругъ вы входите—я даже поблѣднѣлъ.—
Не знаю отъ чего—но съ нѣкоторыхъ поръ
Я какъ-то робокъ сталъ.

Розалія.

Напротивъ очень смѣлы.

Фернандо.

Фернандо также смѣлъ, какъ весела
Розалія—такъ чуть-ли онъ не трусъ.—

О чемъ это вы все мечтаете?

Розалія.

Кто? я?—я брата жду.

Фернандо.

Вы вѣрно очень рады
Его пріѣзду?

Розалія.

Да, я рада; и кому-жь,
Какъ не сестрѣ желать пріѣзда брата?

Фернандо.

Пріѣзда брата?—Нѣтъ, я вамъ не вѣрю.

Розалія.

Чему-же вы не вѣрите?

Фернандо.

Когда
Мы въ будущемъ, такъ близко отъ себя,
Предчувствуемъ одну лишь только радость,—
Повѣрьте мнѣ: невольно эта радость
На всѣ черты лица какой-то свѣтъ бросаетъ;—
И нѐзачѣмъ намъ въ землю потуплять
Глаза́, и медленно, неровною походкой
Блуждать, и голову держать такъ низко...
Нѣтъ, нѣтъ, Розалія! вы не о братѣ,
Не о его пріѣздѣ вы мечтали,
Когда пришли сюда съ поникшей головой.

Розалія.

О чемъ-же? Я, быть можетъ, очень рѣдко
Кажусь веселою...

Фернандо.

А знаете,
Вы на кого теперь похожи?

Розалія, (улыбаясь).

Я?
Похожа? На кого-же я похожа?

Фернандо.

На одного Бенволіо.

Розалія.

Бенволіо!
Кто онъ такой?

Фернандо.

Онъ ничего не значитъ
Для васъ; а для меня онъ много значитъ: онъ
Мой первый и послѣдній другъ.

Розалія.

Вашъ другъ?

Фернандо.

Да.

Розалія.

Стало быть—вы говорите—я
Похожа на Бенволіо? Какъ это?
Васъ трудно понимать, Фернандо.

Фернандо.

Да,
Вы мнѣ сей часъ его напомнили:
Вотъ точно такъ, съ поникшей головою,
Отъ полноты страданій тайныхъ, близкій
Къ безумію, передъ балкономъ вашимъ,
По улицѣ онъ часто ходитъ. Вы,
Я думаю, его замѣтили:
Вы любите, когда зари румянцемъ
Покроются каштановыя рощи,
Тамъ отдыхать подъ сѣнью померанцевъ;
Вы любите задумчиво слѣдить
За пестрою толпой мимоидущихъ;
Такъ можетъ быть, что вы его замѣтили—
Онъ въ русыхъ локонахъ, и епанча
Свѣтло-зеленая, на лѣвое плечо
Повиснувши, на немъ волнуется.

Розалія

(въ смущеніи смотритъ на Фернандо).

Бенволіо? Вы говорите, что
Его зовутъ Бенволіо?

Фернандо.

Ну, да,
Розалія. А развѣ вы... зачѣмъ

Вы вздрогнули? У васъ въ глазахъ
Какой огонь, какъ молнія, вдругъ вспыхнулъ!

Розалія.

Какой огонь? вы право шутите.

Фернандо.

Розалія! откуда этотъ пламень,
Который разлился по вашему лицу?...
Я не шучу—и какъ шутить любовью.

Розалія.

Любовью?

Фернандо.

Вы мнѣ давно, безъ словъ, во всемъ открылись.—
Утѣшьте-же несчастнаго Фернандо,
Скажите прямо: я его люблю,
Люблю Бенволіо! Къ чему притворство?
Притворство можетъ погубить его,
Когда молчитъ надежды тайный голосъ;
Отчаянье легко владѣетъ человѣкомъ;
А отъ *него* отчаянье такъ близко,
Что до погибели осталось два шага.
Обрадуйте его: возьмите отъ меня
Письмо, которое онъ вамъ прислалъ.—
Скорѣй: сюда придутъ; возьмите же.

Розалія.

А если
Я не возьму письма?

Фернандо, (смотритъ ей въ глаза).

Но вы должны
Его принять; вы примете его—
Я знаю.

Розалія,

(медленно идетъ къ двери, схватывается за ручку, останавливается и говоритъ тихо).

Нѣтъ, я.. не приму... письма...

Фернандо.

И будто такъ легко себѣ противорѣчить?—
Какое-жь торжество находите вы въ этомъ?

Но вы уходите.—Несчастное письмо,
Ступай назадъ, ступай къ нему обратно.—
Онъ вымоетъ слезами эти строки,
Которыя ему безумство диктовало.
И такъ Розалія, прощайте: я иду.

Розалія,
(поспѣшно возвращается и схватываетъ его за руку).

Фернандо.

Что съ вами?

Розалія, (дрожащимъ голосомъ).

Гдѣ-жь его письмо? скорѣй
Подайте мнѣ его письмо!

Фернандо.

За чѣмъ-же?
Я отнесу его къ Бенволіо;
Скажу ему: и ты, дитя, повѣрилъ
Любви?

Розалія, (тихо).

О, умоляю васъ, отдайте!
Не мучьте такъ меня, отдайте ради Бога
Его письмо!

Фернандо.

А отвѣчать вы будете?

Розалія.

Да, буду.

Фернандо, (отдавая письмо).

И непремѣнно?

Розалія, (схвативъ письмо).

Да, да, непремѣнно.
(убѣгаетъ).

Фернандо, (одинъ).

Прощай!... Она, какъ птичка, унеслась
Съ его письмомъ.—Когда-нибудь съ балкона
Она меня на улицѣ увидитъ
И вспомнитъ... Все, что можно было
Для дружбы сдѣлать, все я сдѣлалъ.
Мои дѣла здѣсь кончены. Теперь,
Бенволіо, я положилъ начало —

Самъ поступай какъ знаешь и какъ можешь.
Я вечеромъ иду отсюда, на дорогѣ,
Близь города есть Венда[1]—тамъ живетъ
Старушка, мнѣ знакомая: она
Ходила къ намъ букеты продавать,
Когда я былъ еще ребенкомъ.—Тамъ,
У ней найму я комнату.—Прощай
Розалія!...
Не знаю отъ чего
При этой дѣвушкѣ мой голосъ
Звучалъ не такъ, какъ онъ звучитъ обыкновенно.
Предчувствія и думы черныя
При ней, какъ облака отъ солнца, изчезали.
Бенволіо! еще не знаешь ты, какая доля
Завидная въ ея любви сокрыта:
Тамъ цѣлый рай!—А я, быть можетъ,
Я былъ въ ея глазахъ рабомъ ничтожнымъ
Ея отца, невольникомъ презрѣннымъ,
Который, слушая, покорствуетъ молчаньемъ,
За тѣмъ, что взятъ съ порога хижины,
Не имъ, нѣтъ, а его покойною женою,
И приведенъ сюда, и здѣсь воспитанъ.—
Невольникомъ!—Какъ будто я ему
Обязанъ!

Голосъ Донъ Гиевероса.

Эй, скажи, чтобы они
Не мѣшкали, чтобъ къ ночи непремѣнно
Былъ убранъ павильонъ.

(чрезъ сцену пробѣгаетъ слуга)

Фернандо.

Вотъ онъ проклятый,
Зловѣщій воронъ, крикъ котораго
Отъ утра до ночи по дому раздается
И превращаетъ домъ въ пустыню. Я опять
Почувствовалъ въ душѣ какой-то холодъ,
Мнѣ тяжело дышать... Онъ думаетъ,
Что я рожденъ рабомъ его, рабомъ,
У ногъ его готовымъ пресмыкаться.—

[1] Гостинница.

Всѣ мускулы мои пришли въ движенье,
Какъ будто крѣпкая желѣзная рука
Схватила за сердце, и потянула жилы.—

ВЫХОДЪ IV.

Фернандо и Донъ Гиверосъ.

Донъ Гиверосъ.

Ты здѣсь?

Фернандо

Вы видите.

Донъ Гиверосъ.

Я думалъ, что
Ты въ комнатѣ своей.

Фернандо.

Напрасно-же
Вы думали, что я хочу такъ рано
Быть затворникомъ.

Донъ Гиверосъ.

Я замѣчаю, ты
Сталъ грубъ, и говоришь со мною,
Какъ равный съ равнымъ.

Фернандо.

Стало-быть
Я говорю, какъ должно говорить.

Донъ Гиверосъ.

Ты мой кліентъ! Ты ханизаро—нищій!...

Фернандо.

Пусть ханизаро я, но мой отецъ идалго!
Мой братъ лежалъ въ одной со мною колыбели,
И мать для насъ обоихъ пѣсни пѣла
Далекой родины... Обоимъ намъ отецъ
Въ досужные часы о блескѣ нашихъ предковъ
Разсказывалъ.—И тамъ, на бранномъ полѣ,
Близь Сарагоссъ, при свистѣ пуль французскихъ,
Подъ знаменемъ, при барабанномъ боѣ,

Похороненъ мой милый братъ,
Полковникъ королевской арміи.
А я?—я также выросъ!... о, зачѣмъ
Не умеръ я въ ту жалкую минуту,
Когда ненужное привлекъ я состраданье;
Зачѣмъ мое лице не почернѣло,
Зачѣмъ глаза мои не налилися кровью,
Зачѣмъ неистовымъ я крикомъ не привелъ
Въ испугъ святую жалость, и руки,
Которая сюда меня вела,
Не оттолкнулъ?... О, да, быть можетъ,
Когда-бъ не здѣсь я погубилъ безплодно
Почти всю молодость, другая-бъ участь
Меня ждала! и я-бы, не краснѣя,
Прошелъ передъ могилой брата, или
Лежалъ-бы съ нимъ въ одной могилѣ также,
Какъ я лежалъ въ одной съ нимъ колыбели.
(закрывая лице руками).
О, горе мнѣ! благословенія
Отца и матери я на себѣ не вижу.
(къ Дону Гиверосу)
А отъ чего?!

Донъ Гиверосъ.

Ты говоришь, Фернандо,
Какъ глупый и горячій человѣкъ.

Фернандо.

Что?

Донъ Гиверосъ.

Я тебя не понялъ, что ты мнѣ
Хотѣлъ сказать. Поговоримъ о дѣлѣ.

Поговоримъ о дѣлѣ.—Ты вѣдь слышалъ:
На вѣрное ко мнѣ на дняхъ пріѣдетъ
Мой сынъ.

Фернандо.

Ну да, я это слышалъ.

Донъ Гиверосъ.

Не правда-ли—ты какъ-то съ нимъ
Былъ въ ссорѣ?

Фернандо.

Въ ссорѣ? Нѣтъ, неправда, вздоръ;
А можетъ быть, когда мы были въ школѣ,
То воевали съ нимъ съ указками въ рукахъ.

Донъ Гиверосъ.

Съ нимъ ѣдутъ два его товарища,
Два графа.

Фернандо, (насмѣшливо.

Что-жъ, пускай два графа ѣдутъ: ну,
Пусть ѣдутъ съ нимъ два графа.—
Изъ вашихъ словъ я ничего не вижу.

Донъ Гиверосъ.

Фернандо! ты... твой смѣхъ не кстати,
Я долженъ былъ тебя предупредить—
Мой сынъ...

Фернандо.

Вашъ сынъ и съ нимъ два графа
Къ вамъ ѣдутъ въ гости: вы дадите
Огромный пиръ; такъ чтобы музыка
Меня не безпокоила, вамъ хочется, чтобъ я
Подальше былъ отъ этой музыки.
Благодарю, синьоръ! Но вы-бы прямо
Сказали мнѣ; а то намеками.—
Кто-жь васъ пойметъ!

Донъ Гиверосъ.

Ты нынче очень кстати
Догадливъ.

Фернандо.

Очень кстати. Я замѣтилъ—
Вы съ вашей стороны не уступали мнѣ,
На этотъ разъ, въ догадливости. Да!
Скажи вы мнѣ: Фернандо, вонъ отсюда,
Долой отъ глазъ моихъ! или, Фернандо, знай,
Чтобы нога твоя переступить не смѣла
Порога моего!—О, я-бы васъ послушалъ,
Но...

(указывая на свой кинжалъ).

Понимаете?

Донъ Гиверосъ (про себя).

Съ нимъ страшно оставаться.
Что мнѣ сказать ему?... Фернандо,
Ты можешь здѣсь пробыть.

Фернандо.

Благодарю!
Я вечеромъ иду отсюда.

Донъ Гиверосъ.

Какъ,
Сегодня вечеромъ?

Фернандо.

Да, вечеромъ.

(хочетъ выдти, но, столкнувшись съ слугой, останавливается).

ВЫХОДЪ V.

Тѣ-же и Слуга.

Слуга.

Сеньоръ!

Донъ Гиверосъ.

Что?

Слуга.

Пріѣхалъ посланный.

Донъ Гиверосъ.

Отъ сына? Гдѣ?—Зови его скорѣй.

Слуга.

Сейчасъ.

(уходитъ).

Донъ Гиверосъ.

Что тамъ такое? Боже мой!
Не близко-ли онъ ѣдетъ! О, несносный,
Проклятый Ханизаро!

Фернандо, (тихо).

Кѣмъ я проклятъ?!
Святой заступникъ мой, святой Фернандо!
Заставь его молчать... О, если-бы...

ВЫХОДЪ VI.

Тѣ-же и Посланный.

Посланный.

Благородный сеньоръ!—смѣю спросить—вы отецъ моего господина?

Донъ Гиверосъ.

Ты посланный отъ сына моего?
Ну, что мой сынъ?—далеко-ли онъ ѣдетъ?

Посланный.

Онъ приказалъ вамъ доложить, синьоръ, что черезъ пять или шесть дней, не позже и не раньше, онъ, то есть, сынъ вашъ—Высокоблагородный Донъ Діего, явится въ Хаѣнѣ, украшенный орденомъ Каля-травы.

Донъ Гиверосъ.

Орденъ Каля-травы! О, Пресвятая Дѣва!...

Посланный.

И ему поручено заѣхать на дорогѣ въ монастырь св. Бенедикта.

Донъ Гиверосъ.

О, св. Бенедиктъ! Сохрани его!... И такъ черезъ шесть дней—ты говоришь—а можетъ быть и черезъ пять, и черезъ четыре можетъ быть.... Великолѣпный пиръ я дамъ къ его пріѣзду!... А что? На дорогѣ о разбойникахъ ничего не слыхать?

Посланный.

Есть небольшія шайки, и то въ сторонѣ, на другой дорогѣ. Шайка Короне раздѣлилась на нѣсколько шаекъ — онѣ не опасны.

Донъ Гиверосъ.

Ну, что еще? Онъ тебѣ ничего больше не приказывалъ?

Посланный.

Нѣтъ, ничего. Ахъ, да!—приказывалъ,
Но какъ-то странно мнѣ приказывалъ:
Онъ проситъ васъ, чтобъ вы велѣли
Какую-то легавую собаку
Согнать.

Донъ Гиверосъ.

Ты врешь.

Посланный.

Не вру, сеньоръ.

Донъ Гиверосъ.

Какую-же собаку?

Посланный.

Онъ сказалъ
Легавую собаку.

Слуга.

Нѣтъ у насъ
На всемъ дворѣ такихъ собакъ.

Донъ Гиверосъ.

Эге! Мой сынъ шутилъ; ну, право-же
Шутилъ.—Ты подъ веселый часъ ему
Попался. Ну, такъ какъ-же онъ сказалъ
Тебѣ объ этомъ?

Фернандо, (про себя).

О, Ангели!—я понялъ!..

Посланный.

Онъ мнѣ сказалъ: „тамъ есть у васъ собака
Легавая—она ученая, и ходитъ
На заднихъ лапахъ.—Я-бы не желалъ,
Чтобы она вертѣлась предо мною:
Не худо-бы ее и со двора
Согнать пока я не пріѣхалъ.“
Такимъ манеромъ онъ изволилъ мнѣ
Приказывать, и самъ смѣялся. Вѣрно,
Вашъ сынъ хотѣлъ со мною пошутить,
Сеньоръ?

Донъ Гиверосъ.

Ну да, ну да! Спрошу его
Что это вздумалось ему... Теперь прощай.
Ты здѣсь останешься, или обратно
Поскачешь къ сыну?

Посланный.

Ужь здѣсь позвольте,
Сеньоръ, остаться.

Донъ Гиверосъ.

Для чего-же здѣсь?
Ступай къ нему на встрѣчу: у него,
Я думаю, не много слугъ... А впрочемъ
Какъ хочешь;—все-бы лучше если-бъ ты
Туда поѣхалъ, и въ монастырѣ
Святаго Бенедикта отдалъ сыну
Мое письмо...
И такъ на пятый день—
Почемъ знать—можетъ быть и на четвертый...
Однако я спрошу, что это значитъ
Легавая собака...
(уходитъ).

Посланный, (хочетъ идти).

Фернандо, (останавливаетъ его за руку).

Постой...

Посланный.

Что вамъ угодно?

Фернандо, (прерывающимся голосомъ).

Что—здоровъ-ли
Пріятель мой?—Ты отъ него—ну, что?
Онъ не въ горячкѣ?

Посланный.

Что вы?

Фернандо.

Не въ горячкѣ?—
Такъ кланяйся-жь ему... О!.. Ну, ступай!—
Я вижу ты меня не знаешь... Я...
Ступай, ступай!
(посланный уходитъ).

Фернандо, (одинъ).

Не поняли! Благодарю. Создатель!
Вотъ до чего я дожилъ!... Хорошо-же,
Высокоблагородный Донъ Діего!...

Какъ все вокругъ меня перемѣнилось—
День потемнѣлъ... Что скоро-ли

Подземный громъ землетрясенья грянетъ?
О, скоро-ли, на черныхъ крыльяхъ, буря
Помчится, заглушая вопль,
Готовый изъ моей растерзанной груди
Наружу вырваться?

Глаза горятъ.—
Они хотятъ заплакать.—Что за слезы?
Не буду я ни женщиною слабой,
Ни слабымъ мальчикомъ!... Я знаю что
Мнѣ дѣлать!... Га! легавая собака!...
Фернандо! Оглядись—ужь человѣкъ-ли ты?...
Когда ты человѣкъ, а не животное,
Попробуй свой кинжалъ!—возьми его
Вотъ такъ! умѣешь-ли ты имъ владѣть
По человѣчески, и наносить удары,
Не промахнувшись, прямо въ сердце?
Фернандо! докажи ему, что онъ ошибся,
Такъ докажи, чтобъ онъ не ошибался
Впередъ!... Теперь я знаю, что мнѣ дѣлать—
Минута торжества близка! . . . . . .
. . . . . .

Оглавленіе.

Стр.

I. Письма кн. М. Н. Волконской изъ Сибири 1

II. Письмо И. Д. Якушкина къ Н. Н. Шереметевой 82

III. Автобіографія В. С. Печерина 94

IV. Письма Кирѣевскихъ 158

V. „Ножка“, поэма Н. М. Сатина 165

VI. Изъ литературныхъ воспоминаній Н. М. Сатина 195

VII. Разсказы М. С. Щепкина 205

VIII. Записка Н. М. Орлова 210

IX. Записка Е. П. Фроловой 218

X. Дневникъ и письма Н. А. Герценъ 232

Дневникъ 233

Письма 239

XI. Вильямъ Фрей 276

Дополненіе къ первому письму Л. Н. Толстому 279

Третье письмо къ Л. Н. Толстому 294

Письма къ русскимъ друзьямъ 342

XII. Приложеніе: Забытыя стихотворенія Я. П. Полонскаго . . 365

1. Портретъ В. С. Печерина въ старости (съ фотографіи) . . . . . 96—97
2. Портретъ Н. М. Сатина (съ фотографіи) . . . . 204—205
3. Факсимиле кн. М. Н. Волконской (см. стр. 41) . 40—41
4. Факсимиле Н. А. Герценъ и А. И. Герцена (см. стр. 248-9 и 251) . . . . . 248—249